

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
«КАЛМЫЦКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

На правах рукописи

Белоусов Сергей Степанович

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА
В СЕВЕРНОМ ПРИКАСПИИ В XVIII – НАЧАЛЕ XX вв.**

Специальность 5.6.1. Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Научный консультант:
доктор исторических наук, профессор
Максимов Константин Николаевич

Элиста – 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ	32
1.1. Историография вопроса.....	32
1.2. Источники	57
ГЛАВА 2. ФОРМИРОВАНИЕ ОСНОВ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В РЕГИОНЕ	69
2.1. Первые организованные переселения. 1708–1762 гг.	69
2.2. Переход к политике массовых организованных переселений. 1763–1799-е гг.	101
ГЛАВА 3. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА, КАК ИНСТРУМЕНТ ОСВОЕНИЯ КРАЯ И СОЗДАНИЯ НОВОГО ОБЩЕСТВА. 1800–1875 гг.	150
3.1. Освоение свободного казенного земельного фонда.....	150
3.2. Особенности переселенческой политики на землях кочевников.....	197
ГЛАВА 4. ИЗМЕНЕНИЯ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX– НАЧАЛЕ XX в.	267
4.1. Переселенческое движение на территорию Северного Прикаспия в последней четверти XIX – начале XX в.	267
4.2. Придание самовольным рыбацким поселкам правового статуса и их административно-земельное устройство	325
4.3. Государственная политика в отношении вынужденных переселенцев в годы Первой мировой войны.....	352
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	383
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	398

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Расположенный на границе Европы с Азией Северный Прикаспий является своеобразным мостом между двумя географическими частями света. Северный Прикаспий имеет свои особенности исторического развития, обусловленные его природными свойствами, социальным и национальным составом населения. После вхождения Северного Прикаспия в состав Российского государства в его истории открылась новая страница. В течение сравнительно небольшого периода времени (вторая половина XVI – начало XX вв.) кардинально изменился этнокультурный и социально-экономический облик региона, ведущую роль в этом сыграло российское государство, определявшее на протяжении указанного периода основные направления развития местного социума.

Большие перемены в истории Северного Прикаспия произошли в XVIII – начале XX вв., в имперский период истории Российского государства. В это время сформировались основы этнической, конфессиональной и сословной структур населения, определившие последующее социокультурное развитие региона. В данном процессе активно участвовало государство, которое использовало для достижения своих целей все имеющиеся в его распоряжении рычаги воздействия на ситуацию, в том числе переселенческую политику. Российским руководством были выработаны определённые принципы и методы переселенческой политики, которые впоследствии были скорректированы и усовершенствованы. Изучение накопленного государством богатого опыта проведения переселенческой политики представляет большой интерес, потому что она сильно повлияла на различные сферы жизни местного населения, а также позволяет глубже понять сущность и логику внутренней политики государственной власти в одном из важных для страны в геополитическом отношении приграничном регионе.

Актуальность предлагаемому исследованию истории организации и регулирования государством миграционных процессов также придает обострившийся в последние годы мировой миграционный кризис, который не обошёл и Россию. В России имеет место рост тенденции усиления миграционных процессов, которые всё больше оказывают влияние на политику государства, демографическую и социально-экономическую, религиозную и культурную ситуацию в стране. Миграции по существу являются вызовом безопасности России и потому требуют со стороны государства и общества внимательного отношения и выработки действенной миграционной политики, в этом плане изучение исторического опыта переселенческой политики будет полезным.

Актуальность исследования видится также и в том, что в Северном Прикаспии переселенческая политика служила важным инструментом инкорпорации кочевых обществ в российское социокультурное пространство и модернизации всех сфер их жизни. Главной целью переселенческой политики на территориях кочевников являлась их инкорпорация через модернизацию.

Изучение данной темы позволит углубить наши знания по истории государственной миграционной политики на приграничных территориях Российской империи и дать новые материалы для теоретических разработок проблем миграции.

Степень изученности проблемы. В историографии государственной переселенческой политики в имперский период в Северном Прикаспии выделяются три периода: дореволюционный (XVIII – начало XX вв.), советский (1920-е – начало 1990-х гг.), современный (конец XX – начало XXI вв.).

В дореволюционной историографии отсутствуют специальные исследования, посвященные переселенческой политике в Северном Прикаспии в имперскую эпоху. Данная тематика, тем не менее, в той или иной степени затрагивалась в работах по истории отдельных сословий: В. В. Скворцова¹, А. В. Бородина², И. А.

¹ Скворцов В. В. Историко-статистический очерк Астраханского казачьего войска. Саратов: Тип. П. С. Феокритова, 1890. 415 с.

² Бородин А. В. Россия. Астраханский край. Человек с историко-колониционной точки зрения. Пг.: 1923. Т. 12. 11 с.

Бирюкова³, территорий Северного Прикаспия — В. Н. Витевского⁴, Я. Альбрандта⁵, И. С. Иванова⁶, М. Я. Киттара⁷, и поселений — В. Е. Фосса⁸, П. Боброва⁹, Ф. Колпикова¹⁰, А. Летницкого¹¹, В. Дремкова¹², А. Граникова¹³, Д. Фаворского¹⁴, М. Русанова¹⁵, В. И. Кряжимского¹⁶, И. Покасова¹⁷, в трудах по изучению природных, социально-экономических и людских ресурсов региона: Н. Я. Озерецковского¹⁸, И. В. Ровинского¹⁹, М. Рыбушкина²⁰, И. И. Михайлова²¹, и

³ *Бирюков И. А.* История Астраханского казачьего войска. Саратов: Тип. П. С. Феокритова, 1911. Ч. 1. 745 с.; *Бирюков И. А.* Астраханские казаки: Исторические очерки и рассказы. Географические, экономические и служебные сведения о войске. Астрахань: [б. и.], 1904. 228 с.

⁴ *Витевский В. Н. И. И.* Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Казань: Типо-Литография В. М. Ключникова, 1890. Вып. 2. 368 с.

⁵ *Альбрандт Я.* Букеевская Киргизская орда // Букеевской Орде 200 лет. / науч. ред. М. Кулькенов. Алматы: Олк, 2001. Кн. 4. С. 17–45.

⁶ *Иванов И. С.* Внутренняя Киргизская Орда // Букеевской Орде 200 лет. / науч. ред. М. Кулькенов. Алматы: Олке, 2001. Кн. 2. С. 140–231.

⁷ *Киттара М. Я.* Ставка хана Внутренней Киргизской орды // Букеевской Орде 200 лет. / науч. ред. М. Кулькенов. Алматы: Олке, 2001. Кн. 3. С. 5–38.

⁸ *Фосс В. Е.* Очерки Гурьева городка // Сборник статистических, исторических и археологических сведений по бывшей Оренбургской и нынешней Уфимской губерниям, собранных и разработанных в течении 1867 и 1868 гг. Уфа: Уфимский губернский статистический комитет, 1868. С. 89–110.

⁹ *Бобров П.* Приходская летопись села Пришиба, Царевского уезда, составленная в 1874 году. Труды Астраханского губернского статистического комитета. Астрахань: Губернская типография, 1875. Вып. 4. С. 1–25.

¹⁰ *Колпиков Ф.* Краткая летопись Николаевской церкви села Разночинского, Красноярского уезда // Астраханские епархиальные ведомости. 1886. № 11–12. С. 402–380; Краткая летопись Хошеутовского прихода, Енотаевского уезда // Астраханские епархиальные ведомости. 1881. № 41. С. 652–656.

¹¹ *Летницкий А.* Село Солодушино (Царевского уезда, Астраханской губернии) // Астраханские епархиальные ведомости. 1890. № 5. С. 165–170.

¹² *Дремков В.* Джамбай (статистико-географический очерк Никольской волости, Красноярского уезда, Астраханской губернии) // Отчет Петровского общества исследователей Астраханского края за 1895 год. Астрахань, 1897. С. 81–102.

¹³ *Граников А.* Слобода Рахинка, Царевского уезда, Астраханской епархии // Астраханские епархиальные ведомости. 1901. № 3. С. 123–126.

¹⁴ *Фаворский Д.* Освещение Николаевской церкви и здания церковно-приходской школы 8 мая 1902 г. на «Трёхбратинской косе» в Красноярском уезде Астраханской губернии // Астраханские епархиальные ведомости. 1902. № 12. С. 490 – 498.

¹⁵ *Русанов М.* Михайловские субботники // Астраханские епархиальные ведомости. 1903. № 13. С. 653–663.

¹⁶ *Кряжимский В. И.* Село Кресты Астраханской губернии // Астраханские епархиальные ведомости. 1906. № 2. С. 79–85.

¹⁷ *Покасов И.* Бирючья Коса, Астраханского уезда (историко-статистический очерк села) // Астраханские епархиальные ведомости. 1911. № 17. С. 652–661; *Покасов И.* Поселок Оля (прихода с. Бирючьей Косы, Астраханского уезда) // Астраханские епархиальные ведомости. 1909. № 18. С. 586–591; *Покасов И.* Село Аксай (Астраханской губернии, Черноярского уезда) // Астраханские епархиальные ведомости. 1903. № 18. С. 931–936; *Покасов И.* Село Плодовитое Черноярского уезда Астраханской епархии. Историко-статистический очерк // Астраханские епархиальные ведомости. 1904. № 18. С. 770–775.

¹⁸ *Озерецковский Н. Я.* Описание Колы и Астрахани. СПб.: Изд-е Императорской академии наук, 1804. 131 с.

¹⁹ *Ровинский И. В.* Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний по гражданскому и естественному их состоянию; в отношении к земледелию, промышленности и домоводству. СПб.: Императорская типография, 1809. 551 с.

²⁰ *Рыбушкин М.* Записки об Астрахани. М.: Тип. Селивановского, 1841. 220 с.

²¹ *Михайлов И. И.* Хозяйственно-статистические очерки Астраханской губернии. СПб.: Тип. Мин-ва гос. имуществ, 1851. 176 с.

народов — П. Небольсина²², А. Н. Харузина²³, в книгах учёных и путешественников: П. С. Палласа²⁴, С. Г. Гмелина²⁵, Я. Потоцкого²⁶, К. М. Бэра²⁷ Авторами их чаще всего являлись государственные служащие, путешественники, священнослужители, но среди них почти не было профессиональных историков. Приводимые ими материалы по переселенческой политике чаще всего фрагментарны, носят описательный характер и не содержат глубокого научного анализа. Главную их ценность составляют содержащиеся в них некоторые отдельные малоизвестные и неизвестные факты по переселенческой политике.

Начало советского периода в отечественной историографии ознаменовалось выходом двух обстоятельных публикаций профессоров П. Г. Любомирова²⁸ и Н. Н. Пальмова²⁹, посвященных непосредственно переселениям. Они были профессиональными историками и воспитаны на традициях дореволюционной русской историографии, представители которой большое внимание уделяли работе с источниками, поэтому до настоящего времени их труды остаются одними из лучших в историографии государственной переселенческой политике в Северном Прикаспии.

П. Г. Любомиров проследил процесс заселения Астраханской губернии на протяжении всего XVIII в. и показал роль в нем различных сословных групп и государственной власти. Он первым из исследователей обратил внимание на особенности заселения губернии и выделил в XVIII в. два периода в переселенческом движении. Своим исследованием Любомиров охватил территорию Астраханской губернии в современных тогда ее границах, вне зоны его

²² Небольсин П. Очерки Волжского Низовья. СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1852. 199 с.

²³ Харузин А. Н. Степные очерки (Киргизская Букеевская орда. Странички из записной книжки). М.: Тип. А. А. Левенсон, 1888. 182 с.

²⁴ Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб.: Императорская академия наук, 1773. Ч. 1. 657 с.

²⁵ Гмелин С. Г. Путешествие по России для исследования трёх царств природы. СПб.: Императорская академия наук, 1777. Ч. 2. 361 с.

²⁶ Астраханский сборник, издаваемый Петровским обществом исследователей Астраханского края. Астрахань: Типография Н. С. Рослякова, 1896. Вып. 1. 335 с.

²⁷ Каспийская экспедиция К. М. Бэра 1853–1857 гг.: Дневники и материалы / сост. Т. А. Лукина. Л.: Наука, 1984. Т. 9. 557 с.

²⁸ Любомиров П. Г. О заселении Астраханской губернии в XVIII веке. Астрахань: Издание Астраханского Губплана, 1926. 24 с.

²⁹ Пальмов Н. Н. Обоседление калмыков и русская иммиграция в Калмыцкую степь // Калмыцкая область. 1925. № 2. С. 125–145; № 3. С. 70–108.

внимания остались территории, входившие в губернию в XVIII в. (Калмыкия, Внутренняя киргизская орда, правый берег р. Яика и др.).

Профессор Н. Н. Пальмов основное внимание сосредоточил на переселенческой политике российского правительства на калмыцких землях с конца 1840-х до середины 1870-х гг. Историк рассматривал государственную переселенческую политику в неразрывной связи с попытками осуществить перевод калмыков на оседлый образ жизни, однако её главной целью он считал всё же разрешение вопроса крестьянского малоземелья центральных губерний.

В 1920-х гг. А. В. Бородин предпринял попытку дать беглый обзор переселений в Астраханскую губернию с момента вхождения её территорий в состав России до конца XIX в. Содержащиеся в брошюре сведения очень краткие и не несут новизны, однако заслуживают внимания выводы А. В. Бородина о том, что русская колонизация носила в значительной мере административный характер и что миграции шли не только из Европы, но также из Азии³⁰.

В 1930-е гг. учёные не проявляли интереса к истории миграций в Северный Прикаспий, что, по-видимому, в немалой степени было связано с завершением обсуждения проектов об административно-территориальных преобразованиях в регионе и перевода калмыков на оседлый образ жизни. В историографии окончательно утвердился марксистско-ленинский, классовый, формационный подход к изучению истории, по которому государственная политика самодержавия, в том числе переселенческая, рассматривалась как классовая и антинародная, а в национальных субъектах, ещё и как колониальная.

Возникшая в исследовании пауза была прервана историком Н. М. Васькиным, выпустившим в 1973 г. брошюру «Заселение Астраханского края»³¹. Объектом его исследования стала история заселения Астраханской области в дореволюционный период в современных тогда её границах. Автор кратко рассмотрел государственные, помещичьи и казачьи переселения, опираясь на материалы из работ предшественников и архивов.

³⁰ Бородин А. В. Россия. Астраханский край. Человек с историко-колониационной точки зрения. Пг., 1923. Т. 12. 11 с.

³¹ Васькин Н. М. Заселение Астраханского края. Волгоград: Нижне-Волжск. кн. изд-во, 1973. 47 с.

Основную роль в освоении Астраханской губернии, по его мнению, сыграла вольнонародная колонизация, незначительные итоги помещичьей колонизации он напрямую увязывал с кризисом феодально-крепостнической системы, более успешными он признавал государственные переселения.

Историк полагал, что в XIX в. государственная колонизация, по сравнению с предшествующим столетием, приняла несколько иной характер. Если раньше места под поселения выбирали сами переселенцы, то в XIX в. ей на смену пришла другая практика, когда власти стали определять места жительства на трактах.

История крестьянских миграций нашла отражение в статье А. И. Карагодина, хотя она посвящена экономическому освоению крестьянами Астраханской губернии в первой половине XIX в. В ней автор приводит статистику из архивных дел по переселениям государственных крестьян в первой половине XIX в. Он отмечал, что организованные государством переселения шли медленными темпами и что решающую роль в заселении губернии сыграли «народные переселенцы». Крестьянское заселение низовьев Волги он оценивал, как «глубоко прогрессивный факт», так как оно содействовало быстрейшему подъёму производительных сил, превращению края из малонаселенной пустыющей местности в край развитого рыболовства, скотоводства, а на севере губернии — и земледелия³².

Карагодин первым в отечественной историографии подверг сомнению концепцию Г. З. Минкина о колониальном статусе Калмыкии. В диссертации на соискании степени доктора исторических наук в 1988 г. он выразил мнение о том, что термин «колония» не применим в отношении к Калмыкии и в защиту своей позиции привел ряд аргументов³³.

Высказанное Карагодиным мнение о неколониальном статусе Калмыкии было новым в советской историографии, поскольку, начиная с 1930-х гг., историки внутренней политики российского руководства в Калмыкии, в т. ч.

³² Карагодин А. И. Крестьянское освоение Астраханского края в первой половине XIX века // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Сборник IX. М.: Наука, 1980. С. 131–148.

³³ Карагодин А. И. Хозяйство и общественно-политический строй приволжских калмыков в последней трети XVIII – первой половине XIX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Запорожье, 1988. 47 с.

переселенческой, в методологическом плане опирались на концепцию Г. З. Минкина.

В 1989 г. вышла совместная монография Л. С. Бурчиновой и А. Н. Команджаева «От феодализма к капитализму», где была рассмотрена эволюция традиционных и развитие новых отраслей Калмыкии конце XIX – начале XX в. Авторы, разделяя концепцию Минкина о Калмыкии как о колонии «чистейшего типа», в тоже время отметили, что в конце XIX в. в результате предшествующего роста переселенческого населения и повышения его удельного веса в экономике Калмыкии произошло сглаживание некоторых черт, присущих колонии «в чистом виде», а именно: несколько сузилась сфера национально-колониального угнетения³⁴.

Из работ, написанных незадолго до крушения советской власти, необходимо отметить статью историка И. В. Борисенко: «Русско-украинская переселенческая деревня Калмыцкой степи: пути возникновения и развития»³⁵. В ней автор отошёл от идеологических схем и штампов и сконцентрировал внимание на изложении фактического материала. И. В. Борисенко рассмотрел пути формирования переселенческого населения Калмыкии, начиная с конца 1840-х гг. до начала XX в., отметив их разнообразие.

На концепции «колонии» советскими историками изучалась история Внутренней Киргизской орды. Поскольку переселения в неё носили торгово-промысловый характер, то переселенческое движение рассматривалось в качестве инструмента сознательно проводившейся российским правительством политики по колониальному закабалению казахского народа и попыткой российской буржуазии утвердить своё господство на землях кочевников с целью превращения их в свой сырьевой придаток. Советскими исследователями была проведена большая работа по изучению истории переселенческого движения в Казахстан и в его отдельные

³⁴ Бурчинова Л. С., Команджаев А. Н. От феодализма к капитализму. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1989. 136 с.

³⁵ Борисенко И. В. Русско-украинская переселенческая деревня Калмыцкой степи: Пути возникновения и развития (середина XIX в. – 1917 г.) // Социально-экономическое и политическое положение крестьянства Калмыкии в дореволюционный период. Сб. ст. / отв. ред. И. В. Борисенко. Элиста, 1989. С. 63–89.

регионы, однако по Внутренней Киргизской орде и Уральской области специальных работ написано так и не было.

В постсоветский период отпала необходимость следовать единой методологии в исторических исследованиях, поэтому историки начали постепенно отходить от идеологизированных и однобоких штампов, схем и клише.

Другая сторона перемен заключалась в том, что если в 1930–1980-е гг. данная тема не являлась объектом специального изучения, а разрабатывалась в рамках общей миграционной тематики или затрагивалась в той или иной степени в работах, тематически не связанных с ней непосредственно, то в постсоветские годы появились исследования, целиком ориентированные на изучение государственной переселенческой политики.

В рассматриваемое время значительно возрос интерес к переселенческой тематике, что в большой степени было связано с распадом СССР и возникшими в связи с этим в мире огромными проблемами. Вопросы переселенческой политики в России подробно изучались и анализировались М. К. Чуркиным³⁶, Е. В. Поповым³⁷, А. Д. Дюсюповым³⁸, К. И. Зубковым³⁹, Ю. Н. Смирновым⁴⁰, А. М. Эткиндо⁴¹ и др. Некоторые их выводы по переселенческой тематике представляют интерес.

³⁶ Чуркин М. К. Колонизационный процесс в России: Сценарии модернизации империи в условиях освоения окраин // Государство и общество в условиях модернизации. Омск: Полиграфический центр КАН, 2015. С. 7–25.

³⁷ Попов Е. В. Характеристика переселенческой политики в Российской империи в 60–80-е гг. XIX в. в контексте дискурса имперских экспертов // *Via in tempore. История. Политология.* 2021. Т. 48. № 2. С. 394–404.

³⁸ Дюсюпов А. Д. Правовое регулирование переселенческой политики в России во второй половине XIX – начале XX в.: к истории вопроса // *Право и государство: Теория и практика.* 2020. № 5 (185). С. 49–53.

³⁹ Зубков К. И. Колонизационный тренд в истории имперской России: Динамика «вызовов и ответов» // *История и современное мировоззрение.* 2019. № 4. С. 32–40.

⁴⁰ Смирнов Ю. Н. Экспансия и колонизация в Российской империи: от традиции к модерну // *Внешиеполитические интересы России: История и современность. Сборник материалов IV Поволжского научного конгресса 28 апреля 2017.* Самара: Самарская гуманитарная академия, 2017. С. 223–231.

⁴¹ Эткиндо А. М. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 448 с.

В 1990–2010-е гг. историками И. В. Горопицыным⁴², А. М. Пономаревым⁴³, С. С. Белоусовым⁴⁴ были написаны статьи по истории разработки и реализации государственных переселенческих проектов в XVIII – XIX вв.

Новым явлением в эти годы стал выход публикаций по участию отдельных национальных, сословных и профессиональных групп населения в переселенческих мероприятиях государства, и в целом их роли в заселении Северного Прикаспия. В рассматриваемый период внимание исследователей также привлекала политика властей в отношении самовольных переселенцев.

В постсоветские годы началось изучение политики властей в отношении вынужденных переселенцев в Астраханской губернии в годы Первой мировой войны. В рамках данной проблемы историки приступили к изучению беженцев отдельных этнических групп. По данной теме вышли публикации А.Н. Алиевой⁴⁵, Е. Г. Тимофеевой и С.В. Лебедева⁴⁶, которые посвящены в основном анализу деятельности государственных и общественных организаций по приему, размещению и обустройству вынужденных переселенцев. В рамках данной проблемы историки приступили к изучению беженцев отдельных этнических групп⁴⁷ (Плюцинский, Белоусов).

⁴² *Горопицын И. В.* Роль В. Н. Татищева в колонизации юго-восточных окраин России // Исторические судьбы России в научном наследии В. Н. Татищева. Материалы международной конференции (Астрахань. 14–16 октября 2004 г.). Астрахань: Астраханский университет, 2004. С. 37–45; *Пономарёв А. М.* Проекты поселения казаков по границе Астраханской губернии в середине XVIII века (основание крепостей, форпостов, поселений) // Астраханские краеведческие чтения: Сборник статей. Астрахань: Сорокин Роман Васильевич, 2017. Вып. IX. С. 105–113.

⁴³ *Пономарёв А. М.* Проекты поселения казаков по границе Астраханской губернии в середине XVIII века (основание крепостей, форпостов, поселений) // Астраханские краеведческие чтения: Сборник статей. Астрахань: Сорокин Роман Васильевич, 2017. Вып. IX. С. 105–113.

⁴⁴ *Белоусов С. С.* К истории разработки программы заселения дорог на калмыцких землях – первой государственной программы социально-экономических преобразований в Калмыкии // Вестник КИГИ РАН. Элиста: Джангар, 2002. С. 120–133; Разработка программы заселения территорий вдоль дорог на калмыцких землях // Россия сельская. XIX – начало XX века. / отв. ред. А. П. Корелин. М.: РОССПЭН, 2004. С. 68–82.

⁴⁵ *Алиева А. Н.* Участие Астраханского земства в оказании помощи беженцам в 1915–1918 гг. // Астраханские краеведческие чтения: сборник статей. Астрахань: Издатель Сорокин Роман Васильевич, 2011. Вып. III. С. 228–238; Деятельность Астраханского городского комитета по устройству беженцев в годы Первой мировой войны (по материалам собрания Астраханского музея-заповедника) // Всероссийская научная конференция, посвященная 175-летию Астраханского музея-заповедника: сборник статей. Астрахань: Издатель Сорокин Роман Васильевич, 2012. С. 130–132; Деятельность Селитренского местного комитета по оказанию помощи беженцам (1915–1917) // Астраханские краеведческие чтения: сборник статей. Астрахань: Издатель Сорокин Роман Васильевич, 2015. Вып. VII. С. 193–198.

⁴⁶ *Тимофеева Е. Г., Лебедев С. В.* Беженцы Великой войны в Астраханской губернии. 1915–1917 гг. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2014. № 4. С. 288–295.

⁴⁷ *Плюцинский С. С.* Переселенные немцы на территории Астраханской губернии в годы Первой мировой войны (1914–1918) // История и современная регионалистика Верхнего Дона и Нижнего Поволжья. Сборник научных статей по материалам научной конференции «Историческое и этнокультурное развитие Нижнего Поволжья» (г. Волгоград, 10–11 сентября 2004 г.). Волгоград: Волгоградск. науч. изд-во, 2005. С. 218–231; *Белоусов С. С.*

Переселенческая проблематика получила развитие в трудах учёных Калмыкии. Она, в частности, нашла своё отражение в трёхтомном обобщающем труде «История Калмыкии с древнейших времён до наших дней», в первом томе которого Белоусовым анализируется история переселений в Калмыкию на протяжении второй половины XVIII – XIX в⁴⁸. Определённое внимание переселениям уделено и в обобщающем труде по истории Астраханской области⁴⁹, изданном Астраханским государственным педагогическим университетом в 2000 г.

Государственная переселенческая политика в предшествующий уход калмыков в Джунгарию период и степень её влияния на откочевку стала предметом научного спора в калмыковедении. В отечественной историографии утвердилось мнение о том, что одной из главных причин откочевки калмыков в 1771 г. послужил земельный вопрос, возникший в результате массовой колонизации калмыцких земель оседлым населением. Данную проблему подробно в своей монографии «Последнее великое кочевье: Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII–XVIII веках» рассмотрел историк В. И. Колесник. Основываясь на статистических сведениях и выводах авторитетных ученых в области исторической демографии Я. Е. Водарского и В. М. Кабузана, В. И. Колесник утверждает, что в 1700–1760-е гг. колонизация оседлым населением земель в Нижнем Поволжье, в Предкавказье и на р. Яике, на которых кочевали калмыки, была незначительной и не могла привести к подрыву основ калмыцкого скотоводческого хозяйства и вызвать откочевку⁵⁰.

В зарубежной историографии государственная переселенческая политика на территории Северного Прикаспия не изучалась, но она упоминалась в работах французского учёного М. Курана и английского исследователя М. Ходарковского как одна из главных причин, вызвавшая откочевку калмыков в Джунгарию в 1771 г.

Славянские вынужденные переселенцы в Астраханской губернии в годы Первой мировой войны: проблема жизнеобеспечения и адаптации // Славяноведение. 2021. № 1. С. 94–104.

⁴⁸ История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. Элиста: Герел, 2009. Т. 1. 848 с.

⁴⁹ История Астраханского края / под. общ. ред. И. М. Ушакова. Астрахань: Изд-во Астраханского государственного педагогического университета, 2000. 1122 с.

⁵⁰ Колесник В. И. Последнее великое кочевье: Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII–XVIII веках. М.: Вост. лит., 2003. 286 с.

М. Куран считал, что начавшаяся в XVIII в. экспансия российского государства в южном направлении, которая сопровождалась возведением укрепленных линий и крепостей, созданием немецких колоний, привела к сужению кочевий калмыков и побудила их принять решение об уходе из России⁵¹. Его взгляды в целом разделяет современный исследователь М. Ходорковский указывающий в качестве главных причин откочевки колонизацию и использование российским государством военной силы калмыков⁵².

Обзор историографии имперской переселенческой политики на территории Северного Прикаспия свидетельствует о том, что эта тема затрагивалась в работах многих исследователей, однако она изучалась в рамках отдельных территорий, хронологических периодов и в различных аспектах.

Отсутствие обобщающего исследования не даёт возможности проследить эволюцию переселенческой политики государства в целом в регионе, выявить как её общие черты, так и особенности проведения в отдельных административно-территориальных единицах.

Основная часть источников по переселенческой политике в имперский период в Северном Прикаспии находится в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), Российском государственном историческом архиве (РГИА), Государственном архиве Астраханской области (ГА АО), Национальном архиве Республики Калмыкия (НА РК). Наиболее информативными и многочисленными из них являются делопроизводственные документы, из числа которых в основном были использованы законодательные источники, директивная и делопроизводственная документация, статистические источники.

Среди опубликованных источников наибольшее значение для изучения нашей темы имеет многотомное издание историко-юридических памятников России — Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Оно содержит разнообразный законодательный материал: именные указы, высочайшие

⁵¹ *Courant M. L. Asie Centrale aux XVII-e et XVIII-e sifecles: Empire Kalmouk ou Empire Mantchou?* Lion-Paris: A. Picard, 1912. 152 p.

⁵² *Khodarkovsky M. Where Two Worlds Met: The Russian State and Kalmyk Nomad 1600–1771.* Ythaka, N.Y.: Cornell University Press, 1992. 278 p.; *Khodarkovsky M. Russian Steppe Frontier. The Making of a Russian Empire. 1500–1800.* Bloomington, 2002.

повеления, манифесты, рескрипты, положения, уложения, уставы, высочайше утвержденные «журналы» Комитета министров и Совета министров, мнения Государственного совета, положения Военного совета, законы. В них имеется информация о правилах и порядке организации переселений, о мерах по отношению к самовольным переселенцам, о численности и социальной принадлежности переселенцев, о целях переселенческой политики и по другим вопросам переселенческого дела как в целом по стране, так и по регионам, в т. ч. по Северному Прикаспию.

Материалы ПСЗ РИ представляют большую ценность для исследователя ещё потому, что во многих из них помимо содержащегося в них законодательного материала часто подробно излагается история вопроса, позволяющая ознакомиться с мнениями правительства, центральных ведомств и местной администрации относительно общегосударственной и региональной переселенческой политики.

Для исследователя большую ценность представляет делопроизводственная документация. Её изучение даёт возможность разобраться с механизмом реализации принятых решений, их итогами и последствиями. Делопроизводственные материалы по характеру подразделяются на документы, определяющие задачи, компетенции, порядок деятельности учреждений (инструкции, уставы и различного рода нормативные акты), документы, освещающие процесс выработки, обсуждения и принятия решений об основных направлениях деятельности государственных структур, отвечающих или причастных к переселенческому делу (планы работ, проекты постановлений, протоколы, стенограммы), документы, раскрывающие ход исполнения принятых решений (докладные записки, справки, информации), переписку различных учреждений между собой и гражданами (письма, обращения, прошения, отношения), материалы, посвященные итогам деятельности учреждения или органа за определенный промежуток (отчеты, справки).

Часть делопроизводственных материалов опубликована в сборниках документов. В 1990 г. в СССР в серии «Научное наследие» (том 14) были изданы записки и письма выдающегося государственного деятеля и учёного

В. Н. Татищева, который в 1730–1740-е гг. возглавлял Оренбургскую комиссию и Астраханскую губернию. Татищев много сделал для активизации государственной переселенческой политики в Северном Прикаспии, и данная сфера его деятельности отражена в документальном сборнике «Научное наследство»⁵³.

Среди архивных публикаций в постсоветское время отметим сборник документов «История Букеевского ханства», подготовленный казахскими историками в 2002 г. Авторы собрали многочисленный архивный материал по истории ханства, в числе которого есть документы об обстоятельствах переселения казахов в волго-уральские степи, о возникновении первых поселков, о миграциях торгово-ремесленного населения и об отношении к ним хана Джангира, его подвластных и российского правительства⁵⁴.

В процессе работы над диссертацией автор использовал материалы статистики, которые небезосновательно относят к сложным и противоречивым видам источников. Им изучены публикации Центрального статистического комитета России и его губернских (Астраханской) и областных (Уральская) комитетов, опубликованных во второй половине XIX – начале XX вв.: списки населенных мест, ежегодные памятные книжки и обзоры, статистические сборники по Астраханской губернии и Уральской области. В них содержатся сведения о численности населения и количестве населенных пунктов, административно-территориальном устройстве и землепользовании, экономике.

Особую ценность представляют материалы Первой Всеобщей переписи населения 1897 г. по Астраханской губернии и Уральской области, в которых присутствуют не только сведения о численности населения, их национальном, половозрастном, конфессиональном и сословном составе, но и данные о местах рождения жителей, что позволяет установить удельный вес пришлого населения и его географию мест выхода.

⁵³ Василий Никитич Татищев (1686–1750). Записки. Письма. 1717–1750 гг. / отв. ред. А. И. Юхт. М.: Наука, 1990. 440 с.

⁵⁴ История Букеевского ханства. 1801–1852 гг. Сборник документов и материалов / сост. Б. Т. Жанаев, В. А. Иночкин, С. Х. Сагнаева. Алматы: Дайк – Пресс, 2002. 1120 с.

По истории переселенческой политики в православных миссионерских станах Калмыцкой степи представляют интерес ежегодные отчеты (1880-е – 1910-е гг.) Астраханского православного епархиального миссионерского общества. В них отражено отношение светских и духовных властей к переселенцам миссионерских станом, показаны взаимоотношения переселенцев и крещеных калмыков и роль переселенцев в создании и укреплении станом, описана ситуация в деле христианизации за отчетный год.

Для исследователя истории переселенческой политики представляет интерес также другой вид источников — периодическая печать. Она содержит разнообразную по форме и содержанию информацию: официальные документы, письма статьи, очерки, хронику событий, репортажи, интервью, объявления. К данному виду источников необходимо относиться осторожно, ибо многие публикации периодической печати носят идеологический и агитационно-пропагандистский характер, а некоторые содержат непроверенные материалы. В исследовании в основном использована информация периодические издания: «Астраханские епархиальные ведомости», «Астраханские губернские ведомости», «Астраханский справочный листок» и «Астраханский вестник».

Знакомство с опубликованными и неопубликованными источниками свидетельствует об их многочисленности и разнообразии, позволяющем успешно справиться с поставленными в диссертации задачами.

Объектом исследования является государственная политика России в имперский период.

Предметом исследования является переселенческая государственная политика в Северном Прикаспии в XVIII – начале XX вв.

Хронологические рамки исследования охватывают период от начала XVIII в. до октябрьского государственного переворота 1917 г., т. е. фактически весь имперский период истории. Исследование в данных хронологических пределах позволяет изучить объект от его зарождения до конца, что придает работе цельность и завершенность, а также делает возможным проследить эволюцию переселенческой политики, т. е. показать её в динамике.

Отправной хронологической точкой является губернская реформа 1708 г., положившая начало глубоким преобразованиям в системе административно-территориального деления и управления на местах. Следствием её проведения стало образование в 1717 г. Астраханской губернии, объединившей в своем составе обширные территории Нижнего Поволжья и Северного Прикаспия. Создание новой губернии привело к серьёзным переменам в политике России на приграничной территории юго-востока, поставив её переселенческое направление в качестве одного из приоритетных. В это же время в России произошло ещё одно важное событие, определившие её развитие на многие годы вперед – в 1721 г. российское государство и общество вступило в имперский период своей истории. Это обстоятельство повлекло качественные изменения во всех сферах российского общества и не могло не отразиться на переселенческой политике, которая в новой административно-территориальной единице приобрела имперские черты и таковой оставалась до падения империи.

В исследование затрагиваются события, предшествующие официальному объявлению России империей, что связано с их большим влиянием на последующую историю и установление новой модели общества. К ним, безусловно необходимо отнести губернскую реформу 1708 г., подавление восстания стрельцов в г. Астрахани в 1705–1706 гг. и последующую ликвидацию стрелецкого войска.

Конечной хронологической границей исследования является октябрь 1917 г., когда, как известно, произошло важнейшее политическое событие, положившее начало новому (советскому) историческому периоду развития России.

Территориальные рамки работы. Географические пределы исследования охватывают степное междуречье Волги, Урала, Торгуна, низовьев Большого Узенья, северный берег Каспийского моря до р. Эмбы, а также сопредельные территории Волго-Манычских степей и Ергенинскую возвышенность. Последние две географически не относятся к рассматриваемому региону, однако история населяющих их калмыков и русских неразрывно связана с Северным Прикаспием, что побудило включить эти территории в исследование.

Основная часть изучаемого региона лежит в Прикаспийской низменности и

потому по своим природным свойствам представляет относительное единство.

В отличие от других районов Юга России в Северном Прикаспии долгое время по численности доминировали кочевники, достаточно высоким их удельный вес среди населения оставался и в период проведения активной переселенческой политики. Другой важной особенностью было то, что кочевавшие в североприкаспийских степях самые многочисленные народы принадлежали к разным этносам и религиям. Так, калмыки были монголоязычным народом и исповедовали буддизм, а казахи и ногайцы являлись по языку тюрками и по религии – мусульманами.

В настоящее время обозначенные выше территории входят в состав Волгоградской, Ростовской, Астраханской областей и Республики Калмыкия Российской Федерации, Западно-Казахстанской и Атырауской областей Республики Казахстан. В дореволюционный период (в границах последней четверти XIX – начала XX вв.) земли Северного Прикаспия располагались в пределах Астраханской губернии и Уральской области.

Целью исследования является комплексный анализ государственной переселенческой политики в Северном Прикаспии на протяжении XVIII – начала XX вв., её эволюции и влияния на переселенческие процессы с учётом региональных особенностей.

В процессе исследования планировалось решить следующие **задачи**:

- выявить роль и степень влияния государственной власти на организованные и неорганизованные переселения,
- определить цели, содержание переселенческой политики, а также выявить её черты,
- проанализировать социальный, конфессиональный и национальный составы переселенцев,
- рассмотреть политику государства в отношении неорганизованных переселенцев,
- показать географию переселенческого процесса,
- разработать периодизацию и проследить эволюцию переселенческой

политики,

- исследовать переселенческую политику на землях кочевников, выявить её специфику,

- показать участие торгово-ремесленного населения в освоении земель кочевников и отношение к ним государства,

- рассмотреть роль помещиков и крепостных в государственной переселенческой политике,

- изучить политику властей в отношении рыбаков-переселенцев,

- осветить миграции населения в железнодорожные поселения,

- рассмотреть процесс организации и обустройства вынужденных переселенцев годы Первой мировой войны и проблемы их адаптации к местным условиям,

- раскрыть роль и место сословного и географического факторов в формировании государством переселенческого курса,

- обобщить исторический опыт деятельности государства в конструировании с помощью переселенческой политики социума в полиэтническом и поликонфессиональном регионе.

Научная новизна заключается в том, что история переселенческой политики в Северном Прикаспии рассматривается, во-первых, в рамках его географического единства, а не по отдельным его районам, во-вторых, в хронологических рамках завершённой эпохи – имперской, и, в-третьих, во взаимосвязи с другими сторонами жизни региона.

Основываясь на исторических фактах, архивных материалах и научных трудах, диссертант сформулировал концепцию о решающей роли российского государства в миграционных процессах в Северный Прикаспий на протяжении XVIII – начала XX вв. В рассматриваемый период государство оказывало огромное влияние на ход и темпы как организованных им переселений, так и самовольных, т. е. совершавшихся без участия и помощи властей. Размеры миграционного потока в Северный Прикаспий и закрепление в нем на жительство переселенцев зависели от действий и прочности позиций государственной власти в регионе. На

переселенческое движение, например, сильно влияли не только непосредственно переселенческая политика властей, но и осуществляемые ими меры в рыбной и соляной отраслях, в торгово-ремесленной сфере, в области обеспечения безопасности жизни местного населения.

Автор первым среди исследователей обратил внимание на то, что заселение Северного Прикаспия в имперскую эпоху шло в основном полосами и вдоль сухопутных и водных коммуникаций. Их освоение правительство считало первоочередной задачей.

Другой важной особенностью государственной переселенческой политики было то, что она в силу природной и культурно-этнической специфики региона носила комплексный характер, т. е. была нацелена на решение не только общегосударственных задач (удовлетворение земельной потребности российского крестьянства и освоения окраин), но и региональных (смена уклада жизни кочевого населения, заселение дорог, облесение степей, развитие земледелия).

Диссертант разработал периодизацию переселенческой политики в имперскую эпоху. В 1700–1750-е гг. государство не предпринимало действий по организации массовых переселений, и среди переселенцев преобладали военно-служилые люди. Эти миграции были немногочисленными и направлены в основном на укрепление военного присутствия в регионе с целью обеспечения безопасности его населения. В 1760–1790-е гг. власти перешли к организации массовых переселений, сделав ставку на государственных крестьян. В период 1800–1875-х гг. массовые государственные переселения в Северный Прикаспий завершились. На государственную переселенческую политику в XIX в. повлияли два важных события: отвод в 1806 г. правительством большей части местного земельного фонда в пользование кочевников и резкое сокращение в результате миграций свободных казенных земель. Во второй четверти XIX – начале XX в. государство не предпринимало масштабных переселений, за исключением эвакуации в Астраханскую губернию в годы Первой мировой войны вынужденных переселенцев из западных районов Российской империи.

Автор исследовал несколько проблем, которые ранее были вне поля зрения исследователей. Это, например, государственная политика в отношении торгово-ремесленных миграций на землях кочевников и переселенцев в миссионерские станы, организация миграций в железнодорожные станции и поселки. Изучение миграции торговцев на земли казахов и калмыков показало, что они специально не инициировались государственной властью с целью порабощения кочевников, а были вызваны объективными обстоятельствами – недостатком торговцев из числа местного населения и потребностью развития торговли на землях кочевников.

Диссертант впервые в историографии подробно осветил государственную политику заселения во второй половине XVIII в. – третьей четверти XIX в., имевшую большое стратегическое значение для российского государства, Астраханско-Кизлярского и Царицынско-Ставропольского трактов. По истории этих двух трактов выявлен и впервые введен в научный оборот большой архивный материал.

Автор первым из исследователей подробно изучил и проанализировал политику властей в отношении населения самовольных рыболовецких поселков Прикаспия в XIX – начале XX вв. В процессе работы над данной проблемой им были обнаружены и введены в научный оборот новые документы о государственной политике центральных и местных властей.

На защиту выносятся следующие *положения диссертационного исследования*:

1. В XVIII – начале XX вв. государственная власть оказывала решающее влияние на ход, темпы, содержание и характер как организованных, так и самовольных переселений. Государство не только напрямую воздействовало на переселенческий процесс, но влияло на него также своей политикой, осуществляемой в других сферах.

2. Государственная переселенческая политика учитывала природную, этнокультурную и социально-экономическую специфику Северного Прикаспия, поэтому в разных его районах она имела свои отличия, подчас очень сильные. В то же время отметим, что основные усилия в переселенческом деле государство

направляло на заселение путей сообщения. Другой важной чертой переселенческой политики была комплексность, власти при её проведении стремились найти разумный баланс между интересами государственными и региональными. Государственные переселения проводились как в общем порядке, когда главной целью переселений являлось удовлетворение земельных нужд крестьян из других губерний, так и по «особым видам», подразумевавших решение конкретных задач, например, заселение дорог, развитие отдельных отраслей хозяйства. При разработке планов переселений и их реализации власти стремились минимизировать их издержки для местного населения.

3. При подборе контингента переселенцев власти не придавали особого значения их национальной, конфессиональной и государственной принадлежности, при этом необходимо отметить, что отдельным группам переселенцев из других государств (армяне, немцы) в целях стимулирования их переселения в Россию давалось больше льгот и привилегий, чем российским переселенцам.

4. В заселении Северного Прикаспия большую роль сыграли самовольные переселенцы. Государство проявляло известную гибкость в отношении самовольных переселенцев. В интересах дела власти временно отступали от закона и проводили легализацию самовольных переселенцев.

5. Заселение Северного Прикаспия происходило в основном полосами (за исключением территории Внутренней киргизской орды) вдоль сухопутных и водных путей сообщения, в конце XIX в. к ним добавились железные дороги. Миграции шли в направлении с севера на юг, но не только, с юга на север осуществлялись миграции армян, с востока на запад – казахов и туркмен. В этом видится отличие географии миграционных потоков Северного Прикаспия от аналогичных в других частях Юга России, в которых вектор переселений имел одну направленность — с севера на юг.

6. В истории переселенческой политики в Северном Прикаспии выделяются 4 периода: 1) 1708–1762 гг.; 2) 1763–1799 гг.; 3) 1800–1875 гг.; 4) 1876 – октябрь 1917 гг. В 1708 г. в России была проведена административно-территориальная

реформа, в результате которой была создана на юго-востоке России Казанская губерния, включившая в свой состав территорию Северного Прикаспия. В 1717 г. из неё выделили Астраханскую губернию. Обширная территория была населена преимущественно кочевниками и имела крайне редкое оседлое население, поэтому в интересах развития губернии необходим был приток населения извне. Однако к организации массовых переселений власти приступили в начале 1760-х гг., когда были построены Царицынская и Нижнеяицкая укрепленные линии, но наиболее мощный толчок переселениям дало возведение в 1770-е гг. Азовско-Моздокской линии. В 1801 г. в Волго-Уральском междуречье с разрешения руководства страны поселились казахи, образовавшие Внутреннюю Киргизскую орду, а в 1806 г. правительство приняло решение установить границы кочевания калмыкам и казахам. По итогам землеотводных работ за кочевниками было закреплено более 70 % земель Астраханской губернии. В период с 1801 по 1875 гг. власти направляли переселенцев на доселение населенных пунктов, обладавших свободным запасом надельной земли, и на заселение отдельных мест. В указанный период времени завершились массовые государственные переселения в Северный Прикаспий. В 1876–1917 гг. правительство вследствие исчерпания фонда пригодных к заселению земель отказалось от организации массовых переселений. Что касается железнодорожных миграций, то они не носили групповой характер, а массовое переселение вынужденных мигрантов в период Первой мировой войны было вызвано чрезвычайными обстоятельствами военного времени.

7. Государственная переселенческая политика имела особенности на землях кочевников. Установление в начале XIX в. границ землепользования кочевников и юридическое их подтверждение сильно сузило возможности для их освоения переселенцами. Единственным переселенческим мероприятием государства на землях кочевников стала реализация в 1847–1876 гг. указа императора Николая I от 30 декабря 1846 г. «О заселении дорог на калмыцких землях Астраханской губернии». Заселение проходивших через калмыцкие земли стратегически важных дорог тесно увязывалось с задачами создания очагов стационарных поселений и земледелия в калмыцких степях и перевода части калмыков на оседлый образ

жизни, удовлетворением земельных нужд российского крестьянства и с другими задачами. Реализация проекта заняла 30 лет (с 1846 по 1876 гг.), и не все его пункты его были выполнены. В целом главная задача заселения дорог была решена, но неудачей закончилась попытка привлечь к поселению калмыков. В 1876 г. правительство заявило о завершение процесса заселения дорог и закрыло переселения на калмыцкие земли. Что касается Внутренней Киргизской орды, то её территория не была затронута переселенческим движением, поскольку не вызывала большого интереса у властей, так как находилась вне зоны пролегания путей сообщения стратегического значения и разработки месторождений природных ископаемых.

8. В условиях, когда легальное поселение на землях калмыков и казахов посторонним лицам было закрыто, большую роль в создании на их землях стационарных поселений сыграли пришлые торговцы и ремесленники. Среди некоторых историков было распространено мнение, что российские власти специально инициировали переселения торговцев и ремесленников на земли кочевников с целью их национального закабаления. На самом деле их поселение на землях кочевников было обусловлено не целенаправленной политикой государства, а немногочисленностью занимавшихся торговлей и ремеслами из числа кочевников. Образовавшийся вакуум торговцев заполнили представители других народов (русские, татары, армяне и др.), взявшие в свои руки торговлю с кочевниками. Государство и сами кочевники относились терпимо к миграциям торговцев и ремесленников, поскольку они, во-первых, не носили массового характера, во-вторых, не приводили к сколь-нибудь значительному изъятию земель, в-третьих, деятельность переселенцев была востребована казахским и калмыцким обществами и не подрывала их жизненные интересы.

9. В отечественной историографии сложилось устойчивое мнение о том, что система крепостного права сильно тормозила освоение новых территорий помещичьими крестьянами. С этим можно согласиться лишь отчасти. Степень участия помещиков в заселении новых земель всё же больше зависела от колониальной привлекательности земель. Если природные условия позволяли

успешно заниматься земледелием и скотоводством, то помещики охотно переселяли своих крестьян и создавали для них необходимую для жизни и хозяйственной деятельности инфраструктуру, как, например, в Самарской, Саратовской и некоторых других губерниях. В Астраханской губернии помещичье землевладение стало складываться позже, чем в центрально-черноземных и в других поволжских губерниях. Начало ему было положено в 1765 г., когда помещикам разрешили покупать земли в Поволжье на условиях заселения их крестьянами. Однако помещики предпочитали вкладывать средства не в создание поселенческой инфраструктуры и очагов земледелия и скотоводства, а в развитие рыболовства, которое в природных условиях Северного Прикаспия оказалось более выгодным и не требовало организации массовых переселений. В начале XIX в. власти отказались от политики привлечения помещиков к заселению Северного Прикаспия. Одной из особенностей организованных помещиками переселений является их неравномерность по районам. Поселения крепостных крестьян возникли только вдоль р. Волги и на побережье Каспийского моря, их не было совсем в административно-территориальных образованиях кочевников (Калмыцкой степи и Внутренней Киргизской орде), а также на землях Уральского казачьего войска. Причинами тому были особый правовой статус земель кочевников и казаков и, кроме того, колонизационная непривлекательность земель в природном отношении.

10. В дельте р. Волги и на побережье Каспийского моря в имперский период истории государство не организовывало переселений в рыбацкие районы и занималось в основном урегулированием проблемы самовольных переселенцев. У государства не было особой необходимости тратить средства на переселения и создание поселений, ибо рыбный промысел в полной мере обеспечивался работниками за счет отходников из других губерний и местного населения. Для миграций в рыбацкие районы большое значение имело введение в начале XIX в. свободного лова в Каспийском море и отвод в 1865 г. для нужд рыбаков одноверстной полосы вдоль морского берега. Многие из прибывавших для занятий рыболовством людей постепенно оседали на постоянное жительство, образуя

без ведома властей поселки. Когда их количество и число их жителей сильно выросло, власти пошли на их легализацию и затем занялись их административным и поземельным устройством.

11. В конце XIX – начале XX вв. по территории Астраханской губернии были проложены три железнодорожные линии и при них построены станции и поселки. Задача создания поселений вдоль дорог непосредственно в целях расширения сети поселений и увеличения численности населения, как это, например, имело место в планах при прокладке Транссибирской магистрали, не ставилась. Появление железнодорожного транспорта внесло новые черты в процесс заселения Астраханской губернии (торгово-промышленный характер новых поселений, увеличение среди переселенцев групп населения, не связанных с сельским хозяйством, крестьянской культурой и менталитетом), вместе с тем формирование поселенческой сети вдоль железных дорог являлось продолжением традиционной для региона политики приоритетного освоения путей сообщения.

12. Последним переселенческим мероприятием имперских властей стал приём и обустройство в Астраханской губернии вынужденных переселенцев в годы Первой мировой войны. С этой задачей правительство и местная администрация вполне справились. В тяжелых условиях войны они сохранили контроль над ситуацией, не допустили массового голода и сильного осложнения эпидемиологической ситуации, тем самым избежав массовой смертности среди беженцев. Всё это стало возможно благодаря разносторонней поддержке беженцев со стороны государства и привлечению к обустройству вынужденных переселенцев общественных, национальных и религиозных организаций. В то же время не удалось решить задачу адаптации вынужденных переселенцев к экономическим и социокультурным реалиям Северо-Западного Прикаспия.

13. Основными районами выселения переселенцев в Северный Прикаспий являлись губернии черноземной полосы центральной России (Воронежская и Тамбовская губернии), Слобожанщины (Харьковская губерния, частично Воронежская и Курская губернии) и Поволжья (Саратовская, Симбирская, Самарская, Казанская, Пензенская губернии). Основная масса переселенцев в

Астраханскую губернию являлась государственными крестьянами, вместе с тем среди переселенцев, особенно в XVIII – первой половине XX вв., большую долю составляли представители военно-служилых сословий и групп (войсковые обыватели, однодворцы, отставные солдаты). Большая доля военного элемента среди пришлого населения объясняется тем, что Северный Прикаспий являлся приграничной территорией, которая соприкасалась с беспокойными государствами и регионами России. Такое соседство делало военно-служилых людей желательным для государства поселенческим контингентом.

14. Государственная переселенческая политика стала важным инструментом конструирования социума в Северном Прикаспии на новой основе. Переселения изменили прежний этнический, сословный, конфессиональный, культурный облик и уклад жизни региона. В регионе возникла сеть стационарных поселений, большая часть населения стала оседлой, тон в его развитии начали задавать этнические и сословные группы населения, которых ранее не имелось или они были малочисленными. В то же время отметим, что полностью процесс заселения и освоения Северного Прикаспия оседлым населением в имперскую эпоху не был завершён. Вне заселения переселенцами остались обширные территории кочевников Внутренней Киргизской орды и Калмыцкой степи.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что в нём обобщен опыт организации и реализации переселенческой политики на протяжении всего имперского периода в политэтническом, поликонфессиональном регионе и в природных условиях, неблагоприятных для проживания человека. Материалы проведенного исследования обогащают наши знания по истории российской государственной миграционной политики и могут использоваться для дальнейших теоретических разработок проблем миграций.

Практическая значимость исследования. Результаты могут быть востребованы органами государственной власти при формировании общегосударственной и региональной политики, использованы при подготовке региональных школьных и вузовских курсов обучения, в краеведении,

политологии, в пропаганде исторических знаний, в генеалогических исследованиях.

Методология и методы исследования. Методологической основой послужили обычно используемые в исторических исследованиях принципы диалектики, историзма, научной объективности, системности научного анализа.

Принципы диалектики и историзма позволили рассмотреть особенности государственной политики в Северном Прикаспии в динамике, во взаимосвязи, взаимовлиянии, взаимообусловленности с общественно-политической, социально-экономической и этнокультурной обстановкой, с учетом конкретно-исторических условий и в хронологической последовательности.

Использование принципа объективности сделало возможным изучить переселенческую политику с точки зрения достоверности и беспристрастности.

При помощи принципов системности научного анализа исследованы отдельные явления, процессы и события, повлиявшие на государственную переселенческую политику во взаимосвязи.

Использование принципов сопоставления общего и частного, общегосударственного и регионального позволило провести более целостный анализ государственной переселенческой политики в Северном Прикаспии.

В процессе работы применялись историко-сравнительный, историко-генетический и историко-описательный методы исследования.

Историко-генетический метод даёт возможность показать преемственность в основных чертах переселенческой политики на протяжении имперского периода. Историко-сравнительный метод позволяет проследить отличия и сходства переселенческой политики как в нижневолжском и других регионах, так и в отдельных частях Астраханской губернии.

Работа выполнена на стыке дисциплин, в первую очередь исторической географии, истории государства и права и политологии.

В своей диссертации автор употребляет словосочетание «переселенческая политика», которая являлась одним из направлений внутренней политики

российского руководства. Автор не считает данную политику колониальной, поскольку данное утверждение противоречит историческим фактам. Государственная власть не проводила в регионе политику колониального ограбления и угнетения, а наоборот направляла свои усилия на создание условий для его развития. Важное значение имеет тот факт, что территория Северного Прикаспия была завоевана и присоединена до того, как на ней появились этнические группы русских, калмыков, казахов и многих других народов, составляющих основу современного населения региона. После вхождения в состав России большинство местного населения эмигрировало из России, оставшиеся жители положили начало созданию астраханских татар, этническую основу которых составили ногайцы.

Апробация результатов работы. Диссертация является результатом многолетней работы над историей миграций на территорию Северного Прикаспия. Основные положения и выводы опубликованы в 59 публикациях, в том числе в 18 статьях в рецензируемых научных изданиях перечня ВАК при Минобрнауки России, в 4-х монографиях.

Результаты диссертации апробированы на 12 международных, российских и региональных научных конференциях.

Работа выполнена в рамках гранта в форме субсидии из федерального бюджета, выделяемой для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущего ученого (проект «От палеогенетики до культурной антропологии: комплексное интердисциплинарное исследование традиций народов трансграничных регионов: миграции, межкультурное взаимодействие и картина мира»). Диссертация обсуждалась на заседании отдела истории ФГБУН «Калмыцкий научный центр Российской академии наук».

Степень достоверности результатов проведенных исследований. В процессе работы диссертант опирался на широкий круг опубликованных и неопубликованных источников, содержащийся в них фактологический материал сопоставлялся с материалами других источников и перепроверялся на достоверность. При анализе информации учитывались её происхождение, идейная

направленность и характер. Достоверность полученных результатов обеспечивалась использованием методологии и методов, применяемых при анализе государственной политики, апробацией публикаций в различных научных изданиях, в том числе в рецензируемых журналах, входящих в перечень ВАК и международные реферативные базы данных и системы цитирования Web of Science, Scopus.

Соответствие паспорту специальности. Основные положения диссертационного исследования и его выводы соответствуют паспорту научной специальности Отечественная история, поскольку в работе рассматривается история государственной политики России на её юго-восточных территориях.

Исследование затрагивает в основном пять областей научной деятельности.

Организация переселений на земли Северного Прикаспия являлась одним из важнейших направлений деятельности государства на огромных незаселенных пространствах Северного Прикаспия. (п. 3. Социально-экономическая политика России и реализация на различных этапах её развития). На протяжении XVIII – начала XX вв. государство стремилось изменить социально-экономический облик данной территории, укрепить своё внутреннее и геополитическое положение на Юго-Востоке. Оно решало задачи создания стационарных поселений, перевода кочевников на оседлый образ жизни, организации при помощи переселенцев оптимальных к местным природным условиям производств.

С темой предлагаемого исследования связана история формирования и развития социальных групп и сословий (п. 7): астраханских и уральских казаков, государственных, помещичьих крестьян, рыбаков кочевников и др. Во многом благодаря усилиям государства, в том числе переселенческих, в Северном Прикаспии появились крупные группы астраханский казаков и крестьян.

Переселенческая политика затрагивала национальные отношения в регионе (п. 10 Национальная политика Российского государства и её реализация). С помощью переселенцев государственная власть намеревалась приучить часть калмыков к оседлому образу жизни, с последующим переводом всего народа на оседлость. Переселенческие мероприятия с одной стороны не должны были резко

разрушать сложившийся образ жизни кочевников, чтобы не подорвать их источники существования и привести к исчезновению калмыков и казахов как народов, с другой стороны, власти поддерживали те меры, которые вели к их интеграции в российское социокультурное пространство (реализация программы от 30 декабря 1846 г. заселения дорог на калмыцких землях Астраханской губернии, терпимое отношение к приёму казахами переселенцев с целью развития торговли).

Переселенческая политика находилась в тесной взаимосвязи с социальной (п. 11. Социальная политика государства и её реализация в соответствующие периоды развития страны). В различные временные отрезки времени, в зависимости от целей и обстоятельств власти отдавали предпочтение в заселении той или иной социальной группе, а в социальной политике учитывались интересы не только старожилов, но и пришлого населения.

В различные периоды во властных структурах складывались различные подходы и мнения в отношении переселений в Северное Приуралье, при этом на них оказывала влияние господствующая идеология, местная действительность и другие факторы. Все они воздействовали на выработку государственного переселенческого курса. В этом плане тематика диссертации связана с историей государственной и общественной идеологии, общественных настроений и общественного мнения (п. 25).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырёх глав, в каждой из которых имеется от двух до трёх параграфов (всего девять), заключения, списка источников и литературы.

ГЛАВА 1. ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ

1.1. *Историография вопроса*⁵⁵

Теоретические основы изучения истории переселений в России были разработаны известными отечественными учёными: Г. К. Гинсом⁵⁶, И. А. Гурвичем⁵⁷, А. А. Исаевым⁵⁸, А. А. Кауфманом⁵⁹, И. А. Ямзиным, В. П. Вошининым⁶⁰, Г. Ф. Чиркиным⁶¹, Л. Л. Рыбаковским⁶², В. И. Переведенцевым⁶³, Ж. А. Зайончковской⁶⁴ и др. Некоторые разработанные российскими и советскими исследователями концепции, методы и методологии подтверждаются историческими фактами, выявленными в процессе исследовании темы диссертации. Например, это концепции: «поэтапного, волнового переселения», «подбора районов выхода мигрантов для успешной адаптации мигрантов в местах

⁵⁵ Основой данного параграфа послужили статьи С. С. Белоусова: *Белоусов С. С.* Переселенческая деятельность астраханских губернаторов В.Н. Татищева и Н. А. Бекетова // Монголоведение. 2018. Т. 10. № 1. С. 4–19; *Белоусов С. С.* Документы по государственной переселенческой политике в Астраханской губернии (вторая половина 1830-х гг.) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. Серия история. 2018. Вып 1. С. 6–17; *Белоусов С. С.* Самовольные поселения на калмыцких землях Астраханской и Ставропольской губерний: Переселенцы и губернские власти (XIX – начало XX веков) // Новый исторический вестник. 2018. № 1 (55). С. 6–20; *Белоусов С. С.* Переселения торгово-ремесленного населения на калмыцкие земли Астраханской губернии в контексте государственной торговой политики (XIX – начало XX вв.) // Былые годы. 2019. Т. 53. № 3. С. 1059–1066; *Белоусов С. С.* Роль торгово-ремесленного населения в создании стационарных поселений на землях казахов Внутренней киргизской орды Астраханской губернии. XIX в. // *Oriental Studies*. 2019. № 44 (4). С. 634–644; *Белоусов С. С.* Умётная система заселения трактов в Астраханской губернии // Монголоведение 2019. № 18. С. 394–406; *Белоусов С. С.* Влияние природного фактора на государственную переселенческую на калмыцких землях (1840-е – 1870-е гг.) // Былые годы. 2019. Т. 54. № 4. С. 1576–1583, —которые были значительно доработаны и дополнены.

⁵⁶ *Гинс Г. К.* Переселение и колонизация. СПб.: Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1913. Вып. 2. 65 с.

⁵⁷ *Гурвич И. А.* Переселения крестьян в Сибирь. М.: Тип. А. Левенсон и К., 1888. 144 с.

⁵⁸ *Исаев А. А.* Переселения в русском народном хозяйстве. СПб.: А. Ф. Цинзерлинг, 1907. 192 с.

⁵⁹ *Кауфман А. А.* Переселение и колонизация. СПб.: Общественная польза, 1905. 349 с.

⁶⁰ *Ямзин И. Л., Вошинин В. П.* Учение о колонизации и переселениях. М.; Л.: Гос. изд-во, 1926. 328 с.

⁶¹ *Чиркин Г. Ф.* Очерк колонизации Сибири второй половины XIX века и начала XX века // Очерк по истории колонизации Севера и Сибири. Пг.: Редакционно-издательский комитет Народного комиссариата земледелия, 1922. С. 83–137.

⁶² *Рыбаковский Л. Л.* Миграция населения (Вопросы теории). М.: ИСПИ, 2003. 239 с.; Миграция населения. М.: Юрайт, 2019. 480 с.

⁶³ *Переведенцев В. И.* Методы изучения миграции населения. М.: Наука, 1975. 231 с.

⁶⁴ *Зайончковская Ж. А.* Россия: миграция в разном масштабе времени. М.: Центр изучения проблем вынужденной миграции в СНГ, 1999. 66 с.

вселения», «дифференциации потенциальных переселенцев», «трёхстадийности миграционного процесса».

В дореволюционной историографии отсутствуют специальные исследования, посвященные переселенческой политике в Северном Прикаспии в имперскую эпоху. Данная тематика, тем не менее, в той или иной степени затрагивалась в работах по истории отдельных сословий (В. В. Скворцов, А. В. Бородин, И. А. Бирюкова)⁶⁵, территорий Северного Прикаспия (В. Н. Витевский, Я. Альбрандт, А. Евреинов, И. С. Иванов, М. Я. Киттара)⁶⁶ и поселений (В. Е. Фосс, П. Бобров, Ф. Колпиков, А. Летницкий, В. Дремков, А. Граников, Д. Фаворский, М. Русанов, В. И. Кряжимский, И. Покасов, И. Соколов)⁶⁷, в трудах по изучению природных, социально-экономических и людских ресурсов региона (Н. Я. Озерецковский, И. В.

⁶⁵ Скворцов В. В. Историко-статистический очерк Астраханского казачьего войска. Саратов: Тип. П. С. Феокритова, 1890. 415 с.; Бородин А. В. Россия. Астраханский край. Человек с историко-колониационной точки зрения. Пг., 1923. Т. 12. 11 с.; Бирюков И. А. Астраханские казаки: Исторические очерки и рассказы. Географические, экономические и служебные сведения о войске. Астрахань: [б. и.], 1904. 228 с.; Бирюков И. А. История Астраханского казачьего войска. Саратов: Тип. П. С. Феокритова, 1911. Ч. 1. 745 с.

⁶⁶ Витевский В. Н. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Казань: Типо-Литография В. М. Ключникова, 1890. Вып. 2. 368 с.; Альбрандт Я. Букеевская Киргизская орда // Букеевской Орде 200 лет / науч. ред. М. Кулькенов. Кн. 4. Алматы: Олке, 2001. С. 17–45; Евреинов А. Внутренняя или Киргиз-Казачья орда // Букеевской Орде 200 лет / науч. ред. М. Кулькенов. Кн. 4. Алматы: Олке, 2001. С. 30–86; Киттара М. Я. Ставка хана Внутренней Киргизской орды // Букеевской Орде 200 лет / науч. ред. М. Кулькенов. Кн. 3. Алматы: Олке, 2001. С. 5–38; Иванов И. С. Внутренняя Киргизская Орда // Букеевской Орде 200 лет / науч. ред. М. Кулькенов. Кн. 2. Алматы: Олке, 2001. С. 140–231.

⁶⁷ Фосс В. Е. Очерки Гурьева городка // Сборник статистических, исторических и археологических сведений по бывшей Оренбургской и нынешней Уфимской губерниям, собранных и разработанных в течении 1867 и 1868 гг. Уфа: Уфимский губернский статистический комитет, 1868. С. 89–110; Бобров П. Приходская летопись села Пришиба, Царевского уезда, составленная в 1874 году. Труды Астраханского губернского статистического комитета. Астрахань: Губернская типография, 1875. Вып. 4. С. 1–25; Колпиков Ф. Краткая летопись Хошеутовского прихода, Енотаевского уезда // Астраханские епархиальные ведомости. 1881. № 41. С. 652–656; Колпиков Ф. Краткая летопись Николаевской церкви села Разночинского, Красноярского уезда / Ф. Колпиков // Астраханские епархиальные ведомости. 1886. № 11–12. С. 402–380; Летницкий А. Село Солодушино (Царевского уезда, Астраханской губернии) // Астраханские епархиальные ведомости. 1890. № 5. С. 165–170; Дремков В. Джембай (статистико-географический очерк Никольской волости, Красноярского уезда, Астраханской губернии) // Отчет Петровского общества исследователей Астраханского края за 1895 год. Астрахань, 1897. С. 81–102; Граников А. Слобода Рахинка, Царевского уезда, Астраханской епархии // Астраханские епархиальные ведомости. 1901. № 3. С. 123–126; Фаворский Д. Освещение Николаевской церкви и здания церковно-приходской школы 8 мая 1902 г. на «Трёхбратинской косе» в Красноярском уезде Астраханской губернии // Астраханские епархиальные ведомости. 1902. № 12. С. 490–498; Русанов М. Михайловские субботники // Астраханские епархиальные ведомости. 1903. № 13. С. 653–663; Кряжимский В. И. Село Кресты Астраханской губернии // Астраханские епархиальные ведомости. 1906. № 2. С. 79–85; Покасов И. Село Аксай (Астраханской губернии, Черноярского уезда) // Астраханские епархиальные ведомости. 1903. № 18. С. 931–936; Покасов М. Село Плодовитое Черноярского уезда Астраханской епархии. Историко-статистический очерк // Астраханские епархиальные ведомости. 1904. № 18. С. 770–775; Покасов И. Поселок Оля (прихода с. Бирючьей Косы, Астраханского уезда) // Астраханские епархиальные ведомости. 1909. № 18. С. 586–591; Покасов И. Бирючья Коса, Астраханского уезда (историко-статистический очерк села) // Астраханские епархиальные ведомости. 1911. № 17. С. 652–661; Соколов И. Село Батаевка // Астраханские епархиальные ведомости. 1908. № 17. С. 646–652.

Ровинский, М. Рыбушкин, И. И. Михайлов, К. И. Костенков)⁶⁸ и народов (П. Небольсин, А. Н. Харузин)⁶⁹, в книгах учёных и путешественников (П. С. Паллас, С. Г. Гмелин, Я. Потоцкий, К. М. Бэр)⁷⁰. Авторами их чаще всего являлись государственные служащие, путешественники, священнослужители, но среди них почти не было профессиональных историков.

Приводимые ими материалы по переселенческой политике чаще всего фрагментарны, носят описательный характер и не содержат глубокого научного анализа. Главная их ценность составляют некоторые фактологические сведения, использованные при написании диссертации.

Первая публикация, непосредственно касающаяся государственной переселенческой политики в Северном Прикаспии, вышла в 1856 г. Её подготовил статистический отдел Департамента сельского хозяйства Министерства государственных имуществ. Статья была опубликована в «Журнале министерства государственных имуществ» и называлась «Заселение дорог в Калмыцких степях». В ней подводились первые итоги реализации государственной программы заселения дорог на калмыцких землях Астраханской губернии. В начале статьи был помещен беглый обзор истории заселения дорог в Астраханской губернии, начало которой Департамент отнёс к середине XVIII в. Главными целями переселенческих мероприятий было «усиление обороны края, восстановление удобного сообщения и улучшение хозяйственного положения калмыков». В статье отмечалось, что вдоль дорог вместе с калмыками предполагалось поселить русских, чтобы они

⁶⁸ *Озерцовский Н. Я.* Описание Колы и Астрахани. СПб.: Изд-е Императорской академии наук, 1804. 131 с.; *Ровинский И. В.* Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний по гражданскому и естественному их состоянию; в отношении к земледелию, промышленности и домоводству. СПб.: Императорская типография, 1809. 551 с.; *Рыбушкин М.* Записки об Астрахани. М.: Тип. Селивановского, 1841. 220 с.; *Рыбушкин М.* Записки об Астрахани. М.: Тип. Селивановского, 1841. 220 с.; *Михайлов И. И.* Хозяйственно-статистические очерки Астраханской губернии. СПб.: Тип. Мин-ва гос. имуществ, 1851. 176 с.; *Костенков К. И.* Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии. СПб.: Министерство государственных имуществ, 1870. 170 с.; *Костенков К. И.* Статистико-хозяйственное описание Калмыцкой степи Астраханской губернии. СПб.: Тип. В. Безобразова и комп., 1868. 173 с.

⁶⁹ *Небольсин П.* Очерки Волжского Низовья. СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1852. 199 с.; *Харузин А. Н.* Степные очерки (Киргизская Букеевская орда. Странички из записной книжки). М.: Тип. А. А. Левенсон, 1888. 182 с.

⁷⁰ *Паллас П. С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб.: Императорская академия наук, 1773. Ч. 1. 657 с.; *Гмелин С. Г.* Путешествие по России для исследования трёх царств природы. СПб.: Императорская академия наук, 1777. Ч. 2. 361 с.; Астраханский сборник, издаваемый Петровским обществом исследователей Астраханского края. Астрахань: Типография Н. С. Рослякова, 1896. Вып. 1. 335 с.; Каспийская экспедиция К. М. Бэра 1853–1857 гг.: Дневники и материалы / сост. Т. А. Лукина. Л.: Наука, 1984. Т. 9. 557 с.

показали кочевникам положительный пример оседлой жизни, однако данный план не удалось воплотить в жизнь, и в результате возникли только казачьи поселения.

В публикации дана высокая оценка политики заселения дорог в период с 1849 по 1854 г. включительно, отмечены положительные моменты влияния переселений на социально-экономическое развитие калмыков, показана динамика роста численности переселенцев и количества станиц, названы суммы, выделенные государством новоселам на переселение и обустройство, на основе статистических данных показаны успехи в становлении скотоводческой и земледельческой отраслей в новых поселениях. Интересны сравнения в обеспеченности скотом переселенцев на калмыцких землях и в селах государственных крестьян Астраханской губернии, считавшейся «одной из богатейших в целой России по числу скота»⁷¹. В 1854 г., т. е. спустя всего 6 лет после открытия переселений на калмыцкие земли, показатели обеспеченности крупным и мелким рогатым скотом, а также лошадьми на семью у новоселов на калмыцких землях были вдвое выше, чем у государственных крестьян в других частях Астраханской губернии⁷².

В 1868 и 1870 гг. Главный попечитель калмыцкого народа К. И. Костенков опубликовал книги «Статистико-хозяйственное описание Калмыцкой степи Астраханской губернии» и «Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии». Эти работы, наряду с богатейшим фактическим материалом, собранным автором о калмыках, содержат сведения по истории заселения калмыцких степей и реализации императорского указа от 30 декабря 1846 г. «О заселении дорог на калмыцких землях Астраханской губернии», а также хозяйственном быте жителей новых поселений.

Важнейшей задачей правительства в Калмыкии Костенков считал перевод калмыков на осёдлый образ жизни, а главным инструментом в достижении данной цели – просветительские меры. Он высказал сомнения в отношении эффективности правительственной политики перевода калмыков на осёдлый образ жизни с

⁷¹ Заселение дорог в калмыцких степях // Журнал министерства государственных имуществ. 1856. Ч. 60. Отд. 1. С. 35.

⁷² Заселение дорог в калмыцких степях // Журнал министерства государственных имуществ. 1856. Ч. 60. Отд. 1. С. 34.

помощью государственных крестьян, полагая, что большая разница в образе жизни, религиях, обычаях, языке не могут привести ни к чему другому, кроме быстрого обогащения переселенцев за счёт эксплуатации калмыков и вытеснению последних из поселений.

Проживавший в 1880-е гг. в г. Астрахани в политической ссылке учёный-этнограф И. А. Житецкий считал, что тяжелейшие природные условия центральной и восточной части Калмыцкой степи препятствуют укоренению осёдлой культуры и расположенные там посёлки лишены какой-либо перспективы развития, зато в западной части степи – на Ергенинской возвышенности – утвердилась осёдлая культура переселенцев, под давлением которой происходит вынужденный переход калмыков на осёдлость⁷³.

В 1891 г. Калмыцкую степь Астраханской губернии с инспекционной проверкой посетил министр государственных имуществ М. Н. Островский. По итогам своей поездки он подготовил доклад, который был опубликован в форме брошюры в 1892 г.⁷⁴ В нём помимо всего прочего содержатся материалы о самовольных поселениях в Калмыкии во второй половине XIX в., анализируется правительственная политика по отношению к ним и представлены предложения в отношении переселенческой политики в целом.

История правительственной политики и миграций в дельту р. Волги и на побережье Каспийского моря затрагивалась в трудах, посвященных проблемам развития рыбной отрасли в Северном Прикаспии. Наибольший вклад в исследование данной темы внесли И. И. Михайлов, П. О. Зубович, А. М. Никольский, в работах которых содержится информация по истории возникновения поселков и отношении к ним властей, уделено внимание сословному и национальному составу поселений и организации их самоуправления.

⁷³ *Житецкий И. А.* Астраханские калмыки (Наблюдения и заметки) // Сборник трудов членов Петровского общества исследователей Астраханского края. Астрахань: Тип. Астраханского листка, 1892. С. 27.

⁷⁴ *Островский М. Н.* Всеподданнейший доклад министра государственных имуществ по поездке в Калмыцкую степь Астраханской губернии в 1891 г. СПб.: Тип. Я. И. Либермана, 1892. 73 с.

П. О. Зубович посвятил вопросу самовольных рыбацких поселков специальную статью, опубликованную в газете «Астраханского вестника» и отдельным оттиском. Он выделил две основные черты, позволяющие отнести то или иное рыбацкое поселение к разряду самовольных – «неимение жителями поселков собственной земли, даже под усадьбами» и «отсутствие признаваемой законом организации общественного и административного устройства»⁷⁵. Проанализировав статистику численности и сословного состава на конец 1880-х гг. автор пришел к выводу о том, что среди жителей поселков преобладали крестьяне из других губерний, причем даже, являющиеся вторыми по численности в поселках мещане происходили из крестьян, записавшихся в мещанское сословие после переселения в Астраханскую губернию. Зубович выяснил, что первые самовольные поселки возникли в конце XVIII в., однако большинство из них образовалось в XIX в., особенно быстрый их рост произошел после 1870 г. Автор кратко осветил историю подготовки правительством и местными властями во второй половине XIX в. проектов административного и земельного устройства самовольных рыбацких поселений.

Переселенческая тематика присутствует в книге А. М. Никольского «Астраханские морские ловцы», вышедшей в 1898 г. Массовую миграцию во второй половине XIX в. на побережье Каспийского моря автор этого обстоятельного труда связывает с несовершенством ряда статей «Устава Каспийских рыбных и тюленьих промыслов» от 25 мая 1865 г., по которому рыбопромышленники получили право рыбачить в устье р. Волги двумя неводами неограниченных размеров в обычное время и четырьмя неводами во время хода сельди на нерест в р. Волгу из Каспийского моря. Выгоды от этого получили речные рыбопромышленники первых от моря тоней, а рыбаки, промышленявшие в тонях выше устья р. Волги стали испытывать острый недостаток в рыбных запасах. Тони, лежащие выше лицевых речных вод, обесценились, а их пользователи

⁷⁵ Зубович П. О. О самовольных поселках в Астраханском и Красноярском уезде // Отчет Петровского общества исследователей Астраханского края за 1894 год. Астрахань: Паровая новая русская типография, 1896. С. 35.

перенесли своё рыболовство с р. Волги в Каспийское море, как бы «перепрыгнув», по выражению А. М. Никольского, через лицевые тони на Каспий⁷⁶.

Переход многих речных рыбаков на морской лов вызвал новую волну миграций на побережье Каспийского моря, которую начали астраханские казаки, к которым вскоре присоединились под влиянием слухов о доходности морского лова жители других губерний, до этого не занимавшиеся рыболовством⁷⁷.

Переселенческому вопросу уделяли внимание также исследователи соляной промышленности А. Головащенко и Д. Гаврилов. В их работах содержится материал по истории поселков соляных озер Эльтона и Баскунчака и солевозных трактов. Более подробно указанные авторы рассматривают уметную систему заселения солевозных трактов: причины создания придорожных поселений, систему льгот для их жителей, влияние природных условий на повседневную жизнь и хозяйственную деятельность уметчиков. Описывая Николаевский солевозный тракт, Гаврилов отмечал, что тяжелые природные условия накладывали большой отпечаток на повседневную жизнь, здоровье и хозяйственные занятия уметчиков, большинство которых являлись потомками государственных крестьян, переселившихся из центральных и восточных губерний современной Украины⁷⁸, однако, несмотря на тяжёлые условия жизни, уметчики не покидали уметов, так как их содержание приносило большие доходы, что позволяло им жить зажиточно⁷⁹.

Исследователи указали на причины отмены уметной системы во второй половине XIX в. Головащенко главной причиной отказа государства от услуг жителей уметов на Николаевском солевозном тракте считал закрытие в 1864 г. государственной разработки соли на о. Эльтон и передачей соледобычи частным лицам, кроме того, на решение властей повлияло то, что уметчики перестали добросовестно выполнять свои обязанности по содержанию уметов⁸⁰.

⁷⁶ *Никольский А. М.* Астраханские морские ловцы. Статистико-экономическое описание. СПб.: Тип. Морского министерства, 1898. С. 73.

⁷⁷ *Никольский А. М.* Астраханские морские ловцы. Статистико-экономическое описание. СПб.: Тип. Морского министерства, 1898. С. 74.

⁷⁸ *Гаврилов Д.* Елтонский соляной промысел. Из путевых заметок // Русский вестник. 1869. Т. 83. № 9. С. 271.

⁷⁹ *Гаврилов Д.* Елтонский соляной промысел. Из путевых заметок // Русский вестник. 1869. Т. 83. № 9. С. 268.

⁸⁰ *Головащенко А.* Соляные промыслы Астраханской губернии // Труды Астраханского губернского статистического комитета. Астрахань: Тип. Астраханского губернского статистического комитета, 1877. Вып. 5. С. 30.

Из исследователей начала XX в., обращавшихся в своих трудах к истории заселения Северного Прикаспия, необходимо отметить И. А. Бирюкова, издавшего в 1911 г. фундаментальный труд по истории астраханского казачества. В первой части его работы достаточно подробно рассмотрена история создания поселений астраханских казаков во второй половине XVIII в., в т. ч. попытки учреждения станиц на Астраханско-Кизлярском тракте⁸¹. Заслугой автора является введение в научный оборот документов о поселенческой политике российских властей в отношении калмыков в XVIII в.

Ценные сведения по государственной переселенческой политике в Северном Прикаспии можно почерпнуть из статей, очерков, заметок православных священнослужителей, особенно приходских священников и миссионеров. Свои работы они публиковали обычно на страницах церковного журнала «Астраханские епархиальные ведомости». Объектом внимания духовных лиц являлась история становления и развития в регионе Русской православной церкви (Никанор, Саввинский)⁸², имиссионерская деятельность (Саввинский, Миссионерский, Гурий, Иринарх)⁸³, а данные темы тесно были связаны с историей заселения и переселенческой политики.

Одним из важных вопросов православной миссии среди калмыков было отношение к самовольным русским переселенцам в станах. Авторы трудов по миссионерской деятельности среди калмыков, написанных в последней трети XIX в., в целом положительно оценивали проникновение русских в миссионерские станы, однако в первые годы XX в. эта точка зрения сменилась на противоположную. Так, миссионер Иринарх (Маслов) полагал, что, допущенный

⁸¹ Бирюков И. А. История Астраханского казачьего войска. Саратов: Тип. П. С. Феокритова, 1911. Ч. 1. 745 с.

⁸² Никанор (Каменский Н. Т.) Краткая история Астраханской епархии. Астрахань: Тип. Перова, 1886. 140 с.; Саввинский И. И. Историческая записка об Астраханской епархии за 300 лет ее существования (с 1602 по 1902 год) // Очерки истории Астраханской епархии за 400 лет ее существования: В 2 т. Ростов н/Д: Фолиант, 2002. Т. 2. 632 с.

⁸³ Саввинский И. И. О деятельности Астраханского епархиального комитета по распространению христианства среди калмыков и киргизов за все время его существования (1871–1909 гг.) // Астраханские епархиальные ведомости. 1910. № 16. С. 563–578; № 17. С. 595–613; № 18. С. 641–653; № 19. С. 681–700; № 20. С. 717–724; № 22. С. 783–798; № 23. С. 831–838; № 24. С. 898–906; 1911 № 2. С. 59–71; № 5. С. 197–204. № 19. С. 682–700; Миссионерский сборник статей и заметок о калмыках и киргизах, кочующих в Астраханском крае Астрахань: Издание Астраханского комитета Православного миссионерского общества, 1910. 516 с.; Гурий (Степанов А. И.) Очерки по истории распространения христианства среди монгольских племен. Казань, 1915. Т. 1. Ч. 2. 700 с.; Иринарх. Несколько слов о рациональной постановке инородческой миссии среди калмыков-ламаитов Астраханской губернии // Астраханские епархиальные ведомости. 1915. № 35–36. С. 807–814.

администрацией прирост русского населения в среду крещеных калмыков в целях распространения христианства и культивирования оседлого образа жизни «привел к результатам, идущим вразрез интересов миссии», вызвав отток крещеных калмыков из станом⁸⁴.

При ознакомлении с историографией досоветского периода нетрудно заметить отсутствие специальных работ, посвящённых непосредственно государственной переселенческой политике. Среди авторов публикаций, затрагивавших данную проблему, не было ни одного профессионального историка, что сказалось на их научном уровне. Вместе с тем исследователями досоветского периода была заложена информационная основа для последующего изучения.

Начало советского периода в отечественной историографии ознаменовалось выходом двух обстоятельных публикаций профессоров П. Г. Любомирова и Н. Н. Пальмова, посвященных переселениям.

В 1926 г. вышла небольшая по объёму (24 стр.) брошюра профессора истории П. Г. Любомирова «О заселении Астраханской губернии в XVIII веке». Автор проследил процесс заселения Астраханской губернии на протяжении всего XVIII в. и показал роль в нем различных сословных групп и государственной власти. Он первым из исследователей обратил внимание на особенности заселения губернии, отметив, что оно «шло с большой медленностью и очень своеобразно». Другой особенностью, отличавшей заселение Астраханской губернии от Саратовского и Самарского Поволжья, было то, что монастырская и помещичья колонизация в ней не сыграла большой роли. До 1765 г. роль государства в переселенческом деле была незначительной и сводилась обычно к тому, чтобы «не мешать появлению здесь вольным насельникам». Государство в интересах обеспечения рыбных промыслов рабочей силой и в интересах заселения края нередко отступало от своих крепостнических принципов, и шло на легализацию «вольных насельников и

⁸⁴ *Иринарх*. Несколько слов о рациональной постановке инородческой миссии среди калмыков-ламаитов Астраханской губернии // Астраханские епархиальные ведомости. 1915. № 35–36. С. 810.

беженцев»⁸⁵. Основанные русскими населенные пункты были или военными крепостями или промысловыми, преимущественно рыбацкими, поселениями.

В 1765 г. начался новый период в истории Астраханской губернии. Государство приступило к организации массовых переселений: появились казачьи, крестьянские и помещичьи поселения. К началу XIX в. переселенцы освоили северные части Волжской дельты и Волго-Ахтубинской поймы.

Своим исследованием Любомиров охватил территорию Астраханской губернии в современных тогда ее границах, вне зоны его внимания остались территории, входившие в губернию в XVIII в. (Калмыкия, левобережье р. Волги, правый берег р. Яика и др.).

Большой вклад в изучение истории миграций на территорию Северного Прикаспия внес историк, профессор Н. Н. Пальмов. Появление его статьи «Обоседление калмыков, и русская иммиграция в Калмыцкую степь» было связано с практической потребностью обобщения накопленного опыта по переводу калмыков на оседлый образ жизни с целью его использования советскими властями для решения аналогичной задачи в 1920-е гг.

Пальмов, опираясь на архивный материал, не потерявшей своей научной ценности и для современных учёных, проследил эволюцию переселенческой политики российского правительства, начиная от указа от 19 мая 1806 г. до 1870-х гг., описал ход заселения новых населённых пунктов, возникших на основании указа императора Николая I «О заселении дорог на калмыцких землях Астраханской губернии». Историк рассматривал государственную переселенческую политику в неразрывной связи с попытками осуществить перевод калмыков на оседлый образ жизни, однако её главной целью он считал всё же разрешение вопроса крестьянского малоземелья центральных губерний.

Оценивая попытки правительства создать совместные русско-калмыцкие поселения, Пальмов отмечал, что калмыков испугал наплыв русских крестьян и, что, «хотя в распоряжении калмыков оставалось все же большое количество земли,

⁸⁵ Любомиров П. Г. О заселении Астраханской губернии в XVIII веке. Астрахань: Издание Астраханского Губплана, 1926. 24 с.

но среди них естественно должны были слышаться те же будирующие речи о перспективе оказаться на голых песках, где нечем будет кормить скот...». Также он считал, что в спорах переселенцев и калмыков «губернская администрация предпочитала поддерживать интересы русских и становилась больше на их сторону...», что усиливало недоверие калмыков к русским и отрицательно сказалось на межнациональных отношениях. Он писал: «Черта нерасположения и недоверия к русским проглядывала у калмыков до самого последнего времени. Из документов АКА можно убедиться, что, например, в 1912–1916 годах, почти все, за редчайшими исключениями, ходатайства русских семейств, в поисках лучших условий жизни, захавших в Астраханский край из разных губерний, о дозволении поселиться на калмыцких землях встречали отказ со стороны аймачных сходов. Калмыки определенно заявляли о нежелании допустить русских в свою среду»⁸⁶.

Другая работа Н. Н. Пальмова – «Этюды по истории приволжских калмыков» – также написана на основе широкого круга источников, однако основное внимание в ней сосредоточено на анализе правительственной политики в земельном вопросе. Аграрная политика всегда была направлена на урезание территории кочевания калмыков, причем существенную роль в этом процессе играли переселенцы. Вместе с тем автор был далек от недооценки значения законов, защищающих калмыцкие земли от расхищения, считая, что «наличие законодательных актов о земельных владениях давало основание калмыкам отстаивать свои земельные права в тех случаях, когда на них делались явные посягательства»⁸⁷.

П. Г. Любомиров и Н. Н. Пальмов являлись профессиональными историками и при написании своих работ они использовали сведения не только из трудов других исследователей, но и привлекали архивные материалы, к тому же были воспитаны на традициях дореволюционной русской историографии, представители которой большое внимание уделяли работе с источниками, поэтому до настоящего

⁸⁶ Пальмов Н. Н. Обоседление калмыков и русская иммиграция в Калмыцкую степь // Калмыцкая область. 1926. № 1. С. XXXV.

⁸⁷ Пальмов Н. Н. Этюды по истории приволжских калмыков/ Астрахань: Калмыцкий областной исполнительный комитет, 1932. Ч. 5. Дела земельные. С. 9.

времени их труды остаются одними из лучших в историографии государственной переселенческой политике в Северном Прикаспии.

В 1923 г. вышла небольшое по объёму (11 стр.) исследование А. В. Бородин «Астраханский край. Человек с историко-колониационной точки зрения», где даётся беглый обзор переселений в Астраханскую губернию с момента вхождения её территорий в состав России до конца XIX в. Содержащиеся в ней сведения очень краткие и не несут новизны, однако заслуживают внимания его выводы о том, что: русская колонизация «носила в значительной мере административный характер» и, что миграции шли не только с Европы, но также из Азии⁸⁸.

В 1930-е гг. учёные не проявляли интереса к истории миграций в Северный Прикаспий, что, по-видимому, в немалой степени было связано с завершением обсуждения проектов об административно-территориальных преобразованиях в регионе и перевода калмыков на оседлый образ жизни. В историографии окончательно утвердился марксистско-ленинский, классовый, формационный подход к изучению истории, по которому государственная политика самодержавия, в том числе переселенческая, рассматривалась как классовая и антинародная, а в национальных субъектах, ещё и как колониальная.

В калмыковедении в 1930-е гг. советскими историками была предложена официальная концепция истории Калмыкии. Её выдвинул саратовский профессор Г.З. Минкин, согласно которой Калмыкия являлась колонией России и подвергалась с её стороны колониальной эксплуатации. Профессор Г. З. Минкин не обладал глубокими научными знаниями о прошлом Калмыкии, и его точка зрения не была подкреплена серьёзным фактическим материалом. Несмотря на это для советских историков она стала теоретической основой и не подвергалась сомнению вплоть до конца 1980-х гг. С позиций этой концепции историками рассматривалась и досоветская государственная переселенческая политика российского правительства в Калмыкии.

⁸⁸ Бородин А. В. Россия. Астраханский край. Человек с историко-колониационной точки зрения. Пг., 1923. Т. 12. С. 9.

Начало захватов калмыцкой земли Минкин ведет с образования в 1717 г. Астраханской губернии, а главными действующими лицами захватов он считает помещиков и купцов, в соответствии с классовым подходом в своей работе он старается избегать слов «русские крестьяне» и «переселенцы», предпочитая оперировать терминами: «торговая буржуазия», «сельскохозяйственная буржуазия», «кулачество», «купечество», «помещики». По его утверждению, захваты калмыцких земель шли по нарастающей, а калмыки «не переставали бороться против колониального грабежа, но борьба была неравной, так как натиск русской колонизации поддерживался всеми средствами государственного принуждения».

Возникновение миссионерских станов Минкин считал делом рук русских кулаков: «Русское кулачество практиковало не только совместные распашки в степи, но и совместные поселения. С этой целью оно подговаривало калмыцкую бедноту к крещению, а затем вместе с крещеными калмыками, или, скорее, от их имени, получало земельные участки и селилось в степи вместе с калмыками»⁸⁹.

В 1950–1980-е гг. в отечественной историографии продолжал доминировать марксистский подход к освещению переселенческой политики российского правительства. В 1978 г. историография внутренних миграций в России в дооктябрьский период пополнилась, выполненной на высоком научном уровне, монографией Б. В. Тихонова «Переселения в России во второй половине XIX в.». Опираясь на материалы Всеобщей переписи населения в Российской империи 1897 г. и паспортных столов, Тихонов выявил главные направления переселенческих потоков в России, основные районы выхода переселенцев, рассмотрел неземледельческий отход крестьян на заработки, переселения из сельской местности в города, подвел итоги миграций⁹⁰.

Вплоть до 1970-х гг. историки не проявляли интереса к изучению миграций в Северный Прикаспий в дореволюционный период, образовавшуюся с середины

⁸⁹ Минкин Г. З. Об общественном строе Калмыкии и колониальной политике царизма. Элиста: Калмыцкий научно-исследовательский институт языка, литературы и истории при Совете министров Калмыцкой АССР, 1968. С. 40.

⁹⁰ Тихонов Б. В. Переселения в России во второй половине XIX в. (По материалам переписи населения 1897 г. и паспортной статистики). М.: Наука, 1978. 216 с.

1920-х гг. паузу в исследовании данной темы прервал Н. М. Васькин, выпустивший в 1973 г. брошюру «Заселение Астраханского края». Объектом его исследования стала история заселения Астраханской области в дореволюционный период в современных тогда её границах. Автор кратко рассмотрел государственные, помещичьи и казачьи переселения, опираясь на материалы из работ предшественников и архивов.

Основную роль в освоении Астраханской губернии, по его мнению, сыграла вольнонародная колонизация, незначительные итоги помещичьей колонизации он напрямую увязывал с кризисом феодально-крепостнической системы, более успешными он признавал государственные переселения.

Историк полагал, что в XIX в. государственная колонизация, по сравнению с предшествующим столетием, приняла несколько иной характер. Если раньше места под поселения выбирали сами переселенцы, то в XIX в. ей на смену пришла другая практика, когда власти стали определять места жительства на трактах⁹¹. Данное утверждение не соответствует историческим фактам. Основание большинства селений государственных крестьян Васькин относит ко второй половине 1840-х гг., по его словам, к 1860-м гг. Астраханская губерния бывав значительной мере уже заселена.

Перу Н. М. Васькина принадлежит также статья по истории формирования помещичьего землевладения во второй половине XVIII в., где наряду с разными вопросами затрагивается тема организации помещиками стационарных поселений⁹².

В 1982 г. вышла в свет интересная книга Н. Б. Голиковой по истории городов России в конце XVII – начале XVIII в. Голикова широко использовала материалы по Астраханской губернии. Она подробно рассмотрела, сохранившиеся за 1723–1724 гг. в РГАДА, ревизские сказки по г. Астрахани, из которых стало известно о сословном составе астраханского посада, географии мест выхода причисленных к нему пришлых людей. Ею проанализирована политика российского правительства

⁹¹ *Васькин Н. М.* Заселение Астраханского края. Волгоград: Нижне-Волжск. кн. изд-во, 1973. С. 47.

⁹² *Васькин Н. М.* Помещичье землевладение в Астраханском крае во второй половине XVIII в. // Проблемы истории СССР. М., 1976. С. 180–195.

по отношению к иностранным подданным из восточных стран, показаны особенности их статуса, описаны льготы, с помощью которых власти привлекали представителей восточных народов на жительство в Астрахань⁹³.

История крестьянских миграций нашла отражение в статье А. И. Карагодина, хотя она посвящена экономическому освоению крестьянами Астраханской губернии в первой половине XIX в. В ней автор приводит статистику из архивных дел по переселениям государственных крестьян в первой половине XIX в. Он отмечал, что организованные государством переселения шли медленными темпами, и что решающую роль в заселении губернии сыграли «народные переселенцы». Крестьянское заселение низовьев Волги он оценивал, как «глубоко прогрессивный факт», так как оно «содействовало быстрейшему подъёму производительных сил, превращению края из малонаселенной пустующей местности в край развитого рыболовства, скотоводства, а на севере губернии — и земледелия»⁹⁴.

Вместе с тем не со всеми выводами историка можно согласиться. Так, весьма спорным является его утверждение о том, что основу народонаселения Астраханской губернии составили беглые крепостные крестьяне, а вывод о том, что самовольные поселенцы на калмыцких землях относились к зажиточным слоям населения представляется вообще неверным и к тому же он не подкреплён историческими фактами⁹⁵.

Карагодин первым в отечественной историографии подверг сомнению концепцию Г. З. Минкина о колониальном статусе Калмыкии. В диссертации на соискании степени доктора исторических наук в 1988 г. он выразил мнение о том, что термин «колония» не применим в отношении к Калмыкии и в защиту своей позиции привел следующие аргументы: 1) российское государство не завоевывало калмыков, они сами добровольно приняли российское подданство; 2) калмыки

⁹³ Голикова Н. Б. Очерки по истории городов России конца XVII – начала XVIII в. М.: Изд-во Московского университета, 1982. 216 с.

⁹⁴ Карагодин А. И. Крестьянское освоение Астраханского края в первой половине XIX века // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Сборник IX. М.: Наука, 1980. С. 148.

⁹⁵ Карагодин А. И. Крестьянское освоение Астраханского края в первой половине XIX века // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Сборник IX. М.: Наука, 1980. С. 132, 134.

получили территорию от русского правительства; 3) никто специально не превращал Калмыкию в сырьевой придаток, так как она им была объективно в силу господства моноотраслевой структуры хозяйства⁹⁶.

Высказанное Карагодиным мнение о не колониальном статусе Калмыкии было новым в советской историографии, поскольку, начиная с 1930-х гг., историки внутренней политики российского руководства в Калмыкии (Бурчинова, Чужгинов, Симченко)⁹⁷ в методологическом плане опирались на концепцию Г. З. Минкина. В соответствии с ней рассматривали переселенческую политику авторы вышедшего в 1967 г. первого тома «Очерков истории Калмыцкой АССР»⁹⁸. Ю. В. Симченко в главе «Крестьянская колонизация Калмыкии и отношение к ней царского правительства» впервые предпринял попытку осветить историю переселений крестьян в Калмыкию в XIX – начале XX вв., однако свое исследование он построил исключительно на материалах работ своих предшественников, без привлечения архивных материалов. Это лишило исследование элементов новизны, более того, в нем были повторены некоторые ошибочные выводы прежних историков.

В 1989 г. вышла совместная монография Л. С. Бурчиновой и А. Н. Команджаева «От феодализма к капитализму», где была рассмотрена эволюция традиционных и развитие новых отраслей Калмыкии конце XIX – начале XX в. Авторы, разделяя концепцию Минкина о Калмыкии как о колонии «чистейшего типа», в тоже время отметили, что в конце XIX в. в результате предшествующего роста переселенческого населения и повышения его удельного веса в экономике Калмыкии произошло сглаживание некоторых черт, присущих колонии «в чистом

⁹⁶ Карагодина А. И. Хозяйство и общественно-политический строй приволжских калмыков в последней трети XVIII – первой половине XIX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Запорожье, 1988. С. 38.

⁹⁷ Бурчинова Л. С. Колониальная политика царизма в Калмыкии в русской историографии // Вестник Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории. № 3. Элиста, 1968. С. 5–25; Бурчинова Л. С. К вопросу о земельной политике царизма в Калмыкии в XIX веке // Вестник Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Серия историческая. Элиста, 1976. Вып. 15. С. 70–89; Чужгинов А. А. Проблема истории Калмыкии в трудах Н. Н. Пальмова // Вестник института. Элиста, 1968. Вып. 3. С. 27–42; Чужгинов А. А. К вопросу о превращении Калмыкии во внутреннюю провинцию Российской империи (первая половина XIX в.) // Из истории докапиталистических и капиталистических отношений в Калмыкии. Сб. статей. / отв. ред. Л. С. Бурчинова. Элиста: Калм. НИИЯЛИ, 1977. С. 54–59; Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. / ред. Н. В. Устюгов, И. Я. Златкин, Е. Н. Кушева. М.: Наука, 1967. 479 с.

⁹⁸ Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период / ред. Н. В. Устюгов, И. Я. Златкин, Е. Н. Кушева. М.: Наука, 1967. 479 с.

виде», а именно—несколько сузилась сфера национально-колониального угнетения»⁹⁹.

Из работ, написанных незадолго до крушения советской власти, необходимо отметить работу историка И. В. Борисенко: «Русско-украинская переселенческая деревня Калмыцкой степи: пути возникновения и развития»¹⁰⁰. В ней автор отошёл от идеологических схем и штампов и акцентировал внимание на изложении фактического материала. Борисенко рассмотрел пути формирования переселенческого населения Калмыкии, начиная с конца 1840-х гг. до начала XX в. Оно проникало на калмыцкие земли через государственные переселенческие села, торговые поселки, улусные и аймачные ставки, миссионерские станы.

На концепции «колонии» советскими историками изучалась история Внутренней Киргизской орды. Поскольку переселения в неё носили торгово-промысловый характер, то переселенческое движение рассматривалось в качестве инструмента сознательно проводившейся российским правительством политики по колониальному закабалению казахского населения и попыткой российской буржуазии утвердить своё господство на землях кочевников с целью превращения их в свой сырьевой придаток. В написанной в 1947 г. Б. А. Аспандияровым монографии «Образование Букеевской Орды» и её ликвидация» говорилось: «Букеевская орда почти с первых же лет своего существования стала ареной российской колониальной политики. Заселив огромные пространства казахами и сделав их объектом колониального грабежа, царское правительство превратило эту орду в сырьевую базу и рынок сбыта зарождающейся русской промышленности и тем самым сделало её источником обогащения купцов и промышленников»¹⁰¹.

Советскими исследователями была проведена большая работа по изучению истории переселенческого движения в Казахстан и в его отдельные регионы, однако по Внутренней Киргизской орде и Уральской области специальных работ написано так и не было. В 1980-е гг. вышли монографии историка Н. Е.

⁹⁹ Бурчинова Л. С., Команджаев А. Н. От феодализма к капитализму. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1989. С. 21

¹⁰⁰ Борисенко И. В. Русско-украинская переселенческая деревня Калмыцкой степи: Пути возникновения и развития (середина XIX в. – 1917 г.) // Социально-экономическое и политическое положение крестьянства Калмыкии в дореволюционный период. Сб. ст. / отв. ред. И. В. Борисенко. Элиста, 1989. С. 63–89.

¹⁰¹ Аспандияров Б. А. Образование Букеевской Орды и её ликвидация. Алматы: Казак энциклопедиясы, 2007. С. 90.

Бекмахановой «Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии: последняя четверть XVIII – 60-е годы XIX в.»¹⁰² и «Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма (60-е годы XIX в. – 1917 г.)»¹⁰³, посвященные формированию населения указанных регионов в имперский период, однако материалов по переселениям во Внутреннюю Киргизскую орду в Уральскую область в них содержится очень мало.

В постсоветский период отпала необходимость следовать единой методологии в исторических исследованиях, поэтому историки начали постепенно отходить от идеологизированных и однобоких штампов, схем и клише.

В начале 1990-х гг. большим событием в отечественной историографии стал выход монографий историка В. М. Кабузана по формированию этнической структуры населения России в имперский период. Опираясь на материалы ревизий населения и другие массовые источники, Кабузан проследил изменения в численности этносов, произошедшие на протяжении XVIII– первой половины XIX вв., и проанализировал причины их вызвавшие. Историк систематизировал все имеющиеся у него сведения по демографии и миграциям народов как по всей России, так и по регионам и губерниям. Основываясь на материалах ревизий населения Кабузан установил, что Астраханская губерния в 1720–1760-е гг. ещё не являлась объектом интенсивного освоения переселенцами¹⁰⁴, и, что оно началось только после ухода калмыков в Джунгарию.

Вторая книга Кабузана по этническому составу населения России охватывает период первой половины XIX в. Изучив окладные книги, фиксировавшие переселения, историк пришел к выводу о том, что в 1830 – 1840-е гг. Астраханская губерния относилась к числу активно заселяемых районов, но одновременно он отметил, что удельный вес русского населения в этнической структуре населения, при абсолютном его росте, в первой половине XIX в. снизился и составлял не более

¹⁰² Бекмаханова Н. Е. Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии. Последняя четверть XVIII – 60-е годы XIX в. М.: Наука, 1980. 280 с.

¹⁰³ Бекмаханова Н. Е. Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма (60-е годы XIX в. – 1917 г.). М.: Наука, 1986. 246 с.

¹⁰⁴ Кабузан В. М. Народы России в XVIII веке: Численность и этнический состав. М.: Наука, 1990. С. 138.

30 %. Этот факт он объяснял массовым переселением в волго-уральские степи казахов, которые повысили удельный вес кочевников¹⁰⁵.

В постсоветское время в отечественной историографии наметились сдвиги в изучении государственной переселенческой политики. Если в предшествующий период данная тема не являлась объектом специального изучения, а разрабатывалась в рамках общей миграционной тематики или затрагивалась в той или иной степени в работах, тематически не связанных с ней непосредственно, то в постсоветские годы появились исследования, целиком ориентированные на изучение государственной переселенческой политики.

В рассматриваемое время значительно возрос интерес к переселенческой тематике, что в большой степени было связано с распадом СССР и возникшими в связи с этим в мире огромными проблемами. Вопросы переселенческой политики в России подробно изучались и анализировались М. К. Чуркиным¹⁰⁶, Е. В. Поповым¹⁰⁷, А. Д. Дюсюповым¹⁰⁸, К. И. Зубковым¹⁰⁹, Ю. Н. Смирновым¹¹⁰, А. М. Эткиндо¹¹¹ и др. Некоторые их выводы по переселенческой тематике представляют интерес. Так, Чуркин, проанализировав имперскую внутреннюю политику, пришёл к выводу о том, что деятельность властей в условиях западных окраин была направлена на преодоление социальной «турбулентности» и конфликтности, а на восточных она ориентировалась на «обстоятельства географической отдаленности» и «слабой включенности» территорий в общеимперский организм.

¹⁰⁵ Кабузан В. М. Народы России в первой половине XIX века: Численность и этнический состав. М.: Наука, 1992. С. 132.

¹⁰⁶ Чуркин М. К. Колонизационный процесс в России: Сценарии модернизации империи в условиях освоения окраин // Государство и общество в условиях модернизации. Омск: Полиграфический центр КАН, 2015. С. 7–25.

¹⁰⁷ Попов Е. В. Характеристика переселенческой политики в Российской империи в 60–80-е гг. XIX в. в контексте дискурса имперских экспертов // *Via in tempore*. История. Политология. 2021. Т. 48. № 2. С. 394–404.

¹⁰⁸ Дюсюпов А. Д. Правовое регулирование переселенческой политики в России во второй половине XIX – начале XX в.: к истории вопроса // *Право и государство: Теория и практика*. 2020. № 5 (185). С. 49–53.

¹⁰⁹ Зубков К. И. Колонизационный тренд в истории имперской России: Динамика «вызовов и ответов» // *История и современное мировоззрение*. 2019. № 4. С. 32–40.

¹¹⁰ Смирнов Ю. Н. Экспансия и колонизация в Российской империи: от традиции к модерну // *Внешиеполитические интересы России: История и современность*. Сборник материалов IV Поволжского научного конгресса 28 апреля 2017. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2017. С. 223–231.

¹¹¹ Эткиндо А. М. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 448 с.

Е. В. Попов, подробно ознакомившись с мнениями имперских экспертов, сделал вывод о появлении в российском руководстве «нового концептуального геополитического проекта, который ознаменовал собою более высокий уровень взаимодействия в новых для себя условиях политико-экономических аспектах». Во второй половине XIX в. переселенческая политика вышла на новый теоретико-дискуссионный уровень, что повлекло активизацию практических действий правительства.

А. Д. Дюсюпов посвятил свое исследование истории разработки государственно-правового регулирования в отношении крестьянских переселений в течение второй половины XIX – начала XX в. В данный период активно обсуждались функции переселения, права на него различных сословий, роль государства в организации переселения, методы стимулирования русского крестьянства в процессе освоения окраин.

К. И. Зубков показал особенности русской колонизации сквозь призму концептуальной схемы Тойнби – «вызов – ответ». Определяя «вызовы» как кризисные ситуации, угрожающие существованию общества и подразделяя их на внешние и внутренние, автор утверждает, что долговременный внешний «вызов» в виде угрозы со стороны кочевников евразийских степей предопределил на долгое время колонизационный сдвиг русского населения на относительно неблагоприятные для аграрного освоения территории. Это обстоятельство, в свою очередь, «породило долговременный внутренний «вызов» в виде недостатка ресурсов и низкой нормы прибавочного продукта, что сделало колонизацию практически перманентным процессом для истории России ...»¹¹².

История переселенческой политики исследуется также по отдельным частям государства. Переселенческая тематика затрагивалась в сборнике статей под редакцией С. В. Любичанковского, в котором проанализирована имперская политика на землях кочевников¹¹³, непосредственно миграционной политике по

¹¹² Зубков К. И. Колонизационный тренд в истории имперской России: Динамика «вызовов и ответов» // История и современное мировоззрение. 2019. № 4. С.38.

¹¹³ Имперская политика аккультуризма и проблема колониализма (на примере кочевых и полукочевых народов Российской империи) /науч. ред. С. В. Любичанковский. Оренбург: Изд-во Центрального ОГАУ, 2019. 480 с.

Сибири посвящены работы Бакшеева¹¹⁴, по Югу вышли труды: Р. Н. Дзагова¹¹⁵, С. Е. Сазоновой¹¹⁶, А. А. Куваевой¹¹⁷, Д. У. Ахмедовой¹¹⁸, И. А. Суздальцевой¹¹⁹ и др.

В 1990–2010-е гг. историками И. В. Торопицыным, А. М. Пономаревым, С. С. Белоусовым был написан ряд статей по истории разработки и реализации государственных переселенческих проектов в XVIII–XIX вв. в Северном Прикаспии (Торопицын, Пономарев, Белоусов)¹²⁰.

Новым явлением в отечественной историографии стал выход публикаций по участию отдельных национальных, сословных и профессиональных групп населения в переселенческих мероприятиях государства, и в целом их роли в заселении Северного Прикаспия (Белоусов, Арсланов, Викторин)¹²¹. В рассматриваемый период внимание исследователей также привлекала политика властей в отношении самовольных переселенцев.

В постсоветские годы началось изучение политики властей в отношении вынужденных переселенцев в Астраханской губернии в годы Первой мировой войны. По данной теме вышли публикации А.Н. Алиевой¹²², Е. Г. Тимофеевой и

¹¹⁴ Бакшеев А. И. Теория фронта и переселение крестьян в Сибирь: трактовка государственной политики XIX–XX вв. // Известия лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 2 (35). С. 84–94.

¹¹⁵ Дзагов Р. Н. Миграционная политика российского правительства в Кабарде во второй половине XIX – XX вв. // История науки и техники. 2008. № 4. С. 57–62.

¹¹⁶ Сазонова С. Е. Государственная переселенческая политика и движение украинского населения в районы Кубани в конце XVIII – первой половине XIX в. // Власть. 2008. № 9. С. 122–125.

¹¹⁷ Куваева А. А. Миграционная политика России в Северо-Западном Кавказе во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2011. № 3. С. 86–92.

¹¹⁸ Ахмедова Д. У. Миграционные процессы в Дагестане в XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2012. 22 с.

¹¹⁹ Суздальцева И. А. Русское переселенческое движение на Северо-Восточный Кавказ в конце XIX – начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 2019. 19 с.

¹²⁰ Торопицын И. В. Роль В. Н. Татищева в колонизации юго-восточных окраин России // Исторические судьбы России в научном наследии В. Н. Татищева. Материалы международной конференции (Астрахань. 14–16 октября 2004 г.). Астрахань: Астраханский университет, 2004. С. 37–45; Пономарёв А. М. Проекты поселения казаков по границе Астраханской губернии в середине XVIII века (основание крепостей, форпостов, поселений) // Астраханские краеведческие чтения: Сборник статей. Астрахань: Сорокин Роман Васильевич, 2017. Вып. IX. С. 105–113; Белоусов С. С. К истории разработки программы заселения дорог на калмыцких землях – первой государственной программы социально-экономических преобразований в Калмыкии. // Вестник КИГИ РАН. Элиста: Джангар, 2002. С. 120–133; Разработка программы заселения территорий вдоль дорог на калмыцких землях // Россия сельская. XIX – начало XX века. / отв. ред. А. П. Корелин. М.: РОССПЭН, 2004. С.68–82.

¹²¹ Белоусов С. С. Переселения торгово-ремесленного населения на калмыцкие земли Астраханской губернии в контексте государственной торговой политики (XIX – начало XX вв.) // Былые годы. 2019. Т. 53. № 3. С. 1059–1066; Арсланов Л. Ш., Викторин В. М. «Переселенческие острова» ... Из истории татарских сел Нижнего Поволжья и Ставрополя // Идель. 1992. Вып. 1–2. С. 84–88.

¹²² Алиева А. Н. Участие Астраханского земства в оказании помощи беженцам в 1915–1918 гг. // Астраханские краеведческие чтения: сборник статей. Астрахань: Издатель Сорокин Роман Васильевич, 2011. Вып. III. С. 228–238; Деятельность Астраханского городского комитета по устройству беженцев в годы Первой мировой войны (по материалам собрания Астраханского музея-заповедника) // Всероссийская научная конференция, посвященная 175-летию Астраханского музея-заповедника: сборник статей. Астрахань: Издатель Сорокин Роман Васильевич, 2012.

С.В. Лебедева¹²³, которые посвящены в основном анализу деятельности государственных и общественных организаций по приему, размещению и обустройству вынужденных переселенцев. В рамках данной проблемы историки приступили к изучению беженцев отдельных этнических групп (Плюцинский, Белоусов)¹²⁴.

Переселенческая проблематика получила развитие в трудах учёных Калмыкии. Она, в частности, нашла своё отражение в трёхтомном обобщающем труде «История Калмыкии с древнейших времён до наших дней», в первом томе которого Белоусовым анализируется история переселений в Калмыкию на протяжении второй половины XVIII–XIX вв.¹²⁵ Определённое внимание переселениям уделено и в обобщающем труде по истории Астраханской области, изданном Астраханским государственным педагогическим университетом в 2000 г.¹²⁶

Государственная переселенческая политика в предшествующий уход калмыков в Джунгарию период и степень её влияния на откочевку стала предметом научного спора в калмыковедении. В советской историографии утвердилось мнение о том, что одной из главных причин откочевки калмыков в 1771 г. послужил земельный вопрос, возникший в результате массовой колонизации калмыцких земель оседлым населением. В начале 2000-х гг. эта точка зрения подверглась уточнению и пересмору. Профессор К. Н. Максимов считает, что она не совсем верна, что главной причиной откочевки значительной части калмыков в Джунгарию «являлась великодержавная политика России, которая практически

С. 130–132; Деятельность Селитренского местного комитета по оказанию помощи беженцам (1915–1917) // Астраханские краеведческие чтения: сборник статей. Астрахань: Издатель Сорокин Роман Васильевич, 2015. Вып. VII. С. 193–198.

¹²³ Тимофеева Е. Г., Лебедев С. В. Беженцы Великой войны в Астраханской губернии. 1915–1917 гг. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2014. № 4. С. 288–295.

¹²⁴ Плюцинский С. С. Переселенные немцы на территории Астраханской губернии в годы Первой мировой войны (1914–1918) // История и современная регионалистика Верхнего Дона и Нижнего Поволжья. Сборник научных статей по материалам научной конференции «Историческое и этнокультурное развитие Нижнего Поволжья» (г. Волгоград, 10–11 сентября 2004 г.). Волгоград: Волгоградск. науч. изд-во, 2005. С. 218–231; Белоусов С. С. Славянские вынужденные переселенцы в Астраханской губернии в годы Первой мировой войны: проблема жизнеобеспечения и адаптации // Славяноведение. 2021. № 1. С. 94–104.

¹²⁵ История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: монография; К. Н. Максимов, Н. Г. Очирова (отв. ред.) и др. Элиста: Герел, 2009. Т. 1. 848 с.

¹²⁶ История Астраханского края / под. общ. ред. И. М. Ушакова. Астрахань: Изд-во Астраханского государственного педагогического университета, 2000. 1122 с.

осуществлялась методами колонизации, христианизации, ограничительной политики...»¹²⁷. В то же время он признавал, что колонизация земель Нижнего Поволжья являлась проявлением «объективного процесса нарождавшегося капитализма...» и её не следует отождествлять с великодержавной политикой России. Перераспределение земель должно было быть «регулируемым, с выработанными принципами и механизмами распределения и перераспределения, обеспечения контроля».

Максимов отрицательно оценивал последствия колонизации для калмыцкого народа: «Колонизация для калмыков означала не только лишение пастбищ, ограничение территории калмыцких кочевий, но и смешение с другими этносами, изменение хозяйственного и бытового уклада жизни, а также ухудшение экономического положения всех социальных групп населения»¹²⁸.

Данную проблему подробно в своей монографии «Последнее великое кочевье: Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII–XVIII веках» рассмотрел историк В. И. Колесник. Он считает, что с «данной позицией можно согласиться только отчасти и с существенными оговорками»¹²⁹. Основываясь на статистических сведениях и выводах авторитетных ученых в области исторической демографии Я. Е. Водарского и В. М. Кабузана, В. И. Колесник утверждает, что в 1700–1760-е гг. колонизация оседлым населением земель в Нижнем Поволжье, в Предкавказье и на р. Яике, на которых кочевали калмыки, была незначительной и не могла привести к подрыву основ калмыцкого скотоводческого хозяйства и вызвать откочевку¹³⁰.

В постсоветское время в России наблюдается всплеск интереса к истории малой Родины. По истории населенных пунктов выходят книги, статьи, размещаются материалы в интернете, авторами которых являются как

¹²⁷ Максимов К. Н. Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII–XX вв.). М.: Наука, 2002. С. 141.

¹²⁸ Максимов К. Н. Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII–XX вв.). М.: Наука, 2002. С. 141.

¹²⁹ Колесник В. И. Последнее великое кочевье: Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII–XVIII веках. М.: Вост. лит., 2003. С. 137.

¹³⁰ Колесник В. И. Последнее великое кочевье: Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII–XVIII веках. М.: Вост. лит., 2003. С. 147.

профессиональные историки, так и увлекающиеся краеведением лица. Многие, если не большинство любителей местной истории, не имеют специальной подготовки, поэтому научный уровень их публикаций оставляет желать лучшего, однако среди них есть люди, которые серьёзно освоили работу с архивными источниками и в их работах можно почерпнуть много интересной и полезной информации, наблюдений по истории переселений. Их материалы дополняют наши представления о переселениях и о переселенческой политике, в частности.

При работе над диссертацией автор привлекал некоторые сведения из трудов по истории населенных пунктов Северного Прикаспия (Александрова, Башлыкова, Будков, Клушин, Марков, Меркулов, Миретин)¹³¹.

Традиционно считается, что основы теоретических концепций исследования миграционных процессов заложил английский ученый Э. Равенстайн, сформулировавший одиннадцать миграционных законов¹³². Для историков изучающих переселенческую государственную политику близка теория исторического структурализма С. Кастлеса¹³³. Согласно этой теории миграция рассматривается как динамический процесс, объемы и направления которого определяются государственным регулированием и уровнем индустриального развития, а действия самих мигрантов обусловлены структурами «государственного капитализма». Первичными силами в политико-экономической модели иммиграции выступают государство и капитал.

В зарубежной историографии государственная переселенческая политика на территории Северного Прикаспия не изучалась, но она упоминалась в работах

¹³¹ Александрова М. Село Пришиб [электронный ресурс] // Летопись краеведа. 2017. 10 августа. Режим доступа: https://vk.com/letopis_kraeved; Башлыкова Т. А. Были заволжского края: Исторические очерки. Волгоград: Комитет по печати и информации, 1999. 260 с.; Будков И. Село Средне-Ахутбинское [электронный ресурс] // Летопись краеведа. 2017. 7 июля. Режим доступа: https://vk.com/letopis_kraeved; Клушин А. Неизвестная история села Безродное [электронный ресурс] // Летопись краеведа. 2019. 2 июня. Режим доступа: https://vk.com/letopis_kraeved; Клушин, А. Село Александровка [электронный ресурс] // Летопись краеведа. 2018. Режим доступа: https://vk.com/letopis_kraeved; Марков А. С. Петр I и Астрахань. Астрахань: Форзац, 1994. 192 с.; Меркулов Б. Г. Село Началово. Черепаха тож. Астрахань: Новая Линия, 2016. 376 с.; Миретин А. В. Анализ источников по истории молокан двух Пришибов в XIX столетии [электронный ресурс] // Молокане: материалы к истории – 2017. 23 ноября. Режим доступа // <http://molokans.ru>23.

¹³² Ravenstein E. G. The Laws of Migration, 1885, by John Corbett // Journal of the Royal Statistical Society. 2003. № 48. Pp. 167–227.

¹³³ Castles S., Kosack G. Immigrant workers and class structure in Western Europe. Oxford: Oxford University Press, 1973 and 1985.

французского учёного М. Курана и английского исследователя М. Ходорковского как одна из главных причин, вызвавшая откочевку калмыков в Джунгарию в 1771 г. М. Куран считал, что начавшаяся в XVIII в. экспансия российского государства в южном направлении, которая сопровождалась возведением укрепленных линий и крепостей, созданием немецких колоний, привела к сужению кочевий калмыков и побудила их принять решение об уходе из России¹³⁴. Его взгляды в целом разделяет современный исследователь М. Ходорковский указывающий в качестве главных причин откочевки колонизацию и использование российским государством военной силы калмыков¹³⁵.

Обзор историографии имперской переселенческой политики на территории Северного Прикаспия свидетельствует о том, что эта тема затрагивалась в работах многих исследователей, однако, она изучалась в рамках отдельных территорий, хронологических периодов и в различных аспектах.

Отсутствие обобщающего исследования не даёт возможности проследить эволюцию переселенческой политики государства в целом в регионе, выявить как её общие черты, так и особенности проведения в отдельных административно-территориальных единицах. Таким образом, назрела необходимость в систематизации накопленного материала и в создании обобщающего исследования по истории переселенческой политики, охватывающего все административно-территориальные образования обширного Северного Прикаспия и на протяжении всего имперского периода.

¹³⁴ Courant M. L. *Asie Centrale aux XVII-e et XVIII-e sifecles: Empire Kalmouk ou Empire Mantchou?* Lion-Paris: A. Picard, 1912. 152 p.

¹³⁵ Khodarkovsky M. *Where Two Worlds Met: The Russian State and Kalmyk Nomad 1600 – 1771* Ythaka, N.Y.: Cornell University Press, 1992. 278 p.

1.2. Источники¹³⁶

При работе над диссертацией использовались неопубликованные (архивные) и опубликованные источники.

Основная часть источников по переселенческой политике в имперский период в Северном Прикаспии находится в архивах городов: Москва (Российский государственных архив древних актов), Санкт-Петербург (Российский государственный исторический архив), Астрахань (Государственный архив Астраханской области), Элиста (Национальный архив Республики Калмыкия). Наиболее информативными и многочисленными из них являются делопроизводственные документы, из числа которых в основном были использованы законодательные источники, директивная и делопроизводственная документация, статистические источники.

Среди опубликованных источников наибольшее значение для изучения нашей темы имеет многотомное издание историко-юридических памятников России — Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). С 1830 по 1916 гг. вышло три собрания документов, помещенных в хронологической последовательности в 133 томах. Поскольку исследование охватывает большой хронологический промежуток времени, то при работе над диссертацией возникла необходимость в изучении материалов по переселенческому вопросу из томов всех трех собраний.

¹³⁶ Основой данного параграфа послужили статьи С. С. Белоусова: *Белоусов С. С.* Документы по государственной переселенческой политике в Астраханской губернии (вторая половина 1830-х гг.) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2018. № 1. С. 6–17; *Белоусов С. С.* Переселенческая деятельность астраханских губернаторов В. Н. Татищева и Н. А. Бекетова // Монголоведение. 2018. Т. 10. № 1. С. 4–19; *Белоусов С. С.* Самовольные поселения на калмыцких землях Астраханской и Ставропольской губерний: Переселенцы и губернские власти (XIX – начало XX веков) // Новый исторический вестник. 2018д. № 1 (55). С. 6–20; *Белоусов С. С.* Влияние природного фактора на государственную переселенческую политику на калмыцких землях (1840-е – 1870-е гг.) // Былые годы. 2019а. Т. 54. № 4. С. 1576–1583; *Белоусов С. С.* Переселенцы в политике властей по христианизации калмыков (последняя треть XIX – начало XX вв.) // Новый исторический вестник. 2019. Т. 62. С. 6–22; *Белоусов С. С.* Роль торгово-ремесленного населения в создании стационарных поселений на землях казахов Внутренней киргизской орды Астраханской губернии. XIX в. // *Oriental Studies*. 2019д. № 44 (4). С. 634–644, которые были значительно доработаны и дополнены.

Полное собрание законов содержит разнообразный законодательный материал: именные указы, высочайшие повеления, манифесты, рескрипты, положения, уложения, уставы, высочайше утвержденные «журналы» Комитета министров и Совета министров, мнения Государственного совета, положения Военного совета, законы. В них имеется информация о правилах и порядке организации переселений, о мерах по отношению к самовольным переселенцам, о численности и социальной принадлежности переселенцев, о целях переселенческой политики и по другим вопросам переселенческого дела как в целом по стране, так и по регионам, в т. ч. по Северному Прикаспию.

Материалы ПСЗ РИ представляют большую ценность для исследователя ещё потому, что во многих из них помимо содержащегося в них законодательного материала часто подробно излагается история вопроса, позволяющая ознакомиться с мнениями правительства, центральных ведомств и местной администрации относительно общегосударственной и региональной переселенческой политики. Так, в «Положении об отводе земель калмыкам и другим народам, кочующим в губерниях Астраханской части Саратовской» от 19 мая 1806 г., например, приведены материалы доклада военного начальника Астрахани и инспектора Кавказской линии от Каспийского до Черного моря генерал-майора И. И. Завалишина о природных особенностях Астраханской губернии с точки зрения освоения их переселенцами и его рекомендации по организации переселений¹³⁷, а в Положении от 28 июля 1878 г. «По предмету устройства поселков на прибрежной полосе Каспийского моря» подробно излагается история вопроса с самовольными поселками Прикаспия¹³⁸.

Для исследователя большую ценность представляет делопроизводственная документация. Её изучение даёт возможность разобраться с механизмом реализации принятых решений, их итогами и последствиями. Делопроизводственные материалы по характеру подразделяются на документы,

¹³⁷ Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1830. Т. 29. С. 298–299, 304.

¹³⁸ Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1880. Т. 53. Ч. 2. С. 62.

определяющие задачи, компетенции, порядок деятельности учреждений (инструкции, уставы и различного рода нормативные акты), документы, освещающие процесс выработки, обсуждения и принятия решений об основных направлениях деятельности государственных структур, отвечающих или причастных к переселенческому делу (планы работ, проекты постановлений, протоколы, стенограммы), документы, раскрывающие ход исполнения принятых решений (докладные записки, справки, информации), переписку различных учреждений между собой и гражданами (письма, обращения, прошения, отношения), материалы, посвященные итогам деятельности учреждения или органа за определенный промежуток (отчеты, справки).

Для изучения переселенческой политики в XVIII в. в Северном Прикаспии первостепенное значение имеют материалы фондов № 16 (Разряд XVI. Внутреннее управление) и № 23 (Разряд XXIII. Внутреннее управление) Российского государственного архива древних актов, поскольку в них отложились документы высших и центральных органов государственной власти, отвечавших за управление регионами. Материалы упомянутых фондов включают в себя переписку кавказских наместников и астраханских губернаторов с правительством по вопросам переселений. В ходе работы в фондах № 16 и 23 докторант обнаружил и ввёл в научный оборот материалы по заселению Царицынско-Ставропольского и Астраханско-Кизлярского трактов в 1770–1790-е гг., которые ранее исследователям были неизвестны или не использовались. В них содержатся: делопроизводственная переписка о результатах заселения дорог, записки, анализирующие причины неудач, ведомости о числе поселений и переселенцев, национальном и сословном составе и др. Их изучение позволило осветить ранее неизвестную страницу в переселенческой политике.

Ценная информация о переселенческих селах имеется также в «Материалах генерального и специального межевания по Астраханской губернии» (Ф. 1298) РГАДА.

В Российском государственном историческом архиве (г. Санкт-Петербург) сосредоточены в основном документы высших и центральных органов

государственной власти. Важнейшие из них хранятся в фондах Первого Департамента Министерства государственных имуществ (№ 383), Канцелярии министра земледелия (№ 381), Планового архива (№ 380), Земского отдела Министерства внутренних дел (№ 1291). В перечисленных фондах отложились источники, отражающие в основном переселенческую политику государства. Документы содержат межведомственную переписку и с губернскими органами власти о подготовке переселений, о ходе процесса заселения и обустройства новых поселений, самовольных поселений, социальном и сословном составе переселенцев. Для исследования миграций в калмыцкие степи большую ценность представляют отчётная документация: ежегодные отчёты Управления калмыцким народом, материалы ревизий сенаторов П.П. Гагарина (1844 г.) и Любовидского в 1856–1859 гг., капитан-лейтенанта Опочина в 1858–1859 гг., рекогносцировочные и сборные карты землемеров и иной картографический материал. Основная масса документов в РГИА являются первоисточниками и подлинниками, поэтому для исследования они представляют большую ценность.

Большинство документов Первого департамента и Земского отдела были введены в научный оборот впервые. Особый интерес среди них представляют материалы подготовки и реализации проекта заселения дорог на калмыцких землях. Знакомство с данными материалами и их анализ привел к выводу о том, что высшее российское руководство приоритетной считало выполнение задачи заселения трактов, а не перевод части калмыков на оседлость, как это было записано в указе от 30 декабря 1846 г. «О заселении дорог на калмыцких землях Астраханской губернии». Из межведомственной переписки следует, что власти обозначили в указе в качестве главной цели перевод калмыков на оседлость, опасаясь негативной реакции калмыков на изъятие части земель на нужды новых поселений.

В Государственном архиве Астраханской области особо следует выделить фонды Астраханского управления земледелия и государственных имуществ (№ 794), Астраханской казённой палаты (№ 687), Управления Каспийско-Волжскими рыбными и тюленьими промыслами (№ 194).

После своего учреждения Министерство государственных имуществ создало в губерниях специальные комиссии, получивших название приуготовительных, которые должны были собрать сведения об управлении государственными имуществами на местах, о положении крестьян и по другим вопросам, и, затем представить свои предложения по реформе на рассмотрение П. Д. Киселёву и его команды. В считавшихся многоземельными губерниях, в том числе в и Астраханской губернии, комиссии получили также задания изучить колонизационные возможности своих губерний и направить в V-е отделение свои соображения относительно организации переселений в них государственных крестьян.

В фонде Астраханского управления земледелия и государственных имуществ отложились, документы, содержащие информацию о выполнении этого государственного задания в Астраханской губернии. Материалы включают в себя мнения и заключения по переселенческому вопросу Астраханской губернской комиссии для приуготовительных распоряжений по приёму государственных имуществ, Астраханского военного губернатора, V отделения Собственной его императорского величества канцелярии и Первого департамента Министерства государственных имуществ. Данная переписка позволяет выявить подходы представителей высших и местных органов государственной власти к решению важнейших государственных задач в регионе и проследить механизмы принятия решений по их реализации. Материалы фонда, кроме того, дают представление об особенностях колонизационного фонда Астраханской губернии, на который огромное влияние оказали почвенный покров, рельеф местности, климат и другие факторы.

В фонде Астраханского управления земледелия и государственных имуществ хранится записка чиновника Министерства земледелия и государственных имуществ И. И. Пересвет–Солтана, являющаяся ценным источником по истории заселения прибрежной полосы Каспийского моря и правительственной политике по отношению к самовольным рыбацким поселениям во второй половине XIX – первые годы XX вв. В ней помещены сведения по истории возникновения

поселков, их социальной инфраструктуре, управлению, хозяйственной деятельности, численности и сословному составу их жителей, приводится динамика увеличения численности населения поселков за период с 1894 по 1903 гг., и рассматриваются факторы, обусловившие людской прирост.

В документе анализируются проекты, подготовленные в различных правительственных ведомствах, что позволяет проследить эволюцию государственной политики на протяжении второй половины XIX – первых лет XX вв. в отношении самовольных переселенцев и рыбацких поселений. Автор записки излагает свою точку зрения на проблему и предлагает свои пути её решения.

Документы фонда № 794 фонда также содержат сведения о политике властей в отношении переселенцев, поселившихся в железнодорожных поселках и об их административном, земельном и хозяйственном устройстве.

Для изучения переселенческой политики большую ценность представляет фонд Астраханской казенной палаты (№ 687), в делах которого содержатся посемейные списки переселенцев, ревизские сказки крестьян и другие материалы текущего и единовременного учёта.

При написании диссертации использовались материалы фонда № 194 (Управление Каспийско-Волжскими рыбными и тюленьими промыслами), в делах которого отложилась информация о помещичьих переселениях в дельту р. Волги и на побережье Каспийского моря, сведения об основании поселений, географии мест выхода поселенцев и правительственной политике. Архивные документы включают переписку органов государственной власти, прошения жителей поселков, исторические справки о возникновении самовольных рыбацких поселений.

В 1877 г. Астраханский губернский статистический комитет разослал по волостным правлениям губернии анкеты, в которых им было предложено ответить на вопросы о начальной истории поселений подчинённых им населённых пунктов. Записанная должностными лицами местного самоуправления и приходскими священниками информация хранится в фонде № 32 Астраханского губернского статистического комитета Государственного архива Астраханской области. При

работе с ней надо иметь ввиду, что она происходит не из первичного источника, поэтому требует тщательной проверки.

В Национальном архиве Республики Калмыкия основные сведения о миграциях сосредоточены в фондах И-7 (Канцелярия Главного попечителя калмыцкого народа по заселению дорог на калмыцких землях) и И-9 (Управление калмыцким народом). В фонде И-7 отложились донесения, рапорты членов специально созданной для реализации указа от 30 декабря 1846 г. Комиссии по заселению дорог на калмыцких землях к Главному попечителю калмыцкого народа, переписка последнего с вышестоящими органами и своими подчинёнными о ходе заселения дорог, ведомости об устройстве и экономическом положении новых поселений, дела о причислениях крестьян.

Фонды органов управления народом (И-1; И-2; И-3; И-6; И-9) по миграционной тематике хранят преимущественно материалы, связанные с самовольными переселениями на калмыцкие земли. В их документах отражена политика центральных и местных властей по отношению к самовольным переселенцам в XIX – начале XX вв., описаны обстоятельства появления самовольных поселений и борьба их жителей за легализацию

Часть делопроизводственных материалов опубликована в сборниках документов.

В 1837–1854 гг. по заданию Генерального Штаба России его штаб-офицеры и обер-офицеры составили обозрения 82-х губерний и областей Российской империи, в которых поместили информацию об их топографии, природных условиях, путях сообщения, числе жителей, размещении и движении населения, обычаях, состоянии сельского населения, промыслов, ремесел, промышленности и торговли и т. д. Собранный материал был разбит на регионы, а последние на части. Сведения по Астраханской губернии были подготовлены под руководством подполковника К. С. Безносикова, а по Внутренней Киргизской орде – полковником И. Ф. Бларамбергом.

Интересные и ценные материалы о переселенческой политике в Северном Прикаспии содержатся в сборниках документов коллективных авторов, изданных

в разное время. В 1896 г. Петровское общество исследователей Астраханского края выпустило сборник исторических материалов, относящихся к Астраханской губернии, в основном дневники и отрывки из них, посетивших в XVI–XVIII вв. губернию государственных деятелей и путешественников (Петра I.В. В. Измайлова, И. К. Кириллова, И. Потоцкого, Д. Белля и др.)¹³⁹. Среди прочих материалов в них встречаются сведения о переселениях и политике правительства в Северном Прикаспии. В 1891 г. Саратовская ученая архивная комиссия опубликовала одним сборником дневник и записку священника Н. Г. Скопина, который путешествовал по городам и селам Нижнего Поволжья и ежедневно с 1762 по 1813 гг. записывал наблюдения в свой дневник¹⁴⁰. В 1801 г. Скопин находился в г. Астрахани и был свидетелем обсуждения в местном обществе судебного расследования о неправомерных действиях гражданского губернатора Захарова в переселенческом деле. Свои впечатления об этом эпизоде он изложил в своем дневнике.

В 1990 г. в СССР в серии «Научное наследство» (том 14) были изданы записки и письма выдающегося государственного деятеля и учёного В. Н. Татищева, который в 1730–1740-е гг. возглавлял Оренбургскую комиссию и Астраханскую губернию. Татищев много сделал для активизации государственной переселенческой политики в Северном Прикаспии, и данная сфера его деятельности отражена в документальном сборнике «Научное наследство»¹⁴¹.

Среди архивных публикаций в постсоветское время отметим сборник документов «История Букеевского ханства», подготовленный казахскими историками в 2002 г. Авторы собрали многочисленный архивный материал по истории ханства, в числе которого есть документы об обстоятельствах переселения казахов в волго-уральские степи, о возникновении первых поселков, о миграциях

¹³⁹ Астраханский сборник, издаваемый Петровским обществом исследователей Астраханского края. Астрахань: Типография Н. С. Рослякова, 1896. Вып. 1. 335 с.

¹⁴⁰ Саратовский исторический сборник, издаваемый Саратовской ученой архивной комиссией в память трехсотлетия г. Саратова. Саратов: типография губернского земства, 1891. Т. 1. 592 с.

¹⁴¹ Василий Никитич Татищев (1686–1750). Записки. Письма. 1717–1750 гг. / отв. ред. А. И. Юхт. М.: Наука, 1990. 440 с.

торгово-ремесленного населения и об отношении к ним хана Джангира, его подвластных и российского правительства¹⁴².

В процессе работы над диссертацией автор использовал материалы статистики, которые небезосновательно относят к сложным и противоречивым видам источников. Им изучены публикации Центрального статистического комитета России и его губернских (Астраханской) и областных (Уральская) комитетов, опубликованных во второй половине XIX – начале XX вв.: списки населенных мест, ежегодные памятные книжки и обзоры, статистические сборники по Астраханской губернии и Уральской области. В них помещены сведения о численности населения и количестве населенных пунктов, административно-территориальном устройстве и землепользовании, экономике.

В двух сборниках, вышедших в 1877 и 1879 гг., Астраханский губернский статистический комитет опубликовал «Описания населенных местностей, подведомственных общей полиции» всех пяти уездов губернии и Астраханского казачьего войска. В них приводятся сведения за 1875 г. по каждому населенному пункту о численности и гендерном составе населения, количестве наделной земли и скота, о географическом положении и об истории возникновения поселения¹⁴³.

Историческая информация об обстоятельствах возникновения поселений и о первых поселенцах не всегда согласуется со сведениями архивных документов, поэтому требует перепроверки.

Особую ценность представляют материалы Первой Всеобщей переписи населения 1897 г. по Астраханской губернии и Уральской области, в которых присутствуют не только сведения о численности населения, их национальном, половозрастном, конфессиональном и сословном составе, но и данные о местах рождения жителей, что позволяет установить удельный вес пришлого населения и его географию мест выхода.

¹⁴² История Букеевского ханства. 1801–1852 гг. Сборник документов и материалов / сост. Б. Т. Жанаев, В. А. Иночкин, С. Х. Сагнаева. Алматы: Дайк – Пресс, 2002. 1120 с.

¹⁴³ Описание населенных мест Астраханского уезда, находящихся в ведении общей полиции // Труды Астраханского губернского статистического комитета. Астрахань: Губернская типография, 1877. Вып. 5. 184 с.

По помещичьим крестьянам Астраханской губернии в качестве источника использовалось «Приложение трудам Редакционных комиссий для составления положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости», изданное незадолго до отмены крепостного права, в 1860 г.¹⁴⁴ В данном издании приводятся сведения о количестве помещичьих населенных пунктов и их жителях, занятиях и хозяйственном положении крепостных крестьян по губерниям и населенным пунктам, в т. ч. по Астраханской губернии. Зная количество поселений помещичьих крестьян и их численность на начало XIX в. можно проследить последующую динамику развития астраханской помещичьей деревни до отмены крепостного права.

По истории переселенческой политики в православных миссионерских станах Калмыцкой степи представляют интерес ежегодные отчеты (1880-е – 1910-е гг.) Астраханского православного епархиального миссионерского общества. В них отражено отношение светских и духовных властей к переселенцам миссионерских станов, показаны взаимоотношения переселенцев и крещеных калмыков и роль переселенцев в создании и укреплении станов, описана ситуация в деле христианизации за отчетный год.

Для исследователя истории переселенческой политики представляет интерес также другой вид источников — периодическая печать. Она содержит разнообразную по форме и содержанию информацию: официальные документы, письма статьи, очерки, хронику событий, репортажи, интервью, объявления. К данному виду источников необходимо относиться осторожно, ибо многие публикации периодической печати носят идеологический и агитационно-пропагандистский характер, а некоторые содержат непроверенные материалы. В исследовании в основном использована информация периодические издания: «Астраханские епархиальные ведомости», «Астраханские губернские ведомости», «Астраханский справочный листок» и «Астраханский вестник». На страницах

¹⁴⁴ Извлечение из описаний помещичьих имений в 100 душ и свыше. Астраханская губерния // Приложения к трудам Редакционных комиссий для составления положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. Сведения о помещичьих имениях. СПб.: Типография В. Безобразова и компании, 1860. С. 1–3.

указанных журналов и газет рассматривались вопросы истории заселения Астраханской губернии, обсуждались проблемы рыбацких поселков и др.

В XVIII–XX вв. Северный Прикаспий являлся объектом внимания со стороны ученых и путешественников, в частности таких известных, как П. С. Паллас, С. Г. Гмелин, И. Лепехин, И. Потоцкий, К. М. Бэр. Свои впечатления и наблюдения о местной природе, жителях, властях они зафиксировали в своих дневниках и книгах.

Для исследователя, изучающего историю переселенческой политики представляют интерес топонимические предания об основании конкретных поселений. Содержащаяся в них информация, во-первых, дает дополнительные знания об объекте исследования, во-вторых, знакомит с теми сторонами темы, которые для властей не представляли интереса, и по этой причине не фиксировались в делопроизводственной документации. Всё это способствует более полному и глубокому научному пониманию проблемы.

В то же время необходимо помнить о том, что топонимические предания не являются основными источниками и носят всего лишь вспомогательный характер. Каждое народное предание нуждается в обязательной проверке на предмет установления возможной достоверности его информации по архивным источникам и соответствия последней историческим реалиям времени, о котором идёт речь в предании.

Топонимические предания по их характеру делятся на две группы: предания, реалистично передающие сведения об исторических фактах, и предания, в которых значительное место занимает вымысел.

Относительно позднее включение в процесс заселения Северного Прикаспия государства, также осуществление этого процесса государством predeterminedили достаточно хорошую сохранность документальной базы, поэтому большинство самых важных, изложенных в преданиях событий поддаются перепроверке архивными документами.

То же самое относится к этнографическим материалам священников отдельных населенных пунктов Астраханской губернии, описанных и помещенных

в 1914 г. известным этнографом Д. К. Зелениным в книге «Описание рукописей ученого архива Императорского Русского географического общества»¹⁴⁵.

Знакомство с опубликованными и неопубликованными источниками свидетельствует об их многочисленности и разнообразии, позволяющем успешно справиться с поставленными в диссертации задачами.

¹⁴⁵ *Зеленин, Д. К.* Описание рукописей учёного архива Императорского русского географического общества. Пг.: Издание Русского географического общества, 1914. Вып. 1. 483 с.

ГЛАВА 2. ФОРМИРОВАНИЕ ОСНОВ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В РЕГИОНЕ

2.1. Первые организованные переселения. 1708–1762 гг.¹⁴⁶

Северный Прикаспий находится в пределах Прикаспийской низменности, основная часть территории которой в природном отношении считается для проживания человека неблагоприятной. Прикаспийская низменность представляет равнинную местность с ровными отрезками земли, несколько наклоненными в сторону Каспийского моря. Изредка здесь встречаются небольшие горы (Малое и Большое Богдо, Индерские горы) и холмы. На севере низменности располагаются степи со злаковыми и полынью, южнее находятся полупустыни и пустыни, где в основном произрастает полынь. Почвы в основном состоят из глины и песка, с повышенным содержанием соли, много встречается солонцов и солончаков.

Северный Прикаспий пересекают крупные реки: Волга, Урал и Эмба и несколько крупных водотоков, имеются также в небольшом количестве пресные и соленые озера, но многие из них летом пересыхают.

Климат резко континентальный и на него большое влияние оказывают приходящие из Азии антициклоны, которые придают ему большую засушливость. Для региона характерны малоснежные зимы, с частыми оттепелями и

¹⁴⁶ Основой данного параграфа послужили статьи С. С. Белоусова: *Белоусов С. С.* Политика властей по привлечению казачества к поселению на трактах в XVIII в. (Астраханская губерния) // *Oriental Studies* (Вестник КИГИ РАН). 2018. № 1. С. 47–54; *Белоусов С. С.* Самовольные поселения на калмыцких землях Астраханской и Ставропольской губерний: Переселенцы и губернские власти (XIX – начало XX веков) // *Новый исторический вестник*. 2018д. № 1 (55). С. 6–20; *Белоусов С. С.* Влияние природного фактора на государственную переселенческую политику на калмыцких землях (1840-е – 1870-е гг.) // *Былые годы*. 2019. Т. 54. № 4. С. 1576–1583; *Белоусов С. С.* Роль торгово-ремесленного населения в создании стационарных поселений на землях казахов Внутренней киргизской орды Астраханской губернии. XIX в. // *Oriental Studies*. 2019. № 44 (4). С. 634–644; *Белоусов С. С.* Умётная система заселения трактов в Астраханской губернии // *Монголоведение*. 2019. № 18. С. 394–406, — которые были значительно доработаны и дополнены.

неустойчивым снежным покровом, но в отдельные дни устанавливаются достаточно интенсивные морозы, которые приносят холодные воздушные массы из Казахстана или с Урала.

В Северном Прикаспии летом жарко, частыми гостями являются суховеи и пыльные бури. Климат характеризуется также большими годовыми и суточными амплитудами температуры воздуха, малым количеством осадков и большой испаряемостью влаги.

Засушливость климата, сильные и частые ветра, отсутствие значительных пресных водных источников и плохое качество воды не располагали людей к устройству постоянных поселений в Северном Прикаспии. В силу этого большинство населения вело кочевой образ жизни и занималось скотоводством, а немногочисленное оседлое население было сосредоточено в основном вдоль главной реки Северного Прикаспия – Волги.

До присоединения к России на территории Северного Прикаспия существовали государства Астраханское ханство и Ногайская Орда, населенные народами и племенами тюркского происхождения, среди которых доминирующее положение занимали ногайцы. В середине XVI в. численность населения Астраханского ханства, по приблизительным подсчетам, составляла 15–20 тыс. чел., а Ногайской Орды в конце XVI – начале XVII вв., по утверждению историка В. В. Трепавлова, 320 тыс. чел.¹⁴⁷ Астраханское ханство прекратило существование в 1556 г. после занятия г. Астрахани русскими войсками, в преддверии похода последних большинство населения ханства откочевало за его пределы.

На следующий год после падения Астрахани вассалитет московского царя Ивана Грозного признала Ногайская Орда, а в первой трети XVII в. она, под натиском пришедших из глубин Азии калмыков, вообще прекратила свое существование как государство.

После занятия калмыками волго-уральских степей большинство ногайцев мигрировали в Предкавказье, на Северный Кавказ и далее на Кубань и Крым, а

¹⁴⁷ Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. М.: Вост. лит., 2002. С. 498.

оставшиеся подчинились калмыкам или перешли на полуоседлый образ жизни, поселившись около г. Астрахани; за этой группой ногайцев закрепилось название «юртовские татары», в некоторых русских источниках их также именовали: «астраханские татары», «ногайские татары». Обосновавшие поблизости от Астрахани ногайцы впитали в себя остатки прежнего тюркского населения Астраханского ханства.

Тяжелыми для юртовских татар выдались конец XVII в. и начало XVIII вв.: большие потери они понесли во время чумных эпидемией 1692–1693 гг. и 1727–1728 гг., значительная часть их ушла на Кубань и в Крым с крымскими татарами, совершившими в 1715 г. грабительский набег на Астрахань. В результате этого численность юртовских татар сократилась с 10 000 до 3000 семей¹⁴⁸.

Во второй половине XVII в. самым многочисленным народом в Северном Прикаспии становятся, прикочевавшие из Джунгарии, калмыки. В 1650-х гг. калмыки приняли подданство России, что положило начало прочному освоению калмыками степных пространств правобережья Нижней Волги и Предкавказья.

Присоединение во второй половине XVI в. к Российскому государству обширных, но малонаселенных территорий поставило в повестку дня российского руководства задачу их удержания. Остроту проблеме придавало то обстоятельство, что присоединенные территории населяли народы не родственные русским в этногенетическом, ни в культурном, ни в религиозном отношении. В Северном Прикаспии отсутствовало постоянное русское население, поэтому властям не на кого было опереться в проведении своей политики. Чтобы утвердить российскую власть важно было усилить военное присутствие в регионе, и эта мера начала осуществляться путём постройки городов-крепостей и переводом в них на службу и жительство военно-служилых людей. В 1558 г. на правом берегу р. Волги была построена новая Астрахань, в 1586–1590 гг. заложены крепости-городки: Самара, Царицын, Саратов, в 1627 г. – Черный Яр, в 1667 г. – Красный Яр, в 1640 г. – Гурьев. Из перечисленных городов на территории Северного Прикаспия

¹⁴⁸ Любомиров П. Г. О заселении Астраханской губернии в XVIII веке. Астрахань: Издание Астраханского Губплана, 1926. С. 5.

располагались: Астрахань, Черный Яр, Красный Яр и Гурьев. Они должны были обеспечить охрану границ и защиту местного населения от набегов враждебных кочевников и разбойничьих шаек.

Военно-сторожевые функции Астрахани и городков-крепостей преопределили превалирование в них военно-служилого населения. Автор известного труда по истории городов Нижнего Поволжья в конце XVII – начале XVIII в. Н. Б. Голикова отмечала, что «служилые слободы относились к числу самых населенных и оживленных городских районов». В последние годы XVII – первые годы XVIII в., по её данным, численность стрелецких и солдатских слобод в г. Астрахани составляла примерно 10200 чел., в г. Красном Яре насчитывалось 1100 стрельцов и членов их семей, в г. Черном Яре – до 1250, в г. Гурьеве постоянного военного-служилого контингента вообще не было, в него на год посылали служить 300 стрельцов из городов Астрахани и Черного Яра¹⁴⁹.

Большинство служивших и проживавших в городах Северного Прикаспия стрельцов были неместными уроженцами. В отличие от Центральной России, где в стрельцы нанимались местные жители, а служба носила характер потомственной, в Северном Прикаспии набрать достаточное количество желающих служить в стрелецких полках было невозможно из-за крайней малочисленности оседлого населения. Чтобы не допустить ослабления стрелецкого войска властям приходилось постоянно направлять в край пополнения из других мест России. По подсчётам историка С. Г. Томсинского, в период с 1629 по 1699 г. службу в астраханских стрелецких полках прошли 59920 чел.; из них 917 чел. прибыли из г. Москвы, 2759 – из других городов, все остальные были набраны на службу из вольных людей Среднего и Нижнего Поволжья¹⁵⁰. Одни стрельцы приезжали служить вместе с семьями, другие ими обзаводились на новом месте. Иногда такие переселения носили массовый характер, после подавления восстания стрельцов в

¹⁴⁹ Голикова Н. Б. Очерки по истории городов России конца XVII – начала XVIII в. М.: Изд-во Московского университета, 1982. С. 31.

¹⁵⁰ Голикова Н. Б. Очерки по истории городов России конца XVII – начала XVIII в. М.: Изд-во Московского университета, 1982. С. 48.

1698 г. в г. Москве, например, в г. Астрахань были переселены с семьями два стрелецких полка.

В первые годы XVIII в. тенденция привлечения стрельцов на службу и жительство в волжские городки сменилась на противоположную. Петр I ввёл рекрутский принцип формирования армии и приступил к ликвидации стрелецкого войска, которое в массе своей не поддержало его реформаторских устремлений и устроило несколько бунтов. В 1705 г. в г. Астрахани на почве сильных злоупотреблений со стороны астраханского воеводы и недовольства нововведениями вспыхнуло восстание стрельцов, вскоре перекинувшееся на другие города Северного Прикаспия. После подавления в 1706 г. восстания стрельцов стали переводить в другие регионы, а на их место присылать солдат. Данный процесс завершился в первой четверти XVIII в. Голикова пишет: «Стрельцы как особая категория служилого населения были заменены солдатами. Хотя количество солдат даже превысило старое число стрельцов, такого рода замена не была простым видоизменением организационного типа. Стрельцы селились в городах края навсегда. Они пускали там глубокие корни, заводили хозяйство и были тесно связаны с экономической жизнью района и его жителями... Солдаты регулярной армии были совершенно иным социальным организмом, чем служилые люди старых городовых полков. Солдатская служба к концу первой четверти XVIII в. стала другой и уже не оставляла солдатам возможности для широких занятий посторонними этой службе делами. Солдаты были более мобильны, чем стрельцы. Их легко могли перебрасывать с места на место, и лишь немногие из них заводили сложное хозяйство. Большинство рассматривало свое пребывание в низовых городах как временное явление»¹⁵¹.

В развитии Юга России большую роль сыграло учреждение Астраханской губернии, это событие, с одной стороны, придало импульс освоению земель, с другой стороны, новая губерния на два века стала важнейшим форпостом продвижения России в Среднюю Азию и на Кавказ.

¹⁵¹ Голикова Н. Б. Очерки по истории городов России конца XVII – начала XVIII в. М.: Изд-во Московского университета, 1982. С. 46.

Усиление интереса высшего российского руководства к астраханской окраине во многом связано с личностью императора Петром I, обратившего особое внимание на каспийское направление внешней политики России в последние годы своего правления. По его повелению, в 1716–1717 гг. в Среднюю Азию была снаряжена военная экспедиция под командованием А. Бековича-Черкасского, перед которой был поставлен ряд задач военно-дипломатического и географического характера. Она закончилась трагически и одной из причин её провала следственная комиссия Правительствующего Сената, внимательно проанализировав все обстоятельства дела, назвала плохую управляемость прикаспийской территорией, что во многом было обусловлено её удаленностью от административного центра, находившегося тогда в г. Казани. Российское руководство приняло решение создать административный центр непосредственно в Прикаспии, а наиболее удобным местом для него признали Астрахань.

В 1717 г. Казанскую губернию разукрупнили, из неё выдели большую часть территорий, образовавших новую Астраханскую губернию. В состав новой административно-территориальной единицы вошли огромные по площади территории Средней и Нижней Волги, Волго-Уральского междуречья и Предкавказья, на которых кочевали в основном калмыки и ногайцы. Русское население было немногочисленным и состояло в основном из военно-служилых людей и рыбаков, проживавших в нескольких крепостях, расположенных вдоль р. Волги, и в нескольких рыбацких учугах.

В 1717 г в состав Астраханской губернии входили 15 городов (Астрахань, Гурьев, Яицкий городок, Саратов, Дмитриевск, Петровск, Самара, Симбирск, Сызрань, Терский городок, Царицын, Красный Яр, Черный Яр и Кизляр) и прилегающие к ним территории. Астраханская губерния являлась одной из двух губерний в России, в которых не было внутреннего деления на провинции и уезды. Это объяснялось малочисленностью оседлого населения губернии и тем обстоятельством, что кочевники не находились в подчинении местной губернской администрации. Для жителей стационарных поселений административными центрами выступали ближайшие к ним городки-крепости, являвшимися

самостоятельными административно-территориальными единицами, совмещавшими военные и гражданские функции.

В год образования Астраханской губернии в ней числилось всего 6863 ясачных и 1225 крестьянских дворов¹⁵². При такой численности населения властям было крайне трудно поддерживать в регионе российское влияние и развивать экономику. Для развития региона нужны были людские ресурсы, а их можно было получить только путём организации переселений. Данная задача стала важнейшей для властей на многие десятилетия.

Ситуация также осложнялась тем, что на юге Астраханская губерния в то время не имела признанных и юридически закреплённых границ. Это обстоятельство вынуждало российское руководство проявлять сдержанность в переселенческом вопросе.

В условиях открытости границ и малочисленности войск власти не могли гарантировать безопасность переселенцам, а своих людских ресурсов у губернской администрации для проведения активной переселенческой политики явно не хватало.

Свое основное внимание власти сосредоточили на заселении укреплённых линий и важнейших путей сообщения. В будущем все это давало возможность приступить к широкомасштабным переселениям. На данном же этапе решено было использовать казаков, используя их опыт проживания в условиях приграничья.

Через территорию Астраханской губернии проходил тракт Москва – Астрахань – Кизляр, (Астраханский почтовый тракт), протяжённостью в 1972 версты. По нему перевозились почта, грузы разного назначения и воинские команды из Центра в Нижнее Поволжье и на Северный Кавказ, кроме того, тракт связывал между собой различные районы обширной губернии.

В 1719 г. первый астраханский губернатор А. П. Волынский в письме к Петру I обратил внимание императора на необходимость усиления в Астраханской губернии российского военного присутствия и заселения дороги вдоль р. Волги. В

¹⁵² *Попов Н. В.* Татищев и его время. М.: Издание К. Солдатенкова и Н. Щепкина, 1861. С. 354.

качестве первоочередных мер он назвал пополнение войск в губернии несколькими пехотными полками и одним конным, чтобы с их помощью усилить борьбу с совершавшими набеги на мирное население кочевниками и волжскими разбойниками. Он считал также необходимым усилить саратовско-астраханский участок дороги постройкой новых крепостей: ««От Саратова до Астрахани между городов по двести и по триста верст жилья никакого, того ради как купецким людям, так и прочим проезжим и рыбным ловцам от калмыков, и от кубанцев чинится великое разорение и работных людей берут в плен, также и зимою проезд зело труден, того рада, по-моему б мнению надобно между городов еще сделать хотя малые городки для прибежища проезжим и для закрытия пустоты от неприятельских набегов, выбрав к поселению удобные безопасные места, дабы не так безопасно было неприятельским партиям чинить набеги ...»¹⁵³. Пётр I одобрил план Волынского и поручил ему осмотреть места для городков сразу же по прибытию на место службы в г. Астрахань. В инструкции данной Волынскому 30 июля 1720 г. император в качестве одной из главных задач поставил обеспечить безопасность жителям г. Астрахани и других населенных пунктов: «Також и приписные к Астрахани города, ...пригороды и со всеми уездными жителями иметь во всяком охранении и бережении ...»¹⁵⁴.

В 1717–1720 гг. между реками Волга и Дон для защиты населения от вторжений со стороны кочевых и полукочевых народов Крыма, Кубани была построена Царицынская укрепленная линия, протянувшаяся на расстояние 54,16 км. от г. Паншина до г. Царицына. До её создания вражеская конница, не имея на пути укрепленных пунктов, беспрепятственно проходила Волго-Донское междуречье и вторгалось во внутренние пределы государства¹⁵⁵. Линия прикрыла юго-восточную границу от нападений кочевников и тем самым создала

¹⁵³ Донесение в Сенат в 1719 г. в 1719 г. А. П. Волынского // Астраханский сборник, издаваемый Петровским обществом исследователей Астраханского края. Астрахань: Типография Астраханского губернского правления, 1896. Вып. 1. С. 239.

¹⁵⁴ Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1830. Т. 6. С. 224.

¹⁵⁵ *Курьшев А. В.* Царицынская укрепленная линия в истории Донского и Волжского казачества (1720–1777 гг.) // Полиэтнический макрорегион: язык, культура, политика, экономика. Тезисы докладов Всероссийской научной конференции (9–10 октября 2008 г., г. Ростов-на-Дону). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008. С. 174.

благоприятные условия для развёртывания процессов заселения Волго-Донского междуречья и Нижней Волги.

Создание Царицынской линии также имело своим следствием образование в первой половине 1730-х гг. Волжского казачьего войска из числа донских казаков (1057 семей), расселенных в 1734 г. вдоль правого берега р. Волги в направлении от г. Царицына к г. Саратову.

7 октября 1734 г. военный комендант г. Царицына полковник Кольцов рапортовал в Военную коллегия о выбранных им под поселение волжских казаков четырех мест между земельными владениями городов Царицына и Дмитриевска¹⁵⁶. Земли, оставшиеся свободными после наделения ими волжских казаков, а также между городами Царицын и Астрахань, по императорскому указу от 31 декабря 1736 г., было велено заселять отставными военными¹⁵⁷. Этот указ, судя по всему, не оказал существенного влияния на процесс заселения земель, лежащих вдоль р. Волги, на всём протяжении от г. Царицына до г. Астрахани. Новых поселений там не появилось, на расстоянии, протяженностью в 400 вёрст, вплоть до начала 1740-х гг., имелось всего одно поселение – г. Чёрный Яр.

13 ноября 1741 г. Государственная Коллегия иностранных дел постановила заложить Енотаевскую крепость между городами Астраханью и Чёрным Яром, которая должна была стать местом ставки калмыцкого наместника Дондук-Даши и одновременно транзитным пунктом для проезжающих. Крепость была построена в следующем году, вступившем 30 декабря 1741 г. в должность астраханского губернатора В. Н. Татищевым. В донесении в Государственную коллегия иностранных дел он писал: «Енотаевская крепость не для одного калмыцкого хана надобна, но и для того весьма потребна, чтобы ездящие Волгой россияне на таком дальнем от Черного Яру до Астрахани расстоянии, как в зимнее, так и в летнее время могли иметь пристань и убежище от неприятельских набегов; сверх того, будущими в той крепости людьми способнее будет и рыбным промыслам близ

¹⁵⁶ *Курьшев А. В.* Образование Волжского казачьего войска // *Казачество России: прошлое и настоящее: Сборник научных статей.* Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2006. Вып. 1. С. 223.

¹⁵⁷ *Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое.* СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1830. Т. 10. С. 314.

оной крепости находящимся защищение чинить; а паче во время нужды, расставленные за Волгой форпосты в зимнее время не на пустом месте будут»¹⁵⁸.

В новой крепости поселили роту драгунов и 200 казаков, поручив им охранять калмыцкого наместника и крепость. На протяжении нескольких десятков лет военные были единственными жителями г. Енотаевска.

Татищев считал, что одна крепость не сможет обеспечить безопасность тракта, поэтому в 1742 г. он вошел в Правительствующий Сенат с просьбой построить 5 городков-крепостей на Астраханском почтовом тракте. Две крепости он полагал учредить на участке между городками Дмитриевским и Царицыным и три крепости образовать на участке дороги между г. Царицыным и г. Астраханью. В докладе 31 ноября 1743 г. к императрице Елизавете Петровне астраханский губернатор перечислил выгоды, которые сулило учреждение городков – это облегчение подводной повинности для местных жителей, «войск регулярных на форпосты употреблять не будет нужно, и проезжающим как покой, так и безопасность явитца, доходы таможенные кабацкие, рыбные и протчие умножатца, а паче что набегами кубанцов и кайсаков, якоже и воровству по Волге, будет достаточное пресечение»¹⁵⁹.

В два новых городка, а также в города Саратов и Дмитриевск, в станицу Балыклеевскую и в посад Дубовку, Татищев намеревался водворить 600 волжских казаков, а если их не найдется в таком количестве, то он рассчитывал недостающее число пополнить дворянами и посадскими людьми. Он предлагал назначить им денежное жалование и «довольствие» на покупку хлеба в размере 6 рублей на человека, и, кроме того, учитывая опасный характер их службы, даровать льготы в пользовании землями, окружающими их поселения.

В трёх проектируемых городках ниже г. Царицына и в городах: Царицын, Черный Яр, Красный Яр губернатор считал необходимым разместить на жительство 1200 казаков (по 200 чел. в каждом) и определить им жалованье и 8-ми

¹⁵⁸ Цит.: *Попов Н. В.* Татищев и его время. М.: Издание К. Солдатенкова и Н. Щепкина, 1861. С. 329–330.

¹⁵⁹ Василий Никитич Татищев (1686–1750). Записки. Письма. 1717–1750 гг. / отв. ред. А. И. Юхт. М.: Наука, 1990. С. 298.

рублёвое пособие на человека, а также передать в пользование поселенцам для занятия рыболовством по 10 верст волжских вод, расположенных возле их населенных пунктов¹⁶⁰.

Общее число казаков, требовавшееся для заселения нижеволжских казачьих городков, таким образом, определялось цифрой в 2000 человек мужского пола. По его расчётам, для заселения городков недоставало: «казаков 821 человека, денег в год 7692 рублёв, но, во оное число людей – уверял императрицу Татищев – из донских казаков и калмык, желающих креститься, охотою набрать нетрудно...».

Астраханский губернатор просил императрицу прислать к нему для составления подробных ландкарт и планов городков двух или трёх «инженерных офицеров», двух геодезистов и выдать в первый год строительства городков 10 000 руб. (по 2000 руб. на каждый), на второй год – 5000 руб. (по 1000 руб. на каждый)¹⁶¹.

Правительство согласилось с предложением поселить казаков на дороге между городами Астраханью и Царицыным, в тоже время оно не исключило возможности водворить на ней самовольно обосновавшихся в г. Астрахани крестьян-переселенцев. В 1745 г. Правительствующий Сенат издал указ разрешивших таких крестьян устраивать на жительство в места, выбранные под населенные пункты вдоль р. Волги¹⁶².

В докладе от 31 ноября 1743 г. императрице Елизавете Татищев затронул тему учреждения уездов в Нижнем Поволжье. Вследствие низкой плотности населения и малого числа сельских стационарных поселений в нём отсутствовало среднее звено административно-территориального управления – уездное. Для местных жителей административными центрами являлись ближайшие городки-крепости, каждый из которых являлся самостоятельной административно-территориальной единицей. После устройства Царицынской укрепленной линии северная часть Нижнего Поволжья начала заселяться жителями соседней Казанской губернии, которые основали ряд сельских населённых пунктов.

¹⁶⁰ Бирюков И. А. История Астраханского казачьего войска. Саратов: Тип. П. С. Феокритова, 1911. Ч. 1. С. 59.

¹⁶¹ Василий Никитич Татищев (1686–1750). Записки. Письма. 1717–1750 гг. / отв. ред. А. И. Юхт. М.: Наука, 1990. С. 298.

¹⁶² РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Ч. 4. Д. 613. Л. 216.

Проживавшее недалеко от г. Саратова, Дмитриевска и Царицына пришлое население в административном отношении подчинялось властям Казанской губернии, что создавало большие неудобства в управлении. Татищев предложил учредить уезды, а их центрами сделать города: Саратов, Дмитриевск и Царицын, приписав к ним местное и пришлое население¹⁶³. По его мнению, в уездах также необходимо было провести межевание земель, чтобы выявить их точное количество и упорядочить землевладение и землепользование.

Правительствующий Сенат и Военная коллегия с одобрением отнеслись к татищевскому проекту, но внезапно обострившаяся политическая ситуация на Северном Кавказе и в Закавказье, заставили отложить его реализацию на более позднее время¹⁶⁴.

В. Н. Татищев пытался обратить внимание правительства на заселение южных районов Астраханской губернии. На границах России с Северным Кавказом ещё не была создана система военных крепостей и остро ощущалась нехватка войск. В степях Предкавказья проживали немногочисленные группы казаков, отличавшиеся своеволием и не всегда желавшие подчиняться российским властям. Астраханский губернатор предложил упразднить вольницу прикумских казаков и отдать их под власть гребенского войскового атамана, после этого возвести для них крепость на берегу р. Кумы. Природа местности благоприятствовала созданию здесь стационарных поселений. Татищев пытался убедить центральные власти приступить к созданию поселений, ссылаясь на остатки каменных городов, что свидетельствовало о проживании ранее в регионе оседлого населения.

Чтобы не раздражать турок, Татищев предложил заселение Прикумья начать с поощрения вольной казачьей колонизации, а не с учреждения крепости. По его мнению, вначале необходимо было договориться с одним из атаманов о том, чтобы тот от своего имени, организовал казаков на поселение, при этом государство

¹⁶³ Василий Никитич Татищев (1686–1750). Записки. Письма. 1717–1750 гг. / отв. ред. А. И. Юхт. М.: Наука, 1990. С. 299.

¹⁶⁴ *Торопыцын И. В.* Роль В. Н. Татищева в колонизации юго-восточных окраин России // Исторические судьбы России в научном наследии В. Н. Татищева. Материалы международной конференции (Астрахань, 14–16 октября 2004 г.). Астрахань: Астраханский университет, 2004. С. 43.

должно было оказать ему моральную и материальную поддержку в этом деле. После завершения процесса образования новых поселений можно было приступить к строительству крепости¹⁶⁵.

Большинство предложений Татищева не были воплощены в жизнь, так как высшее российское руководство посчитало их преждевременными. Не был реализован и замысел Татищева о постройке крепости-поселения в Прикумье. Идея астраханского губернатора, хотя и не была воплощена в жизнь, однако осталась актуальной.

Во второй четверти XVIII в. большинство оседлого населения Северного Прикаспия, как и ранее, проживало в городах. Власти были заинтересованы в их развитии, поскольку казна получала большие доходы от налогообложения посадского населения. Будучи центрами торговли и ремесла, города оказывали благоприятное влияние на социально-экономические процессы в регионе и одновременно являлись проводниками российского влияния на местные нерусские народы. Поэтому власти следили за состоянием городов и поощряли рост населения. В условиях Северного Прикаспия это делать было особенно необходимо, так как регион относился к числу неблагоприятных в эпидемиологическом отношении. Повторяющиеся время от времени чумные и иные эпидемии буквально выкашивали население и потому властям приходилось принимать срочные меры по пополнению посадского населения. В 1693 г., например, когда астраханский воевода потребовал от местного посадского общества выбрать целовальников для государственных и дворцовых рыбных промыслов, расположенных под Астраханью и на р. Яике, то ему ответили, что «из посадских людей выбрать некого, божиею волею в моровое поветрие померли»¹⁶⁶. В ходе чумной эпидемии 1728–1729 гг. посадское ревизское (мужское) население

¹⁶⁵ *Торопицын И. В.* Роль В. Н. Татищева в колонизации юго-восточных окраин России // Исторические судьбы России в научном наследии В. Н. Татищева. Материалы международной конференции (Астрахань, 14–16 октября 2004 г.). Астрахань: Астраханский университет, 2004. С. 44.

¹⁶⁶ *Голикова Н. Б.* Очерки по истории городов России конца XVII – начала XVIII в. М.: Изд-во Московского университета, 1982. С. 86.

г. Астрахани уменьшилось с 1660 душ (в 1719 г.) до 887, т. е. вдвое, затем к 1744 г. оно выросло до 1891 душ¹⁶⁷.

Восстановление посадского населения и его увеличение происходило в основном за счёт притока извне. Рассмотрев 469 сохранившихся в РГАДА ревизских сказок жителей посада г. Астрахани за 1723–1724 гг. Н. Б. Голикова обнаружила, что из 469 чел. жителей г. Астрахани, записанных в посад, 331 чел. были пришлыми и 138 чел. родились в Астрахани. Из указанных выше 469 чел. 198 чел. (42,2 %) происходили из посадских людей, 103 чел. (21,9 %) – из крестьян, 50 чел. (10,6 %) являлись стрельцами и их родственниками, все вместе данные категории составляли 55,8 % от всего населения астраханского посада¹⁶⁸.

География мест выхода посадских людей, поселившихся в г. Астрахани и пополнивших ряды местного посада, включала 46 городов, в основном Казанской (40,4 %), Московской (33,3 %) и Нижегородской (16,6 %) губерний, давших 90,3 % всех переселенцев. Остальные 9,7 % посадских жителей прибыли из городов Воронежской, Архангельской, Новгородской и Астраханской губерний¹⁶⁹. Причисленные в посадское общество г. Астрахани крестьяне являлись уроженцами 26 уездов, преимущественно из средневожских, среди крестьян доминировали выходцы из Нижегородской (29,1 %) и Казанской губерний (12,6 %)¹⁷⁰.

Процедура причисления в посадское общество была несложной: от желающего стать его членом требовалось поручительство не менее двух местных посадских людей, удостоверяющих что вступающий «не помещичий крестьянин и не беглой какой». Запись оформляли в земских избах, а позднее в магистратах. При вступлении в посадское общество учитывались доходы кандидата, чтобы он был в состоянии платить налоги. Упрощенная процедура принятия в посадское общество

¹⁶⁷ Любомиров П. Г. О заселении Астраханской губернии в XVIII веке. Астрахань: Издание Астраханского Губплана, 1926. С. 3.

¹⁶⁸ Голикова Н. Б. Очерки по истории городов России конца XVII – начала XVIII в. М.: Изд-во Московского университета, 1982. С. 87.

¹⁶⁹ Голикова Н. Б. Очерки по истории городов России конца XVII – начала XVIII в. М.: Изд-во Московского университета, 1982. С. 89.

¹⁷⁰ Голикова Н. Б. Очерки по истории городов России конца XVII – начала XVIII в. М.: Изд-во Московского университета, 1982. С. 88.

свидетельствовала о заинтересованности властей в увеличении численности посадского населения.

В других городах Северного Прикаспия посадские общества находились в стадии формирования или их не было совсем. В г. Черный Яр в 1722 г. посадского общества не существовало и жили в нем только военные и чины администрации, посадское население в нём начинает фиксироваться только со середины 1740-х гг. (125 ревиз. душ). К 1763 г. (3-я ревизия) посадское население увеличилось до 207 ревиз. душ, помимо них в городке проживало 43 разночинцев «ведомства комендантской канцелярии» и 98 малороссиян–переселенцев¹⁷¹. В г. Черном Яру, как и прежде, преобладали военные. То же самое относится к г. Красный Яр, в котором посадское население впервые упоминается (71 ревизская душа) во вторую ревизию (1744–1745 гг.), по третьей ревизии в нем состояло уже 102 души податного посадского населения (1763 г.), а всего гражданского населения – 247 душ мужского пола, военнотружущих – 650–700 чел.¹⁷² Во второй четверти XVIII в. не имели посадского населения города Енотаевск и Гурьев.

В первой половине XVIII в. в Северном Прикаспии, таким образом, единственным городом, где имелась устойчивая посадская община и кипела торгово-ремесленная жизнь, была Астрахань. В ней была сконцентрирована основная масса ремесленников и торговцев региона. Влиятельным слоем в городе являлось купечество, включавшее в себя представителей разных народов. Об иностранных купцах Астрахани следует сказать особо, поскольку появление их колоний в городе во-многом было результатом политики российского руководства.

Принятый в 1667 г. Новоторговый устав обложил иностранных купцов двойными пошлинами при продаже и закупке товаров за пределами г. Астрахани, им также запретили розничную торговлю вне города, посещение ярмарок и скупку золотых и серебряных монет, был ужесточен и таможенный контроль. Зато Астрахань стала единственным русским городом, где для восточных купцов

¹⁷¹ Любомиров П. Г. О заселении Астраханской губернии в XVIII веке. Астрахань: Изд. Астраханского Губплана, 1926. С. 3.

¹⁷² Любомиров П. Г. О заселении Астраханской губернии в XVIII веке. Астрахань: Изд. Астраханского Губплана, 1926. С. 2.

установили минимальную пошлину и разрешили продавать товары не только оптом, но и в розницу, закупать на льготных условиях предметы, произведенные в России и в Западной Европе. Для восточных купцов Астрахань стала более привлекательной с точки зрения торговли и проживания, ибо теперь не надо было тратить время и средства на поездки в другие места России¹⁷³. Сложилась парадоксальная ситуация: закон, принятый в протекционистских целях и направленный на поддержку российского купечества, в Астрахани, наоборот, привел к укреплению позиций восточных купцов-иностранцев. Надо сказать, что в целом, российское правительство, благосклонно относилось к иностранцам и в особенности к их торговой деятельности, которая обеспечивала хорошие денежные поступления в казну. «К иноземцам всяких народов, обретающимся тамо, как к живущим, так и приезжим держать ласку и привет доброй, и обходиться с ними приятельски и приласкивать их к лучшему и оберегать, чтоб им от кого никаких обид не было...» – говорилось в уже упоминавшейся инструкции Петра I к первому астраханскому губернатору Волынскому¹⁷⁴.

Астраханских губернаторов напутствовали относиться к восточным купцам с «приласканием» и не чинить им стеснений в торговле и проживании. Власти построили в Астрахани гостиные двory для торговли восточных купцов и отвели места для размещения слобод.

Восточные купцы активно лоббировали свои интересы, поэтому правительство в отдельных случаях отступало от своего протекционистского курса и допускало действия, совершаемые в обход законов. Нарушения Новоторгового устава, льготы и привилегии, которых добивались иноземные купцы, вызывали возмущение у русских купцов, неоднократно обращавших внимание правительства на нарушения законов и предпочтение, отдаваемое иностранцам. В конце 1670-х гг. русские купцы просили выселить из России купцов – иностранцев, но правительство, как бы в ответ, в феврале 1681 г. издало два указа, разрешивших

¹⁷³ Голикова Н. Б. Очерки по истории городов России конца XVII – начала XVIII в. М.: Изд-во Московского университета, 1982. С. 163.

¹⁷⁴ Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1830. Т. 6. С. 225.

иметь постоянное жительство в Астрахани индийцам, грузинам, армянам, а также «бухарцам» и «гилянцам»¹⁷⁵.

Постепенно в г. Астрахани сложились группы постоянно проживавшего нерусского населения, как из числа местных, так и приезжих людей. Они занимались торговлей, ремеслом, работали по найму, а юртовские татары и ногайцы служили в войсках. В первой четверти XVIII в. постоянное нерусское мужское население Астрахани по самым заниженным данным определялось в 1500 душ, и по численности они не уступали местной посадской общине.

Астраханские «иноземцы» не входили в посад и были полностью освобождены от тягла и повинностей в пользу Русского государства, могли беспрепятственно отправлять свои религиозные обряды, имели свое самоуправление суд. Иностранцы платили только таможенные пошлины, деньги за наем лавок, «провозные деньги» и «пожилое» за право проживать в Астрахани¹⁷⁶. Политические и экономические привилегии восточных иноземцев в Астрахани закрепил сенатский указ от 5 августа 1746 г. «О торговле и повинностях армян и других азиатцев, живущих в Астрахани». Он подтвердил за иностранцами право платить льготные пошлины за занятие торговлей и ремеслом, установил для них необременительный постоянный оклад вместо «городских служб и поборов». Указ также подтвердил право иностранцев судиться по своим законам¹⁷⁷.

В указе от 5 августа 1746 г. не скрывалось, что привилегии предоставляются с целью удержать восточных иноземцев в Астрахани и с тем, чтобы их единоплеменники в других странах под влиянием плохих слухов «вновь выезды свои не пресекли». Заканчивался указ словами, обращенными к местным властям: «...а впредь Астраханскому магистрату, живущим в Астрахани армянам и прочим иноземцам обиды отнюдь не чинить»¹⁷⁸.

¹⁷⁵ Голикова Н. Б. Очерки по истории городов России конца XVII – начала XVIII в. М.: Изд-во Московского университета, 1982. С. 165.

¹⁷⁶ Голикова Н. Б. Очерки по истории городов России конца XVII – начала XVIII в. М.: Изд-во Московского университета, 1982. С. 172.

¹⁷⁷ Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1830. Т. 12. С. 581.

¹⁷⁸ Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1830. Т. 12. С. 583.

Самой многочисленной и быстрорастущей иностранной общиной г. Астрахани была армянская. Известно, что армянские купцы торговали и жили в нижеволжских городах издавна, после завоевания Астраханского ханства, они стали переселяться в новую Астрахань. По мнению историка В. А. Хачатуряна, «армянское поселение в Астрахани возникло не в результате какого-либо единовременного акта или массового переселения армян, а путем постепенного проникновения и обоснования там армянских поселенцев»¹⁷⁹. Притоку армян в Россию, и в частности в г. Астрахань, благоприятствовала политика российского руководства, стремившегося использовать армян в интересах развития торговли и ремесла в России и во внешнеполитических целях. «Персидский торг умножить, и армян как возможно приласкать и облегчить, в чем пристойно, дабы тем подать охоту для большего их приезда» – гласил от из пунктов петровского указа от 2 марта 1711 г.¹⁸⁰

В России армяне добились ряд привилегий, которые существенно укрепили их экономическое и правовое положение. Армянская Джульфинская компания, например, заключила в 1667 г. договор с русским правительством на монополию торговли шелком в России.

Миграцию армян в Россию постегивали преследования в некоторых мусульманских странах. Астраханская община постоянно пополнялась бежавшими от притеснений турок и персов новыми людьми. Их приток усилился в первой четверти XVIII в. в связи активизацией российской внешней политики в Западном Прикаспии. Россия хотела установить контроль над Персией и подвластными ей в то время землями Северного Кавказа, Афганистана и Прикаспия, которые производили и поставляли в большом количестве на внешний рынок шелк-сырец, хлопок, ткани, драгоценные металлы, камни и другие товары. За влияние в Прикаспии боролась также Турция, через порты которой европейские компании

¹⁷⁹ Хачатурян В. А. Армянская колония Астрахани (середина XVI начало XX вв.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ереван, 1995. С. 12.

¹⁸⁰ Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1830. Т. 4. С. 643.

вывозили шёлк. И Турция, и Россия стремились укрепить свои позиции в Персии, что вызвало между ними острое противоборство.

В 1722–1723 гг. Петр Первый I, воспользовавшись ослаблением центральной власти в Персии, приказал войскам оккупировать её прикаспийские провинции. В целях укрепления позиций лояльных к России христианских народов император пригласил на жительство в прикаспийские провинции армян и грузин. В 1735 г., однако, Россия вывела свои войска из Персии, вместе с ними тогда ушло много армян и грузин. Многие из них были приняты на российскую военную службу и поселились в крепости Кизляр. Большинство из этой волны переселенцев осели в Астрахани и Кизляре.

В первые годы ХУШ в. численность армян в Астрахани составляла примерно 200 ревизских душ, в 1724 г. – 700–800, в 1747 г. – свыше 1500¹⁸¹.

В первой четверти XVIII в. произошёл исход части грузинской элиты в Россию. В 1724 г. в неё мигрировали, спасаясь от турецких преследований, царь Картли Вахтанг VI и многие лица знатного происхождения – от 1300 до 3000 человек. Вахтанг VI обосновался в г. Астрахани, в которой прожил со своей семьёй и свитой 13 лет, здесь он умер и был похоронен, из знатных грузин-эмигрантов в Астрахани жили и нашли упокоение также зять Вахтанга VI – Теймураз II, и ряд высокопоставленных иерархов Грузинской православной церкви и священников.

По свидетельству Татищева, среди армян и грузин было немало умельцев по выращиванию и выделыванию шёлка и хлопка, которых можно было с пользой для края поселить на удобных к возделыванию этих культур землях около Астрахани и Кизляра. Для первоначального обустройства он предлагал выделить им 10 000 рублей в ссуду и через некоторое время взыскать её продукцией шелководства и хлопководства.

В Северном Прикаспии появление первых поселений во-многом было связано с развитием речного и морского рыболовства. Ранние рыбацкие поселки

¹⁸¹ *Хачатурян В. А.* Армянская колония Астрахани (середина XVI начало XX вв.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ереван, 1995. С. 13–14.

образовались на основе учюгов, учрежденных государственными властями в Северном Прикаспии в XVI–XVII вв. для промысла рыбы.

В 1704 г. Петр I повелел все рыбные ловли передать в собственность государства и установил практику сдачи их в откуп¹⁸² всем свободным людям, пожелавших заниматься рыболовством. Из-за недостатка средств центральные власти не справились с задачей, поэтому доходы от него упали, а промыслы начали приходить в упадок. Тогда в 1727 г. было принято решение отказаться от переобработки рыбных ловель и сдать их в «вечное содержание», что положило начало введению окладной системы взимания налогов¹⁸³. Одновременно правительство возложило на местные власти организацию рыболовства, передав в их распоряжение средства и орудия труда. Приняв рыболовство под свое непосредственное управление губернские власти уже скоро ощутили весь груз проблем, связанных с данной отраслью. Главная из них заключалась в том, что в Астраханской губернии почти отсутствовало местное рыбацкое население и промыслы укомплектовывались в основном отходниками, приходившими на временные заработки из других губерний. Набрать на рыбные промыслы в достаточном количестве работников из свободного оседлого местного населения было невозможно вследствие его крайней малочисленности, а кочевников работа на рыбных промыслах не привлекала потому, что она предполагала болезненный разрыв с привычным типом хозяйствования и образом жизни.

Когда в мае 1743 г. центральное руководство обязало всех отходников в короткий срок поменять рукописные паспорта на печатные, дающих право уходить на заработки, то на рыбных промыслах возникла критическая ситуация: многие пришлые работники возвратились в места своего постоянного проживания, а работники с новыми паспортами ещё не прибыли. Все это заставило высшую власть пойти на чрезвычайные меры: 17 апреля 1744 г. Правительствующий Сенат обязал губернские власти отправить в распоряжение Астраханской рыбной конторы для работы на казенных рыбных промыслах, сроком на один год требуемое количество

¹⁸² Откуп — система сбора с населения налогов и других государственных доходов, при которой государство за определенную плату передает право их сбора частным лицам.

¹⁸³ *Лебедев К. Н.* О Каспийском рыболовствею СПб.: Тип. Штаба Отдельного корпуса внутр. Стражи, 1863. С. 19.

людей из числа купцов, не занимающихся торговлей, и разночинцев, а в случае их нехватки – солдат гарнизона г. Астрахани¹⁸⁴. В том же году правительство распорядилось направить на рыбные промыслы 300 каторжников и 200 чел., «кои о себе показали, что чьи они прежде сего были, не знают...»¹⁸⁵, а 4 сентября 1751 г. специальным указом, предоставило Астраханской губернской канцелярии право отдавать преступников, приговоренных к смертной казни, политической смерти и «вечной каторге», на работы в казенные рыбные промыслы¹⁸⁶. Помимо этих мер, власти в 1745 г., а затем в 1750 г. разрешили лицам из податных сословий, ранее прибывшим в Астраханскую губернию и пожелавшим в ней остаться навсегда, прописаться и не возвращаться в прежние места жительства.

В первой половине XVIII в. в Северном Прикаспии рыболовный промысел осуществляли 8 государственных учугов и 23 ватаги; последние принадлежали купцам (в основном астраханским), арендовавшим воды. Ловцы рыбачили на р. Волге и в низовьях р. Яик (Урал) и обычно не рисковали промышлять в море, в прибрежной полосе которого не было стационарных поселений, и, где они к тому же могли подвергнуться нападению разбойников.

Волжские учуги и ватаги располагались на небольшом расстоянии от городов Астрахани и Красного Яра, откуда происходило снабжение их всем необходимым для жизни и работы. Основу их населения составляли сезонные рабочие, постоянных жителей было немного и почти все они проживали в казенных учугах. Первые рыбацкие поселения не отличались устойчивостью и нередко меняли своё местоположение или прекращали свое существование из-за стихийных бедствий и по другим причинам. В период руководства Астраханской губернией В. Н. Татищева (1741–1745 гг.) из 8 учугов действовали только 5, а 3 учуга находились в заброшенном состоянии из-за частых подтоплений¹⁸⁷.

¹⁸⁴ Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1830. Т. 12. С. 86.

¹⁸⁵ Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1830. Т. 13. С. 491.

¹⁸⁶ Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1830. Т. 13. С. 494.

¹⁸⁷ Пальмов Н. Н. К истории рыбной промышленности в Астраханском крае в первой половине XVIII в. // Наш край. 1924. № 4. С. 118.

В первой половине 1740-х гг. в ведении Астраханского рыбного управления находилось 38 участков арендованных купцами вод и 15 участков вод, предназначенных к сдаче в аренду, но не сданных, поскольку на них не нашлось желающих. Власти объясняли данный факт недостатком работников и контингента предпринимателей¹⁸⁸.

В первой половине XVIII в. в ведении астраханской администрации находился весьма прибыльный рыболовный промысел в устье р. Яика. В 1620-е гг. в устье р. Яик был образован первый государственный учуг, давший толчок развитию рыболовства в низовьях Яика и на Каспийском море. В конце 1630-х гг. правительство отдало рыболовство в устье Яика на откуп известной в России своими торгово-предпринимательскими операциями в Поволжье и Сибири династии ярославских купцов Назарьевых. В 1640 г. сын главы купеческой семьи – Михаил для охраны промыслов с разрешения властей построил деревянный острог, положивший начало г. Гурьеву. Крепость называлась Усть-Яицким Каменным городком и Нижним Яицким городом, пока за ней не закрепилось имя «Гурьев» – в честь главы купеческого дома Гурия Назарьева, дети которого взяли его имя в качестве фамилии.

Яицкие казаки и кочевавшие в Приуралье калмыки и казахи отрицательно отнеслись к появлению городка и развернули с ним борьбу. Постоянные их нападения на крепость и промыслы, несмотря на оказываемую городку военную поддержку властей, привели к тому, что к началу 1670-х гг. Гурьевы превратились в неплатежеспособных откупщиков и власти передали и город, и рыбные промыслы в ведение Дворцового приказа.

Враждебное отношение местного населения к государственным рыбным промыслам побудило власти подумать об их защите. Большое значение в этом отношении для гурьевских рыбных промыслов имело начатое в 1736 г. по решению правительства строительство Оренбургской укрепленной линии. Идею постройки укрепленной военной линии подал В. Н. Татищев, который сумел убедить

¹⁸⁸ Пальмов Н. Н. К истории рыбной промышленности в Астраханском крае в первой половине XVIII в. // Наш край. 1924. № 4. С. 123.

руководство страны в необходимости усилить военное присутствие России в Приуралье. Планировалось, что новая линия по примеру других укрепленных линий защитит приграничные территории от набегов казахов и других кочевых народов, что создаст благоприятные условия для продолжения заселения региона оседлым населением. Татищев, будучи в 1737–1739 гг. руководителем занимавшейся строительством новой линии Оренбургской комиссии, обратил внимание на отсутствие поселений между Гурьевским и Яицким городками (Уральском) и предложил учредить между ними городок, поселив в него Казанский драгунский полк, казаков и дворян из Самары¹⁸⁹. Кабинет министров одобрил план Татищева и 21 января 1739 г. поручил Военной коллегии провести его в жизнь, однако этому решительно воспротивились яицкие казаки. Они опасались, что появление нового городка в низовьях Яика нанесет их рыболовству большой ущерб. Им было достаточно Гурьева, о котором они с сожалением говорили, что «прокараулили, как тот город везли с Руси на Яик». Низовья р. Яик являлись для местных казаков зоной жизненных интересов, и они считали их своими, хотя там, не было ни одного казачьего поселения. Власти поняли, что с казаками необходимо договариваться, искать компромиссные решения, которые бы устроили обе стороны, тем более, что в противном случае под угрозой срыва мог оказаться план задуманного правительством строительства Нижнеяицкой укрепленной линии.

В 1743 г. начальник Оренбургской комиссии И. И. Неплюев предложил Яицкому казачьему войску своими силами построить два городка между Гурьевским и Яицким городками и взять на себя расходы по их содержанию, в ответ казаки попросили разрешения устроить в Гурьеве свой рыбацкий учуг. Власти согласились, а казаки выполнили свои обещания, построив городки: Кулагинский и Калмыково. В 1748 г. Правительствующий Сенат одобрил другое предложение Неплюева – отдать в откуп яицким казакам гурьевские рыбацкие учуги, взамен возложив на казаков строительство и содержание своими средствами и силами уже всей Нижнеяицкой линии. Окончательный итог переговорам

¹⁸⁹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1830. Т. 10. С. 707.

правительства с яицкими казаками подвел черту сенатский указ от 25 мая 1752 г. «Об отдаче при Гурьеве городков учугов с рыбными ловлями и таможенным и питейным сборами в содержание Яицкому войску из платежа в казну по трехлетней сложности оброка». Казакам передали в содержание все принадлежавшие государству учуги Гурьевского городка, с ежегодным платежом в казну 5406 руб. – почти такую же сумму уплачивали до них астраханские откупщики вод. Кроме того, казакам предоставили право на местные таможенные и кабацкие сборы¹⁹⁰. Этим же указом Гурьевский городок перечислялся из Астраханской губернии в Оренбургскую.

В споре властей с казаками, таким образом, был найден общий компромисс. Казаки получили в пользование приносящие хорошие доходы и потому вожделенные рыбные промыслы в устье р. Яик, откуда к тому же открывались широкие перспективы для организации морского лова, а государство переложило на плечи казаков основные расходы по строительству, охране укрепленной линии и заселению территорий вдоль правого берега Нижнего Яика. Не менее важным является и то, что была ликвидирована причина, порождающая противостояние двух сторон.

Согласно взятым на себя обязательствам Яицкое казачье войско построило вдоль р. Яик, от Чернореченской крепости до Каспийского моря (700 в.), 4 крепости, 5 городков и 19 форпостов¹⁹¹. Службу в них несли 1016 казаков, ещё 50 чел. направлялись каждый год в г. Гурьев и 20 чел. в г. Илецк¹⁹². Этим сил не хватало, поэтому местные власти неоднократно поднимали перед правительством вопрос о переводе на службу и жительство на Нижнеяицкую линию донских, волжских и астраханских казаков. Но все их просьбы остались не выполненными, так как упомянутые казаки были задействованы на службе у себя на родине и свободных людей у них не было.

¹⁹⁰ Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1830. Т. 13. С. 651.

¹⁹¹ Витевский В. Н. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Казань: Типо-Литография В. М. Ключникова, 1890. Вып. 2. С. 276.

¹⁹² Витевский В. Н. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Казань: Типо-Литография В. М. Ключникова, 1890. Вып. 2. С. 260.

В первое десятилетие XVIII в. по приказу императора Петра I. в г. Астрахани было налажено производство селитры используемой для изготовления пороха. Первый селитренный завод был построен в 1704 г. в 8 в. от г. Астрахани, на правом берегу р. Волги, однако уже в 1715 г. его в связи истощением месторождения селитры перенесли под г. Красный Яр¹⁹³.

Работать на селитряных заводах было настолько тяжело и опасно для здоровья людей, что на них не удавалось привлечь работников даже высокими заработками. Чтобы не сорвать производство власти вынуждены были наряду с вольным наймом прибегнуть к принудительным методам комплектования рабочей силы, используя для этого солдат, преступников и пленных шведов.

Второй селитренный завод в Астраханской положил начало селу Селитренному, расплoжённому на восточном берегу р. Ахтубы, в 54 в. от г. Астрахани. В первом десятилетии XVIII в. в районе будущего села были обнаружены залегавшие близко к поверхности месторождения селитры, после чего началась их разработка и строительство завода, которое завершилось в 1714 г. Завод принадлежал дворянину, майору И. И. Молоствову, но строился он на средства казны, предоставившей ему деньги в долг. На заводе трудились в основном вольнонаемные работники, однако использовались и рекруты, и ссыльные преступники.

Постепенно возле завода образовался поселок из постоянных жителей, многие из которых прибыли из Симбирской и Казанской губерний. По данным 1723 г., в Селитренном городке числилось 60 семей; среди них были: капрал, 3 пушкаря, священник, пономарь, 6 мастеров, 48 работных людей, в т. ч. 1 кузнец, 9 дворовых людей Молостова. Большинство работников имели собственные дома, но некоторые проживали в помещениях, принадлежавших заводу¹⁹⁴.

Северный Прикаспий богат соляными озерами, промышленное освоение которых привлекло в край новых переселенцев. В 1747 г. началась государственная добыча соли на озере Эльтон. Около него построили промысел и необходимую

¹⁹³ Марков А. С. Петр I и Астрахань. Астрахань: Форзац, 1994. С. 20.

¹⁹⁴ Любомиров П. Г. Очерки по истории русской промышленности. М.: Госполитиздат, 1947. С. 537–538.

инфраструктуру. Для транспортировки добытой соли власти пригласили всех желающих, а для её складирования (перед отправкой в другие губернии), согласно указа от 24 февраля 1747 г., построили на левом берегу р. Волги, напротив расположенных на правом берегу г. Саратова и Дмитриевска (Камышина), специальные соляные амбары. На местах, выбранных под складирования соли впоследствии образовались слободы: Покровская и Николаевская.

Одними из первых на призыв правительства заняться перевозкой соли откликнулись чумаки из губерний: Полтавской, Черниговской и Харьковской. Однако чумакам оказалось очень неудобным ездить на о. Эльтон за солью из мест своего проживания, затем везти её к волжским пристаням, и опять возвращаться домой. Чтобы ликвидировать данное неудобство власти разрешили чумакам устраиваться на жительство на левом берегу Волги вблизи соляных складов. В вышедшем 15 марта 1754 г. императорском указе было записано: «...всем тем малороссиянам, кои там обретаются и к возке соли обзаводились волами и всякими припасами, как при Саратове, так и при Дмитровске, на луговой, а не нагорной стороне, позволить жительство иметь и скот свой пасти, лес рубить на починку их телег свободно, ибо, ежели им того дозволено не будет, иувидят себе в том от граждан тесноту, то б не могли они отойти в свои отечества, откуда уже высылать их будет не без труда»¹⁹⁵. Как видно из документа, правительство было сильно заинтересовано в услугах профессиональных перевозчиков соли, и потому стремилось их закрепить на постоянное жительство в Астраханской губернии. Солевозчикам предоставили высокие земельные наделы в размере 30 дес. на мужскую душу, и ещё дополнительно по 30 дес. на мужскую душу в качестве поощрительной меры, если они обещали продолжать заниматься соляным извозом. Земли им отводились хорошего качества и в удобных местах.

Развитие соляного промысла на Эльтоне привело к созданию при нем поселка. Первыми его жителями были приходившие на сезонные заработки «вольные» люди и беглые помещичьи крестьяне. В 1750-е гг. их численность

¹⁹⁵ Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1830. Т. 14. С. 40–41.

колебалась в пределах от 1500 до 2000 чел. В основном это были выходцы из поволжских городов (Саратова, Вольска, Царицына) и близлежащих сел и деревень Поволжья, среди работников было немало крестьян из Пензенской, Нижегородской и Рязанской губерний. Они жили в поселке с мая до октября, до тех пор, пока не прекращалась работы по добыче соли. Зимой они проводили дома, весной возвращались на Эльтон. В поселке оставалась зимовать охранная команда из отставных солдат. Со временем часть солеломщиков стала оседать в нём на постоянное жительство, и поселок постепенно стал приобретать черты постоянного поселения.

С соледобычей также связана история возникновения п. Нижний Баскунчак. В середине XVIII в. на озере Баскунчак власти приступили к разработке месторождений соли, в связи с чем для его охраны были сооружены крепость и четыре наблюдательных будки на разных концах озера. Под военной защитой у озера было основано небольшое поселение –хутор Кордон, где были возведены дома для смотрителя, служащих и соледобытчиков. Работы на озере носили сезонный характер, к тому же разработка месторождения, по распоряжению властей, несколько раз прекращалась и возобновлялась, что долгое время препятствовало закреплению населения на постоянное место жительство¹⁹⁶.

Соляному промыслу обязано своим возникновением и с. Басы. Оно было основано на Астраханско-Кизлярском тракте, в 85 верстах от г. Астрахань, в месте, где находилась пристань, с которой добываемая на Басинских озёрах соль на судах по ильмену доставлялась на озеро Бертюль. Первыми его жителями были занимавшиеся перевозкой соли с озер на Басинскую пристань чумаки-малороссы. Появились они здесь, вероятнее всего, не ранее конца 1740-х гг., когда началось освоение Басинских соляных озер. В 1763 г. астраханский губернатор Н. А. Бекетов планировал поселить на Астраханско-Кизлярском тракте на ур. Башмачаги 80 астраханских казаков и работников с Басинских, Дарминских озер и с Тинакской

¹⁹⁶ Головащенко А. Соляные промыслы Астраханской губернии // Труды Астраханского губернского статистического комитета. Астрахань: Тип. Астраханского губернского статистического комитета, 1877. Вып. 5. С.20.

соляной заставы. Данный факт подтверждает существование басинских солевозцов, как минимум, уже в начале 1760-х гг.¹⁹⁷

В течение многих лет басинское поселение не имело постоянного состава населения: приходившие на промыслы работники, отработав на них весенне-полевой сезон, на зиму возвращались в места постоянного проживания.

Труд работников соляных промыслов был очень тяжелым: им приходилось работать в условиях постоянного недостатка питьевой воды; от влаги и разъедающей кожу соли на ногах и руках ломщиков долго не заживали раны, от нехватки витаминов они часто болели цингой. От бескормицы, безводия и жары часто случались падежи скота, что нередко приводило к разорению солевозчиков. Тяжелый труд отчасти компенсировался высокими заработками и льготами. Работники соляных промыслов освобождались от уплаты подушной подати и рекрутской повинности, им предоставлялись в пользование наделы, вдвое превышающие норму, установленную для крестьян¹⁹⁸.

Во время путешествия в Астрахань в 1722 г. Петр I обратил внимание на многочисленные тутовые рощи в Волго-Ахтубинской пойме и высказал мысль о желательности наладить здесь производство шелка. Практическое осуществление этой идеи началось в царствование его дочери – Елизаветы Петровны. В 1756 г. она поручила поручику И. Е. Цыплетеву (Цыплятьеву), как человеку, ранее служившему в г. Кизляре и знакомого с процессом изготовления шелка, помочь директору Астраханской садовой конторы И. А. Паробичу наладить такое же производство в Волго-Ахтубинской пойме, в частности в районе Киляковки. Для обслуживания шелкопрядильного завода императрица разрешила привлечь беглых крепостных крестьян и вообще всех «праздношатающихся» в губернии лиц, предварительно легализовав их и выдав паспорта. Цыплетев указание императрицы выполнил, отобрав из данного контингента для ахтубинского завода 250 чел.

¹⁹⁷ Белоусов С. С. Этнокультурная ситуация в с. Басы Астраханской губернии в XVIII–XIX вв. // Монголоведение. 2007. № 4. С. 217.

¹⁹⁸ История Астраханского края / под общ. ред. И. М. Ушакова. Астрахань: Изд-во Астраханского государственного педагогического университета, 2000. С. 345.

Однако желающих устроиться на шелковый завод оказалось гораздо больше, чем требовалось.

Незадолго до проведения акции по укомплектованию жителями поселений при ахтубинском заводе, правительство произвело набор работников для обслуживания казенных садов в г. Астрахани. С этой целью на Дон и Среднюю Волгу были специально посланы люди, которые от имени властей должны были провести агитацию и отыскать добровольцев для работ в казенных садах. Сделав свое дело, посланцы, однако, стали распускать слухи о том, что устраиваясь на работу в казенные сады и на ахтубинские заводы крестьяне получают свободу от крепостничества. Слухи взбудоражили помещичьих крестьян, и тысячи из них, устремились к г. Царицыну.

В ноябре 1757 г. в Сенат поступило сообщение, «что из Тамбовского и Козловского уездов разных помещиков крестьяне, забирая свои пожитки и лошадей, бегут, а другие чинят разглашение, якобы оные беглые, собравшись в Царицыне и переправясь чрез Волгу, порыв землянки, живут, и принимать будут впредь всяких прихожих людей, а некоторые крестьяне и явным образом бегут же, объявляя при том побеге, что они идут для поселения в Царицын и в Камышенку к шелковому казенному заводу, где для принятия де их якобы определен майор Парубич»¹⁹⁹. На этой почве в Тамбовском, Шацком, Козловском и других уездах Тамбовской провинции Азовской губернии даже вспыхнули восстания, крестьяне покидали родные места целыми деревнями и семьями и бежали, при этом грабили помещиков, оказывали сопротивление военным командам; тех из них, кого удалось поймать, рассказывали, что они идут на речку Ахтубу и в Астрахань для поселения при казенных виноградных садах и шелковом заводе, где их должны встретить поручики Паробич и Цыплетев, взяв с каждого из них за поселение по 2–3 рубля. Властями указывалась цифра прибывших: до 3000 чел. на р. Ахтубе и до 2000 чел. в Астрахани.

¹⁹⁹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1830. Т. 15. С. 154.

Опасаясь разрастания волнений и переселенческого движения Сенат 13 января 1758 г. издал указ, в котором объявил слухи о принятии беглецов и предоставление им свободы ложными, а лиц их распространяющих, подлежащих наказанию²⁰⁰.

В марте 1758 г. на Ахтубу для проведения следствия в отношении беглых прибыл в сопровождении казаков коллежский советник А. Д. Полозов. После допросов, пыток и порок 2980 чел. беглых сознались откуда они прибыли и чьими людьми являются. 20 человек выдержали экзекуцию и ни в чем не признались, поэтому по закону их полагалось легализовать и оставить жить на выбранном ими месте, но этому неожиданно воспротивились поселенные возле Ахтубинского завода переселенцы. Они заявили, что их на завод пригласили и к ним не применяли допросов и пыток, а предлагаемые к поселению 20 чел. прибыли самовольно и их подвергли пыткам. На этом основании они наотрез отказались принять в своё общество успешно прошедших пытки и допросы людей. Занимавшийся устройством поселения при Ахтубинском шелковом заводе поручик И. Е. Цыплетев прислушался к мнению первопоселенцев и поселил 20 чел. в 12 в. от них, ниже по течению р. Ахтуба. Новое поселение получило название Средне-Ахтубинского, а первое поселение, образованное за год до этих событий стало называться Верхне-Ахтубинским, а неофициально – Безродным, в напоминание об особенностях социального происхождения первых его жителей²⁰¹.

В начале 1730-х гг. в Астраханской губернии началось формирование астраханского казачества. Ликвидация тесно связанного с Астраханским краем стрелецкого войска усилила недостаток в местном военном служилом населении, адаптированного к местным условиям жизни. Новое иррегулярное войско формировалось государственной властью и в отличие от прежнего городского казачества являлось казачеством, по выражению И. А. Бирюкова, «всего Астраханского края».

²⁰⁰ Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1830. Т. 15. С. 154–155.

²⁰¹ Будков И. Село Средне-Ахтубинское [электронный ресурс] // Летопись краеведа. 2017. 27 июля. Режим доступа: https://vk.com/letopis_kraeved.

4 января 1737 г. Сенат, уважив просьбу Астраханского вице-губернатора Л. Я. Соймонова, издал указ о наборе людей в трёхсотенную казачью команду, в которую включили 22 командира из числа русских из 7 из крещеных калмыков и 271 рядовых крещеных калмыков. Командиром команды назначили «природного» казака, полковника А. Н. Слободчикова²⁰². Вскоре крещеные калмыки, недовольные казацкой службой, стали самовольно покидать трехсотенную команду, поэтому их начали заменять русскими. В 1742 г. астраханский губернатор В. Н. Татищев вошел в Правительствующий Сенат с ходатайством о постройке пяти новых городков на р. Волге от р. Иргиза до Астрахани, увеличении жалованья казакам трехсотенной команды и доведения её штата до 500 чел.²⁰³ Разрешение на развертывание команды в пятисотенный полк было получено в 1750 г., когда Татищев уже не возглавлял Астраханскую губернию.

Казаков Астраханского полка поселили около г. Астрахани и наделили положенными сельскохозяйственными угодьями.

Полк укомплектовывали казачьими детьми, крещеными калмыками и татарами, разночинцами, не положенными в оклад. В Государственном архиве Астраханской области сохранились формулярные списки казаков Астраханского полка от 31 декабря 1766 г., позволяющие определить их сословную, национальную принадлежность и географию мест жительства. Из списков следует, что полк состоял из 103 «природных» астраханских казаков, 40 городских казаков из городов, начиная от Красного Яра до Самары и Алексеевки включительно, из 50 волжских казаков, 220 донских казаков, 9 уральских казаков, 16 малороссийских казаков, 1 гребенского казака, 36 крещеных калмыков и 98 разночинцев, не положенных в подушный оклад²⁰⁴. Эти данные свидетельствуют: 1. Полк формировался в основном за счёт потомственных казаков 2. Более половины казаков являлись неместными уроженцами 3. География мест выхода казаков Астраханского полка охватывала преимущественно р. Дон и поволжские города.

²⁰² Бирюков И. А. История Астраханского казачьего войска. Саратов: Тип. П. С. Феокрытова, 1911. Ч. 1. С. 19.

²⁰³ Бирюков И. А. История Астраханского казачьего войска. Саратов: Тип. П. С. Феокрытова, 1911. Ч. 1. С. 27.

²⁰⁴ Бирюков И. А. История Астраханского казачьего войска. Саратов: Тип. П. С. Феокрытова, 1911. Ч. 1. С. 39.

Трехсотенная казачья команда и Астраханский пятисотенный полк положили начало формированию Астраханского казачьего войска, завершившегося в 1817 г.

В первой половине XVIII в. государство не предпринимало действий по организации массовых переселений и среди переселенцев преобладали военно-служилые люди. Эти миграции были немногочисленными и направлены в основном на укрепление военного присутствия в регионе с целью обеспечения безопасности его населения. Военно-сторожевые функции Астрахани и городков-крепостей предопределили надолго превалирование в них военно-служилого населения. Большинство служивших и проживавших в городах Северного Прикаспия стрельцов были неместными уроженцами. В отличие от Центральной России, где в стрельцы нанимались местные жители, а служба носила характер потомственной, в Северном Прикаспии набрать достаточное количество желающих служить в стрелецких полках было невозможно из-за крайней малочисленности оседлого населения. Чтобы не допустить ослабления стрелецкого войска, властям приходилось постоянно направлять в край пополнения из других мест России.

Немногочисленные городки-крепости не решали полностью проблемы безопасности населения, гораздо эффективнее в этом отношении были укрепленные линии. Активное переселение и освоение земель начиналось, как правило, после того, как завершалось строительство какой-либо из укрепленных линий. В первой половине XVIII в. в Северном Приуралье для создания условий для активизации переселенческого курса большую роль сыграло учреждение Царицынской и Нижне-Яицких укрепленных линий.

2.2. Переход к политике

*массовых организованных переселений. 1763–1799-е гг.*²⁰⁵

В 1760–1790-е гг. государство осуществило ряд важных мер, направленных на активизацию переселений в Северный Прикаспий. Власти усилили организационную составляющую переселений и их материальную поддержку, расширили их сословную базу. Благодаря широкому вовлечению в переселенческий процесс крестьян они стали в нем доминирующим элементом и придали ему массовость.

В Северном Прикаспии переселенческая политика активизировалась в 1763 г., когда астраханским губернатором был назначен молодой и инициативный Н. А. Бекетов. Свою карьеру он начал в правление императрицы Елизаветы Петровны, непродолжительное время был её фаворитом, но потом впал в немилость, и был вновь востребован к государственной службе, пришедшей к власти в 1762 г. императрицей Екатериной Второй.

Вступив в должность губернатора 30 апреля 1763 г. он сразу же обратил внимание на важность решения проблемы заселения губернии. Осознавая огромную значимость для губернии и региона дорог, Бекетов переселенческую деятельность начал с заселения Астраханского почтового тракта.

В 1763 г. он представил в Правительствующий Сенат, Военную коллегию и Государственную коллегию иностранных дел (далее – ГКИД) свои соображения по заселению Астраханского почтового тракта от г. Саратова до г. Кизляра. План Бекетова заключался в создании на его незаселенном отрезке пути, начиная от г. Царицына и до г. Кизляра, постоянных стационарных поселений, что в случае

²⁰⁵ Основой данного параграфа послужили статьи С. С. Белоусова: *Белоусов С. С.* Государственная политика заселения Астраханско-Кизлярского и Царицынско-Ставропольского трактов во второй половине XIX века // Вопросы истории. 2011. № 3. С. 153–158; *Белоусов С. С.* Политика властей по привлечению казачества к поселению на трактах в XVIII в. (Астраханская губерния) // *Oriental Studies* (Вестник КИГИ РАН). 2018. № 1. С. 47–54; *Белоусов С. С.* Роль торгово-ремесленного населения в создании стационарных поселений на землях казахов Внутренней киргизской орды Астраханской губернии. XIX в. // *Oriental Studies*. 2019. № 44 (4). С. 634–644, которые были значительно доработаны и дополнены.

успеха связало бы Нижнее Поволжье с Северным Кавказом. На участке тракта Царицын – Астрахань он предложил учредить 4 станицы и 1 городок, обещая обойтись для их заселения местными людскими ресурсами. Для этого дела он рассчитывал привлечь волжских, донских и астраханских казаков (Астраханский пятисотенный казачий полк), как представителей служилого сословия, привыкших жить в экстремальных условиях, и потому казавшихся ему наиболее подходящим контингентом для новых поселений. Определенные надежды астраханский губернатор возлагал на уволенных после окончания военной службы солдат. Ещё в начале своей деятельности на посту астраханского губернатора Бекетов добился от Екатерины II разрешения распространить на Астраханскую губернию действие манифеста, который повелевал отслуживших солдат поселять в Казанской и Симбирской губерниях²⁰⁶.

По мнению Бекетова, расселение в станицах, проживавших в городах-крепостях астраханских казаков, должно было принести пользу не только государству, но и им самим.²⁰⁷ Дело в том, что на плечах казаков немногочисленного (500 чел.) Астраханского казачьего полка лежала огромная нагрузка. Они несли охранную службу на пикетах, заставах, форпостах, разбросанных на большом пространстве вдоль Волги и по Кизлярскому тракту, осуществляли перевозку почты. До 1756 г. тяготы службы вместе с ними разделял личный состав драгунского полка, но в 1756 г. его перевели на Царицынскую линию, после чего, содержание застав, форпостов, а также командировки в г. Кизляр, в горы и на Кубань, в калмыцкие улусы, на р. Яик и в Оренбургскую губернию, стали осуществляться исключительно силами одного Астраханского казачьего полка²⁰⁸. Устройство казаков полка на постоянное место жительства в придорожных поселениях приближало их к месту службы, тем самым уменьшались издержки от постоянных командировок для охраны дорог и перевозки почты.

²⁰⁶ Бирюков И. А. История Астраханского казачьего войска. Саратов: Тип. П. С. Феокритова, 1911. Ч. 1. С. 60.

²⁰⁷ Бирюков И. А. История Астраханского казачьего войска. Саратов: Тип. П. С. Феокритова, 1911. Ч. 1. С. 61.

²⁰⁸ Бирюков И. А. История Астраханского казачьего войска. Саратов: Тип. П. С. Феокритова, 1911. Ч. 1. С. 117.

В четырёх станицах Бекетов намеревался водворить казаков, а в городке – калмыцкого нойона Замьяна с его подданными. Пойти на этот шаг Замьяна подтолкнули не сложившиеся у него отношения с калмыцким наместником Убаши и личные уговоры Н. А. Бекетова. Поселившись оседло, калмыцкий нойон рассчитывал уйти из-под власти Убаши, а астраханскому губернатору это давало возможность расширить круг непосредственно подчиненных ему людей.

Бекетов, будучи деятельной личностью, чтобы не терять времени, пока судьба его проекта решалась в высших инстанциях, приступил к изучению колониционных возможностей территорий, где планировалось учредить поселения. В 1763 г. по его приказу прапорщик Астраханского военного гарнизона Степанов измерил и обследовал отрезок Астраханского почтового тракта от г. Енотаевска до г. Черного Яра, поручик Паулион – от последнего до г. Царицына, далее, до г. Саратова, эту работу проделали нарочные²⁰⁹. Помимо этого, командир полка Ф. И. Гольцын получил задание проехать по тракту от г. Астрахани до г. Царицына и составить описание мест и почтовых станций. На Астраханско-Кизлярский тракт с такими же целями был послан сотник Астраханского казачьего полка Голубев, который измерил 351 версту от г. Астрахани до г. Кизляра и наметил под заселение 11 пунктов, расположенных друг от друга на расстоянии от 5 до 34 верст²¹⁰.

9 ноября 1763 г. Гольцын представил Бекетову собранные материалы, после ознакомления с которыми, губернатор повелел ему объявить о наборе добровольцев из Астраханского казачьего полка для поселения на тракте между городами Астраханью и Царицыным²¹¹.

Внимательно ознакомившись с описанием дороги между Астраханью и Кизляром, Бекетов обратился в Сенат с предложением перенести её ближе к Каспийскому морю и учредить вдоль неё несколько населённых пунктов²¹². Эта дорога являлась продолжением Астраханского почтового тракта, она соединяла г.

²⁰⁹ Бирюков И. А. История Астраханского казачьего войска. Саратов: Тип. П. С. Феокритова, 1911. Ч. 1. С. 70.

²¹⁰ Бирюков И. А. История Астраханского казачьего войска. Саратов: Тип. П. С. Феокритова, 1911. Ч. 1. С. 68.

²¹¹ Бирюков И. А. История Астраханского казачьего войска. Саратов: Тип. П. С. Феокритова, 1911. Ч. 1. С. 72.

²¹² РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 613. Ч. 4. Л. 214.

Астрахань с г. Кизляр (560 вёрст) и проходила в основном по местности безводной, засушливой и малолюдной, что сильно ограничивало пропускную способность дороги и ставило под угрозу срыва снабжение российских войск на Кавказе. Кроме того, отсутствие укрепленных пунктов вдоль пути и вообще каких-либо поселений позволяло горцам и татарам неожиданно и безнаказанно нападать на мирных жителей Астраханской губернии. Чтобы обеспечить их безопасность, в 1751 г. в местности Башмачаги, расположенной на Кизлярском тракте, в 100 в. от г. Астрахани, была учреждена застава из казаков Астраханского полка и юртовских татар, такие же заставы, но уже из гребенских казаков, появились в степи между Астраханью и Кизляром на ур. Харагое при р. Куме, и при Колпичьем озере, соответственно в 200 и 100 вв. от г. Кизляра. В задачу казаков входило патрулирование дороги и сопровождение почты из г. Астрахани в г. Кизляр, в случае появления отрядов грабителей они обязаны были их преследовать. Заставы действовали только летом, когда калмыки переправлялись на левую сторону р. Волги и район тракта становился безлюдным, что облегчало разбойничьим шайкам их действия, после возвращения калмыков на правую сторону заставы снимались²¹³.

Сезонный характер действий застав не мог полностью обеспечить спокойствие и безопасность в регионе, поэтому власти всерьез задумались о создании сети постоянных поселений, которые в первую очередь были необходимы на сухопутных транспортных артериях.

В 1763 г., накануне назначения Бекетова, полковник Астраханского казачьего полка Ф. И. Гольцын обратился к действующему тогда астраханскому губернатору В. В. Неронову с ходатайством основать два населенных пункта на реках Баваре (видимо р. Калаус) и Куме. В них он предложил поселить на добровольных началах, но при материальной поддержке государства, волжских и донских казаков, «малороссиян» и отслуживших срок солдат²¹⁴. Государственная коллегия

²¹³ *Скворцов В. В.* Историко-статистический очерк Астраханского казачьего войска. Саратов: Тип. П. С. Феокритова. С. 18.

²¹⁴ *Пономарёв А. М.* Проекты поселения казаков по границе Астраханской губернии в середине XVIII века (основание крепостей, форпостов, поселений) // Астраханские краеведческие чтения: Сборник статей. Астрахань: Сорокин Роман Васильевич, 2017. Вып. IX. С. 108.

иностранных дел, однако, посчитала эту меру преждевременной; так как она опасалась, что при отсутствии зафиксированной и признанной границы, это могло спровоцировать осложнение отношений с Турцией и кабардинцами. По этой причине Государственная коллегия иностранных дел отказала Гольцыну в просьбе, предписав астраханскому губернатору сосредоточить усилия на обеспечении безопасности дороги Астрахань – Кизляр²¹⁵.

Необходимость переноса Астраханско-Кизлярского тракта к Каспийскому морю Бекетов обосновывал недостатком на тракте пригодной к употреблению воды, а также тем, что закрепиться на нём на жительство переселенцам будет крайне непросто из-за частых набегов разбойничьих шаек²¹⁶. Губернатор полагал поселить на нём казаков из городов Астрахани и Кизляра, несших летом службу на форпостах тракта, дополнив их, в случае необходимости, так называемыми людьми «не помнящих родства», проживавших в г. Астрахани. Всем им государство должно было выделить на строительство домов по 10 руб. на двор, а также обеспечить снабжением хлебом²¹⁷. В целях возмещения затрат на содержание дороги Бекетов полагал ввести пошлину для проезжавших и разрешить государственную винную торговлю на тракте.

Далее Бекетов предложил кочующих возле г. Кизляра ногайцев перевести во внутрь Царицынской укрепленной линии, а служивших там волжских казаков расселить в городах: Царицын, Енотаевск, Черный и Красный Яр, на реках Тереке и Куре.

Пока Бекетов занимался изучением колонизационных возможностей Астраханского почтового тракта, в высших органах власти шло обсуждение его проектов. В 1764 г. Правительственный Сенат, Военная коллегия и Государственная коллегия иностранных дел в целом одобрили план заселения дороги от г. Астрахани до г. Царицына казаками Астраханского полка. В четырёх

²¹⁵ Пономарёв А. М. Проекты поселения казаков по границе Астраханской губернии в середине XVIII века (основание крепостей, форпостов, поселений) // Астраханские краеведческие чтения: Сборник статей. Астрахань: Сорокин Роман Васильевич, 2017. Вып. IX. С. 111–112.

²¹⁶ РГАДА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 111. Л. 1об.

²¹⁷ РГАДА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 111. Л. 6об.–7.

станциях решено было поселить по 80 казаков, а в городке – людей калмыцкого нойона Замьяна и 80 казаков.

Государственная коллегия иностранных дел, в ведении которой находились калмыки, настояла, чтобы вместе с калмыками обязательно были поселены казаки, которые помогли бы Замьяну и его подвластным перейти к оседлому образу жизни. Пример Замьяна должен был показать калмыкам преимущество оседлого образа жизни, но в целом ГКИД считала преждевременным ставить вопрос о переходе всего калмыцкого народа на оседлость. По мнению членов ГКИД, калмыцкий народ ещё не был готов к перемене своего образа жизни, к тому же это не отвечало государственным интересам России.

Властям был невыгоден перевод всего калмыцкого народа на оседлый образ жизни, ибо в таком случае освободились бы большие степные пространства, на которых могли поселиться казахи, «кубанские и горские народы», считавшимися недружелюбными по отношению к России. Калмыки своими кочевьями занимали огромные пространства волго-маньчских и волго-уральских степей и являлись своего рода буфером между мусульманами-кочевниками и горцами Кавказа. Благодаря кочевому образу жизни калмыки были в состоянии контролировать большие территории и поддерживать в постоянной боевой готовности свою конницу, которая привлекалась российскими властями к участию в военных компаниях.

Власти опасались, что перевод на оседлый образ жизни всего калмыцкого народа приведёт к тому, что «останутся тамошние степи по большей части пустыми», и они станут «неминуемо сборищем и убежищем тем варварским народам, при их на здешние места набегах, а может быть, некоторые сих народов и для всегдашнего пребывания перешли бы на оныя»²¹⁸. Под «варварскими народами» в данном случае подразумевались киргис-кайсаки (казахи), а также «кубанские и горские народы». Охватывавшие своими кочевьями огромное пространство между р. Урал и Северным Кавказом калмыки рассматривались в

²¹⁸ Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1830. Т. 16.С. 827.

качестве своеобразного буфера между отличными от них по языку и вероисповеданию мусульманскими тюркскими степными народами и горцами. Концентрация калмыков в стационарных поселениях привела бы к размыванию этого буфера.

Здесь важно также отметить, что допуская поселение Замьяна и его людей, российское руководство имело ввиду ещё и «узнать, сколько и впредь в том успехов надеяться можно, и продолжать ли сие намерение по ожидаемой из того пользе? Или буде противное из того окажется по легкомысленному состоянию сего народа, и совсем оное оставить нужно...»²¹⁹. Иными словами, власти, давая Замьяну разрешение на поселение, имели ввиду ещё и приобретение опыта перевода калмыцкого народа на оседлый образ жизни.

Принятые в ГКИД решения имели историческое значение, поскольку заложили основу для всей дальнейшей переселенческой и седентаризационной государственной политики на калмыцких землях. Суть её заключалась в том, что государство, осознавая важность решения задачи перевода калмыков на оседлый образ жизни, в то же время никогда не форсировало этот процесс, понимая, к каким последствиям для калмыков может привести резкая ломка их привычного уклада жизни. По этой причине, а также по политическим и финансовым соображениям, седентаризационная политика носила характер добровольности и постепенности. Имперские власти никогда не ставили в повестку вопрос о немедленном переходе всего калмыцкого народа на оседлость, оставляя окончательное решение данной проблемы на неопределенное время. Речь шла только о переводе части калмыков на оседлый образ жизни, при этом исключительно мерами поощрения и на основе соблюдения принципа добровольности. Другой существенной чертой политики седентаризации являлось переплетение её с политикой переселенческой, которая, в свою очередь, тесно увязывалась с реализацией целого комплекса задач на калмыцких землях. Власти стремились сделать стационарные поселения смешанными по национальному составу – русско-калмыцкими. Русские казаки и

²¹⁹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1830. Т. 16. С. 828.

крестьяне должны были помочь калмыкам усвоить азы оседлого быта и хозяйствования и одновременно придать устойчивость поселениям.

После одобрения в июле 1764 г в высших правительственных кругах идеи создания четырёх станиц и одного городка на правом берегу р. Волги Н. А. Бекетов приступил к заселению выбранных мест. Поскольку на просьбу поселиться в указанных местах откликнулись только 146 казаков, то губернатор приказал командиру Астраханского казачьего полка назначить по своему усмотрению в станицы недостающее число людей. Из-за отсутствия необходимого контингента поселенцев среди казаков Бекетов вынужден был отступить от запланированной цифры: в каждую из четырех станиц он решил назначить не по 80 казаков, а по 50, распоряжение правительства о числе поселенцев из казаков было выполнено только для городка Замьяна, куда были направлены на жительство 80 астраханских казаков²²⁰. В 1765 г. процесс создания четырех станиц и одного городка завершился, в 1766 г. по инициативе Бекетова были дополнительно учреждены на том же отрезке тракта из отставных казаков и солдат две новые станицы – Косикинская и Копановская. Из числа семи станиц две (Замьяновская и Лебяжинская) были образованы недалеко от Кизлярского тракта, с таким расчётом, чтобы казаков данных станиц можно было привлечь для охранной и почтовой службы на нём.

Современники Бекетова отдавали должное усилиям Бекетова по успешному заселению казаками отрезка пути между городами Астрахань и Черный Яр. Посетивший станицы после их учреждения известный ученый и путешественник С. Г. Гмелин высоко оценивал результаты деятельности астраханского губернатора и надеялся, что она продолжится и далее: ««Если б можно было выбрать дорогу другим переселенцам, кои б между Царицыным и Черным Яром поселились, и еще другим, кои б населили степь между Астраханью и Кизляром; то б во время губернаторства господина Бекетова нечто исполнилось такое, чего никогда за возможное не почитали. Я етого желаю, и почитаю за не невозможное»²²¹.

²²⁰ Бирюков И. А. История Астраханского казачьего войска. Саратов: Тип. П. С. Феокритова, 1911. Ч. 1. С. 73.

²²¹ Гмелин С. Г. Путешествие по России для исследования трёх царств природы. СПб.: Императорская академия наук, 1777. Ч. 2. С. 56.

Н. А. Бекетову выпало также заниматься реализацией проекта создания немецких колоний в нижневолжской части губернии. По времени его руководство губернией совпало с развернувшейся в России кампанией по привлечению к заселению малонаселенных губерний иностранцев, преимущественно немецкого происхождения. Основы данной политики были разработаны в период правления императрицы Елизаветы Петровны (1741–1761 гг.), но воплощаться в жизнь она начала после подписания 4 декабря 1762 г. Екатериной II манифеста «О позволении иностранцам, кроме жидов, выходить и селиться в России и о свободном возвращении русских людей в своё отечество русских людей, бежавших за границу». Переселенцам из-за границы были дарованы беспрецедентные по тем времена льготы: бесплатный проезд за счёт государства в места поселения, беспроцентная ссуда на обустройство, освобождение от налогов на срок от 10 до 30 лет и большинства повинностей, самоуправление, свобода вероисповедания. Первоначально колонистов предполагалось направить на заселение пустующих земель в Астраханской, Белгородской, Тобольской и Оренбургской губерниях. Масштабность акции потребовала значительного увеличения расходов на содержание чиновников, занимавшихся организацией переселений, что оказалось очень обременительным для казны, поэтому решено было ограничиться в основном Астраханской губернией, для которой были выделены суммы и специальные чиновники²²². Так Астраханская губерния стала главным местом приёма немецких колонистов в России. Немцами планировалось заселить пустующие пространства вдоль р. Волги, от г. Сызрани до устья р. Сарпы, а также по рекам: Терек и Кума.

Первая партия колонистов в количестве 20 семей прибыла и была размещена в г. Астрахани в октябре 1763 г., но уже 27 апреля 1764 г. Бекетов сообщил в Канцелярию опекунства иностранных о том, что колонистов размещать в районе г. Астрахани нецелесообразно, поскольку там нет свободных сельскохозяйственных угодий и нет недостатка в ремесленниках²²³. Доводы астраханского губернатора

²²² Плева И. Р. Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII в. 3-е изд. М.: Международный союз немецкой культуры, 2008. С. 224.

²²³ Плева И. Р. Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII в. 3-е изд. М.: Международный союз немецкой культуры, 2008. С. 93.

были услышаны, и немецких колонистов стали направлять на поселение в район Саратова, являвшегося в то время частью Астраханской губернии.

В течение 1764–1768 гг. в Нижнем Поволжье были поселены 26676 немецких колонистов²²⁴, которые основали 187 населенных пунктов.

Несмотря на некоторые недостатки, переселение немцев на Волгу и их обустройство в целом прошли успешно, что отмечает большинство исследователей истории поволжских немцев. Главная заслуга в этом, безусловно, принадлежит высшей власти, однако надо отдать должное и астраханскому губернатору Н. А. Бекетову, чья энергия и талант управленца помогли организовать процесс переселения и обустройства новых поселений на должном уровне. Отметим также то, что Бекетову пришлось действовать в сложных условиях, поскольку правительство возложило на местные губернские власти расходы на обустройство новоселов. Надо полагать, что Бекетову изыскать средства на эти цели, учитывая большой наплыв переселенцев, было непросто.

У Бекетова сложились хорошие личные отношения с жителями колонии Сарепты – ближайшего к г. Астрахани немецкого поселения. По его распоряжению, сарептяне получили уже в первый месяц своего поселения денежный аванс и строительный материал, тогда же им отвели и земельные угодья для хозяйствования²²⁵. Астраханский губернатор не один раз бывал в Сарепте и присутствовал на значимых для колонии мероприятиях: открытии в 1770 г. водопровода и в 1772 г. кирхи.

Не все из переселенческих планов Бекетову удалось воплотить в жизнь. Правительствующий Сенат отклонил план Бекетова о переносе Астраханско-Кизлярского тракта ближе к Каспийскому морю²²⁶. Ему предписали ограничиться только построением нанём двух крепостей вместо упраздненных казачьих форпостов.

²²⁴ Плева И. Р. Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII в. 3-е изд. М.: Международный союз немецкой культуры, 2008. С. 99.

²²⁵ Попов П. П. Слово о «Старой Сарепте». Волгоград: Комитет по печати, 1994. С. 10.

²²⁶ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 613. Ч. 4. Л. 215об.

В 1765 г. правительство поручило военному инженеру Левину обследовать дорогу и составить её подробное описание, а также в целях обеспечения безопасности тракта рассмотреть вопрос о постройке двух крепостей между Астраханью и Кизляром²²⁷. В том же году Бекетов и Левин представили в Сенат свои сметы расходов и соображения о количестве людей, необходимых для поселения на тракте.

Бекетов предложил перевести на тракт 1000 человек донских и волжских казаков, но Сенат отклонил его план, вероятно, исходя из опыта недалёкого прошлого, когда создание Волжского казачьего войска на Царицынской линии за счёт переселения туда донских казаков вызвало серьёзное обострение отношений российского правительства с верхушкой донского казачества.

Поняв, что рассчитывать на помощь правительства в деле заселения донскими и волжскими казаками Кизлярского тракта не приходится, Н. А. Бекетов решил действовать своими силами. Он приказал командиру Астраханского казачьего полка полковнику П. К. Хуткевичу отобрать 80 казаков и поселить их на постоянное место жительства, на урочище Башмачаги, куда ежегодно назначалась на лето казачья застава. На них он возложил обязанности сопровождать почту и курьеров до Кизляра и Астрахани. Чтобы увеличить число жителей Бекетов полагал поселить в станице работников соляных промыслов Басинского, Дарминского и др., а также с Тинакской заставы. Но поселение образовано так и не было²²⁸.

Учредив казачьи станицы между городами Царицыным и Астраханью, Бекетов разработал ряд мер, призванных укрепить поселенческую сеть в волжской части Астраханской губернии. Он предложил перевести на постоянное место жительства на Царицынскую линию 500 казаков из посада Дубовки, и образовать между последним и г. Царицыным, станицей Былыклейской по одному населенному пункту, разместив в каждом из них по 100 чел. Бекетов считал также целесообразным выселить всех казаков из г. Саратова, водворив одну их часть в г.

²²⁷ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 613. Ч. 4. Л. 215.

²²⁸ Бирюков И. А. История Астраханского казачьего войска. Саратов: Тип. П. С. Феокритова, 1911. Ч. 1. С. 93.

Астрахани, другую – недалеко от г. Саратова, где он планировал учредить для них слободу. Чтобы усилить жителями новые казачьи станицы на р. Волге, он просил у правительства разрешения записывать в казаки всех не зачисленных в подушный оклад людей²²⁹. Эти намерения, однако, не нашли поддержки в правительстве.

В 1770-е гг. продолжалось освоение территорий вдоль Астраханского почтового тракта; к 1776 г. усилиями, прежде всего, казаков были заселены отрезки дороги от г. Черного Яра до г. Астрахани (астраханские казаки) и от г. Кизляра до г. Моздока (гребенцы и моздокские казаки).

В рассматриваемые годы было ликвидировано Волжское казачье войско, а его личный состав с семьями переселен на Северный Кавказ. На оставшиеся от казаков земли были поселены малоземельные экономические крестьяне. В указе Правительствующего Сената «О переселении малоземельных экономических крестьян по Астраханской дороге, на земли бывшие во владении волжских казаков» от 17 октября 1776 г. говорилось, что переселение производится с целями заселить «места плодоносные и к житию человеческому наиудобнейшие, и для того, чтобы вышеупомянутый путь от Астрахани для проезжающих сделать столь же способным ...»²³⁰. Коллегии экономии поручалось отобрать на добровольной основе к переселению 2000 душ экономических крестьян и снабдить их семенами для посева на новых местах. По указу от 17 октября 1776 г. переселенцы освобождались от налогов на полтора года.

В 1770-е г. незаселенным на Астраханском тракте оставался только самый трудный участок Астраханского почтового тракта – от г. Астрахань к г. Кизляр. К поселению на нём приглашались не только казаки, но и крестьяне, отставные солдаты, татары, калмыки, при этом им обещались значительные льготы и помощь в случае поселения, но желающих всё равно не нашлось. Под влиянием этой неудачи Астраханская губернская канцелярия сделала пессимистический прогноз, «что вряд ли кто добровольно поселится на тракте»²³¹.

²²⁹ Бирюков И. А. История Астраханского казачьего войска. Саратов: Тип. П. С. Феокритова, 1911. Ч. 1. С. 61.

²³⁰ Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1830. Т. 20. С. 435.

²³¹ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 613. Ч. 1. Л. 126.

Очередная попытка заселения Астраханско-Кизлярского тракта была предпринята во второй половине 1770-х гг. В 1775 г. в России была осуществлена реформа, установившая новую систему административно-территориального устройства страны и местного управления. Проведение реформы, в свою очередь, выдвинуло на передний план задачу приведения в порядок существующей сети дорог и создание новых путей сообщений, способных связать прочной нитью со столицей и между собой новые административные губернские и уездные центры. 13 ноября 1775 г. Правительствующий Сенат предписал генерал-губернаторам и губернаторам подготовить подробные описания и карты от административных центров до провинциальных и уездных городов, и от них до первых городов соседней губернии, и от каждого города до г. Москвы и г. Санкт-Петербурга. В описания должны были быть включены сведения о населённых пунктах вдоль дорог и указаны численность их жителей, расстояние между ними, данные о реках, мостах, переправах.

На юго-востоке страны дополнительным фактором, способствовавшим усилению внимания властей к проблеме дорог, послужило начавшееся в 1777 г. строительство Азово-Моздокской укрепленной линии. Она создавалась для защиты от набегов горцев и кочевников южных границ Астраханской губернии и Донской области, растянувшихся на 500 в.

В 1777 г. астраханский губернатор П. Н. Кречетников поручил местным властям найти среди местных жителей, желающих поселиться на Кизлярском тракте, и одновременно выяснить «какие надобны им притом привольности в торгах, сенокосе, в хлебопашестве, в рыболовстве, скотоводстве»²³². Так как добровольцев поселиться не нашлось, то командующий войсками Астраханской губернии генерал И. В. Якоби 25 ноября 1777 г. попросил Правительствующий Сенат разрешить ему поселить принудительно на Кизлярском тракте «сходцев из верховых городов Волги» и крестьян, которые прибыли в губернию на поселение, но в силу различных обстоятельств не были устроены и вынуждены были наняться на работы на соляные и рыбные промыслы. Принудительных переселенцев он

²³² РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 613. Ч. 4. Л. 216.

планировал разместить в 5–6 местах тракта, и наделить их денежными пособиями. При этом он выразил уверенность, что удачный опыт побудит других людей присоединиться к ним, но уже на добровольной основе, «через что со временем Кизлярская дорога и довольно населиться может²³³. Якоби считал необходимым при наделении поселенцев пахотной землёй и угодьями учитывать интересы калмыков и «аульных татар», чтобы они «не возымели какого-либо на здешнюю сторону негодования»²³⁴.

Предложения Якоби заинтересовали некоторых жителей Астраханской губернии. Свои услуги в деле заселения тракта предложили: служащий Астраханской садовой конторы Ю. Тартбердыев, татарин Е. Юсупов с 20-ю кибитками калмыков и татар, в урочище Зензели со своими крепостными крестьянами (21 чел.) изъявил желание поселиться полковник Астраханского казачьего полка Персидский, у Линейной заставы – бывший работник портовой таможни Богданов. К этому времени в урочище Зензели уже проживали крестьянин Шапошников и отставной матрос Павлов, которые обслуживали проезжавших по тракту людей. Правительствующий Сенат распорядился выдать всем подавшим прошения о поселении на Кизлярском тракте беспроцентную ссуду в размере 3000 рублей, с последующей её возвратом в течение 10 лет²³⁵. Несмотря на предпринятые астраханской администрацией усилия провести заселение Кизлярского тракта тогда не удалось.

Среди переселенческих мероприятий особого внимания заслуживает попытка властей привлечь к заселению края помещиков, чьи людские и материальные ресурсы российское руководство надеялось использовать для реализации важной государственной задачи заселения малолюдных степных пространств. До второй половины 1760-х гг. времени в Северном Прикаспии отсутствовали населённые пункты с крепостными крестьянами; по данным третьей

²³³ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 613. Ч. 4. Л. 217.

²³⁴ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 613. Ч. 4. Л. 217об.

²³⁵ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 613. Ч. 4. Л. 220.

ревизии (1763 г.) населения, там имелось всего 879 душ дворовых людей «за разными чинами, не имеющими деревень»²³⁶.

В 1765 г. правительство разрешило Московской губернской межевой канцелярии продавать помещикам в малолюдной Астраханской губернии свободные казенные земли на условии заселения их крестьянами. Одними из первых этим правом воспользовались дворяне, находившиеся на государственной службе в г. Астрахани: Н. А. Бекетов (губернатор) и его двое родственников – И. и Н. Л. Бекетовы, князь Н. С. Долгоруков (директор казенных виноградных садов в г. Астрахани), И. Григорьев (директор таможни), надворный советник Д. С. Поленов, губернский секретарь Ф. Пушкин и др.²³⁷

Результаты помещичьей колонизации, однако не оправдали ожиданий российского руководства. По мнению исследователя истории заселения Астраханской губернии профессора П. Любомирова, помещичья колонизация оказалась «малорезультативной и малоустойчивой»²³⁸.

Среди помещиков наибольшую активность в деле заселения купленных земель проявил губернатор Н. А. Бекетов, который старался подать пример другим помещикам. В конце 1760 – начале 1770-х гг. он основал поселения: Черепаха (ныне с. Началово), Анютино, Образцово (ныне с. Травино), Самосделка; в них он перевел на постоянное жительство часть крепостных крестьян из Нижегородской, Пензенской и Симбирской губернии и поселил крещеных калмыков. Доверенные лица Бекетова также специально покупали для поселения в его селах русских крестьян из верхневолжских и центральных губерний, мордву и чувашей²³⁹. Помимо купленных Н. А. Бекетов имел земли, полученные в дар от императрицы Елизаветы Петровны, на которых он построил недалеко от немецкой колонии Сарепты имение «Отрада», положившее начало с. Отрадному, рядом с ним

²³⁶ Любомиров П. Г. О заселении Астраханской губернии в XVIII веке. Астрахань: Издание Астраханского Губплана, 1926. С. 7.

²³⁷ Любомиров П. Г. О заселении Астраханской губернии в XVIII веке. Астрахань: Издание Астраханского Губплана, 1926. С. 12.

²³⁸ Любомиров П. Г. О заселении Астраханской губернии в XVIII веке. Астрахань: Издание Астраханского Губплана, 1926. С. 13.

²³⁹ Меркулов Б. Г. Село Началово. Черепаха тож. Астрахань: Тип. Новая Линия, 2016. С. 18.

возникло с. Хохловка, где по приглашению губернатора поселились выходцы из Украины.

Другие помещики стараний к заселению не прилагали: основанные ими немногие поселения были малочисленными (обычно от 6 до 40 душ мужского пола), а некоторые вообще числились только на бумаге. В 1765–1777 гг. ими на купленных землях были образованы населенные пункты: Федоровка (ныне с. Харбай), Петровка, Михайловское, Сергиевское, Натальино, Марфино, Ильинское, Кулаковка, Раздор. Помещики предпочитали вкладывать средства в более прибыльное дело – в рыболовство, а не в освоение пустующих земель. Спустя 12 лет после разрешения помещикам покупать земли под заселение этим правом воспользовались лишь 2 помещика из 11²⁴⁰. Чтобы предотвратить скупку помещиками наиболее ценных для рыболовства земель и водных участков Правительствующий Сенат даже вынужден был запретить в 1772 г. продажу свободных земель при устье р. Волги.

Новые места помещики обычно заселяли своими крепостными, переведёнными из других губерний, в основном из верхневолжских и средневолжских – Нижегородской, Симбирской, Пензенской и Костромской²⁴¹. География выхода крепостных крестьян, таким образом, отличалась от аналогичной у государственных крестьян, которые, как известно, прибывали в большинстве своем из центральночерноземных Воронежской и Тамбовской губерний.

Иногда помещики приглашали свободных людей, заманивая их определенными льготами, а были случаи, когда к поселению насильственно привлекались каторжане, бродяги, беглые крепостные. Ещё в 1745 г. императрица Елизавета Петровна напутствовала ревизовавшего Астраханскую губернию полковника Потресова в том, что, если на допросе беглый крепостной и бродяга не назовёт фамилию своего помещика и место своего рождения, то бить его тремя

²⁴⁰ Любомиров П. Г. О заселении Астраханской губернии в XVIII веке. Астрахань: Издание Астраханского Губплана, 1926. С. 12.

²⁴¹ Васькин Н. М. Помещичье землевладение в Астраханском крае во второй половине XVIII в. // Проблемы истории СССР. М., 1976. С. 180.

ударами кнута, и, если после этого он не сознается, то отправлять допрашиваемого на поселение в казенные учуги и рыбные промыслы. Данное распоряжение создавало благодатную почву для злоупотреблений со стороны помещиков, служивших в губернской администрации. Некоторые руководители администрации, в том числе и сам Н. А. Бекетов, после допросов «подлых» приписывали их не к казённым поселениям, а к своим поместьям²⁴².

Разрешение помещикам покупать земли поставило в трудное положение население ватаг и поселков, возникших на землях, считавшихся казенными до покупки их частными лицами. Их жители вынуждены были согласиться на условия, выдвинутые помещиком, или покинуть место своего жительства. В этом отношении весьма примечательна история с п. Черная Гряда в Енотаевском уезде. Поселок возник на казенных, так называемых «пустопорожних», т. е. свободных, землях, а основали его крестьяне-переселенцы, которые стали самовольно селиться в нём в 1740-е гг. В 1772 г. землю поселка и прилегающие к нему территории купил помещик Сушков, который не стал сгонять переселенцев, разрешив им жить на выбранном месте и заниматься рыболовством, но с условием регулярной выплаты ему определенной суммы денег²⁴³.

В 1811 г. Сушков продал свою землю московскому купцу Малышеву, однако в 1818 г. Сенат признал данную сделку недействительной, мотивировав свое решение тем, что Сушков не выполнил условие, выдвинутое ему властями при покупке земли – заселить приобретенную землю крестьянами. Помещику не помогло даже то обстоятельство, что Малышев согласился взять на себя обязательство заселить купленную землю крестьянами. Купцу напомнили о том, что представителям его сословия запрещено покупать крестьян, и он в силу этого никак не может выполнить условие заселения земли, предоставленной помещикам для создания поселений. Правительствующий Сенат также добавил, что даже если и было бы разрешено купцу покупать крестьян и селить их на приобретенной земле,

²⁴² Зыков Ф. П. Астраханские морские ловцы в прошлом и современном их положении // Астрахань и Астраханский край. Астрахань, 1924. С. 19.

²⁴³ Пальмов Н. Н. Этюды по истории приволжских калмыков. Астрахань: Калмыцкий областной исполнительный комитет, 1932. Ч. 5. Дела земельные. С. 86.

то и тогда у него ничего не вышло, поскольку Малышеву земля нужна была для постройки суконной фабрики, «а заведение фабрики не есть заселение, да и купленные крестьяне остаются при оной временно, не крепки ни для покупателя, ни для фабрики, ис истечением срока, до которого при покупке условились бы находиться при фабрике, оставляют сию последнюю, равно покупателя и самую землю обнажают, при том же обязаны отправлять мастерскую работу, а не хлебопашество и другие крестьянские занятия производить...»²⁴⁴.

Правительствующий Сенат аннулировал договор купли-продажи, обязав Малышева вернуть землю Сушкову, а помещика – возратить купцу деньги и заселить землю крестьянами. Сушков, однако, возвращенную ему землю так и не заселил, а продал её в 1819 г. калмыцкому нойону Хошеутовского улуса С. Тюменю, который пообещал властям перевести на оседлый образ жизни часть своих подданных и построить для них стационарные жилища. Что касается жителей п. Черная Гряда, то они вынуждены были покинуть свой поселок и искать себе пристанище в других местах.

Для жителей п. Черная Гряда такой исход дела оказался не самым худшим выходом из создавшегося положения: они, во-первых, сохранили личную свободу, во-вторых, им разрешили переселиться в другие места. Гораздо трагичнее судьба сложилась у населения рыбацких поселков: Тумак, Хмелевской и Никольский. Их основали самовольные переселенцы, которых астраханский губернатор Н. А. Бекетов вначале приказал выпороть, а затем закрепостил. По утверждению советского исследователя Ф. П. Зыкова, подобные действия совершали и другие помещики²⁴⁵.

В 1770-е гг. продолжались правительственные миграции, направленные на решение конкретных экономических задач. Уже отмечалось, что в 1750-е гг. в Волго-Ахтубинской пойме с целью развития шелководства были основаны два поселения, которые заселили бродягами и беглыми крестьянами, обязав их

²⁴⁴ Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1830. Т. 35. С. 187.

²⁴⁵ Зыков Ф. П. Астраханские морские ловцы в прошлом и современном их положении // Астрахань и Астраханский край. Астрахань, 1924. С. 119–120.

заниматься производством шелка. В целях расширения производства шелка правительство приняло решение направить в Волго-Ахтубинскую пойму новых поселян, но уже не из числа зашедших в Астраханскую губернию «сходцев», а на добровольной основе 1300 экономических крестьян из губерний центральной России. Это было первое крупное, организованное государством переселение крестьян из других губерний на территорию Северного Прикаспия, положившее начало массовым крестьянским переселениям.

Указом императрицы Екатерины Пот 26 октября 1773 г. переселенцев освободили на 2 года от уплаты «всяких государственных податей», после истечения данного срока переселенцы обязаны были приступить к выплате денежных податей за счёт выручки от продажи государству производимого ими шелка²⁴⁶. Переселенцев из экономических крестьян расселили в Волго-Ахтубинской пойме, и они образовали селения: Заплавное (1774 г.), Верхне-Погромное (1777 г.), Средне-Погромное (1777 г.) и Пришиб (1778 г.). Первые поселенцы прибыли в них из Пензенской и Симбирской провинций Казанской губернии и Тамбовской провинции Воронежской губернии. Все они являлись бывшими монастырскими и церковными крестьянами, которые в результате секуляризационной реформы в 1764 г. были выведены из-под управления РПЦ и переданы в ведение заведовавшей церковными имуществами Коллегии экономии; к концу XVIII в. экономические крестьяне полностью слились с государственными крестьянами. Позже к экономическим крестьянам присоединились переселенцы из Московской губернии и Саратовского наместничества Астраханской губернии. После завершения устройства новых селений численность жителей поселений, работавших на шелковую промышленность в Волго-Ахтубинской пойме, возросла до 5 тысяч чел.²⁴⁷

В 1860–1770-е гг. возникают новые поселения в связи с развитием соляной промышленности. Так, начавшаяся разработка соляных месторождений на озере

²⁴⁶ Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1830. Т. 19. С. 848.

²⁴⁷ Башлыкова Т. А. Были заволжского края: Исторические очерки. Волгоград: Комитет по печати и информации, 1999. С. 61.

Баскунчак привела к появлению в 1868 г. слободы Владимировки (ныне г. Ахтубинск Астраханской области). Её образовали приглашенные для возки соли с озера Баскунчак на Ахтубинскую пристань чумаки-малороссы. Солевозцы из Малороссии (современная Украина) образовали в 1780-е гг. на левом берегу р. Волги хутора: Солодушин, Грянкин, Очкуров²⁴⁸, Быков²⁴⁹.

В рассматриваемые годы на правом берегу р. Волги из рыбацких ватаг образовались селения Каменный Яр и Солодники. Первое село отличалось своим своеобразным этническим составом. Вначале на месте с. Каменный Яр была рыбацкая ватага купца Костарлитиса, где затем поселились с разрешения властей мордва и чуваша из Казанской губернии и татары. Побывавший в селе Я. Потоцкий писал: «Скоро прибыли мы к деревне, где весь берег был покрыт людьми, которых одежда была мне совершенно незнакома. Я узнал, что то была колония татар, чуваш, мордвы, недавно туда переселившихся. К этой странной смеси народов присоединялись еще русские рыбаки и калмыки, которые нанимаются в пастухи»²⁵⁰.

В эти же годы жители Вятской губернии основали около ватаги купца Солодникова село Солодники, а крестьяне из Тамбовской губернии – на р. Волге села Вязовку и Соленое Займище.

Первыми жителями с. Никольского были работавшие на рыбных промыслах крещенные калмыки, казахи, татары, 5 семей из станицы Замьяновской, п. Черной Гряды и г. Астрахани, беглые преступники, государственные и помещичьи крестьяне из верхних (волжских) губерний (до 40 семей), позже к ним присоединились крестьяне из Курской губернии и 23 семьи беглых крестьян графа Шереметева. Всех нелегально поселившихся людей правительство легализовало, а в 1797 г. селению нарезали землю²⁵¹.

²⁴⁸ *Летницкий А.* Село Солодушино (Царевского уезда, Астраханской губернии) // Астраханские епархиальные ведомости. 1890. № 5. С. 165–166.

²⁴⁹ ГА АО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 282. Л. 109.

²⁵⁰ *Потоцкий Я.* Путешествие в Астрахань и окрестные страны. // Астраханский сборник, издаваемый Петровским обществом исследователей Астраханского края. Астрахань: Тип. Астраханского губернского правления, 1896. Вып. 1. С. 310.

²⁵¹ ГА АО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 282. Л. 27об.–28.

С ватаги купца Колпакова началось село Разночинское в Красноярском уезде, в 35 в. от г. Астрахани. На этом промысле были хорошие уловы красной рыбы, но не хватало рабочих рук для её разделки, поэтому купец вынужден был приглашать временных рабочих. Некоторые рабочие приходили с семьями и постепенно образовалось целое селение, которому нарежали землю²⁵².

Характерной чертой переселенческого движения в Астраханской губернии являлось неравномерное освоение переселенцами её различных частей. Если земли вдоль р. Волги, от г. Царицына до г. Саратова и дальше, заселялись быстро, то освоение территорий южнее г. Царицына шло медленными темпами. Другой особенностью правительственной переселенческой политики в Астраханской губернии было то, что её заселение происходило в основном полосами вдоль речных и сухопутных коммуникаций. Это заметно отразилось на географической конфигурации границ уездов, территории многих из которых оказались, вытянуты в линию, что создавало административные неудобства для властей и жителей.

Быстрый рост населения на отдельных территориях приводил к изменению административных границ. Так, уже в первой половине XVIII в. из состава Астраханской губернии в соседние губернии были перечислены города: Самара, Симбирск, Сызрань, Гурьев. В 1780 г. из Астраханской губернии выделили Саратовское наместничество, в которое включили нижневолжские территории от г. Хвалынска до г. Царицына включительно. На них в то время имелось 1192 населенных пунктов.

За Астраханской губернией остались территории, расположенные южнее г. Царицына: волго-маньчские и предкавказские степи, северо-западный Прикаспий. Оседлое население в них было малочисленным и проживало в основном вдоль р. Волги, в г. Астрахани, Кизляре, и в волжской дельте. Крестьянские и рыбацкие поселения соседствовали с калмыками, казаками и ногайцами, кочевавшими на огромном степном пространстве между р. Волгой, Уралом, Каспийским морем и предгорьями Кавказа. В 1771 г. в результате откочевки большинства калмыков в Джунгарию освободилось большое количество земель, которые необходимо было

²⁵² *Никанор* (Каменский Н. Т.). Краткая история Астраханской епархии. Астрахань: Тип. Перова, 1886. С. 379.

осваивать. Как и раньше, перед властями остро стояла задача увеличения численности оседлого населения.

В конце XVIII в. правительство предприняло ряд важных мер, приведших к усилению переселенческого движения в Астраханскую губернию. Завершение строительства Азово-Моздокской укрепленной линии, размещение на ней новых воинских контингентов, создали благоприятные условия для развертывания массовых переселений на юго-восток России. С 1781 по 1784 гг. в степном Предкавказье возникло 14 поселений, а в период с 1785 г. по начало XIX в. – ещё 47, в последних было водворено 67568 душ, из них половина являлись однодворцами²⁵³.

В 1785 г. было учреждено Кавказское наместничество в составе двух областей – Астраханской и Кавказской. Главным городом наместничества стал г. Екатериноград, а г. Астрахань получил статус областного центра. Астраханская область в административном отношении была поделена на Астраханский, Енотаевский, Красноярский и Черноярский уезды, а в Кавказской области были учреждены 5 уездов: Екатериноградский, Георгиевский, Кизлярский, Моздокский и Ставропольский.

Административно-территориальные преобразования на юго-востоке страны проводились на основе указа от 9 мая 1785 г. «О устройстве Кавказской губернии и области Астраханской». Данный документ зафиксировал не только административно-территориальные изменения, произошедшие на Северном Кавказе и в Астраханской губернии, но и наметил меры по дальнейшему их освоению.

Военные успехи России на Северном Кавказе повысили роль дорог, связывавших Центр и Поволжье с Северным Кавказом, однако их состояние, как и по всей России, было неудовлетворительным. На юго-востоке к этому ещё добавлялся фактор слабой заселённости дорог.

²⁵³ *Прозрителев Г. Н.* Первые русские поселения на Северном Кавказе и в нынешней Ставропольской губернии. Ставрополь: Тип. губернского правления, 1912. С. 7.

Правительство, чтобы вывести сухопутный транспорт из кризисной ситуации и повысить его эффективность, в 1780-е гг. разработало ряд мер, призванных повысить пропускную способность дорог. Первым шагом в этом направлении стало принятие 13 января 1782 г. указа «О составлении примерной почтовой карты всех дорог и подробного обозрения всех способов к устройству почт для удобного сообщения между всеми местами империи», где генерал-губернаторы получили указание составить примерную почтовую карту дорог и собрать сведения о возможности проведения новых, более удобных в торговом отношении дорог²⁵⁴.

Во второй половине 1780-х гг. в политике заселения дорог в Астраханской губернии обозначились новые тракты – Царицынский и Черкасский. Во многом это было связано с административно-территориальными преобразованиями на юго-востоке России.

В правительственных кругах родилась идея создать административный центр Кавказского наместничества непосредственно на Линии. Столицу нового наместничества решили разместить в станице Екатерининской, преобразованной в 1786 г. в город Екатериноград. Образование нового административного центра заставило власти обратить внимание на Черкасский и Царицынский тракты, которые являлись кратчайшими путями на Кавказскую линию. Инициативу заселения вышеперечисленных трактов выдвинул командующий войсками Кавказской линии генерал-поручик П. С. Потёмкин, назначенный в 1785 г. кавказским наместником.

Царицынский тракт (Маджарский) брал начало от немецкой колонии Сарепты, шёл по Ергенинской возвышенности, пересекал р. Маныч, и, минуя развалины золотоордынского города Маджары, выходил на Кавказскую линию. Этот маршрут значительно сокращал время в пути, но проходил по кочевьям калмыков, где не имелось ни одного населённого пункта, что создавало большие трудности для перевозок.

²⁵⁴ Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1830. Т. 21. С. 379.

9 мая 1785 г. вышел императорский указ «О устройстве Кавказской губернии и области Астраханской», в котором кавказскому наместнику П.С. Потёмкину предписывалось принять меры по заселению Царицынского, Черкасского и Кизлярского трактов. Новые селения предписывалось учреждать вдоль трактов на расстоянии от 15 до 30 вёрст друг от друга, а их жителям определялось пособие в размере 20 рублей на двор. При выборе контингентов для первых двух трактов предпочтение отдавалось отставным солдатам, а сами поселения в целях безопасности «от внезапного покушения народов тамошних, от своеволия ещё не отвыкших...» рекомендовалось обносить земляными укреплениями²⁵⁵. К поселению вдоль дорог также приглашались калмыки, которым в случае их на то согласия обещались щедрые награды и помощь в хозяйственном обзаведении. Не был забыт в указе и Кизлярский тракт: на него, правда, рекомендовалось привлекать исключительно «татар, калмыков, и тому подобных для поселения и заведения всякого хозяйства и промыслов»²⁵⁶.

Вслед за упомянутым указом последовали ещё два – 1 июня 1785 г.²⁵⁷ и 19 августа 1786 г.²⁵⁸, определившие порядок переселений, контингент переселенцев и льготы для них. Тракты решено было заселять отставными солдатами, однодворцами, государственными и дворцовыми крестьянами, им предоставлялась льгота от уплаты налогов на полтора года, разрешалось переселяться неполными семьями и с недоимками, но с условием уплаты их на новом месте. Переселения должны были осуществляться на добровольной основе, что отдельно подчёркивалось в пункте четвёртом указа от 19 августа 1786 г.

После выхода упомянутых указов местные власти активно включились в работу по подготовке приёма переселенцев, представив в середине 1787 г. на

²⁵⁵ Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1830. Т. 22. С. 390.

²⁵⁶ Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1830. Т. 22. С. 392.

²⁵⁷ Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1830. Т. 22. С. 415.

²⁵⁸ Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1830. Т. 22. С. 676.

рассмотрение П. С. Потёмкину карту наместничества с указанием мест предполагаемых поселений и ведомость о желающих поселиться на трактах.

На Черкасском и Царицынском трактах, согласно ведомости, в 1785 г. выразили желание поселиться 800 однодворцев из различных губерний и 1000 татар из Пензенского наместничества, которым государство выделило на обустройство 50000 рублей. В отличие от прошлых лет, когда переселенцев различных категорий и губерний селили вместе, Потёмкин решил осуществить поселение более или менее однородными группами. Для этого он внёс изменения в расселение некоторых партий переселенцев, которым уже были назначены места. В итоге к поселению на Царицынский тракт были назначены татары Казанской и Вятской губерний, а на Черкасский тракт – войсковые обыватели Харьковской губернии²⁵⁹.

Прежде чем приступить к заселению Царицынского тракта на нём весной 1788 г. побывал кавказский наместник Л. С. Алексеев. Вместе с представителями от переселенцев он проехал по тракту и осмотрел предназначенные к поселению места. Знакомство с местностью выявило ряд серьёзных неудобств для будущих поселений: недостаток хорошего качества земель, отсутствие лесного строительного материала, их удалённость от населённых пунктов²⁶⁰. Алексеев, заручившись согласием переселенцев, переменил места поселений, распорядившись перенести одно из них ближе к колонии Сарепте, а три – к Кавказской линии. В том же году в места будущих поселений были доставлены лес, продовольствие и началось их заселение²⁶¹.

В 1788–1789 гг. на ергенинском участке (в основном в его северной части) Царицынского тракта возникло четыре поселения, из которых два были основаны татарами, одно – чувашами и одно – мордвой, два населенных пункта были образованы в урочищах Чапурники и Елмата при речке Сарпа, и два – на речке Карасал. На урочище Чапурники поселились ясачные и крещеные татары (422

²⁵⁹ Бентковский И. В. Первоначальное устройство административных учреждений на Кавказской линии // Ставропольские губернские ведомости. 1886. № 41. С. 43.

²⁶⁰ РГАДА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 34. Л. 36.

²⁶¹ РГАДА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 34. Л. 36об.

чел.), на урочище Елмата – крещеная мордва (398 чел.), при речке Карасал – крещеные чуваша (206 чел.), на урочище Якшибай – служилые татары (202 чел.). Общая их численность составила 1228 чел.²⁶² После Якшибая поселений не было вплоть до немецкой колонии при Маджарах, основанной в 1786 г. немецкими поселенцами на левом берегу р. Кумы.

К поселению на трактах власти пытались привлечь и калмыков, но это успеха не имело. 22 февраля 1786 г. П. С. Потёмкин информировал Екатерину II о том, что в г. Астрахани находятся 300 душ крещёных калмыков, которых он планирует с наступлением весны поселить на Кизлярском тракте, предоставив им необходимую помощь от государства²⁶³. Однако это поселение не состоялось.

Большинство населенных пунктов Царицынского тракта прекратили своё существование через несколько лет после своего образования. Их жители не смогли приспособиться к тяжелейшим природным условиям Калмыцкой степи, к её солончаковому и глинистому грунту, к солёной воде, к частым засухам и нашествиям сусликов и саранчи, которые на корню уничтожали весь урожай хлебов. Из-за отсутствия леса и даже камыша многие поселяне погибли от холода, не сложились у них отношения и с калмыками, которые, будучи недовольными передачей «немалого количества удобных земель» в Донскую область, грабили поселян, вытравливали их сенокосы, угоняли скот. Под давлением перечисленных факторов переселенцы трёх из четырёх населённых пунктов покинули свои селения и перебрались в г. Царицын и в донские станицы. Местные власти, узнав об уходе переселенцев, вступили с ними в переговоры, предложив им вернуться и вместе с администрацией повторно осмотреть покинутые места. Но переселенцы наотрез отказались возвратиться на тракт и со своей стороны попросили администрацию разрешить им поселиться на реке Ахтубе, в урочищах Татарской Мечетке или в Ханской Роще²⁶⁴. В итоге переселенцы обосновались в с. Каменный

²⁶² РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 921. Л. 136–136об.

²⁶³ Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1830. Т. 22. С. 676.

²⁶⁴ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 921. Л. 16–16об.

Яр на р. Волге и в трёх новых населённых пунктах Кизлярского тракта, недалеко от Астрахани.

Из четырех поселений Царицынского тракта сохранилось только с. Малые Чапурники, основанное, как уже отмечалось, ясачными и крещеными татарами из Казанской губернии. Поселению удалось выстоять, видимо, благодаря близости города Царицына, откуда переселенцы имели возможность своевременно получать материальную и военную помощь. Село Малые Чапурники, по утверждению исследователей Л. Ш. Арсланова и В.М. Викторина, играло роль перевалочного пункта, из которого шло расселение татар-колонистов из Среднего Поволжья на земли Кавказского наместничества²⁶⁵. На рубеже 1780–1790-х гг. переселенцами из Малых Чапурников были основаны селения на Кизлярском тракте – Курочкино и Зензели. Недалеко от этих селений и на том же тракте, примерно в 1791 г., появилось ещё одно татарское село – Линейное, которое с разрешения астраханской администрации образовали выселенцы из села Каменный Яр.

В прилегающей к городу Царицыну северной части Царицынского тракта немного позже возникли селения русских и украинских крестьян: Большие Чапурники и Цаца. Первое село обосновалось недалеко от с. Малые Чапурники, которое основали в конце 1780-х гг. крещеные татары из Спасского уезда Казанской губернии. Село Большие Чапурники возникло несколькими годами позже Малых Чапурников, по-видимому, где-то на рубеже 1780 и 1790-х гг., но не позднее 1794 г. По ревизии 1782 г. обоих сел еще не существовало, по 5-й ревизии (1795 г.) в с. Большие Чапурники числилось 196 душ муж. пола, в с. Малые Чапурники – 55²⁶⁶. Село Большие Чапурники образовали русские государственные крестьяне, переселившиеся с согласия правительства из с. Собачьей балки Царицынского уезда Саратовской губернии²⁶⁷. Село Цаца основали 12 ссыльных семей из г. Царицына, доставленные на место жительства под конвоем,

²⁶⁵ Арсланов Л. Ш., Викторин В. М. «Переселенческие острова» ... Из истории татарских сел Нижнего Поволжья и Ставрополя // Идель. 1992. Вып. 1–2. С. 92.

²⁶⁶ ГА АО. Ф. 687. Оп. 2. Д. 522. Л. 10, 14.

²⁶⁷ Зеленин Д. К. Описание рукописей учёного архива Императорского русского географического общества. Пг.: Издание Русского географического общества, 1914. Вып. 1. С. 94.

впоследствии к ним присоединились, но уже на добровольной основе, государственные крестьяне.

К началу XIX столетия постепенно был заселён отрезок пути между деревней Большие Маджары и селениями Азово-Моздокской линии в южной части Царицынского тракта.

Достигнутые в заселении Царицынского тракта определённые успехи не могли заслонить того факта, что основная его часть продолжала оставаться незаселённой, и он по-прежнему не обеспечивал бесперебойного снабжения линии и надёжной связи центра с Северным Кавказом. В 1801 г. обер-форшмейстер Копылов, по заданию астраханской губернской администрации, разработал план заселения Царицынско-Ставропольского тракта. По нему предусматривалось учредить на тракте 9 сёл и 7 почтовых станций, и поселить 445 семей государственных крестьян. Переселенцев, согласно Межевой инструкции, предполагалось наделить 15-ти десятиной душевой пропорцией земли. Новые селения должны были начинаться недалеко от города Царицына и простираться до деревни Большие Маджары в Кавказской области на расстоянии 467 вёрст²⁶⁸. Намечавшееся поселение государственных крестьян на Царицынском тракте так и не состоялось. Этому, возможно, помешали выход в 1806 г. указа о назначении земель калмыкам и начавшиеся затем работы по определению границ.

Таковыми же малоуспешными оказались попытки заселить Астраханско-Кизлярский тракт. В 1783 г. астраханский губернатор М. М. Жуков сообщал командующему войсками Кавказской линии генерал-поручику П. С. Потёмкину, что «от Астрахани до Кизляра нет не только селения, но и вообще какого-либо жительства»²⁶⁹. Чтобы привлечь переселенцев, он предложил разрешить им самим выбирать под поселение места на тракте, и дать им безвозмездные пособия для обустройства. Но и эти меры не дали результата. Засушливость климата, недостаток пресной воды, плохое качество почв (песчаность и засоленность),

²⁶⁸ РГИА. Ф. 1298. Оп. 2. Д. 90. Л. 126об.

²⁶⁹ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 613. Ч. 4. Л. 213.

удалённость от населённых пунктов, и, наконец, постоянные набеги горцев отпугнули даже тех из немногих, кто вначале согласился поселиться на тракте.

В марте 1786 г. кавказский наместник П. С. Потемкин предписал подполковнику Астраханского казачьего полка Г. В. Персидскому избрать на Кизлярской дороге два удобных места под населённые пункты и поселить в них полковых казаков. Численность населения в каждом из них была определена в 15 дворов. Под поселения были выбраны места – одно при ильмене Джурук, другое – в Глубокой балке, последнее находилось на полпути между Астраханью и Джуруком.

На основании Высочайшего повеления императрицы Екатерины II от 9 мая 1789 г. все поселенцы получили казённое пособие из расчёта по 20 рублей на двор, и летом того же года приступили к водворению. Поселение при ильмене Джурук было названо Гришевым, а при Глубокой балке – Началовым, причём оба населённых пункта получили статус слобод. С казаками должны были поселиться 47 семей калмыков, которые причислялись к составу полка и имели право, как и казаки, на получение казенного пособия в размере 20 руб. на двор.

По указанию П. С. Потемкина, слободам-станицам были отведены земли из расчёта по 80 десятин на каждую мужскую душу. Вскоре, однако, выяснилось, что земельная нарезка станицам затронула интересы частного лица – Григорьевой и общества юртовских татар, считавших отведённые слободам земли своей собственностью. От них пошли жалобы в органы государственной власти, поэтому отвод земли так и не был утверждён.

Казаки же со своей стороны попросили администрацию переселить их в волжские станицы, и в итоге добились своего. В 1795 г. казачьи слободы прекратили своё существование, а их жители перешли в станицы Городофорпостинскую и Дурновскую²⁷⁰. Упразднению двух казачьих поселений на Кизлярском тракте способствовал не только спор казаков с Григорьевой и с юртовскими татарами из-за земли, но и то обстоятельство, что в это время обязанность по перевозке почты от г. Астрахани до г. Кизляра губернская

²⁷⁰ Бирюков И. А. История Астраханского казачьего войска. Саратов: Тип. П. С. Феокритова, 1911. Ч. 1. С. 95.

администрация возложила исключительно на юртовских татар. Казаки от этой повинности освобождались, поэтому потребность в создании казачьих поселений на тракте, на жителей которых планировалось возложить перевозку почты, снизилась.

К началу XIX в. на Астраханско-Кизлярском тракте удалось освоить только отдельные участки дороги, прилегавшие к городам. Со стороны г. Кизляра поселения крестьян были доведены до деревни Владимировки, а со стороны г. Астрахани – до урочища Зензели. Между этими крайними пунктами продолжал оставаться без заселения огромный участок дороги, пролежавший через кочевья калмыков. На нём были учреждены 11 почтовых станций, которые до конца 1840-х гг. являлись единственными местами, где путники могли найти себе приют.

В конце 1780 – начале 1790-х гг. два новых поселения появились на Астраханском почтовом тракте: Райгородское и Светлый Рай. Оба села были основаны выходцами из Саратовской губернии, в большинстве своем прибывшими по вызову властей. По ревизии 1795 г. в с. Райгородском числилось 161 чел. муж. пола, а в с. Светлый Яр – 271²⁷¹.

В 1797 г. было основано с. Сасыкольское. Первыми его жителями были выселенные из с. Каменный Яр Астраханской губернии чуваша, к которым впоследствии присоединились крестьяне из Воронежской и Тамбовской губерний.

В целом можно констатировать, что к началу XIX в. интерес властей к использованию казаков в качестве переселенческого контингента постепенно угасает. В это время главной фигурой в освоении Астраханской губернии становится крестьянин, который сменяет тип военно-служилого поселенца. Под прикрытием Азово-Моздокской укрепленной линии крестьянская колонизация шла гораздо успешнее, и было очевидно, что по мере дальнейшего укрепления политических и военных позиций России на Кавказе переселенческое движение крестьян будет только усиливаться. В меняющихся условиях власти всё большее внимание начинают обращать на государственных крестьян, которых начинают рассматривать в качестве основного контингента поселенцев.

²⁷¹ ГА АО. Ф. 687. Оп. 2. Д. 530. Л. 8, 29.

В рассматриваемый период за счёт переселений увеличилось крепостное население. Помещики обзаводились землями не только путём покупки, но и получали их бесплатно от государства. Указом от 22 декабря 1782 г. императрица Екатерина Вторая предоставила генерал-губернатору Новороссийской, Азовской, Астраханской и Саратовской губерний Г. А. Потемкину право раздавать земли на Азово-Моздокской укрепленной линии помещикам на условиях их заселения крестьянами²⁷².

Массовая раздача земель помещикам началась в 1785 г. после учреждения Кавказского наместничества, которое возглавил племянник Г. А. Потемкина – генерал-губернатор П. С. Потемкин. Согласно букве упомянутого указа 1782 г. раздаче подлежали земли на Азово-Моздокской линии, т. е в Предкавказье, однако П. С. Потёмкин распространил действие данного акта на волжские и приморские районы, после чего, как пишет профессор Н. Н. Пальмов: «В низовьях Волги наступил период какой-то земельной вакханалии»²⁷³. В течение 1785–1786 гг. 22 помещика получили в собственность 815500 дес., а всего к 1796 г. было роздано дворянам более 877 000 дес.²⁷⁴. Земли должны были передаваться под заселение, но это условие плохо соблюдалось. К 1799 г. было поселено всего 950 душ мужского пола, что составляло в среднем 153 дес. удобной и 800 дес. неудобной земли на одну мужскую душу, вместо установленных законом 30 дес. земли²⁷⁵.

Наибольшее количество земли в Астраханской губернии получили представители высшей знати: П. С. Потемкин, А. А. Безбородко, в 1799 г. император Павел I пожаловал князю Кутайсову рыбные ловли на р. Эмбе, со всеми её устьями, реками и островами, а князь Куракин получил казенные учуги и рыбные ловли в низовьях р. Волги, граф Д. А. Зубов земли в верховьях р. Ахтубы. На пожалованных и купленных землях помещики в период с конца 1770 до конца 1790-х гг. основали населенные пункты: Архангельская, Алешня,

²⁷² Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1830. Т. 21. С. 784.

²⁷³ Пальмов Н. Н. Этюды по истории приволжских калмыков. Астрахань: Калмыцкий областной исполнительный комитет, 1932. Ч. 5. Дела земельные. С. 86.

²⁷⁴ Васькин Н. М. Заселение Астраханского края. Волгоград: Нижне-Волжск. кн. изд-во, 1973. С. 13.

²⁷⁵ ГА АО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 1162. Л. 3.

Александровка (Поды), Александрия, Аполлоновка, Барановка, Бекетовка, Дмитриевская, Досада, Долгова Острова, Выставка, Григорьевская, Златозубовка (Зубовка), Никольская (Беспутная), Никитская, Марьина, Михайловская, Последово, Ушаковка.

В 1803 г., по вычислениям профессора П. Г. Любомирова, крепостные крестьяне проживали в 26-ти населенных пунктах всех четырех уездов губернии и насчитывали приблизительно 680 дворов и 7653 душ обоего пола, не считая дворовых людей²⁷⁶. У историка Н. М. Васькина цифра основанных помещиками населенных пунктов выше, но зато она меньше по отношению к числу жителей. По его сведениям, до начала XIX в. 24 помещика построили 36 селений и деревень и поселили в них 5535 чел.²⁷⁷. Если сравнить число ревизских душ (мужских) крепостных крестьян в 1777 и 1803 гг., то отчетливо видна положительная динамика роста как количества помещичьих поселений, так и их жителей. В 1777 г. в Астраханской губернии насчитывалось 624 ревизских душ крепостных крестьян, а в 1803 г. – 3802²⁷⁸.

Крепостное население распределялось по уездам неравномерно. С самого начала помещичьего заселения Астраханской губернии в 1765 г. лидерство в этом отношении удерживал Астраханский уезд, где возникли первые помещичьи поселения и количество крепостных было значительно больше (в 1803 г. 2447 ревизских душ из 3802 ревизских душ всей губернии), чем в других уездах. Основная масса помещичьих крестьян данного уезда была занята в рыболовстве. Затем следовал Черноярский уезд, в котором в 1803 г. проживало 763 ревизских душ крепостных крестьян. В нём помещичьи поселения появились после 1788 г., и, несмотря на сравнительно позднее их возникновение, уезд быстро опередил по заселению Красноярский и Енотаевский уезды, где данный процесс начался раньше. В последних двух уездах в 1803 г. насчитывалось соответственно 270 и 322

²⁷⁶ Любомиров П. Г. О заселении Астраханской губернии в XVIII веке. Астрахань: Издание Астраханского Губплана, 1926. С. 15.

²⁷⁷ Васькин Н. М. Заселение Астраханского края. Волгоград: Нижне-Волжск. кн. изд-во, 1973. С. 73.

²⁷⁸ Любомиров П. Г. О заселении Астраханской губернии в XVIII веке. Астрахань: Издание Астраханского Губплана, 1926. С. 17.

ревизских душ крепостных крестьян²⁷⁹. В Черноярском и Енотаевском уездах рыболовство занимало важное место в экономике помещичьих крестьян, но они также активно занимались земледелием и скотоводством, в Красноярском уезде основным источником существования населения являлось рыболовство.

Несмотря на рост численности крепостного населения, правительство осталось недовольно темпами помещичьего заселения.

Среди основанных государством в 1760–1790-е гг. в Северном Прикаспии населенных пунктов не было рыбацких поселений. Более того, в рассматриваемый период произошло даже сокращение количества казенных учугов: к 1780 г. из восьми действовавших в первой половине XVIII в. казенных учугов осталось только четыре (Иванчуг, Камызяк, Увары и Чаган).

31 июля 1762 г. только что вступившая на престол императрица Екатерина II передала речные рыболовные воды и все казенные учуги в Астраханской губернии из казны в общее пользование астраханскому купечеству на условии уплаты оброка в доход государству. Купцам отдали в управление и содержание рыболовецкую инфраструктуру и казенное имущество, а также приписанное к учугам население. На рубеже XVIII и XIX столетий в четырёх уже опоминавшихся учугах числилось 162 двора, из которых 77 являлись приписными и находились в подчинении у купцов, остальные 85 дворов принадлежали свободным людям: разночинцам, мещанам, церковнослужителям²⁸⁰. Численность приписного к учугам населения к началу XIX в., по данным Н. Озерцерковского, выросла с 345-ти до 450-ти чел.²⁸¹

Помимо приписного населения, купцы ведали сезонными работниками, которых в конце XVIII в. ежегодно прибывало из других губерний в г. Астрахань до 20 000 чел. Отходники нанимались к купцам для работ на рыбных промыслах или покупали у них разрешение рыбачить в их водах.

²⁷⁹ Любомиров П. Г. О заселении Астраханской губернии в XVIII веке. Астрахань: Издание Астраханского Губплана, 1926. С. 17.

²⁸⁰ Озерцерковский Н. Я. Описание Колы и Астрахани. СПб.: Изд-е Императорской академии наук, 1804. С. 110–111.

²⁸¹ Озерцерковский Н. Я. Описание Колы и Астрахани. СПб.: Изд-е Императорской академии наук, 1804. С. 112.

Занятие рыболовством было столь выгодным делом, что местные русские купцы фактически прекратили торговлю другими товарами в г. Астрахани, на что обратил внимание в своём труде «Описание Колы и Астрахани», вышедшем в 1804 г., Н. Озерцерковский²⁸².

Во второй половине XVIII в. началась активная разработка рыбных богатств Каспийского моря и появились первые рыбацкие поселения на взморье. Первый выход в море с целью добычи рыбы состоялся в 1745 г.: в этом году на полуостров Мангышлак отправился снаряженный астраханским губернатором В. Н. Татищевым караван рыболовецких судов. Успех экспедиции вдохновил заняться морским рыболовством речных ловцов, часть которых перебралась на жительство поближе к месту работы – на взморье. Морской лов был связан с большим риском для жизни рыбаков, поэтому вначале на него нанимались, по словам автора известного труда о каспийском рыболовстве К. Н. Лебедева, только «бродяги, беспутные и должники»²⁸³. После завершения работ не все из этих людей покидали дельту р. Волги и взморье, какая-то их часть оставалась и без ведома властей обустроивалась на постоянное жительство.

В конце XVIII в. на взморье появляются первые самовольные рыбацкие поселения: Тишков и Каралат. Их основали крестьяне Нижегородской губернии, пришедшие на заработки и оставшиеся жить на ватагах, которые построили купцы-арендаторы рыболовных вод – Сапожниковы, Варвацкий и Старцев. Со временем к первопоселенцам присоединились мещане, разночинцы, отставные солдаты, являвшиеся в основном жителями Астраханской губернии.

Среди жителей самовольных поселков встречалось немало лиц, бежавших от своих владельцев, уклоняющихся от уплаты налогов и рекрутской повинности, уголовных преступников. Все они надеялись укрыться от бдительного ока властей, затерявшись в удаленных и необжитых местах взморья.

По данным Астраханской казённой палаты, с 1787 по 1796 гг. в губернию было принято на поселение 10937 переселенцев мужского пола, из них 2166 чел. не

²⁸² Озерцерковский Н. Я. Описание Колы и Астрахани. СПб.: Изд-е Императорской академии наук, 1804. С. 116.

²⁸³ Лебедев К. Н. О Каспийском рыболовстве. СПб.: Тип. Штаба Отдельного корпуса внутр. Стражи, 1863. С. 25.

были устроены на новом месте жительства²⁸⁴. В 1800 г. число прибывших, но не обустроенных возросло до 6000 душ мужского пола. Астраханская администрация оказалась не готова к массовому приёму переселенцев: она не владела достоверной информацией о количестве земель, их качестве, землепользовании. Переселенцы нередко сталкивались с тем, что отведенные им под поселение земли находились в собственности или в пользовании частных лиц и обществ. Тысячи новосёлов покинули отведенные им места и перебрались на жительство в г. Астрахань и в дальние уголки губернии, где основали самовольные поселения. В «Записке о происхождении самовольных поселков Астраханской губернии в связи с историей колонизации Астраханского края», подготовленной для астраханского губернатора, Стрижев отмечал, что в «результате нерациональной, полной грубых ошибок и отступлений от закона колонизаторской деятельности кавказских генерал-губернаторов Потемкина и Гудовича, а также Астраханской губернской канцелярии, получилось, что многие государственные крестьяне и другие желавшие селиться на новых местах рабочие люди остались без наделов, и вследствие этого вынуждены были встать в ненормальные имущественные отношения к успевшим получить землю частным владельцам и обществам»²⁸⁵.

Чтобы обустроить хотя бы часть переселенцев, астраханская администрация была вынуждена изъять некоторое количество земель у помещиков Бекетова, Потёмкина, Толстого и передать их государственным переселенцам. Приток государственных крестьян в Астраханскую губернию в последние годы XVIII в. способствовал быстрому увеличению их численности, которая возросла в два раза – с 4357 душ мужского пола в 1788 г. до 8630 душ мужского пола в 1803 г.²⁸⁶

Во второй половине XVIII в. продолжались переселения в Астраханскую губернию, подвергавшихся притеснениям со стороны персидского шаха по религиозным и иным мотивам, армян и грузин, особенно большим их приток на юг России наблюдался в конце 1790-х гг. В 1796 г. корпус графа Зубова вторгся на

²⁸⁴ ГА АО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 1162. Л. 4.

²⁸⁵ ГА АО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 1162. Л. 4.

²⁸⁶ Любомиров П. Г. О заселении Астраханской губернии в XVIII веке. Астрахань: Издание Астраханского Губплана, 1926. С. 19.

территорию Персии и захватил её прикаспийские владения от устьев р. Терека до устьев р. Куры, однако в ноябре того же года, после смерти императрицы Екатерины II, вступивший на престол Павел I приказал войскам вернуться на исходные позиции на Кавказской укрепленной линии. Это решение поставило в тяжёлое положение местное армянское и грузинское население, которое приветствовало приход русских войск и теперь вынуждено было спасаться от репрессий со стороны шаха на территории России.

Новые переселенцы расселились в Астраханской и Кавказской губерниях, значительно увеличив в численности местные диаспоры. В г. Астрахани, например, численность армян в течение XVIII в. возросла с 200 до 5 тысяч человек, что увеличило их удельный вес в населении города до 18 %. Большинство армянских выходцев из Персии и других стран занимались торговлей и различными ремеслами, разводили виноградники и сады, работали по найму. С ними связано зарождение в крае хлопчатобумажной и шелкоткацкой промышленности.

Астраханские армяне добились от российских властей привилегий в торговле, им также предоставили свободу вероисповедания, своё самоуправление и суд, а в 1717 г. в г. Астрахани с разрешения российского руководства открылась епархия Армянской Апостольской церкви, охватившая все армянские приходы на территории империи. По мнению многих исследователей, в XVIII в. армянская колония в г. Астрахани являлась самой крупной и влиятельной среди других восточных колоний.

В имперский и в предшествующий период на переселенческий процесс в Астраханской губернии сильное влияние оказывало присутствие в регионе кочевников. Наличие большого числа кочевников являлось сдерживающим фактором для переселений и, безусловно, учитывалось при выработке и проведении государственной переселенческой политики.

Многие исследователи справедливо отмечают, что в переселенческом потоке в Астраханскую губернию преобладали самовольные переселенцы, однако не поясняют, что успех их поселения и закрепления на новом месте во многом определялся действиями государства, его силой и степенью влияния в крае. Без

присутствия государства широкое развитие самовольных переселений в крае с доминированием кочевого населения было невозможно. Когда в первой половине XVIII в. позиции государства в регионе были слабы, то количество переселенцев (и легальных, и нелегальных) было невелико, и большинство из них старались закрепиться на жительство в самой Астрахани, в прилегающих к ней районах, или же в других городах-крепостях и около них. Военские гарнизоны городов обеспечивали им безопасность от кочевников, и оттуда шла различного рода помощь. По мере укрепления позиций государства в Астраханском крае желающих переселиться в него становилось больше, и переселенческий поток охватывал не только город и его пригороды, но распространялся по сельской местности.

В XVIII в. наиболее многочисленными и сильными в военном отношении среди кочевников являлись калмыки, пришедшие из Джунгарии, и расселившиеся на огромных степных просторах Нижней Волги и Предкавказья. Они до своего ухода из России в 1771 г. составляли более 70 % от всех жителей Астраханской губернии. Калмыки были российскими подданными, однако часто действовали независимо и самостоятельно. Российское государство использовало военный потенциал калмыков для решения своих геостратегических задач на южных рубежах в противостоянии с Турцией, Крымским ханством и Персией.

После откочевки в 1771 г. большей части калмыков назад в Джунгарию опустели большие территории, и представительство кочевников в структуре населения Астраханской губернии резко упало. Всё это создало предпосылки для начала массового освоения региона оседлым населением.

В советской и постсоветской историографии утвердилось мнение о том, что одной из главных причин откочевки калмыков в 1771 г. послужил земельный вопрос, возникший в результате массовой колонизации калмыцких земель оседлым населением. Подробно рассмотревший данную проблему в своей монографии «Последнее великое кочевье: Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII–XVIII веках историк В. И. Колесник считает, что с «данной позицией можно согласиться только отчасти и с существенными оговорками» [Колесник, 2003: 137]. Он подсчитал, что накануне откочевки

калмыков площадь их кочевий составляла, по самым скромным подсчётам, более 450 тысяч квадратных километров, охватывая в современных административных границах полностью территории Республики Калмыкия и Астраханской области, примерно половину Самарской, Волгоградской, Оренбургской Российской Федерации, Уральской и Атрауской областей Казахстана, а также часть восточных районов Ростовской области и северных районов Дагестана и Чечни²⁸⁷. На этой площади кочевали 317 844 калмыков и выпасалось 2 402 440 условных единиц крупного рогатого скота²⁸⁸.

Основываясь на статистических сведениях и выводах авторитетных ученых в области исторической демографии Я. Е. Водарского и В. М. Кабузана, В. И. Колесник утверждает, что в 1700–1760-е гг. колонизация оседлым населением земель в Нижнем Поволжье, в Предкавказье и на р. Яике, на которых кочевали калмыки, была незначительной и не могла привести к подрыву основ калмыцкого скотоводческого хозяйства и вызвать откочевку²⁸⁹.

По утверждению Кабузана, Нижнее Поволжье и Предкавказье вплоть до начала 1780-х гг. не принадлежали к числу основных колонизируемых районов, широкое освоение их переселенцами началось уже после откочевки в 1771 г. калмыков в Джунгарию. В 1700–1760-е г. переселенцы осваивали почти исключительно районы Самарского Поволжья и правобережье Саратовского Поволжья, где возникли поселения немецких колонистов, помещиков, монастырей и государственных крестьян. Основная же территория кочевания калмыков (волго-уральские, волго-маньчские степи и Предкавказье), находилась вне переселенческого движения. В Северном Прикаспии насчитывалось в рассматриваемый период не более 30-ти поселений, при этом надо иметь ввиду то, что большая часть из них были городками-крепостями и рыбацкими поселками, где проживало военно-служилое и рыбацкое население, для которого занятие

²⁸⁷ Колесник В. И. Последнее великое кочевье: Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII–XVIII веках. М.: Вост. лит., 2003. С. 140.

²⁸⁸ Колесник В. И. Последнее великое кочевье: Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII–XVIII веках. М.: Вост. лит., 2003. С. 151.

²⁸⁹ Колесник В. И. Последнее великое кочевье: Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII–XVIII веках. М.: Вост. лит., 2003. С. 147.

земледелием и скотоводством носило подсобный характер. В силу своей незначительности переселения оседлых жителей они не могли привести к подрыву калмыцкого скотоводства, но вместе будет неверным отрицать тот факт, что первые опыты государства по созданию стационарных поселений вдоль р. Волги сильно встревожили калмыцких владельцев и в определенной степени усилили среди них миграционные настроения.

В XVIII в. в орбиту противостояния России с Турцией и Крымским ханством оказалась втянутой и другая многочисленная группа кочевников –ногайцы. В XVII в. – первой половине XVIII в. их вытеснили из мест своего обитания в урало-нижневолжских степях на Кубань и в Крым, пришедшие в Россию калмыки. Основная масса ногайцев расселилась на правом берегу р. Кубани, принадлежащему в то время Крымскому ханству. После присоединения в 1783 г. к России правобережной Кубани, ногайцев, чтобы изолировать от влияния Турции, решено было переселить в междуречье р. Волги и Урала, однако из-за их решительного отказа, переросшего в восстание, воплотить данный план в жизнь не удалось.

В период расселения калмыков в южных степях России под их власть подпала часть ногайцев, ставшая их подданными. Отдельные группы ногайцев в первой половине XVIII в. в период военных компаний попадали к калмыкам в качестве добычи и уводились ими волжские кочевья, но большинство из них при удобном случае совершали побеги и возвращались на Кубань и Северный Кавказ.

В XVIII в. в Астраханской губернии сложилась своеобразная группа ногайцев-карагашей. Вначале они кочевали в Прикубанье, однако, в 1723 г. в период персидского похода Петра I их захватили калмыки, которые увели их в качестве пленников с собой в Астраханскую губернию. От власти калмыков они освободились в 1771 г., когда большинство калмыков покинули пределы России. Карагашей подчинили российской администрации отвели земли в Красноярском уезде Астраханской губернии, где они в 1788 г. основали села: Сеитовка и Хожетаевка. Впоследствии их уроженцы выселились на новые места, положив

начало населенным пунктом: Лапас, Ясын-Сокан, Малый Арал, Большой и Малый Джанаи и другим.

В период движения калмыков к р. Волге и добровольного вхождения в состав России ими были захвачены или вынуждены были присоединиться, спасаясь от своих соседей, группы среднеазиатских туркмен. В 1725 г. их насчитывалось у калмыков 825 кибиток, по сведениям 1740 г., число их составило 15990 чел.²⁹⁰, в 1771 г. во время откочевки калмыков в Джунгарию 340 кибиток туркмен были перехвачены казаками на р. Яик и возвращены в северокаспийские степи. Всего по утверждению И. П. Панькова, в Нижнем Поволжье после ухода калмыков осталось 836 туркменских кибиток²⁹¹. Туркмен освободили из-под власти калмыцкой знати и поселили в Кавказской области на правом берегу реки Кумы на пространстве от урочища «Джилан» до Каспийского моря. Часть из них поселилась около г. Астрахани, в п. Калмыцкий Базар, в Царевской слободе юртовских татар и в их селении Солянке²⁹².

В конце XVIII в. обезлюдевшие после откочевки калмыков в Джунгарию волго-уральские степи Астраханской губернии начали осваивать казахи Младшего жуза. В 1782 г. казахам впервые официально разрешили перезимовать на луговых землях бывшего Калмыцкого ханства, затем их перекочёвки из-за Урала стали повторяться²⁹³.

Проникновение казахов на территорию Волго-Уральского междуречья сопровождалось грабежами и насилиями в отношении оседлых жителей и калмыков, поэтому власти были вынуждены укрепить кордонные посты и привлечь к их охране Нижегородский полк, астраханских казаков и калмыков.

Астраханская администрация начала склоняться к мысли об увеличении численности калмыков на левобережье Волги, чтобы использовать их против казахов. В 1790-е гг. идею размещения калмыков в степях между Волгой и Уралом

²⁹⁰ *Очиров У. Б.* Тюркоязычные этнические группы в составе Калмыцкого ханства (XVII–XVIII вв.) // Вестник института комплексных исследований аридных территорий. 2008. № 2 (17). С. 99.

²⁹¹ *Паньков И. П.* Из истории ставропольских туркмен и калмыков в 17–18 веках. Чарджоу: [б. и.], 1960. С. 13.

²⁹² *Борисенко И. В.* Очерки исторической географии Калмыкии. Дооктябрьский период. Элиста: Калмыцкий институт общественных наук Академия наук СССР, 1991. С. 114.

²⁹³ *Борисенко И. В.* Очерки исторической географии Калмыкии. Дооктябрьский период. Элиста: Калмыцкий институт общественных наук Академия наук СССР, 1991. С. 199.

поддерживал кавказский наместник генерал-губернатор И. В. Гудович, сумевший убедить в полезности такого шага высшее руководство России. Но этому плану не суждено было осуществиться. Калмыки не смогли сдержать натиск более многочисленных казахов. В 1795 г. власти попытались разместить на левобережье р. Волги Большедербетовский улус, но он из-за постоянных нападений на него казахов вынужден был вскоре вернуться на Дон. Казахи начали осваивать волго-уральские степи, и властям пришлось смириться с этим фактом. Окончательно вопрос о закреплении казахов в междуречье Волги и Урала был решён после подписания 11 марта 1801 г. императором Павлом I указа «О дозволении киргизскому народу кочевать между Уралом и Волгой».

Изданию данного указа предшествовала встреча командира Астраханского казачьего полка, полковника П. С. Попова с председателем Ханского совета Младшего жуза – султаном Букеем и подвластной ему знатью, на которой полковник посоветовал Букеему обратиться к императору с просьбой занять волго-уральские степи для постоянного кочевания. Пойти на этот шаг султана Букеева вынудила напряженная социально-политическая обстановка в Младшем жузе, сложившаяся в результате обострения внутриэлитного конфликта на почве дефицита пастбищных земель и борьбы за власть.

Таким образом, получается, что инициатива переселения казахов в волго-уральские степи принадлежала одному из представителей региональной управленческой элиты, а не высшей государственной власти. Быстрое принятие решения о закреплении казахов на территории Астраханской губернии объясняется, вероятно, тем, что российское руководство, считая казахов Младшего жуза своими подданными, хотя многими современными казахстанскими историками этот факт оспаривается, рассматривало переселение части казахов, как путь к разрешению внутригосударственной проблемы по стабилизации напряженной социально-политической обстановки в казахском обществе. Весьма показательным является то, что официально Попов был пожалован императором чином генерал-майора не за переселение казахов, а за налаживание политической ситуации в Младшем жузе. Не исключено, что причину быстрого решения вопроса

переселения казахов в Волго-Уральское междуречье также следует искать в личных качествах Павла I, обладавшего, как известно, импульсивным характером.

В конце 2000-х гг. группа учёных, общественных деятелей, литераторов и кинематографистов из 5 стран (Казахстан, Россия, Украина, Нидерланды, Сингапур) выдвинула свою версию причины переселения казахов и образования Внутренней орды. По их мнению, Букеевская орда была детищем совместного межконтинентального стратегического проекта, который разработали император Павел I и первый консул Франции Наполеон Бонапарт в течение января 1801 г.; то есть – наследием секретного военного союза России и Франции (1800–1801 гг.) против Англии; часть глобального проекта, известного как – «Поход в Индию».

В подтверждение своей точки зрения авторы проекта не приводят ни одного исторического документа, но считают, что таковые существуют, они засекречены и хранятся в архивах Франции.

В восточной части своих кочевий букеевские казахи соприкасались с владениями уральских казаков, заселение которых шло медленными темпами.

Недостаток в людях и большая протяженность Нижнеяицкой укрепленной линии сильно тормозили формирование там постоянного населения. Не способствовали закреплению на новом месте и суровые природные условия низовьев Яика. Побывавший там в 1768 г. учёный-путешественник Паллас описывал их «как солоноватое болото», где «почти никакой травы не растет, кроме камыша и осоки», и где водится огромное количество насекомых, ядовитых пауков и змей, делающих жизнь человека несносной²⁹⁴. Другой ученый-путешественник – И. Лепехин – писал: «Гурьев стоит на весьма нездоровом месте. Окружающие его солонцы и болотистые места делают тяжелым воздух. Сверх сего мокрота места такое множество комаров рождает, что надо иметь особливую привычку, дабы сносить сию досадную тварь. Кроме нездорового воздуха жители чувствуют великой во всем недостаток: ибо, что получают из Астрахани, тем и довольствуются.

²⁹⁴ Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб.: Императорская академия наук, 1773. Ч. 1. С. 614.

Болотистые и соленые места совсем неудобны не только под пашню, но и не можно на них развести никакого огородного растения».

По свидетельству Палласа, в конце 1760-х гг. в г. Гурьеве имелось всего до 100 домов, в которых размещался военный гарнизон из роты пехоты солдат и 60 казаков и проживало несколько семей астраханских купцов и ремесленников²⁹⁵. На форпостах и в крепостях Нижнеяицкой линии казаки несли службу посменно, и после завершения срока возвращались в места постоянного проживания. В 1786 г. начальник Уфимского и Симбирского генерал-губернаторства барон О. А. Игельстрём предложил перевести на постоянное место жительства в низовья р. Урал часть уральских казаков с целью усиления охраны границы с казахами, но эта мера не была осуществлена.

К началу XIX в. в демографической, этнической, конфессиональной и сословной структуре населения Астраханской губернии в результате предшествующих миграций произошли кардинальные сдвиги. Массовые крестьянские переселения привели к быстрому росту численности сельского населения, которое стало преобладающим в губернии, в отличие от первой половины XVIII в., когда доминировало городское население. По сведениям Астраханской казенной палаты, в 1801 г. в 60 сельских населенных пунктах проживали 43440 чел. государственных крестьян и ещё 23457 чел. ожидалось к переселению. Из числа 60 поселений 14 располагались Астраханском уезде, 3 – в Красноярском, 4 – в Енотаевском, 5 – в Черноярском, 3 – в Кизлярском, 8 – в Моздокском, 11 – в Георгиевском, 12 – в Александровском, 11 – в Ставропольском. В последних 5 уездах, находившихся на Кавказской укрепленной линии, проживали 2165 душ помещичьих крестьян²⁹⁶.

Быстрый рост населения в 1780–1790-е гг. привел к новому административно-территориальному разукрупнению Астраханской губернии. С 1785 по 1796 г. Астраханская губерния в качестве области входила вместе с Кавказской областью в состав Кавказского наместничества, в 1796 г. наместничество упразднили,

²⁹⁵ Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб.: Императорская академия наук, 1773. Ч. 1. С. 618.

²⁹⁶ РГАДА. Ф. 1298. Оп. 2. Д. 199. Л. 16.

включив его области (Кавказскую и Астраханскую) в единую административно-территориальную единицу под названием «Астраханская губерния». Однако уже через 6 лет, в ноябре 1802 г., губернию разделили на две – Астраханскую и Кавказскую. К первой отошли Астраханский, Красноярский, Енотаевский и Черноярский уезды, ко второй – Кизлярский, Александровский, Георгиевский, Ставропольский и Моздокский уезды²⁹⁷. По приблизительным подсчётам профессора П. Г. Любомирова, в 1803 г. в Астраханской губернии, после территориального размежевания с Кавказской губернией, проживало 71000–72000 душ обоего пола²⁹⁸.

Другим следствием миграций стало изменение соотношения в численности между оседлым и кочевым населением. В первые годы XIX в. удельный вес оседлых жителей в структуре населения Астраханской губернии составлял примерно 70 %, кочевников – 30 %. Здесь необходимо отметить, что резкое уменьшение доли кочевого населения произошло также и по причине откочёвки большинства калмыков в Китай (Джунгарию).

Крестьянские миграции способствовали изменению этнической ситуации в регионе. Он быстро русифицировался, также возросло представительство в этнической структуре других этнических групп.

В заключение отметим тот факт, что благодаря переселенческой политике государства XVIII в. стал важнейшим периодом в истории Северного Приуралья. Во второй половине XVI в. в состав Российского государства в результате завоеваний вошли обширные, но малонаселенные территории Северного Прикаспия, сильно отличавшиеся к тому же от российских в этническом, конфессиональном, экономическом отношениях и своим особым укладом жизни. Подавляющее большинство жителей присоединенных земель вели кочевой и полукочевой образ жизни и занимались скотоводством, оседлое население было немногочисленным и проживало в основном в г. Астрахани. Новые территории

²⁹⁷ Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1830. Т. 27. С. 363.

²⁹⁸ Любомиров П. Г. О заселении Астраханской губернии в XVIII веке. Астрахань: Издание Астраханского Губплана, 1926. С. 23.

необходимо было осваивать, преодолевать однобокость экономики, формировать сеть стационарных поселений. Для реализации этих задач и для развития региона в целом требовались значительные людские ресурсы, а их на присоединенных землях было крайне недостаточно, кроме того, кочевой образ жизни большинства населения служил сдерживающим фактором для привлечения местных жителей к решению стоящих перед государством важнейших задач в регионе. С другой стороны, чтобы привлечь переселенцев, необходимо было обеспечить им на новом месте личную безопасность от нападений враждебных кочевников и разбойников, а для этого важно было усилить военное присутствие в регионе. Эта мера начала осуществляться путём постройки городов-крепостей и переводом в них на службу и жительство вместе с семьями военно-служилых людей. Они должны были обеспечить охрану границ и защиту местного населения от набегов враждебных кочевников и разбойничьих шаек. В XVII – первой половине XVIII вв. вдоль р. Волги от г. Саратова до г. Астрахани и в низовьях р. Яика было построено несколько небольших городков-крепостей, из них 4 на территории Северного Прикаспия.

Военно-сторожевые функции Астрахани и городков-крепостей предопределили надолго превалирование в них военно-служилого населения. Большинство служивших и проживавших в городах Северного Прикаспия стрельцов были неместными уроженцами. В отличие от Центральной России, где в стрельцы нанимались местные жители, а служба носила характер потомственной, в Северном Прикаспии набрать достаточное количество желающих служить в стрелецких полках было невозможно из-за крайней малочисленности оседлого населения. Чтобы не допустить ослабления стрелецкого войска, властям приходилось постоянно направлять в край пополнения из других мест России.

Немногочисленные городки-крепости не решали полностью проблемы безопасности населения, гораздо эффективнее в этом отношении были укрепленные линии. Активное переселение и освоение земель начиналось, как правило, после того, как завершалось строительство какой-либо из укрепленных линий. Для Северного Прикаспия большое значение в плане развертывания

массовых переселений имело создание в XVIII в. Царицынской, Азово-Моздокской и Нижнеяицкой укрепленных линий. Под их прикрытием государственная власть приступила к организации массовых переселений на Нижней Волге, Предкавказье и в Северном Прикаспии.

В 1760–1790-е гг. государство осуществило ряд важных мер, направленных на активизацию переселений в Северный Прикаспий. Власти усилили организационную составляющую переселений и их материальную поддержку, расширили их сословную базу. Благодаря широкому вовлечению в переселенческий процесс крестьян они стали в нем доминирующим элементом и придали ему массовость.

В XVIII в. были заложены основы государственной переселенческой политики в регионе, которая формировалась под воздействием политического, фронтального, геополитического, военного, природного, демографического и иных факторов. Для имперской переселенческой политики в Северном Прикаспии было характерным стремление найти разумный баланс между интересами государственными и региональными. В Северном Прикаспии государственные переселения проводились как в общем порядке, когда главной целью переселений являлось удовлетворение земельных нужд крестьян из других губерний, так и по «особым видам», подразумевавших решение конкретных задач, например, заселение дорог, развитие отдельных отраслей хозяйства. На практике переселенческая политика чаще всего сочетала в себе интересы общегосударственные, региональные и местные. При разработке планов переселений и их реализации власти стремились минимизировать их издержки для местного инородческого населения.

При подборе контингента переселенцев власти не придавали особого значения их национальной, конфессиональной и государственной принадлежности, при этом необходимо отметить, что отдельным группам переселенцев (немцы, армяне) из других государств в целях стимулирования их переселения в Россию давались большие льготы и привилегии, намного превышавшие аналогичные для российских переселенцев. Для решения

переселенческих задач, особенно в первой половине XVIII в., властям нередко приходилось привлекать местные людские ресурсы, правда, такие попытки не всегда имели успех.

Среди переселенческих мероприятий особого внимания заслуживает попытка властей привлечь к заселению края помещиков, чьи людские и материальные ресурсы российское руководство надеялось использовать в процессе заселения малолюдных степных пространств. Государственная власть стремилась соединить частный интерес с общественным в целях реализации государственной стратегической задачи.

До этого в Северном Прикаспии отсутствовали населённые пункты с крепостными крестьянами, они начали появляться со второй половины 1760-х гг. после того, как власти разрешили продажу помещикам земель на условиях их заселения. Под заселением подразумевалось создание стационарных поселений крестьянского типа, население которых должно было заниматься традиционными для крестьянского хозяйства земледелием и скотоводством. Результаты помещичьих переселений не оправдали надежд властей. Населенных пунктов было образовано немного, и они, как правило, имели малочисленное население. Свои основные усилия помещики направляли не в создание поселенческой инфраструктуры и в распространение земледелия и скотоводства, а в развитие рыболовства, которое в местных условиях Прикаспия оказалось более выгодным делом. Переводимые из других губерний крепостные крестьяне в большинстве своем привлекались к рыболовству, пожалованные и купленные земли помещики не заселяли, а предпочитали сдавать в аренду частным лицам, не заинтересованным в создании постоянных стационарных поселений. В итоге в начале XIX в. власти отказались от политики привлечения помещиков к заселению Северного Прикаспия.

Вместе с тем ради объективности отметим то, что организованные помещиками переселения происходили в сложных условиях, когда государство только приступало к созданию в Северном Прикаспии сети стационарных поселений и открытию массовых переселений государственных крестьян.

Малочисленность оседлого населения, отсутствие достаточного количества воинского контингента, необходимого для защиты от нападений разбойников и кочевников, неблагоприятные природные условия делали переселенческие мероприятия весьма рискованным делом. Положительное значение организованных помещиками переселений заключается в том, что они вместе с казачьими и военными заложили основу для формирования сети стационарных поселений и сословно-этнической структуры региона.

Помещичьи поселения располагались исключительно в прибрежных районах Каспийского моря и в бассейне р. Волги, их не было, равно как и помещичьего землевладения, в местах кочевания казахов и калмыков. Организованные помещиками переселения крепостных крестьян носили принудительный характер, однако к принуждению прибегала и государственная власть, особенно в первой половине XVIII в., когда требовалось закрыть дефицит работников в казенных рыбных учугах. Дело в том, что в крае почти отсутствовало местное рыбацкое население и промыслы укомплектовывались в основном отходниками, приходившими на временные заработки из других губерний. Набрать на рыбные промыслы в достаточном количестве работников из свободного оседлого местного населения было невозможно вследствие его малочисленности, а кочевников работа на рыбных промыслах не привлекала потому, что она предполагала болезненный разрыв с привычным типом хозяйствования и образом жизни. Поэтому власти не раз направляли в принудительном порядке на поселение и на работу в казенные учуги партии ссыльных преступников и бродяг. Этот контингент использовался также на этапе создания шелковых и селитренных предприятий.

Среди переселенцев в Астраханскую губернию было много беглых людей из различных сословий и социальных групп, старообрядцев и сектантов, стремившихся укрыться от бдительного государственного ока в Северном Прикаспии. Государство проявляло известную гибкость в отношении самовольных переселенцев. В интересах дела власти временно отступали от закона и проводили легализацию самовольных переселенцев.

В результате организованных государственной властью переселений всего за одно столетие изменился прежний этнический, сословный, культурный облик и уклад жизни населения в Северном Прикаспии. В регионе возникла сеть стационарных поселений, большая часть населения стала оседлой, тон в его развитии начали задавать этнические и сословные группы населения, которых ранее не имелось или они были малочисленными.

ГЛАВА 3. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА, КАК ИНСТРУМЕНТ ОСВОЕНИЯ КРАЯ И СОЗДАНИЯ НОВОГО ОБЩЕСТВА. 1800–1875 гг.

3.1. Освоение свободного казенного земельного фонда²⁹⁹

В первое десятилетие XIX в. российским руководством были приняты важные решения, оказавшие большое влияние на государственную переселенческую политику в Северном Прикаспии. К таким решениям, безусловно, относятся: установление границ земельных владений кочевников и закрепление их за ними в пользование юридическими актами, введение вольного лова на Каспийском море и отказ от политики привлечения помещиков к заселению края.

К началу XIX в. колонизационный фонд Астраханской губернии в результате переселенческого движения заметно сократился, причём освоены были в основном местности, находившиеся вблизи водных бассейнов. Удалённые от них маловодные и малопродуктивные земли между Каспием, Волгой, Уралом, Манычем и Кумой переселенцев не привлекали, поэтому эта часть Астраханской губернии ими не осваивалась. На них кочевали калмыки, казахи, ногайцы и другие народы. Иная ситуация сложилась на землях, расположенных вдоль водных артерий. Освоение их переселенцами обострило их отношения с калмыками. Калмыки

²⁹⁹ Основой данного параграфа послужили статьи С. С. Белоусова: *Белоусов С. С. Документы по государственной переселенческой политике в Астраханской губернии (вторая половина 1830-х гг.)* // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2018а. № 1. С. 6–17; *Белоусов С. С. Самовольные поселения на калмыцких землях Астраханской и Ставропольской губерний: Переселенцы и губернские власти (XIX – начало XX веков)* // Новый исторический вестник. 2018. № 1 (55). С. 6–20; *Белоусов С. С. Влияние природного фактора на государственную переселенческую политику на калмыцких землях (1840-е – 1870-е гг.)* // Былые годы. 2019. Т. 54. № 4. С. 1576–1583; *Белоусов С. С. Роль торгово-ремесленного населения в создании стационарных поселений на землях казахов Внутренней киргизской орды Астраханской губернии. XIX в.* // *Oriental Studies*. 2019. № 44 (4). С. 634–644; *Белоусов С. С. Умётная система заселения трактов в Астраханской губернии* // Монголоведение. 2019. № 18. С. 394–406, которые были значительно доработаны и дополнены.

считали земли своими в силу длительности пользования ими, а переселенцы апеллировали к решениям правительства. Не закрепленные за калмыками юридическими актами земли местная администрация и переселенцы рассматривались как свободные земли государственного фонда.

Приступить к упорядочиванию земельных отношений власти также побуждало переселение в волго-уральские степи казахов, которым разрешили кочевать, но границы их земель не определили.

Неопределённость земельных границ кочевников и отсутствие их юридического статуса осложняли межэтнические отношения в регионе, поэтому правительство обратило на эту проблему серьёзное внимание.

27 сентября 1800 г. император Павел I подписал указ «Об отводе калмыкам Малого и Большого Дербета всех земель от Царицына по рекам: Волге, Сарпе, Салу, Манычу, Куме и взморью», согласно которому калмыкам предписывалось отвести все земли, на которых они кочевали до 1771 г., за исключение земель, пожалованных императорскими указами отдельным лицам. Вскоре, однако, выяснилось, что выполнить императорский указ в точности не представляется возможным, так как «границы земель, на которых калмыки прежде кочевали, неизвестны, что отвода им точного никогда сделано не было, что на многих из сих земель впоследствии с дозволения правительства поселились разного звания казённые и помещичьи крестьяне»³⁰⁰. По приблизительным оценкам, калмыки ранее кочевали на пространстве более чем 32 млн дес., но после 1771 г. их численность сильно уменьшилась и они были не в состоянии охватить своими кочевьями столь огромную площадь. По этим причинам император Александр I указом от 28 апреля 1803 г. повелел отвести калмыкам «нужное только количество земли, без стеснения их в кочевьях»³⁰¹. Руководство подготовкой проекта земельного размежевания кочевников было возложено на Главноуправляющего Грузией, князя П. Д. Цицианова, а непосредственное исполнение поручено

³⁰⁰ Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1830. Т. 29. С. 283.

³⁰¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1830. Т. 29. С. 285.

инспектору гарнизонных частей на Кавказе и одновременно командующему Астраханским казачьим войском и Каспийской военной флотилией генерал-майору И. И. Завалишину. Последний собрал необходимую информацию по данной проблеме, и, внимательно проанализировав её, в 1804 г. представил свои соображения в вышестоящие инстанции. Высшее руководство их одобрило, и они легли в основу утверждённого 19 мая 1806 г. Александром I указа «О назначении земель калмыкам и другим кочующим народам в губерниях Астраханской и Кавказской».

На правом берегу р. Волги граница калмыцких земель начиналась от земельных наделов приволжских поселений и далее проходила вдоль берега Каспийского моря, нижнего течения р. Кумы вплоть до деревни Владимировки, потом шла по речке Мокрая Буйвола, через правый приток р. Большой Егорлык, по рекам Малая и Большая Кегульта. Дойдя до устья р. Большой Егорлык граница поворачивала на восток к Манычу и затем шла вдоль восточных границ Области войска Донского до земельных наделов селений Саратовской губернии: Цаца, Большие Чапурники, Светлый Яр, Рай-Городок. Для удобства разбирательств земельных споров их жителей с калмыками, упомянутые селения было решено передать из состава Царицынского уезда Саратовской губернии в Черноярский уезд Астраханской губернии. Оказавшиеся внутри очерченной законом 19 мая 1806 г. административной линии земли объявлялись «общим кочевьем» всех калмыков, а самые многочисленные дербетовские улусы (Малодербетовский и Большедербетовский) получали еще и особые права на земли за Манычем, в низовьях реки Калауса до реки Большой Егорлык.

Калмыкам разрешалось на отводимых им землях создавать поселения и заниматься различными видами хозяйственной деятельности, за исключением добычи соли, оставшейся в ведении казны. В то же время указ от 19 мая 1806 г. предписывал снести все находящиеся в пределах калмыцких земель хутора, а их владельцев, если они не представят на них «законные доказательства», выдворить за границы отводимой калмыкам территории.

Особо в земельном законе оговаривались взаимоотношения калмыков и тех кочевых народов, которые издавна кочевали с калмыками на одной территории. Среди них право кочевать на калмыцких землях «по следам» калмыков получили юртовские татары и кавказские туркмены.

Казахам султана Букея предоставлялись земли вдоль правого берега р. Большой Узень, от которой граница пролегла вдоль кордонов до гор Богдо и Чапчаги и далее – в направлении ватаги Телепнева до Каспийского моря. Между приволжскими селениями и казахами в качестве границы определялась р. Ахтуба и земельные дачи населенных пунктов Саратовской губернии. В зимнее время казахи получили право кочевать в займищных местах прибрежной полосы Каспийского моря, принадлежавших тогда помещикам Юсуповым и Безбородко.

Указ от 19 мая 1806 г. является одним из самых значимых законодательных актов в истории Нижнего Поволжья и Северного Прикаспия, относясь к тем документам, которые на многие десятилетия вперед оказали определяющее влияние на внутреннюю политику российского правительства на землях кочевников. Кочевники получили юридическую защиту от захватов земель другими лицами и поселения на них людей, не принадлежащих к их обществам. Как показали дальнейшие события, указ не смог полностью уберечь земли кочевников от изъятий, но он дал им юридическое право, по справедливому замечанию Н. Н. Пальмова, «отстаивать свои земельные права в тех случаях, когда на них делались явные посягательства»³⁰².

Во время работы над проектом по установлению границ между кочевым и оседлым населением Завалишин имел возможность познакомиться с положением дел в переселенческом деле, по которому он также внёс свои предложения. Они, правда, в указ не вошли, но на них стоит остановиться подробнее, поскольку они оказали влияние на последующую переселенческую политику в Астраханской губернии.

³⁰² Пальмов Н. Н. Этюды по истории приволжских калмыков. Астрахань: Калмыцкий областной исполнительный комитет, 1932. Ч. 5. Дела земельные. С. 9.

Завалишин при проведении переселенческой политики призывал обязательно учитывать природные особенности Астраханского края. Засушливость климата и дефицит водных источников делали нецелесообразным создание поселений с земледельческой направленностью экономики. Зато природные условия позволяли успешно развивать скотоводство и рыболовство. Хорошие травостои имелись в низменных местах Ергенинской возвышенности, Каспийского приморья, и в приволжской полосе правого берега р. Волги (на пространстве до 30 верст от неё в глубину степи). Крестьянам, которые пожелают поселиться вблизи рек Волга и Ахтуба, Завалишин предложил нарезать не по 15 дес. на душу (мужскую), а двойную пропорцию – 30 дес., исходя из того, что для занятия скотоводством потребуется большее количество земли, чем для земледелия³⁰³.

В Астраханском, Енотаевском и Красноярском уездах, где главными занятиями жителей являлось скотоводство и рыболовство, он считал необходимым дать земельное обеспечение новым поселениям не на 500 душ, а на 100–200 душ³⁰⁴.

Завалишин отмечал благоприятные природные условия для развития скотоводства на луговой стороне р. Волги (левый берег). Особенно высоко он оценивал колонизационные возможности района Рын-пески, расположенного на площади в 200 верст в длину и от 50 до 80 верст в ширину между реками Ахтуба и Малый Узень. Здесь имелись в достатке лес, хорошие пастбища, пресные источники, что делало удобным создание оседлых поселений. «Изобилие в рыбе, по Узеням и в Камыш-Самарских озерах замеченное, не говоря уже о хлебопашестве, которое, по мнению многих впри верхах Рын-песков завести бы можно, призывает к распространению в местах сих промышленности; но водворение тут киргизцев и перепуск их из-за Урала на зимовку, теперь о населении оных и помышлять не дозволяют» – отмечал он в 1804 г. в своём докладе к князю Цицианову³⁰⁵. Таким образом, Завалишин считал казахов-переселенцев

³⁰³ Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1830. Т. 29. С. 299.

³⁰⁴ Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1830. Т. 29. С. 298.

³⁰⁵ Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1830. Т. 29. С. 296.

главным препятствием в освоении Рын-песков крестьянами. 31 декабря 1803 г. И. И. Завалишин доносил министру внутренних дел графу В. П. Кочубею «Пустоту и необселение здешнего края ничему другому приписывать не должно, как только единому перепуску киргизцев на нашу сторону и причиняемому пребыванием их в оной степи опасению, ежели и не самым делом, то, по крайней мере, близостью соседства их, которое столь сильное над простонародьем производит впечатление, что при всем бдении правительства и воинского начальства ни ее умалить, ни заманить к водворению почти никого невозможно, а оттого степь сия, во многих местах к хлебопашеству и промышленности удобная, и остается без заселения, в том же самом виде, в каковом была пред сим за 3000 лет, и всему сему причину киргизцы»³⁰⁶.

Завалишин также предложил ряд мер, призванных улучшить организацию переселенческого движения и повысить его эффективность. Губернская администрации должна была заранее определять места под поселения и обязательно согласовывать с переселенцами хозяйственный профиль намечаемого населенного пункта. Завалишин сформулировал главные принципы переселенческой политики в регионе: поселения должны «иметь пользу общую с местными пользами самого края», и совмещать «виды правительства с частными выгодами переселяющихся»³⁰⁷.

После получения губернскими властями указа от 19 мая 1806 г в г. Астрахани была сформирована «Комиссия по наделению кочующих народов землями», в которую вошли астраханский гражданский губернатор, советник местной Казённой палаты, старший губернский землемер и предводитель дворянства Астраханской губернии. Комиссия приступила к деятельности 1 сентября 1806 г. и завершила её в 1833 г. До 1827 г. Комиссия занималась межеванием калмыцких земель, затем приступила к отводу земель кундровским татарам и казахам Букеевской орды.

³⁰⁶ История Букеевского ханства. 1801–1852 гг. Сборник документов и материалов / сост. Б. Т. Жанаев, В. А. Иночкин, С. Х. Сагнаева. Алматы: Дайк – Пресс, 2002. С. 46.

³⁰⁷ Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1830. Т. 29. С. 304.

В результате реализации закона от 19 мая 1806 г. в пользование калмыков в Астраханской губернии и в Кавказской области было отмежевано по одним сведениям Комиссии 10 325 690 дес. 225 саж., по другим – 10 289 294 дес. 225 саж. удобной и неудобной земли. На время выхода упомянутого указа у калмыков числилось приблизительно около 20 000 кибиток и до 100 0000 голов скота.

Работы по установлению границ калмыцких кочевий прошли в спокойной обстановке и не вызвали особых нареканий со стороны калмыков и оседлого населения, хотя без недостатков и упущений всё-таки не обошлось.

Так, при землеотводных работах проблема возникла с крестьянским поселением в Терновой балке. Крестьяне поселились в ней незадолго до выхода указа от 19 мая 1806 г., когда это место ещё не имело юридического статуса калмыцких земель. По упомянутому указу Терновая балка вместе с другими местами утверждалась за калмыками и соответственно расположенное в ней поселение, как основанное лицами, не принадлежащими к калмыцкому народу, подлежало ликвидации. После долгих переговоров, сопровождавшихся открытым давлением со стороны администрации, переселенцы вынуждены были покинуть Терновую балку и в числе 115 душ перебраться в избранное ими для проживания близлежащее село Благодарное³⁰⁸.

В калмыцких дачах оказалась также деревня Сухая Буйвола, но её выселение остановил сенатский указ от 27 марта 1816 г. В данном случае, возможно, сыграло свою роль то обстоятельство, что деревня эта существовала не один год, и её жители успели хорошо обустроиться и наладить свои хозяйства. Ликвидация её могла привести к разорению крестьян и лишила бы их возможности уплачивать налоги и отбывать повинности.

При размежевании земель в этом районе споры возникли также с крестьянами села Покойного и с помещиком А. Ф. Ребровым. Село Покойное было обеспечено землёй по положенной норме, но плохого качества. Распашка песчаных почв ещё больше ухудшило её качество, что вынудило крестьян углубиться в Калмыцкую степь на 4 версты. На урочище Кек-Арык они завели хутор из 10 дворов и занялись

³⁰⁸ НА РК. Ф. И-6. Оп.1. Д. 43. Л. 89об.

хлебопашеством. По закону хутор полагалось снести, а землю вернуть калмыкам, но сделано сразу это не было и в итоге дело затянулось на несколько лет.

Попытку захватить участок калмыцкой земли в период межевания предпринял помещик А. Ф. Ребров. Его крестьяне развернули на левом берегу р. Кумы хозяйственную деятельность, а затем поселились хутором. Этот спор закончился в пользу калмыков, им вернули захваченную землю³⁰⁹.

Казахам Комиссия отвела более 5 млн дес., их численность в первые годы после переселения в Волго-Уральское междуречье составляла 6266 киб. и более 31 000 чел. В их владении приблизительно находилось около 2000000 голов скота. К концу 1840-х гг. в результате прибытия новых групп казахов из-за Урала их численность стремительно возросла до 20 000 кибиток, в которых насчитывалось 80 000 чел. обоего пола³¹⁰.

Имея меньшую территорию по сравнению с калмыками, но вдвое больше скота, казахи проявляли большую настойчивость в земельном отношении. В течение 27 лет они упорно добивались от правительства передачи в их пользование территории между реками Большой и Малый Узени. Эта полоса земли начиналась от Камыш-Самарских озёр и тянулась на 150 в. до Таловского кордона, расстояние между рек составляло от 30 по 50 в. Здесь располагались хорошие водопой и пастбища, которыми издавна пользовались в своей хозяйственной деятельности уральские казаки.

В указе Александра I от 19 мая 1806 г. границей между буковскими казаками и уральскими казаками была положена р. Узень, однако в действительности по этой территории протекали две реки: Большой и Малый Узени. Эта неточность дала повод к двусмысленному толкованию границы, породив спор между уральскими казаками и казаками. Поскольку этими землями казаки пользовались ещё с XVIII в., то появление на них кочевников казаки восприняли крайне негативно. Чтобы удержать за собой междуречье уральские казаки самовольно перенесли свои форпосты с р. Большой Узень на правый берег р. Малый Узень. В 1813 г. ими были

³⁰⁹ НА РК. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 161. Л. 44об.

³¹⁰ *Бларамберг И. Ф.* Военно-статистическое обозрение земель киргиз-кайсаков Внутренней (Буковской) и Зауральской (Малой) орды Оренбургского ведомства. СПб., 1848. Т. 14. Ч. 3. С. 18.

построены на новом месте форпосты: Таловский, Вербовый, Обинский, Мокринский и Глиняный. На них казаки посменно несли службу, но на одном из них – форпосте Глиняном – образовалось постоянное население из 60 дворов (1825 г.) уральских казаков, занимавшихся торговлей с казахами³¹¹.

Спор между уральскими казаками и казахами Внутренней орды о землях между двумя Узеньями завершился в пользу последних. В 1833 г. Межевой департамент Правительствующего Сената, рассмотрев все обстоятельства данного дела, пришел к выводу о том, что «Уральское казачье войско не имело ни малейшего права на учреждение разных оседлых поселений на землях между двумя Узеньями лежащих, от Камыш-Самарских озер до черты, где сии реки проходят уже через земли Уральского войска, ни других поселений; равно, что земли сии, по выход с оных в 1771 г. калмыков, никакими высочайшими грамотами или указами ни башкирцам, ни киргизам пожалованы не были, а только последние, по желанию их, были правительством допущены до жительства при реках Узенях, с тою, однако же, оговоркой, чтобы затем уже оставались на ней постоянно. Следовательно, земли сии составляют собственность правительства, и оно вправе по сим землям делать то распоряжение, какое признает выгоднейшим для общих польз государства...»³¹². Таким образом, государственная власть ясно дала понять обеим спорящим сторонам, что казаки присвоили земли упомянутого района незаконно, но и казахи юридических прав на них не имели, поскольку первоначально им только разрешили кочевать между Узеньями до того времени, пока правительство не примет своего окончательного решения. В первое десятилетие пребывания казахов в междуречье р. Волги и Урала, когда происходило формирование кочевого населения Внутренней орды, и оно находилось в постоянном движении, то прикочевывая, то откочевывая, у правительства не было твердой уверенности в том, что казахи закрепятся в волго-уральских степях на постоянное жительство,

³¹¹ История Букеевского ханства. 1801–1852 гг. Сборник документов и материалов / сост. Б. Т. Жанаев, В. А. Иночкин, С. Х. Сагнаева. Алматы: Дайк – Пресс, 2002. С. 270.

³¹² История Букеевского ханства. 1801–1852 гг. Сборник документов и материалов / сост. Б. Т. Жанаев, В. А. Иночкин, С. Х. Сагнаева. Алматы: Дайк – Пресс, 2002. С. 343.

поэтому оно не торопилось с принятием решения относительно юридического статуса земель, предоставленных казахам во временное пользование.

Комитет министров, проведя консультации с Сенатом, главами военного, финансового и иностранного ведомств, в 1833 г. постановил утвердить границу между Уральским казачьим войском и казахами Букеевской орды по левому берегу р. Большой Узень, от границ Саратовской губернии до Камыш-Самарских озер. Данная линия границы совпадала с административной границей двух губерний – Астраханской и Оренбургской.

Пять казачьих форпостов сохранялись и им выделялись земли по 4 версты от каждого из них в две стороны, и по 5 верст в глубину степи – всего 40 верст для всех поселений. Все другие казачьи населенные пункты подлежали переселению на правый берег р. Большой Узень. На правом берегу р. Большой Узень на карте значилась одна деревня «необозначенная, впрочем, когда и кем поселена»; местным властям предписывалось узнать, сколько в ней было дворов и, если она насчитывала более 10 дворов, занимавшихся хлебопашеством, то её следовало наделить 15-ти десятиной пропорцией земли на каждую ревизскую душу, если в ней было менее 10 дворов, то деревня подлежала сносу³¹³.

В первой половине XIX в. были удовлетворены просьбы казахов и передаче им пользование других участков земли Волго-Уральского междуречья. Казахи наделялись землями в основном из свободного государственного фонда Астраханской губернии и за счёт освободившихся земель в результате ликвидации казенных оброчных статей. 9 июня 1849 г. по распоряжению императора Николая I казахам передали в пользование 83 481 дес. из синеморской и богатокултукской участков прикаспийских владений помещиков Базилевского и Юсупова, на условиях выплаты владельцам из государственного казначейства ежегодного оброка в размере 30 000 руб.³¹⁴ В результате передачи казахам дополнительных территорий площадь их кочевий превысила 6 000 000 дес.

³¹³ История Букеевского ханства. 1801–1852 гг. Сборник документов и материалов / сост. Б. Т. Жанаев, В. А. Иночкин, С. Х. Сагнаева. Алматы: Дайк – Пресс, 2002. С. 344–345.

³¹⁴ Иванов И. С. Внутренняя Киргизская Орда // Букеевской Орде 200 лет / науч. ред. М. Кулькенов. Алматы: Олке, 2001. Кн. 2. С. 214.

В 1813 г. в Северный Прикаспий переселилась новая группа туркмен. Они проживали на восточном побережье Каспийского моря, на полуострове Мангышлак и подвергались стеснениям со стороны казахов и хивинцев, стремившихся распространить на них свою власть. В 1811 г. к астраханскому губернатору прибыло несколько представителей от мангышлакских туркмен, которые обратились к нему с просьбой переселиться в г. Астрахань. Их ходатайство отклонили, но туркмены на этом не успокоились. В 1813 г. они наняли у торговавшего с туркменами на восточном побережья Каспия купца Герасимова два судна и на них приплыли в г. Астрахань. Всего их прибыло около 600 душ обоого пола. В 1815 г. туркменский старшина И. Д. Муратов поставил астраханскую губернскую администрацию в известность о том, что из Мангышлака переселились 220 семей и все они желают принять подданство России и остаться жить в Астраханской губернии³¹⁵. К 1849 г. количество туркмен возросло до 525 семей, т. е. более чем вдвое, а число душ обоого пола до 1699³¹⁶. Поскольку туркмены переселились самовольно, то власти отказали им в наделении землёй. Переселенцам ничего не оставалось другого, кроме как, за плату договариваться о выпасе своего скота с местными обществами и владельцами.

В первые годы XIX в. астраханским властям пришлось заниматься вопросом устройства беглых и прибывших на поселение, но не поселившихся по разным причинам государственных крестьян. Ситуация настолько ухудшилась, что Правительствующий Сенат командировал в г. Астрахань своих членов – С. А. Неплюева и П. И. Фонвизина – для расследования причин переселенческих неурядиц.

В результате сенаторской проверки в 1800–1801 гг. астраханский губернатор И. С. Захаров был отстранен от должности и отдан под суд. Впоследствии суд его оправдал, но к прежней должности Захарова не вернули.

Власти были заинтересованы в легализации и обустройстве наводнивших губернию самовольных переселенцев, поскольку это отвечало целям

³¹⁵ *Небольсин П.* Очерки Волжского Низовья. СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1852. С. 140.

³¹⁶ *Небольсин П.* Очерки Волжского Низовья. СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1852. С. 141.

государственной политики заселения и освоения края и давало новых налогоплательщиков.

В отношении этих переселенцев было издано несколько государственных актов, узаконившие их пребывание в Астраханской губернии. Указ от 19 июля 1797 г. разрешил оставить на новом месте беглых помещичьих крестьян, приписав их к государственным крестьянам³¹⁷. Чтобы компенсировать потерю бежавших крестьян, помещикам сенатским указом от 15 августа 1801 г. зачисли беглецов как рекрутов.

5 апреля 1803 г. император Александр I утвердил доклад Правительствующего Сената «О причислении всех донныне оказавшихся зашедшими в Астраханскую губернию помещичьих и казенного ведомства крестьян, а равно и переведенных ими из прежних их селений туда с женами и детьми их в казенные поселяне Астраханской губернии». Самовольных поселенцев из крепостных и государственных крестьян предписано было оставить на новом месте, причём данное решение распространялось только на переселенцев, прибывших до 5 апреля 1803 г. Поселившихся позже крестьян это решение не касалось, и они подлежали возвращению на прежнее место жительства.

В докладе Правительствующего Сената нашла отражение проблема разделенных семей: многие самовольные переселенцы поселились без семей и хотели их забрать с прежнего места жительства. В отношении этих людей была проявлена жестокость: «...а тех детей, кои беглецам в Астраханскую губернию еще не переведены на места нового их поселения, оставить в прежних у помещиков их и казенных селений жилищах, предоставляя им беглым взять к себе одних жен своих и перевести на своем коште, а затем прием в Астраханскую губернию и другие места беглых вовсе запретить...»³¹⁸.

Одновременно с проблемой беглых астраханская администрация занимались устройством государственных крестьян-переселенцев, не поселившихся на

³¹⁷ Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1830. Т. 26. С. 748.

³¹⁸ Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1830. Т. 27. С. 532, 748.

отведенных им землях и осевших на жительство в г. Астрахани. В 1800 г. в ней имелось 9–10 крестьянских обществ, в каждом из которых насчитывалось не менее 600 душ³¹⁹. В отношении этих крестьян 10 июня 1803 г. последовал специальный указ «О порядке водворения казенных крестьян в Астраханском уезде, в городе Астрахани и в окрестностях, его проживающих». В нём власти признав, «что земли прежде для поселения им отведенные, не представляют нужных удобностей к хлебопашеству, что многие из сих крестьян, проживая в Астрахани, обращаются в разных нужных мастерствах, в рыбных промыслах, в водоходстве и тому подобных работах, и что по привычке к сему роду жизни не могут быть они добрыми земледельцами...» разрешили государственным крестьянам остаться на постоянное жительство в г. Астрахани, но при условии поселения их отдельной слободой в городе и несения ими повинностей государственных крестьян³²⁰. Если кто из крестьян на эти условия не согласится, то их предписывалось водворить на ранее отведенные им земли.

Процесс размежевания земель кочевников с оседлым населением и установление границ землепользования, по-видимому, стал основной причиной замедления темпов организованных переселений. Так, в 1806 г. было переселено 254 чел. муж. пола, в 1809 г. – 131, в 1810 г. – 335, в 1812 г. – 228. Со второй четверти XIX в. численность переселяющихся государственных крестьян в Астраханскую губернию вновь стала увеличиваться. С 1825 по 1838 г. в неё прибыли 6388 чел. мужского пола³²¹.

В 1800–1830-е гг. в Астраханской губернии миграции государственных крестьян направлялись преимущественно на свободные казенные земли, расположенные вдоль правого и левого берегов р. Волги. В первое десятилетие XIX в. было основаны: г. Царев, слобода Рахинка, селения Харабалинское, Золотухинское, Карантинное и Пришибинское (в Енотаевском уезде), в 1810 г. – с.

³¹⁹ Саратовский исторический сборник, издаваемый Саратовской ученой архивной комиссией в память трехсотлетия г. Саратова. Саратов: типография губернского земства, 1891. Т. 1. С. 221.

³²⁰ Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1830. Т. 27. С. 687.

³²¹ Карагодин А. И. Крестьянское освоение Астраханского края в первой половине XIX века // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Сборник IX. М.: Наука, 1980. С. 133.

Новоникольское, Пироговка, Левкин хутор, в 1812 г. – с. Пологое Займище, в 1814 г. – с. Батаевка, в первой половине 1820-х гг. – села Болхунское и Сокрутовка, в 1827 г. – с. Дубовый Овраг (на Царицынско-Ставропольском тракте) в 1828 г. – с. Тамбовка, в 1836 г. – с. Бахтияровка.

Основная масса переселенцев происходили из государственных крестьян Воронежской, Тамбовской, Курской и Харьковской губерний.

Среди переселенцев было много однодворцев, войсковых обывателей и их потомков. Эти группы были наиболее адаптированы к заселению новых мест, так как в большинстве своем происходили из служилого населения бывших приграничных территорий – Слобожанщины и Новороссии, которое привыкло жить в состоянии постоянной военной опасности и в условия степной и лесостепной зоны. Государство охотно их использовало в своей переселенческой политике. В XVII–XVIII вв. служилые люди шли в авангарде переселяющихся на новые земли, одновременно участвуя в их освоении и защите. Постепенно они освоили территорию бывшего Дикого поля, с конца XVIII в. их значительно увеличившиеся за счёт высокого демографического прироста людские ресурсы государство стало привлекать к решению задачи заселения волжских берегов к югу от г. Царицына. На 1 января 1845 г. из 55918 крестьян, подведомственных Астраханской палате государственных имуществ, государственных крестьян было 18121 чел., однодворцев – 11737 чел., вольных хлебопашцев – 1467 чел.³²² Среди юридически свободных крестьян однодворцы составляли 20,9 % – это достаточно высокие показатели.

Одновременно с созданием новых селений администрация вынуждена была доселять старые населенные пункты, где оставались ещё свободные земли, или где произошло сокращение численности населения. В с. Цаца число ревизских душ между переписями 1795 и 1811 гг. уменьшилось с 263 до 232. Причины выбытия населения были разные, но более всего по причине смертей (85 рев. душ), побегов (17 рев. душ) и отдачи в рекруты (17 рев. душ)³²³. За указанный период времени

³²² Штукенберг А. И. Статистические труды Ивана Федоровича Штукенберга. СПб.: Тип. им. И. И. Глазунова и комп., 1857. Т. 1. С. 12.

³²³ ГА АО. Ф. 687. Оп. 2. Д. 522. Л. 19–29об.

сократилось также население с. Светлый Яр – с 271 до 262 рев. душ, с. Райгородка – с 161 до 153 рев. душ³²⁴. Чтобы переломить негативную тенденцию убыли населения в упомянутых селах, властям пришлось приглашать новых переселенцев.

Свободные места в некоторых населенных пунктах образовывались и по причине оттока из некоторых поселений сектантов в другие регионы. Сектантство в Астраханскую губернию отчасти было занесено первопоселенцами, отчасти оно возникло благодаря пропаганде лидеров сектантов среди местных православных. Сектантским учением заразилась значительная часть населения Царевского, Черноярского, Енотаевского и Астраханского уездов, старообрядцы имели сильные позиции в г. Астрахани, в Красноярском и Астраханском уездах и среди уральского казачества.

Село Батаевку на р. Ахтубе в Царевском уезде в 1813 г. с разрешения правительства основали молокане сел. Копен и Липовка Камышинского уезда Саратовской губернии. Всего тогда поселилось 800 душ молокан. В 1828–1830 гг. здесь же поселились 15 православных крестьянских семей.

В 1833 г. среди батаевских молокан возникло брожение на почве желания уйти на «землю обетованную» на Кавказе, обострились конфликты с православными. Активистов движения власти выслали на Кавказ, но за ними последовали добровольно около 1000 чел. батаевских молокан. Молокане-переселенцы обосновались в Тифлисе, Баку, Шемахе и Эриване, а их опустевшие дома заняли в 1845–1846 гг. 90 семей из Пензенской, Тамбовской и Рязанской губерний³²⁵.

В 1842 г. в село Лытагочи около г. Шемахи и с. Пришиб недалеко от г. Ленкорани переселились 398 рев. душ из с. Пришиб, Царевского уезда [, а их убыль восполнили другие переселенцы³²⁶.

³²⁴ ГА АО. Ф. 687. Оп. 2. Д. 530. Л. 1–8, 9–29.

³²⁵ Соколов И. Село Батаевка // Астраханские епархиальные ведомости. 1908. № 17. С. 647.

³²⁶ Бобров П. Приходская летопись села Пришиба, Царевского уезда, составленная в 1874 году // Труды Астраханского губернского статистического комитета. Астрахань: Губернская типография, 1875. Вып. 4. С. 11.

Одновременно с возрастанием потока организованных переселенцев увеличилось количество самовольных переселенцев из государственных крестьян, которые оседали как в старых населенных пунктах, так и основывали новые. По данным Карагодина, выявленных в РГИА и ГА АО, в первой половине 1830-х гг. только в Черноярский и Енотаевский уезды самовольно прибыли 1000 душ мужского пола государственных крестьян. В 1837 г. в Астраханской губернии числилось 1297 душ муж. пола самовольных и 506 душ муж. пола легальных переселенцев³²⁷.

Среди самовольных переселенцев также имелось много беглых крепостных крестьян, отставных солдат и бродяг, немало встречалось среди них разночинцев, купцов, мещан. Ряды самовольных переселенцев также пополняли приходившие на заработки в Астраханскую губернию отходники (от 10 до 25 тысяч чел. в год). Не все из них возвращались домой, кто-то оставался на постоянное жительство в Астраханской губернии.

27 июля 1835 г. Астраханская казенная палата предписала волостным правлениям, чтобы они приказали сельским старостам составить и прислать списки не причисленных к обществам людей и бродяг и сообщить о них в Земские суды. Астраханские власти были озабочены тем, что многие самовольные переселенцы приходили в губернию под предлогом заработков и затем оседали на постоянное жительство в селениях, занимая в них места, предназначенные для законных переселенцев. Тем самым они создавали большие трудности в размещении уже вызванных на поселение переселенцев, которым из-за ограниченного количества свободных и удобных к заселению земель было сложно найти места к поселению. За не доставление сведений волостным и сельским властям пригрозили наказаниями³²⁸.

Основная масса самовольных поселенцев направлялась в дельту р. Волги и в прибрежную полосу Каспийского моря, где была возможность заработать деньги на рыбных промыслах и одновременно укрыться от властей. Здесь они нанимались

³²⁷ Карагодин А. И. Крестьянское освоение Астраханского края в первой половине XIX века // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Сборник IX. М.: Наука, 1980. С. 134.

³²⁸ ГА АО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 154.

на работу и устраивали на казённых и помещичьих землях ватаги и рыбацкие поселки. В 1872 г. насчитывалось 42 таких поселка, возникших в основном в первой половине XIX в. По приблизительным данным, в первой половине XIX в. в самовольных поселках Каспия проживало более 10 000 чел., занимавшихся в основном рыболовецким промыслом.

Ряд поселений возникли в частных владениях. Владельцы прибрежных участков и арендаторы вод приглашали для работ на своих промыслах людей разного звания и поведения, не осведомляясь о наличии у них удостоверяющих их личности документов, и не интересуясь, чем они занимались в прошлом. Среди этих лиц встречались преступники, которые, пользуясь удаленностью мест и слабым полицейским надзором, совершали грабежи и разбои. В 1833 г. казахи Внутренней орды, зимовавшие в дачах помещиков Юсуповых и Безбородко в Красноярском уезде, жаловались астраханскому военному губернатору о том, что «нередко подъезжают с моря из камышей в лодках беглецы, делают разные хищничества, грабежи и увозят скот; кордонная стража и земская полиция в таком случае не только делают помощи или преследования оных, но и внимания на то не обращают никакого»³²⁹.

В январе 1834 г. в Красноярский уезд был отправлен военный отряд под командованием полковника Блажиевского с целью «произвести по разным местам того уезда и частным заведениям поиск, освидетельствование пачпортов у всех рабочих, находящихся на ватагах и других промыслах, задержать зловердных людей, над пристаносодержателями произвести исследование»³³⁰. Преступников на месте застать не удалось, но было установлено, что грабежами и насилиями занимаются пять беглых солдат и двое жителей п. Чаган. По словам Блажиевского, ему не удалось задержать преступников потому, что «жители Красноярского уезда и киргизы сами способствуют укрываться беглым людям»³³¹.

³²⁹ История Букеевского ханства. 1801–1852 гг. Сборник документов и материалов / сост. Б. Т. Жанаев, В. А. Иночкин, С. Х. Сагнаева. Алматы: Дайк – Пресс, 2002. С. 355.

³³⁰ История Букеевского ханства. 1801–1852 гг. Сборник документов и материалов / сост. Б. Т. Жанаев, В. А. Иночкин, С. Х. Сагнаева. Алматы: Дайк – Пресс, 2002. С. 355.

³³¹ История Букеевского ханства. 1801–1852 гг. Сборник документов и материалов / сост. Б. Т. Жанаев, В. А. Иночкин, С. Х. Сагнаева. Алматы: Дайк – Пресс, 2002. С. 356.

Во время военной экспедиции были проверены проживавшие на землях Юсуповых и Безбородко работники рыболовецких ватаг. Проверка выявила, что на ватагах «не только нет пачпортов рабочим людям, но даже и именных им списков для узнания беспачпортных», и, что «в некоторых местах уезда на буграх построены дома, так, что на одном из них два, на другом пять, на третьем семь и так далее». Состав поселенцев был достаточно пёстрым – это купцы, мещане, казаки, государственные крестьяне; по свидетельству Блажиевского, все они имели «постоянную там оседлость, занимаясь скотоводством и рыболовлю», но не имели «письменных видов», поэтому нельзя было поручиться, «чтобы между ими не скрывались беглые»³³².

Разбросанность поселений сильно затрудняли управление и надзор за ними, поэтому полковник предлагал усилить над ними контроль и чаще устраивать проверки.

Что касается собственных крепостных крестьян у Безбородко и Юсуповых, то их в Красноярском уезде было немного. По данным VII-й ревизии в деревнях князей Безбородко: Марфино, Александрия, Криветубинская, и Ильинская числилось 157 ревизских ревизских душ, у князей Юсуповых – 123 ревизские души³³³.

В соседних с Красноярским уездом и Внутренней Киргизской ордой землях уральских казаков процесс заселения имел свои особенности, проистекавших в основном от характера пользования землями и их правового статуса. Земли уральских казаков вдоль правого берега р. Урал от г. Уральска и до Каспийского моря, в направлении с севера на юг, и от р. Урал до границ Астраханской губернии, находились в общинном пользовании Уральского казачьего войска, причем они даже не были распределены по населенным пунктам. Государство не организовывало сюда переселений и освоение данных территорий шло исключительно силами казаков. Переселения шли вдоль р. Урал, с севера на юг.

³³² История Букеевского ханства. 1801–1852 гг. Сборник документов и материалов / сост. Б. Т. Жанаев, В. А. Иночкин, С. Х. Сагнаева. Алматы: Дайк – Пресс, 2002. С. 356.

³³³ История Букеевского ханства. 1801–1852 гг. Сборник документов и материалов / сост. Б. Т. Жанаев, В. А. Иночкин, С. Х. Сагнаева. Алматы: Дайк – Пресс, 2002. С. 309–310.

Уральские казаки селились в основном на форпостах и в крепостях Нижнеяицкой линии, а также в степях между р. Урал и административной границей Астраханской губернии. Созданные с военной целью и с переменным составом населения крепости-городки и форпосты постепенно превращались с населенные пункты с постоянным населением.

В этом отношении показательна судьба г. Гурьева. В первое время после его передачи в Уральское казачье войско постоянных жителей из числа уральских казаков там не было, однако в первой половине XIX в. ситуация изменилась. В середине 1860-х гг. в г. Гурьеве проживало 2480 уральских казаков, 250 иногородних русских и 150 чел. татар³³⁴. Казаки занимались рыболовством, а иногородние жители в основном торговали.

В 1868 г. в результате разукрупнения Оренбургской губернии была образована Уральская область, куда вошли территория Уральского казачьего войска и часть земель оренбургских казахов. В состав новой губернии вошли уезды: Уральский, Калмыковский, Гурьевский и Темирский.

В декабре 1837 г. в России было учреждено Министерство государственных имуществ, призванное улучшить систему управления государственными имуществами и государственными крестьянами, инородцами и некоторыми другими категориями населения. Новое министерство возглавил приближенный к императору Николаю Первому граф П. Д. Киселёв. Будучи талантливым администратором и выдающимся государственным деятелем, он убедил императора в необходимости создать новую государственную структуру.

Руководство нового министерства выдвинуло в качестве одной из своих приоритетных задач повысить уровень благосостояния государственных крестьян, которому в центральных губерниях России препятствовало малоземелье и ряд других факторов. Руководство Министерства государственных имуществ особое внимание обратило на организацию крестьянских переселений в многоземельные регионы, посредством которых оно намеревалось ослабить малоземелье и придать

³³⁴ Фосс В. Е. Очерки Гурьева городка // Сборник статистических, исторических и археологических сведений по бывшей Оренбургской и нынешней Уфимской губерниям, собранных и разработанных в течении 1867 и 1868 гг. Уфа: Уфимский губернский статистический комитет, 1868. С. 90.

новый импульс освоению окраинных территорий. Данное министерство на протяжении нескольких десятилетий XIX в. формировало и реализовывало государственную переселенческую политику государства.

В 1836 г. при Собственной его императорского величества канцелярии было учреждено Пятое отделение, которое должно было подготовить предложения по проведению реформы в государственной деревне. Оно, в свою очередь, сформировало на местах специальные приуготовительные комиссии, поручив им собрать сведения по управлению государственными имуществами в губерниях, положению крестьян, и по другим вопросам. Собранные сведения и предложения планировалось обсудить в МГИ и затем выработать план действий по проведению реформы. Комиссиям в губерниях, относившихся к разряду многоземельных, в том числе Астраханской, также вменялось в обязанность изучить колонизационные возможности в целях направления в них на поселение государственных крестьян.

По площади Астраханская губерния занимала четвертую позицию среди многоземельных губерний Европейской России, но по имеющимся запасам незанятой казённой земли она стояла на последнем месте. Губерния обладала огромным земельным фондом, но возможности использования его в переселенческих целях были сильно ограничены, как по причинам природного характера, так и юридического, поскольку подавляющее большинство земель было закреплено за кочевниками. В 1837 г. из 17 млн десятин земель Астраханской губернии, более половина находились в пользовании калмыков и более 1/3 – казахов. По приблизительным данным Астраханской губернской комиссии для приуготовительных распоряжений по приёму государственных имуществ, во владении государственных крестьян, в аренде, под лесами состояло более 1,1 млн десятин или 6,8 % от общей площади Астраханской губернии³³⁵.

Члены Комиссии подсчитали, что после выполнения указа Правительствующего Сената от 31 марта 1830 г. о наделении государственных крестьян 15-ти десятиной пропорцией (на 1 муж. душу) земли, и решения временного Совета для управления государственными имуществами в 1827 г. о

³³⁵ ГА АО. Ф. 794. Оп. 1. Д. 9. Л. 20.

прирезке сверх 15 дес. части земель пригодных к скотоводству, для новых переселенцев останется земли только на 5276 душ. Но даже это «предположение по сему исчислению теперь нельзя принять основанием к заключению о числе душ, коих здесь ещё приселить можно, – отмечали члены Комиссии – так как в Астраханской губернии мыслимых удобных земель, особенно пашенных, на значительном пространстве очень мало; они находятся в одном Черноярском уезде, – и то небольшими участками десятин от трёх, и не более десяти в одном месте, между песчаными, глинистыми степями; или же солончаками. В прочих трёх уездах удобные места состоят токмо в займищах и мочагах, образуемых низменными поймами, и по заливам Волги, весеннею водою покрываемых. Здесь удобные земли состоят главнейше в покосах и дровяном лесе, разбросанных в разных местах небольшими участками, и прерываемых реками, озёрами, ериками, обширными ильменями, болотами, камышами, солонцеватыми наносами и обнажёнными буграми глинисто-солонцеватыми»³³⁶. Всё это, по заключению Астраханской губернской комиссии для приуготовительных распоряжений по приёму государственных имуществ, делало «необходимым наделение в ней (Астраханской губернии) крестьян землёю в превосходнейшем числе противу прочих губерний»³³⁷. Оптимальным размером земельного обеспечения она считала 25 дес. на душу. Реализация данного предложения сделало бы возможным наделить землёй от 3000 до 4000 душ новых переселенцев, т. е. менее намеченной цифры в 5276 душ.

Таким образом, Комиссия, изучив обстоятельно вопрос, пришла к выводу о невозможности широкого переселения государственных крестьян в Астраханскую губернию. В донесении Комиссии 11 августа 1838 г. в V-ое отделение Собственной его императорского величества канцелярии резюмировалось: «Из вышеписанного усматривается, что, если Астраханская губерния входит в число многоземельных, то это разве токмо по введению в исчисление пространств, наделённых кочевым народам калмыкам и киргиз-кайсакам»³³⁸.

³³⁶ ГА АО. Ф. 794. Оп. 1. Д. 9. Л. 23.

³³⁷ ГА АО. Ф. 794. Оп. 1. Д. 9. Л. 24.

³³⁸ ГА АО. Ф. 794. Оп. 1. Д. 9. Л. 25.

Комиссия высказала свои соображения относительно порядка организации переселений. По её мнению, речь могла идти только о «приселении» государственных крестьян к существующим селениям, но не о заведении новых, поскольку все удобные места были уже заняты. Впрочем, предлагалось подождать пока пройдёт намечаемое генеральное межевание земель в губернии. Только после его завершения можно будет определить: «где водворять новых переселенцев – приселением к старым деревням, и где основанием новых»³³⁹.

Предложения Комиссии были рассмотрены Первым департаментом МГИ, V отделением Собственной его императорского величества канцелярией, Астраханским военным губернатором, которые в целом их одобрили, однако реализацию их решили отложить до завершения генерального межевания земель в Астраханской губернии. Астраханской палате государственных имуществ было указано не «приступать ни к каким решительным распоряжениям о новом заселении, ни же определять число переселенцев и меры наделения землёю»³⁴⁰. Первый департамент МГИ напомнил АПГИ о необходимости придерживаться предписания № 1672 за 1837 г. Временного совета для управления Департаментом государственных имуществ Астраханской казенной палате не допускать переселенцев на новые места, ограничившись их водворением в старые многоземельные селения.

Астраханские власти выполнили это распоряжение: за 1838–1846 гг. в губернию было причислено всего 3437 ревизских душ (муж.) государственных крестьян, что в целом соответствовало минимальной цифре, предложенной в 1838 г. Астраханской губернской комиссией для приуготовительных распоряжений по приёму государственных имуществ. В рассматриваемые годы организованные переселения были сведены к минимуму, о чём свидетельствует тот факт, что из 3437 переселенцев, только 903 чел. получили разрешение властей на переселение, а 2534 чел. поселились самовольно³⁴¹.

³³⁹ ГА АО. Ф. 794. Оп. 1. Д. 9. Л. 26.

³⁴⁰ ГА АО. Ф. 794. Оп. 1. Д. 9. Л. 31

³⁴¹ РГИА. Ф. 383. Оп. 10. Д. 9229. Л. 245.

Несмотря на предпринимаемые администрацией попытки сдержать переселения, в 1830–1840-е гг. Астраханская губерния относилась к числу активно заселяемых районов, что отметил в своем исследовании Кабузан. При этом удельный вес русского населения в этнической структуре населения, при абсолютном его росте, снизился и составлял не более 30 %. Это произошло вследствие массового переселения в волго-уральские степи казахов, которые повысили удельный вес кочевников³⁴².

Таблица 1. Численность государственных крестьян мужского пола, перечисленных на жительство в Астраханскую губернию с 1838 по 1846 гг.

Год	Численность причисленных по годам (чел.)		Всего
	Легальных переселенцев	Самовольных переселенцев	
1838	540	1065	1605
1839	261	489	750
1840	2	217	219
1841	2	266	268
1842	6	37	43
1843	–	3	3
1844	78	35	113
1845	–	134	134
1846	14	288	302
1838–1846	903	2534	3437

* Ист.: РГИА. Ф. 383. Оп. 10. Д. 9229. Л. 244–245.

Среди причисленных в 1838–1846 гг. переселенцев были выходцы из 13 губерний центра России, Поволжья и Украины. Более всего переселенцев дали

³⁴² Кабузан В. М. Народы России в первой половине XIX века: Численность и этнический состав. М.: Наука, 1992. С. 132.

губернии: Воронежская (63,3 % от общего числа), Тамбовская (19,2 %) и Харьковская (11,5 %), в совокупности их доля составила 94,2 %³⁴³. После них следовали: Саратовская губерния – 1,8 %, Курская – 1 %, менее 1 % в общем потоке переселенцев составляли: Московская, Тульская, Рязанская, Пензенская, Нижегородская, Владимирская, Смоленская и Черниговская губернии.

Таблица 2. Численность государственных крестьян мужского пола по местам выхода, перечисленных на жительство в Астраханскую губернию с 1838 по 1846 гг.

Название губернии	Численность причисленных		Всего
	Легальных переселенцев	Самовольных переселенцев	
Воронежская	318	1860	2178
Тамбовская	207	456	663
Харьковская	376	28	404
Саратовская	–	65	65
Курская	2	35	37
Московская		28	28
Тульская		17	17
Рязанская		17	17
Пензенская		12	12
Нижегородская		5	5
Владимирская		5	5
Смоленская		3	3
Черниговская		3	3
Все губернии	903	2534	3437

*Ист.: РГИА. Ф. 383. Оп. 10. Д. 9229. Л. 244–245.

³⁴³ РГИА. Ф. 383. Оп. 10. Д. 9229. Л. 244–245.

Власти испытывали большие трудности в размещении прибывших в Астраханскую в конце 1830–1840-х гг. легальных и самовольных переселенцев, так как в губернии фактически уже не оставалось свободных для поселения земель. Чтобы устроить новоприбывших власти вынуждены были селить их на оброчных и помещичьих землях. Так, под образованную переселенцами из Воронежской и Тамбовской губерний в 1846 г. в Енотаевском уезде деревню Владимировку, администрация отвела казенную оброчную статью и часть земель помещика Везелева. Поселение было рассчитано на 519 ревизских душ, с 1846 по 1848 гг. в него причислили 132 души муж. пола, а к 1859 г. оно возросло до 628 ревиз. душ³⁴⁴. В результате прибытия новых переселенцев норма душевого земельного обеспечения резко понизилась и достигла 2 дес. земли на одну ревизскую душу³⁴⁵. Чтобы выправить ситуацию администрации пришлось расселить часть владимировцев по другим населенным пунктам.

На оброчных статьях, находившихся вблизи Астраханско-Кизлярского тракта, администрация учредила также селения Михайловку и Павловку. Первое основали в 1845 г. государственные крестьяне из села Никольского, Пришибинского, Пироговского, Золотухинского Енотаевского уезда, Болхунского и Солодниковского Черноярского уезда и с. Бахтемировского Астраханского уезда Астраханской губернии в количестве 106 чел.³⁴⁶ Несколько переселившихся семей из с. Пришибинского являлись адептами секты субботников и в отношении их происходило судебное расследование за отпадение из православия³⁴⁷. Видимо, посредством переселения эти люди хотели уйти от судебного преследования.

Село Павловку основали переселенцы из Воронежской, Пензенской и Нижегородской губерний³⁴⁸. Поселение вскоре оказалось в тяжелом положении, так как вблизи неё в 1849 г. образовали станицу Яндыки и на арендных торгах оброчной статьи стали участвовать яндыковские крестьяне, которые в силу того,

³⁴⁴ ГА АО. Ф. 794. Оп. 1. Д. 183. Л. 585.

³⁴⁵ ГА АО. Ф. 794. Оп. 1. Д. 183. Л. 588об.

³⁴⁶ Русанов М. Михайловские субботники // Астраханские епархиальные ведомости. 1903. № 13. С. 653.

³⁴⁷ Русанов М. Михайловские субботники // Астраханские епархиальные ведомости. 1903. № 13. С. 654.

³⁴⁸ ГА АО. Ф. 794. Оп. 1. Д. 778. Л. 60б.

что были многочисленнее и более обеспеченнее в материальном отношении, эти торги выигрывали³⁴⁹ В 1865 г. павловцы вынуждены были выселиться в другие места и село прекратило существование.

В первые годы XIX в. правительство, недовольное медленными темпами помещичьего заселения, решило пересмотреть права помещиков на купленные и пожалованные им государством земли. В 1802–1803 гг. оно возвратило в казну частновладельческие рыбные ловли и прилегающие к ним земли, за исключением земель, пожалованных князю А. А. Безбородко, а в 1806 г. приостановило раздачу земель помещикам, а вскоре и вовсе её прекратила.

Власти напомнили помещикам, что в Астраханской губернии земли предоставлялись им в собственность на условиях заселения их крестьянами и развития земледелия и скотоводства, но не для рыболовства. Однако большинство помещиков не выполнили своих обязательств и устроили на побережье Каспийского моря рыболовные промыслы, более того, они присвоили себе также и морские воды, хотя не имели на это права, поскольку по закону им могли принадлежать только воды рек и озер, «а воды морские, даже при местах, действительно заселенных, никогда и нигде частному владению не подлежали, а должны были оставаться в общем и свободном для всех употреблении...». Правительствующий Сенат указом от 27 августа 1802 г. восстановил право свободного лова рыбы в Каспийском море для всех желающих и постановил собрать сведения о законности владения помещиками полученными в собственность земельными участками на морском побережье. В указе говорилось: «На будущее время постановить общим правилом, чтоб рыбные сии промыслы, так, как и часть земель, для заведений их и пристанищ нужная, никому ни в оброк, ни в собственность отдаваемы не были, но оставались бы в общем владении»³⁵⁰.

Изучив материалы, присланные администрацией Астраханской губернии о помещичьих владениях на Северо-Западном побережье Каспия, Правительствующий Сенат признал, что продажа и раздача земель были

³⁴⁹ НА РК. Ф. И-7. Оп. 6. Д. 9. Л. 33об.

³⁵⁰ Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1830. Т. 27. С. 233.

осуществлены с большими нарушениями правительственных рескриптов. В результате этого в руках помещиков оказалось сосредоточено большое количество прибрежных земель и морские воды, сделавших их по существу монополистами в рыболовстве на Каспии³⁵¹. По мнению сенаторов, незаконно приобретенные помещиками земли следовало отобрать и вернуть в казну, но в то же время они посчитали несправедливым и нецелесообразным применить эту меру в отношении заселенных помещиками земель и построенных рыболовных ватаг. Образованные на побережье Каспийского моря поселения с земледельческой и скотоводческой направленностью, а также рыболовецкие ватаги, было предложено сохранить, при этом крестьянские поселения оставить с прежним земельным обеспечением, а рыболовецким ватагам выделить по 1 кв. версте. Все остальные земли помещиков должны были быть изъяты из их собственности и поступить в казну. Император Александр I согласился с мнением сенаторов, и оно легло в основу, подписанного им 11 сентября 1803 г., указа «Об устройстве рыбных промыслов на Каспийском море»³⁵².

Спустя месяц (11 октября 1803 г.) вышел императорский указ «О правилах взыскания податей с казенных порозжих земель, розданных для заселения владельцам в Саратовской, Астраханской и Кавказской губерний», который установил для помещиков, получивших бесплатно в собственность от государства земли на условии их заселения, специальный ежегодный 5-ти копеечный сбор в казну с каждой десятины незаселенной земли. Деньги должны были выплачиваться до выполнения помещиками условий, т. е. до заселения земель³⁵³.

После выхода упомянутых указов наступление центральных властей на помещиков с целью побудить их более активно участвовать в заселении приобретенных у государства земель продолжилось. 31 марта 1818 г. Правительственный Сенат издал указ «О сроке, полагаемом помещикам для

³⁵¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1830. Т. 27. С. 883.

³⁵² Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1830. Т. 27. С. 882–890.

³⁵³ Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1830. Т. 27. С.926.

заселения купленных ими из казны земель», установивший 6-летний срок для заселения купленных помещиками земель. Причина выхода указа объяснялась так : «Правительствующий Сенат, принимая во внимание уважение, что Всемилостивейшее попечение о заселении диких и необитаемых мест в Астраханской губернии на пользу государственную и общественную было поводом продажи и раздачи земель единственно для водворения крестьян; с сею только целью продажа производилась, и, что, если оставить без принуждения покупателей заселять земли в каковой-либо срок, с назначением токмо для понуждения к тому столь малой пятикопеечной податью, то они, отдавая и без населения в оброк, могут получать ныне значащие выгоды, не заботясь о заселении, на что срока не определено, отдавать заселение земель до бесконечности, а может быть, и никогда не заселять, и, следовательно, истинная цель правительства осталась бы навсегда без приведения в надлежащее действие, и кондиция продажи казной земли совершенно не исполнилась бы...»³⁵⁴.

Провозглашенные в указе от 27 августа 1802 г. новые принципы и правила морского рыболовства не были сразу претворены в жизнь, понадобилось более полувека для того, чтобы дело сдвинулось с места. Межевые работы не проводились вплоть до выхода Устава Каспийских рыбных и тюленьих промыслов в 1865 г., поэтому помещики все это время (с 1802 по 1865 г.) продолжали пользоваться землями морского и речного побережья, более того, правительство предоставило им единоличное право осуществлять лов рыбы в морских водах лежащих напротив их земельных владений. Только с вступлением в силу 25 мая 1865 г. положений «Устава Каспийских рыбных и тюленьих промыслов» положение начало меняться. Из числа выкупленных и изъятых у частных лиц земель была образована на морском побережье одноверстная береговая полоса, которую предоставили в пользование рыбакам, помещикам оставили во владении земли, находившиеся под рыбными промыслами, из расчёта по 1 кв. версте на один

³⁵⁴ Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1830. Т. 35. С. 188.

промысел. В собственности помещиков также остались воды р. Волги и прилегающие к ним земли – от г. Камышина до г. Астрахани.

Анализ государственных законодательных актов первой половины XIX в. показывает, что правительство в данный период, неудовлетворенное результатами предшествующей переселенческой деятельности помещиков, перестало питать надежды привлечь их к решению важнейшей государственной задачи заселения Северного Прикаспия. Однако, несмотря на явное снижение интереса российского руководства к переселениям помещичьих крестьян, они не прекращались вплоть до отмены крепостного права в 1861 г. В первой половине XIX в. помещиками был основан ряд населенных пунктов во всех 4-х уездах Астраханской губернии.

В 1804 г. на купленных землях в Енотаевском уезде помещик, полковник И. Кишенский построил д. Федоровку, куда переселил часть своих крепостных крестьян из Пензенской губернии, а в 1833 г. – с. Ивановку, которую заселил крестьянами из Тамбовской губернии, и с. Бессоновки Пензенской губернии. В том же уезде помещик Баранов основал д. Барановку, Ровинский – сельцо Никитское (Равинка), Везелев – д. Везелеву.

В первые годы XIX в. возникла д. Анаповка, которая принадлежала астраханскому полицмейстеру Пфунту. Поселенные в ней 10 семей крепостных крестьян, в отличие от большинства помещичьих крестьян Астраханской губернии, занимались шелководством, виноградарством и выращиванием горчицы.

В очень тяжелых природных условиях протекало заселение северного побережья Каспийского моря. Крупнейшими землевладельцами здесь являлись князья Юсуповы, купившие в 1772 г. Красноярском уезде более 114 000 дес. казенной земли и прикупившие в 1792 г. ещё более 16 000 дес. земель, принадлежавших ранее тайному советнику Г. Протасову, а затем помещику Кепанову. На купленных землях Юсуповы поселили своих крепостных крестьян из Рязанской губернии, положивших начало поселкам Никольской волости. Первые жители волости обосновались на бугре Старый Джамбай, со временем крестьяне заселили 17 близлежащих бугров, из жителей которых были учреждены

Никольское сельское общество и волость. В середине 1890-х гг. в волости числилось 186 дворов и 1378 душ обоего пола.

Никольская волость была удалена от г. Астрахани на расстоянии в 150 в. и от своего уездного центра – на 120 в., однако самой её большой проблемой являлись неблагоприятные для проживания человека природные условия. Окружающие поселения волости ильмени содержали горько-соленую воду, которая была непригодна к употреблению человеком и скотом, а других источников питьевой воды просто не было. К тому же, летом, во время выгонных ветров, вся местность наполнялась удушливыми испарениями сероводорода, образующегося при гниении органических веществ, поэтому жителям приходилось наглухо закрывать окна домов.

Зимой жители волости собирали лед и хранили его в специально вырытых для этого ледниках, воду расходовали очень бережно, используя её только для питья, а пищу готовили на морской воде. Когда в июле лёд в ледниках заканчивался, никольцы ездили за водой в п. Голубев, расположенный от них в 30 в.³⁵⁵

Большую часть года жители Никольской волости занимались ловом рыбы, а зимой уходили по льду на Каспийское море для боя тюленя. В с. Никольском активно велась торговля и оно являлось ещё и административным центром для казахов Первого и Второго приморских округов Внутренней орды.

Незадолго до отмены крепостного права в России была проведена 10-я народная перепись населения (1857–1859 гг.), которая зафиксировала постепенное снижение удельного веса и численности крепостного населения в сословной структуре населения страны. В Астраханской губернии ревизия прошла в 1858 г., а окончательные её результаты, после сверки списков и дополнений, были опубликованы в 1859 г. По данным 10-й переписи в Астраханской губернии крепостное население включало 12 427 чел. (5990 муж. и 6437 жен.), что составляло 2,6 % от всего населения губернии. Среди губерний Российской империи

³⁵⁵ Дремков В. Джамбай (статистико-географический очерк Никольской волости, Красноярского уезда, Астраханской губернии) // Отчет Петровского общества исследователей Астраханского края за 1895 год. Астрахань, 1897. С. 83.

Астраханская имела один из самых низких показателей относительной доли крепостных в структуре населения губернии, уступая только Ставропольской и Бессарабской, а по численности крепостных она занимала 46 среди 52 губерний³⁵⁶. За период с 1803 по 1859 г. численность крепостных людей в Астраханской губернии выросла незначительно – всего на 62 %, при этом необходимо учитывать, что данный рост был обусловлен не только миграционным фактором, но и демографическим, который у крепостных имел положительную динамику благодаря высокой рождаемости. Роль миграций в приросте населения, очевидно, была незначительной, иначе бы показатели увеличения численности крепостного населения были более высокими.

В первой половине XIX в. почти не изменилась география расселения крепостного населения в Астраханской губернии. В 1850-е гг. оно, как и в предшествующие периоды в массе своей было сконцентрировано в поселениях дельты р. Волги и побережья Каспийского моря, входивших в состав Астраханского и Красноярского уездов. В них проживало 66,6 % крепостных от их общей численности в губернии, в населенных пунктах других уездов данный показатель составлял: в Черноярском – 16,4 %, в Енотаевском – 11,2 %, в Царевском – 5,8 %³⁵⁷.

По данным 1859 г., помещикам принадлежали 45 населенных пунктов, что составляло 11,4 % от количества всех поселений в Астраханской губернии. В среднем на одно владельческое поселение приходилось 29,5 дворов, самым крупным из них была д. Никольская в Астраханском уезде (120 дворов, 831 чел.), а наиболее малочисленным – х. Лиман (2 двора, 13 чел.) в Царевском уезде.

Помещики не только основывали поселения путём перевода своих крестьян из других губерний, но также приглашали свободных людей для поселения на своих землях. Это было удобно, так как в таком случае им не надо было вкладывать свои средства в создание жилой инфраструктуры, к тому же появлялся рынок

³⁵⁶ *Тройницкий А. Г.* Крепостное население России, по 10-й народной переписи. СПб.: Издание статистического отдела Центрального статистического комитета, 1861. С. 26.

³⁵⁷ *Тройницкий А. Г.* Крепостное население России, по 10-й народной переписи. СПб.: Издание статистического отдела Центрального статистического комитета, 1861. С. 28.

свободной рабочей силы, которую можно было нанять для работ на своих промысловых заведениях и открывалась возможность получить дополнительные доходы за счёт взимания арендной платы за проживание. Не редкими были случаи, когда помещики сдавали свои воды и земли в аренду купцам и рыбопромышленникам, а те основывали временные поселки для рыбацкого населения, часть которых со временем превратились в постоянные поселения.

В 1859 г. в Астраханской губернии на помещичьих землях имелось 23 поселков свободных людей, в которых состояло 285 дворов и числилось 1701 душ обоего пола.

Как уже отмечалось, в 1802 г. российское правительство объявило о переходе к новой политике в рыболовстве. Морские воды и прибрежные земли изымались из собственности владельцев, вводилась свобода рыболовства на Каспийском море. Эти меры способствовали притоку переселенцев и появлению новых рыбацких поселений в дельте р. Волги и на северо-западном побережье Каспийского моря. В то же время отметим, что после 1802 г. и в последующие годы XIX и начала XX вв. заселение прибрежных каспийских территорий осуществлялось не по инициативе и не силами государственной власти, а самовольными переселенцами и отчасти помещиками, переселявшими своих крестьян из имений Астраханской и других губерний. Большинство основанных поселений были самовольными, при этом многие из них выросли из временных ватаг и промыслов, образованных купцами и помещиками на арендованных и частновладельческих землях в целях развития рыболовства и получения прибылей.

В начале XIX в. самовольные переселенцы основали рыбацкие поселки: Телячий, Большой Могой, Мултанов в Красноярском уезде, Цветной Бугор, Бертюль, Раздор, Мултанов в Астраханском уезде.

Поселок Телячий основали крестьяне из Нижегородской и других губерний, при этом большинство его жителей являлись приверженцами старообрядчества. Поселок Большой Могой начинался с нескольких камышовых хат, обмазанных глиной, возведенных рыбаками на острове, землю и окружающие воды которого сдавала им аренду для проживания и занятия рыболовством Чуркинская пустынь.

Успешно устроившиеся на острове переселенцы стали зазывали к себе из «верховых» губерний своих родственников и земляков³⁵⁸.

В 1835 г. на казенной оброчной статье, где располагался построенный купцом Репиным рыбный промысел, образовался п. Цветной Бугор. Первыми его жителями были государственные крестьяне из Нижегородской и Вятской губерний, позже к ним добавились переселенцы из г. Астрахани, Красного Яра, с. Камызяк и др. мест³⁵⁹. Из рыбного промысла вырос и п. Мултанов, названный по имени арендатора вод татарина Мултанова.

Жители п. Раздор в большинстве своем являлись уроженцами сел: Никольского и Пришиба Енотаевского уезда, Астраханской губернии. На родине они занимались земледелием, которое на новом месте они сменили на рыболовство³⁶⁰.

Поселок Бертюль возник на месте соляной пристани, где производилась казенная разработка соли и имелись оптовые соляные магазины. Когда на пристани увеличились объёмы выгрузки, перегрузки и продажи соли, сюда стали стекаться в большом количестве купцы и другие за покупкой соли. Возникла необходимость в грузчиках постоянных, которые стали привозить с собой семьи. Вместе с ними стали селиться крестьяне Астраханского, Енотаевского и Черноярского уездов Астраханской губернии, сделавшие рыболовство основным источником своего существования³⁶¹.

На земле татарского села Башмаковка возник п. Русская Башмаковка, который основали разночинцы из разных сел Астраханской губернии. Его жители занимались ловом красной рыбы и за землю под усадьбы платили Башмаковскому сельскому обществу по 15 коп. за 1 сажень земли. Новый толчок развитию поселка

³⁵⁸ Трехсвятительская церковь поселка Большого Могоя, Красноярского уезда и освящение ея его преосвященством Георгием, епископом Астраханским // Астраханские епархиальные ведомости. 1905. № 16. С. 699.

³⁵⁹ *Воскресенский А.* Петропавловская церковь с. Цветного Астраханского уезда // Астраханские епархиальные ведомости. 1905. № 3. С. 150.

³⁶⁰ *Саввинский В.* Освящение храма в поселке Раздор, прихода с. Каралата, Астраханского уезда // Астраханские епархиальные ведомости. 1905. № 22. С. 947.

³⁶¹ *Малинин В.* Освещение нового здания для школы грамоты в поселке Бертюль, Астраханского уезда // Астраханские епархиальные ведомости. 1905. № 15. С. 662.

дало открытие стекольного завода Бекунова, после чего рост населения пошел более быстрыми темпами³⁶².

Ряд самовольных рыбацких поселков образовались на калмыцких приморских землях, называвшихся Мочагами. Эта местность, находилась в юго-восточной части дельты р. Волги, примыкающей к Каспийскому морю. Данная территория изрезана многочисленными протоками и заливами, между которыми находятся возвышенности, покрытые глинисто-песчаными и песчаными почвами. В Мочагах заниматься земледелием и скотоводством, вследствие указанных особенностей рельефа и плохого качества почв, сложно и невыгодно, поэтому и местное и пришлое население трудилось в основном в сфере рыболовства.

Калмыков Мочаги привлекали тем, что в суровые зимние месяцы здесь можно было в камышах укрыть и прокормить свой скот, кроме того, бедные калмыки благодаря рыболовству находили себе пропитание. Постепенно в Мочагах сложилась своеобразная группа постоянно проживавших на Каспийском побережье и занимавшихся рыболовством калмыков. В конце 1840-х гг. её численность составляла приблизительно 5000 кибиток. Для управления ими и надзора Комитет Министров России учредил 1 марта 1827 г. должность специального пристава и определил к нему в помощь толмача и 25 казаков. В его распоряжение также была передана лодка.

Одним из первых в Мочагах возник п. Седлистый. Он начинался с крепости, заложенной в 1722 г. в устье р. Чулпан во время похода императора Петра I в Персию. Крепость выполняла роль опорного военного пункта в волжской дельте и одновременно являлась перевалочной базой для снабжения российских войск продовольствием и материалами. Внутри её построили провиантские магазины, казарму, тюрьму и другие необходимые для военных нужд помещения. В 1801 г. в п. Седлистом открылась таможня, предназначенная для предотвращения контрабандного провоза соли, рыбы и других товаров. Она проработала до конца 1840-х гг., после чего была упразднена.

³⁶² *Севастьянов В.* Поселок Башмаковка, Астраханского уезда // Астраханские епархиальные ведомости. 1913. № 17. С. 481.

Во второй половине XVIII в. рядом с крепостью и таможенной начали обосновываться на постоянное место жительства, привлеченные выгодами занятия рыболовством, купцы, мещане, крестьяне и вышедшие в отставку солдаты. По сведениям И. В. Ровинского, в первые годы XIX в. их насчитывалось 32 двора³⁶³. В 1856 г. в поселке проживали 42 семьи, из которых 26 относились к мещанскому сословию, 3 — к купеческому, и 13 семей являлись государственными крестьянами. Все мещане и 1 купеческая семья происходили из жителей г. Астрахани, государственные крестьяне переселились из Астраханского уезда, 2 купеческие семьи — из г. Красный Яр Астраханской губернии³⁶⁴. Большинство жителей поселка вели лов рыбы самостоятельно, меньшая их часть нанималась на промыслы купцов Сапожниковых.

С государственными интересами связана также история основания п. Бирючья Коса. Калмыки называли остров, на котором располагался поселок, — «Шарцхэ», что в переводе с калмыцкого языка означает «желтое болото», русские прозвали остров Бирючьей Косой.

Автор статьи по истории поселка священник И. Покасов пишет: «До заселения острова эти места представляли из себя бесплодные пустыри, да трясины, сплошь заросшие высокою, густою, непролазною, камышевою крепью, где находили себе прекрасное обиталище дикие звери — бирюки, лисы, кабаны и др. в компании с представителями пернатого царства. Все это подало повод мореходам, шествовавшим на своих судах мимо этого острова, прозвать его Бирючьей Косой»³⁶⁵. Поскольку остров занимал удобное географическое положение (находился на главном судоходном фарватере при впадении р. Волги в Каспийское море), то власти решили построить на нем карантин и перевести из п. Седлистый таможенную заставу и военную брандвахту. В 1830 г. остров вывели из подчинения калмыцкого управления и начали возводить на нем служебные

³⁶³ Ровинский И. В. Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний по гражданскому и естественному их состоянию; в отношении к земледелию, промышленности и домоводству. СПб.: Императорская типография, 1809. С. 334.

³⁶⁴ НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 104. Л. 83.

³⁶⁵ Покасов И. Бирючья Коса, Астраханского уезда (историко-статистический очерк села) // Астраханские епархиальные ведомости. 1911. № 17. С. 654.

постройки. В 1862 г. карантин закрыли, а военный гарнизон расформировали. На острове осталась лишь небольшая группа вышедших в отставку солдат, многие из которых к этому времени успели обзавестись семьями и обустроиться. Они не захотели переезжать в другие места и научились заниматься рыболовством. Вскоре к ним «быстро стали стекаться на вольное житье при вольных водах всевозможные выходцы из средних губерний, а также, ищущие счастья...», которые также освоили рыбацкую профессию и построили себе дома³⁶⁶. Так на острове образовалось поселение с постоянным составом жителей. Среди пришлого населения преобладали мещане г. Астрахани, но много было и крестьян из Тамбовской, Пензенской, Нижегородской, Астраханской и Симбирской губерний. К середине 1870-х гг. поселок вследствие миграционного притока населения и естественного прироста увеличился до 80 дворов, в которых числилось 255 душ; из них 140 мужских и 110 женских³⁶⁷.

Рыбацкие поселения возникли также на острове Четырехбугорном. Своё название он получил от 4-х бугров, покрывавших его поверхность. На трех буграх мещанами, крестьянами и купцами было устроено 3 поселка: Вахромеевский, Разбугоринский и Рынок; на четвертом бугре, под названием Вышка, находился каменный маяк, который обслуживали и охраняли смотритель и воинская команда из 6 чел.³⁶⁸

В 1856 г. калмыцкая администрация по поручению губернских властей собрала сведения различного характера о жителях подведомственных ей 5 ловецких поселков. Согласно «Ведомости о лицах, самовольно водворившихся на буграх калмыцких под названием Разбугоринским, Олинским и Седлистовском», в трёх поселках Четырехбугорного острова (Вахромеевский, Разбугоринский и Рынок) в то время проживали 111 семей; из них 52 числились государственными крестьянами, 6 — крепостными крестьянами, 36 — мещанами и 17 — купцами. По

³⁶⁶ Покасов И. Бирючья Коса, Астраханского уезда (историко-статистический очерк села) // Астраханские епархиальные ведомости. 1911. № 17. С. 656.

³⁶⁷ Описание населенных мест Астраханского уезда, находящихся в ведении общей полиции // Труды Астраханского губернского статистического комитета. Астрахань: Губернская типография, 1877. Вып. 5. С. 77.

³⁶⁸ Реверсов П. И. Материалы для церковно-приходской летописи Астраханского уезда, Четырехбугоринского селения, Николаевской церкви // Астраханские епархиальные ведомости. 1879. № 3. С. 41.

ведомости, все они поселились в период с 1810 по 1855 г., хотя некоторые авторы датируют появление первых жителей на острове 1770-ми годами, и даже эпохой правления императора Петра I.

Более половины жителей поселков острова Четырехбугорный прибыли из сел Астраханского уезда и г. Астрахани, 6 семей — из Красноярского уезда Астраханской губернии, из других губерний на остров переселились 17 семей из Балахнинского уезда Нижегородской губернии и 4 семьи крепостных крестьян графа Шереметева из Пензенской и Нижегородской губерний³⁶⁹.

Главным занятием жителей поселков было рыболовство, при этом только 24 хозяина вели лов рыбы самостоятельно, а 87 нанимались работать на рыбные промыслы арендаторов рыболовных вод — купцов Сапожниковых. Рыболовство приносило хорошие доходы и обеспечивало достаточно высокий уровень материального благосостояния большинства населения, что, безусловно, способствовало устойчивой динамике развития поселков. За период с середины 1850 до середины 1870-х гг. количество дворов в трёх поселках острова Четырехбугорного возросло со 111 до 150 (1326 чел.)³⁷⁰.

В конце 1830-х – начале 1840-х гг. рыбацкие поселки Мочагов пополнились освобожденными из плена Бухарского и Хивинского ханств морскими ловцами. До поселения в Мочагах они претерпели много лишений. Наглядным свидетельством тому служит история олинских рыбаков. Вначале они принадлежали помещику Симбирской губернии Дурасову, который переселил их на Каспийское побережье, заставив заниматься рыболовством, затем их продали астраханской помещице Милашевой, от последней они перешли во владение к помещице Чубаровой и затем к купцам Сапожниковым. Промышляя в море на своего хозяина, они были захвачены в плен туркменами, и в середине 1830-х гг. вызволены из него оренбургским военным губернатором В. А. Перовским³⁷¹. После возвращения в Россию ловцы потребовали от своего хозяина отпустить их на волю, но получили

³⁶⁹ НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 104. Л. 75–80.

³⁷⁰ Описание населенных мест Астраханского уезда, находящихся в ведении общей полиции // Труды Астраханского губернского статистического комитета. Астрахань: Губернская типография, 1877. Вып. 5. С. 77.

³⁷¹ Покасов И. Поселок Оля (прихода с. Бирючьей Косы, Астраханского уезда) // Астраханские епархиальные ведомости. 1909. № 18. С. 587.

отказ. Тогда крестьяне обратились в суд, который после трехлетнего разбирательства решил дело в их пользу.

Отсудив себе вольную, крестьяне нашли себе покровителя в лице арендатора смежных с владениями Сапожниковых вод купца Голикова, который пригласил их на работу и жительство на остров Оля. Купец организовал им на льготных условиях прием улова, снабдил продовольствием и деньгами, обеспечил орудиями лова. Первые две семьи прибыли на остров в 1842 г., а через год к ним присоединились еще 20 семей бывших пленников³⁷².

До середины XIX в. все 6 образованных на мочажных землях самовольными поселенцами поселков не встречали противодействия со стороны властей и успешно росли, и развивались. В начале 1850-х гг. ситуация круто изменилась. Астраханская палата государственных имуществ приняла решение начать сдавать частным лицам в оброчное содержание, находившиеся в ведении калмыцкой администрации 28 островов и бугров в Мочагах, а вырученные от аренды деньги перечислять в фонд общественного калмыцкого капитала. За аренду планировалось получать ежегодно 672 руб.³⁷³

Из числа 28-ми предполагавшихся к сдаче в аренду островов на 6-ти располагались поселки самовольных поселенцев, которые считали занятые ими земли своими и никогда не платили за них денег. В 1855 г. жителям поселков: Разбугоринский, Вахромеевский, Рынок, Оля, Седлистый (168 семей) предложили заключить контракты на занимаемую ими территорию, пригрозив в противном случае выселить, а землю передать в аренду рыбопромышленникам³⁷⁴. Ловцы, однако, отказались взять в аренду землю, на которой они жили и хозяйствовались. Тогда Астраханская палата государственных имуществ (АПГИ) приказала улусной полиции выдворить с территории поселков их обитателей, а имущество конфисковать. Но осуществить эти меры на практике не удалось, так как ловцы постоянно отлучались в море, да и добраться до островов, особенно в период

³⁷² Покасов И. Поселок Оля (прихода с. Бирючьей Косы, Астраханского уезда) // Астраханские епархиальные ведомости. 1909. № 18. С. 588.

³⁷³ НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 104. Л. 8.

³⁷⁴ РГИА. Ф. 383. Оп. 19. Д. 25478. Л. 2.

распутиц, было крайне трудно³⁷⁵ АПГИ продолжала настаивать на удалении самовольных поселенцев и установило для них полугодовой срок (до октября 1855 г.) выселения, но и этот срок не был выполнен. В данном противостоянии самовольных поселенцев поддержала фирма «Братья Сапожниковы», на промыслах которых трудилось большинство жителей поселков, а также Астраханский военный губернатор. На первых порах АПГИ поддерживало Астраханское губернское правление, но после неисполнения нескольких своих предписаний, отказалось содействовать процессу выселения, предоставив решать данный вопрос администрации АПГИ самостоятельно³⁷⁶.

После сдачи островов в оброчное содержание жителям самовольных поселков пришлось иметь дело ещё и с арендаторами. Последние добивались того, чтобы поселенцы платили им деньги за право проживания на арендуемых ими участках. В 1857 г. попечитель Мочагов Сердюков и арендатор острова Оля купец Усачев приехали в п. Оля и потребовали от его жителей выплачивать купцу по 80 руб. серебром в год за каждый дом, затем они объявили ловцам п. Разбугоринский, чтобы они сломали свои жилища и выселились.

За ловцов вступился уполномоченный Комиссии Каспийско-Волжских рыбных и тюленьих промыслов купец Ждановский. Он заявил, что действия властей незаконны и к тому же «лишают здешний малонаселенный край полезных людей, занимающихся морским и речным рыболовством, как главнейшим в этом крае предметом промышленности, и не соответствуют целям правительства по освоению малонаселенной территории»³⁷⁷. По закону откупщики казенных рыболовных вод имели право не только производить уловы, но и бесплатно проживать на прибрежной территории. На это Министерство государственных имуществ (МГИ) ответило, что данное право распространяется только территорию, размером в 1 кв. версту, и то, если на этом пространстве расположены жилища ловцов и промыслы³⁷⁸. За используемую территорию, превышающую 1 кв. версту,

³⁷⁵ РГИА. Ф. 383. Оп. 19. Д. 25478. Л. 2.

³⁷⁶ НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 104. Л. 8об.

³⁷⁷ НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 138. Л. 22.

³⁷⁸ НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 138. Л. 40.

жители должны уплачивать деньги арендатору. По мнению МГИ, жители поселков в калмыцких Мочагах не имели прав на бесплатное проживание и пользование землями ещё и потому, что поселились самовольно, а поселки Оля и Седлистый к тому же располагались отдельно от промыслов³⁷⁹.

Несмотря на предпринимаемые усилия власти так и не сумели добиться ликвидации поселков, население которых упорно сопротивлялось выселению и отказывалось выполнять исходившие от властей распоряжения. 17 июня 1870 г. заведующий Мочагами доносил в Управление калмыцким народом: «Самовольство и упорство разночинцев, проживающих по побережью Волги и Каспийского моря встречается при каждом исполнении в полицейском отношении ...»³⁸⁰. Когда в 1870 г. мировой посредник приказал заведующему Мочагами выслать к нему для взыскания податей из п. Седлистый 4-х крестьян, приписанных к месту своего прежнего жительства, то седлистовцы не только не выдали их, но еще и оскорбили сборщика податей.

В ответ на требования чиновников самовольные поселенцы рыбацких поселков говорили, что не обязаны выполнять их предписания, поскольку находятся в подчинении Астраханского управления Каспийско-Волжскими рыбных и тюленьих промыслов. Но рыбаки отказывались исполнять приказы чиновников даже когда признаваемое ими руководство к этому их понуждало. Когда, например, жителям п. Рынок зачитали приказ Астраханского управления Каспийско-Волжскими рыбными и тюленьими промыслами об обязательном выполнении распоряжении чиновников полиции, то они долго и упорно не хотели давать подписку о том, что слышали упомянутый приказ.³⁸¹

Рыбацкие поселки на калмыцких землях не имели официальных, признанных властями органов власти, однако это не означало, что в них царил хаос и беспорядок в управлении. Из своей среды ловцы выбирали старост, которые были уполномочены вести переговоры с властями и вообще решать все общественные проблемы жителей поселков. 17 июня 1870 г. заведующий Мочагами сообщал в

³⁷⁹ НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 138. Л. 46об.

³⁸⁰ НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 138. Л. 66об.

³⁸¹ НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 138. Л. 66об.

УКН: «Избирают по своему усмотрению под названием старост для разных нарядов, в некоторых поселках по третям, в некоторых —на полгода, и год, а большею частью старосты сменяются обществами этими по усмотрению, или же сами старосты оставляют свои должности по своему усмотрению, отчего часто чиновник не находит старост, а потому постоянно встречает затруднение при исполнениях — одним словом поселенцы эти управляются и разбираются между собою обществом всегда в кабаках»³⁸². Помимо поселковых старост, жители поселков, по распоряжению Астраханского управления Каспийско-Волжских рыбных и тюленьих промыслов, избирали участковых старост, которые, по свидетельству заведующего Мочагами, пользовались у местного населения «совершенным уважением»³⁸³.

На судьбу самовольных поселков в Мочагах решающее значение оказали административные преобразования в рыбной отрасли, произошедшие в середине 1860-х – 1870-е гг. В 1865 г. правительство в целях увеличения прибыльности рыболовства на Каспии образовало из части казенных, калмыцких и выкупленных у отдельных лиц земель одноверстную береговую полосу, передав её в ведение Астраханского управления Каспийско-Волжских рыбных и тюленьих промыслов. При отводе береговой полосы 6 ловецких поселков находившихся на калмыцких землях, в силу своего географического положения, оказались в черте одноверстной полосы и в 1873 г. и были выведены из состава калмыцких земель.

Для жителей самовольных поселков легализация стала большим успехом, однако она не решила их земельной проблемы. Большинство поселков были перечислены без надлежащего земельного обеспечения, что поставило под угрозу их дальнейшее развитие. Переселенцы надеялись получить в надел ближайшие к их поселениям калмыцкие земли, но УКН из-за несогласия калмыков не решилось пойти на этот шаг. Других земель на островах, где располагались поселки, не имелось или было недостаточно для того, чтобы обеспечить поселения необходимым количеством земли. Жителям рыбацких поселков не оставалось

³⁸² НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 138. Л. 67об.

³⁸³ НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 138. Л. 68.

ничего другого, кроме как, арендовать калмыцкие земли и просить власти наделить их землями.

Процесс заселения дельты р. Волги и Каспийского побережья ускорился после введения в действие Устава Каспийских рыбных и тюленьих промыслов от 25 мая 1865 г. Устав санкционировал образование на побережье Каспийского моря за счёт выкупленных и изъятых казной у частных лиц и государственных ведомств земель одноверстной береговой полосы, которая передавалась в пользование занимавшихся рыболовством лицам. Параграф третий Общего положения Устава гласил: «На всем пространстве, предоставленном вольному промыслу, берега моря, заливов и ильменей, а равно и берега островов, должны оставаться свободными на 1 версту, начиная от заплесков при самой высокой воде для пристанища ловцов и устройства промысловых заведений ...»³⁸⁴. На отведенной территории рыбаки имели право раскладывать и ремонтировать сети и другое рыбацкое оборудование, устраивать промысловые заведения, укрываться от непогоды, пользоваться прибрежной растительностью. Всего под одноверстную полосу было отведено 106 000 дес., которая растянулась вдоль северо-западного берега Каспийского моря на расстояние в более чем 700 верст от устья р. Терека до устья р. Урал.

Хотя на одноверстной полосе запрещалось устраиваться на постоянное жительство, она продолжала заселяться пришлым населением, как и другие приморские земли.

В XIX в. в Северном Прикаспии продолжала успешно развиваться соледобыча. Благоприятные условия, созданные государством для деятельности чумаков, стимулировали приток новых переселенцев. Солевозчиками были основаны слободы: Николаевская, Покровская, Пестравка, Котово, Узморье и др. От первых двух слобод (Николаевская и Покровская) к озеру Эльтон были проложены солевозные тракты и нарезаны каждому прилегающие территории, по 40 вёрст, в глубь степи, в 1832 г. размеры данных территорий сократили до 10

³⁸⁴ Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1867. Т. 40. Ч. 1. С. 543.

вёрст³⁸⁵. Земли, отведенные солевозным трактам, считались казённой собственностью, и предназначались для проезда и прокормления скота чумаков.

Самым протяженным был тракт от слободы Покровской к озеру Эльтон (274 в.), вторая дорога шла к нему от слободы Николаевской и по своей длине (127 в.) она уступала Покровской дороге. Обе упомянутые слободы находились около р. Волги, и от них до о. Эльтон, не имелось ни одного населенного пункта, где бы возчики и волы могли найти приют после длительного пути. Чумаки вынуждены были воду, продукты и запасное снаряжение возить с собой, что создавало для них большие неудобства. Местность, по которой пролегали дороги, была неблагоприятной для проживания человека: водных источников почти не имелось, летом стояла сильная жара, мало было земель, пригодных для занятий земледелием и скотоводством. Власти не видели смысла создавать вдоль солевозных трактов сколь-нибудь значительные по размерам населенные пункты, ясно осознавая их обреченность, но поскольку стационарные поселения были крайне необходимы для обслуживания солевозных трактов, то выход из положения они нашли в учреждении умётов — маленьких придорожных поселений, состоящих из одного-двух дворов. В них решено было привлечь на постоянное жительство посредством финансовых, налоговых, хозяйственных и иных льгот.

Жители умётов обязаны были содержать в чистоте и исправности, построенные на средства казны колодцы, осуществлять (за деньги) доставку почты от слободы Николаевской до о. Эльтон и в обратном направлении, перевозить чиновников и предоставлять им на время отдыха помещения, ухаживать за больными солевозчиками и их волами. За выполнение своих обязанностей умётчиков освободили от государственных податей и повинностей, помимо этого того, им отдали в пользование по 105 дес. удобной земли на один двор для занятия земледелием и скотоводством.

Уметы начали функционировать в начале 1830-х гг., после того как завершился отвод земель. Они располагались друг от друга обычно на расстоянии

³⁸⁵ Шульга И. И. Поволжские солевозчики // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2008. № 5. С. 157.

6 вёрст, однако встречались уметы, между которыми интервал составлял 2, 11, 15 в.

Покровской солевозный тракт функционировал до 1850 г., затем его закрыли из-за убыточности. За время его существования на нем возник 21 населенный пункт.

На Николаевском тракте было образовано 22 умёта, насчитывавшие в 1859 г. 30 дворов и 432 чел. жителей, в т. ч. 219 муж. и 213 жен.³⁸⁶ Проезжавшим по тракту путникам открывалась унылая картина природы. Так, Д. Гаврилов, писал: «С рассветом представилась глазам нашим безотрадная картина плоской степи, с низенькою полусгоревшей уже травой; ни деревцо, ни кустик, ни возвышения; ни ручеек не оживляют этой печальной местности. Изредка попадаются едва заметные углубления степи, в которых ещё не совсем пересохла весенняя вода, называемые здесь «лиманами»: на них трава посвежее и годится для сенокоса ... Вода для питья добывается только из колодцев, и то не совсем пресная: чем ближе к Елтону, тем заметнее в ней соленый вкус»³⁸⁷. Далее он продолжал: «Определенной дорожной линии по солевозному тракту нет; всякий едет, где находит более удобным; множество колеи прорезано на всей десятиверстной ширине тракта соляным транспортом, тянущимся непрерывно от Елтона к Волге. Дорога совершенно ровная, вообще довольно гладкая, и в сухое время была бы удобна для езды, если бы не пыль, лежащая густым слоем по всей степи. Поднимаемая ветром и тяжёлыми ногами волов пыль, она буквально ослепляет и задушает едущего, пробирается всюду, на платье и за платье, в чемоданы и ящики. Ветер, легко разыгрывающийся в ровной степи, образует настоящие пыльные тромбы; мы несколько раз видели, как пыльные столбы, крутясь, словно на оси, мчались по степи, и, что замечательно, иногда не по направлению ветра, но в разные стороны, как бы играя и резвясь»³⁸⁸.

³⁸⁶ Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Астраханская губерния. СПб.: Типография Карла Вульфа, 1861. Вып. 2. С. 28–24.

³⁸⁷ Гаврилов Д. Елтонский соляной промысел. Из путевых заметок. // Русский вестник. 1869. Т. 83. № 9. С. 270.

³⁸⁸ Гаврилов Д. Елтонский соляной промысел. Из путевых заметок // Русский вестник. 1869. Т. 83. № 9. С. 271.

Природные условия сильно влияли на жизнь умётчиков, в большинстве своем являвшихся выходцами из государственных крестьян центральных и восточных губерний современной Украины. Гаврилов обратил внимание на отрицательные последствия для здоровья населения уметов местного климата: «Зной и засуха — постоянные явления здешнего лета, вследствие совершенного отсутствия лесов и вод. Надобно думать, что эти условия климата, в соединении с дурнокачественной водой, действуют не совсем хорошо на здоровье жителей; умётчики, условия жизни которых вообще не хуже, если не лучше, чем у большинства русских крестьян, не могут похвалиться здоровьем; те, которых мы видели, вообще сложены не сильно, многие даже хилы; лихорадки и тифоидальные горячки нередки; в путешествии нашем мы застали в одном умёте большую половину жителей больными горячкой, а остальных переболевшими той же болезнью»³⁸⁹.

Условия жизни умётчиков были тяжелыми, однако они их не покидали. Содержание умётов было выгодным делом, поскольку оно приносило большие доходы и позволяло вести зажиточный образ жизни³⁹⁰. Помимо исполнения своих главных обязанностей, связанных с обслуживанием трактов, уметчики занимались скотоводством и хлебопашеством, последнее занятие, правда, из-за засушливости климата и частых нашествий сусликов большого распространения не получило.

Население умётов имело положительную динамику роста, но не за счёт притока новых членов извне, а вследствие естественного прироста. Состав семей постоянно расширялся, но количество семей оставалось неизменным. Семьям было невыгодно разделяться с экономической точки зрения, ибо льготы предоставлялись на семью, а не конкретногона Выделившийся из семьи терял право на земельный надел и пастьбу скота, ибо он уже не являлся содержателем умёта. По этой причине каждый умётчик предпочитал жить одной большой семьёй — двором, в состав которого входили несколько семей. После смерти умётчика или отказа исполнять свои обязанности должность передавалась другому члену семьи. В случае

³⁸⁹ Гаврилов Д. Елтонский соляной промысел. Из путевых заметок // Русский вестник. 1869. Т. 83. № 9. С. 271.

³⁹⁰ Гаврилов Д. Елтонский соляной промысел. Из путевых заметок // Русский вестник. 1869. Т. 83. № 9. С. 268.

нерадивого исполнения уметчиком условий власти могли отстранить его от работы и заключить доровор с другим человеком.

В 1864 г. государственная разработка соли на о. Эльтон прекратилась и соледобычу передали частным лицам, поэтому власти отказались от услуг уметчиков на Николаевском тракте³⁹¹. В 1870 г. умёты ликвидировали, а их население сосредоточили в одном умете, создав в 1871 г. село Александровку. В 1871 г. в данном поселении имелось 56 дворов и 541 чел., в 1916 г. оно насчитывало 175 дворов и 1066 жителей³⁹².

Земли ликвидированных уметов разделили на 8 участков и отдали в аренду крестьянам Царевского уезда Астраханской губернии. Арендаторов обязали содержать 2 почтовые тройки лошадей, осуществлять перевозки людей, ухаживать за колодцами, помогать фурщикам. За исполнение данных обязанностей каждый арендатор получил в пользование от 50 до 175 дес. земли и право бесплатного выпаса оговоренного количества скота. Также им предоставили право косить сено в лиманах по тракту.

После упразднения Покровского и Николаевского солевозных трактов, соль с о. Эльтон стали возить по тракту в слободу Владимировку, где её перегружали на пристани в баржи и отправляли в поволжские губернии России. На этом тракте были учреждены 6 умётов, обслуживавшие солевозцев на о. Эльтон. От упомянутой слободы в 1867 г. был проложен солевозный тракт на озеро Баскунчак, которое со второй половины 1860-х гг. стало основным объектом соледобычи в Астраханской губернии. Длина тракта составляла 50 в., ширина – от 10 до 30 в. В 1874 г. власти заключили контракт сроком на 12 лет с уметчиками данного тракта; согласно ему каждый из них за содержание одной тройки лошадей с экипажем

³⁹¹ Головащенко А. Соляные промыслы Астраханской губернии // Труды Астраханского губернского статистического комитета. Астрахань: Тип. Астраханского губернского статистического комитета, 1877. Вып. 5. С. 30.

³⁹² Клушин А. Село Александровка [электронный ресурс] // Летопись краеведа. 2018. Режим доступа: https://vk.com/letopis_kraevedu.

получал право пользоваться от 100 до 150 дес. земли и выпасать по 50 голов крупного и 500 голов мелкого скота³⁹³.

С 1865 по 1885 гг. в Астраханской губернии велась разработка соляного месторождения на горе Чапчачи, от которой был проложен солевозный тракт к расположенному от неё в 83 в. о. Баскунчак. От горы Чапчачи соль доставлялась к Баскунчакскому соляному промыслу, а оттуда в слободу Владимирскую. Для обслуживания солевозного тракта Чапчачи – Баскунчак были устроены 4 умёта, которые взяли в аренду астраханские купцы на тех же условиях, как и арендаторы участков тракта: Баскунчак – Владимировка³⁹⁴.

С помощью умётной системы заселения удалось освоить имеющие важное значение для развития соляной отрасли, но пролежавшие в зоне неблагоприятной для проживания человека, тракты. Вдоль них была создана сеть маленьких поселений, некоторые из которых впоследствии разрослись и повысили свой статус до уровня селений и посёлков. Для административно-территориальных образований казахов и калмыков Астраханской губернии – «Калмыцкой степи» и «Внутренней киргизской орды» умёты имели большое значение ещё и потому, что они способствовали формированию в краю кочевников сети стационарных поселений, без которых невозможен был переход кочевых обществ на качественно иную, более высокую стадию политического и социально-экономического развития.

Возникновение умётной системы заселения было вызвано тяжёлыми природными условиями региона с одной стороны, с другой – необходимостью освоения сухопутных путей сообщения, непосредственно и косвенно влияющих на уровень экономического развития. Идея заселения дорог умётами была сформулирована и реализована на практике государственными властями, которые определяли порядок и условия заселения, размеры населенных пунктов и

³⁹³ Головащенко А. Соляные промыслы Астраханской губернии // Труды Астраханского губернского статистического комитета. Астрахань: Тип. Астраханского губернского статистического комитета, 1877. Вып. 5. С. 21.

³⁹⁴ Головащенко А. Соляные промыслы Астраханской губернии // Труды Астраханского губернского статистического комитета. Астрахань: Тип. Астраханского губернского статистического комитета, 1877. Вып. 5. С. 35.

контингент поселян. Опыт создания уметов вдоль солевозных трактов был использован на Крымском тракте, когда стал очевиден провал попыток заселить его поселками. Отсутствие населенных пунктов вдоль большей части тракта отрицательно сказывалось на его обслуживании, поэтому 1876 г. власти приняли решение учредить уметы.

3.2. Особенности переселенческой политики на землях кочевников³⁹⁵

Установление границ земель кочевников и введение административных запретов на поселение и посягательств на них со стороны лиц, не принадлежавших к кочевым обществам, сильно ограничили возможности для переселений на земли кочевников, однако полностью их не остановили.

В конце 1820-х гг. переселенцами из Воронежской губернии были самовольно образованы два населенных пункта в пределах Малодербетовского и Багацохуровского улусов. Оба случая были следствием небрежности и несогласованности, допущенных Астраханской губернской казенной палатой.

Так, основатели д. Михайловки вынуждены были прибегнуть к захвату калмыцкой земли потому, что их отказались принять в свое общество из-за недостатка земли крестьяне с. Сасыкольского, куда воронежцы прибыли на

³⁹⁵ Основой данного параграфа послужили статьи С. С. Белоусова: *Белоусов С. С.* О времени и обстоятельствах возникновения с. Яндыки, Промысловки, Караванного Лиманского района Астраханской области // Астраханские краеведческие чтения: сборник статей / под ред. А. А. Курапова, Е. А. Герасимиди, Р. А. Тарковой. Астрахань: Издатель Сорокин Роман Васильевич, 2015. Вып. VII. С. 161–167; *Белоусов С. С.* Самовольные поселения на калмыцких землях Астраханской и Ставропольской губерний: Переселенцы и губернские власти (XIX – начало XX веков) // Новый исторический вестник. 2018. № 1 (55). С. 6–28; *Белоусов С. С.* Влияние природного фактора на государственную переселенческую политику на калмыцких землях (1840-е – 1870-е гг.) // Былые годы. 2019. Т. 54. № 4. С. 1576–1583; *Белоусов С. С.* Роль торгово-ремесленного населения в создании стационарных поселений на землях казахов Внутренней киргизской орды Астраханской губернии. XIX в. // *Oriental Studies*. 2019. № 44 (4). С. 634–644; *Белоусов С. С.* Умётная система заселения трактов в Астраханской губернии // Монголоведение. 2019. № 18. С. 394–406; *Белоусов С. С.* Переселенцы в политике властей по христианизации калмыков (последняя треть XIX – начало XX вв.) // Новый исторический вестник. 2019г. Т. 62. С. 6–22, которые были значительно доработаны и дополнены.

поселение. Астраханская губернская казенная палата фактически устранилась от решения судьбы переселенцев, предложив им самостоятельно поискать в пределах губернии место для поселения³⁹⁶. Не обнаружив поблизости свободных земель, переселенцы заняли до 3000 дес. земель, которые в ходе предшествующих землеотводных работ были выделены из земельных дач с. Сасыкольского калмыкам Багацохуровского улуса под прогон скота к Волге. Затем они захватили часть калмыцкой земли, примыкавшей к прогону³⁹⁷.

Комиссия калмыцких дел попыталась вернуть захваченные земли калмыкам, однако Астраханская губернская казенная палата поддержала самовольные действия крестьян и предложила Комиссии калмыцких дел согласиться на узаконивание нового поселения и, более того, из калмыцких земель дополнительно прирезать землю новому поселению, чтобы довести норму земельной обеспеченности до положенных 15 дес. на одну ревизскую душу³⁹⁸.

Утраченные калмыками земли предполагалось возместить за счет свободных государственных земель. Комиссия калмыцких дел вначале пыталась воспрепятствовать оставлению самовольных поселенцев, но в итоге уступила Астраханской казенной палате. Она согласилась на передачу новому крестьянскому поселению 5 393 дес. 2000 саж. земли, из которых 2 665 дес. 2 232 саж. были пригодными для занятия земледелием.

Другое поселение воронежских крестьян возникло почти в одно время с д. Михайловкой, в северной части Малодербетовского улуса. Эти крестьяне прибыли на поселение в Астраханскую губернию самовольно, поэтому Астраханской губернской казенной палате пришлось заняться их устройством в срочном порядке. Новое поселение решено было учредить по соседству с калмыцкими землями, поэтому Астраханский губернский землемер Бочаров, действуя согласно с инструкцией по межеванию земель, попытался привлечь к отмежеванию земли представителей местных калмыцких родов. Он отправил им повестки с предложением прислать своих представителей для наблюдения за отводом земель.

³⁹⁶ НА РК. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 87. Л. 162.

³⁹⁷ НА РК. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 436. Л. 5об.

³⁹⁸ НА РК. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 87. Л. 35об.

Но те, по неизвестным нам причинам, не откликнулись на приглашение губернского землемера, и тогда он произвел отвод земли новому поселению без них. В результате к владениям переселенцев оказалось прирезана часть калмыцкой земли

Комиссия калмыцких дел вначале не приняла мер по выселению переселенцев с калмыцкой земли, а впоследствии сделать это оказалось еще труднее. Когда в 1832 г. уездная полиция, выполняя предписание министра внутренних дел, попыталась выселить крестьян, то обнаружила на месте значительное по численности селение, пребывавшее в «цветущем положении». С 1829 по 1833 гг. число поселян в селении, получившего название «Аксай», выросло с 500 до 1446 человек³⁹⁹.

В 1835 г. аксайским крестьянам при поддержке Астраханского военного губернатора, генерал-майора И. С. Тимирязева удалось уговорить владельца Малодербетовского улуса Д. Тундутова уступить им за 6 тыс. руб. (ассигнациями) захваченную землю, что окончательно решило исход дела в пользу переселенцев. 22 февраля 1838 г. император Николай I утвердил «Акт об уступке» Тундутовым земли аксайцам в размере 40 141 дес. 199 кв. саж. калмыцкой земли⁴⁰⁰.

Отсутствие действенной системы надзора за калмыцкими землями привело к появлению самовольных поселений на южной окраине калмыцких земель, граничившей с Кавказской областью (с 1847 г. – Ставропольская губерния). В 1843 г. переселенцы из Воронежской губернии основали на участке калмыцкой земли (1783 дес.) поселение Левокумское. Этот участок был передан из владения с. Покойного калмыкам отдельной части Малодербетовского улуса в качестве компенсации за калмыцкие земли, отведенные покойнинским крестьянам ради удобства землепользования⁴⁰¹.

Совет Астраханского калмыцкого управления, учрежденный в 1836 г. вместо упраздненной Комиссии калмыцких дел, выступил против самовольных переселенцев, предложив ликвидировать поселение, а его жителей расселить по

³⁹⁹ ГА АО. Ф. 687. Оп. 2. Д.1430. Л. 1.

⁴⁰⁰ НА РК. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 85. Л. 304об.

⁴⁰¹ РГИА. Ф. 383. Оп. 12. Д. 12356. Л. 1.

другим населенным пунктам. Переселенцев, однако, поддержала Кавказская палата государственных имуществ, заявившая, что перевод их в другие места был бы для них разорительным. По этому вопросу завязалась межведомственная переписка, и, пока она тянулась, село быстро росло, и уже через несколько лет насчитывало 150 дворов и 320 душ. В итоге дело закончилось в пользу крестьян: им разрешили остаться на калмыцкой земле, но на условиях ежегодной выплаты в калмыцкий общественный капитал оброчных денег и без права принятия новых переселенцев.

Следствием узаконивания трех самовольных крестьянских поселений (Акса, Михайловки и Левокумского) стала утрата калмыками 46 217 дес. земли. В сопоставлении с общей площадью калмыцких земель (более чем 12,2 млн дес.) потери, в общем-то, были небольшими. Дело, однако, заключалось в том, что, каждый случай узаконивания самовольных крестьянских поселений; во-первых, означал фактическое отступление властей от буквы и духа закона, во-вторых, нарушал законные права калмыцкого народа и, в-третьих, становился заразительным примером для других самовольных переселенцев. Поэтому российское правительство, несмотря на исключения, которые время от времени допускались в отношении отдельных самовольных поселений, продолжало законодательно запрещать самовольные поселения.

Так, в новом «Положении об управлении калмыцким народом», введенном в действие в 1836 г. указом императора Николая I от 24 ноября 1834 г., вопросу о самовольных поселениях была посвящена отдельная глава – «О мерах к отвращению самовольных водворений в улусах». В ней говорилось: «Всем, не принадлежащим к калмыцкому народу людям, какого бы звания не были, строго воспрещается селиться на землях, во владение калмыков отведенных, пасти на оных скот и вообще иметь постоянное там пребывание».

Улусные попечители в случае обнаружения таких людей должны были донести о них в Совет Астраханского калмыцкого управления, а тот – Астраханскому губернскому правлению, которое подпиской обязывало самовольных переселенцев в течение 6-ти месяцев выселиться из улуса. Неисполнение распоряжения грозило самовольным поселенцам и пользователям

калмыцких земель конфискацией строений, имущества, скота в судебном порядке и продажей их с публичного торга.

Таким образом, процедура выселения посторонних лиц с калмыцкой земли предполагала согласования в нескольких учреждениях разных ведомств, на что, естественно, уходило много времени. Это давало нарушителям закона возможность прочно обустроиться, а затем – основание упрашивать губернские власти оставить их на калмыцких землях, ссылаясь на достигнутые ими успехи в хозяйствовании.

Самовольные поселения удавалось предотвратить, если их жители не успевали прочно обустроиться на захваченных землях. Благодаря своевременному вмешательству калмыцких властей, например, в 1841 г. было предотвращено поселение 300 воронежских переселенцев на участке земли между реками Большой и Малой Кугультами, а в 1842 г. была пресечена попытка большой партии крестьян из Воронежской губернии водвориться на урочище Терновка в отдельной части Малодербетовского улуса⁴⁰².

При выяснении обстоятельств, приведших к появлению в конце 1820 – первой половине 1840-х гг. самовольных поселений на калмыцких землях, необходимо обратить внимание на их связь с ходом упорядочивания и оформления административных границ калмыков с соседними уездами Астраханской и Ставропольской губерний. В эти годы происходили уточнения границ землепользования между кочевниками и их соседями, которые сопровождались обменами сопредельными землями, прирезками земли к обществам или, наоборот, отрезками от них отдельных участков. Переселенцы, селясь на калмыцких землях, не всегда знали об их принадлежности калмыкам, считая их свободными казенными землями. Так, среди аксайских поселенцев было распространено мнение о том, что земли, на которых они водворились, были «захвачены» калмыками у казны, а основатели д. Михайловки и с. Левокумского, устраивая поселения на прогонах, ранее находившиеся во владении обществ с. Сасыкольское и Покойное, не знали или не придавали особого значения тому, что они были переданы калмыкам сельскими обществами в порядке земельной компенсации.

⁴⁰² РГИА. Ф. 383. Оп. 4. Д. 3260. Л. 15об.

В XIX в. на взаимоотношения оседлого населения и калмыков-кочевников Астраханской губернии сильно влияло существование 10-верстной полосы. Она была создана по указу Александра I от 19 мая 1806 г. в интересах жителей приволжских селений, скот которых весной и осенью страдал от нападений волжских оводов и мошки. Чтобы обеспечить скоту спокойный выпас, приволжским жителям разрешили пользоваться прилегавшими к их наделам калмыцкими землями. Для этого была произведена нарезка полосы вглубь калмыцкой территории на расстояние от 10 до 15 верст. Взамен калмыки получили право зимовать со своим скотом в займищных дачах приволжских селений.

Комиссия отмежевала под 10-верстную приволжскую полосу для совместного пользования калмыков и оседлого населения 170 449 дес. 726 саж. земли⁴⁰³. В ходе работы Комиссия допустила грубые ошибки при составлении документов. Одна из них заключалась в том, что в планы не была включена полоса для совместного пользования. Впоследствии крестьяне неоднократно использовали это упущение ради того, чтобы оспорить ее принадлежность калмыкам.

После завершения межевых работ крестьяне приволжских селений сразу же приступили к освоению 10-верстной полосы, постепенно вытесняя калмыков. В результате она превратилась из совместной полосы в полосу единоличного пользования оседлого населения. Более того, приволжские жители начали захватывать калмыцкие прогоны для скота к р. Волге и сдвинулись далеко за пределы 10 верст. В некоторых местах они построили небольшие хутора, хотя законом это категорически запрещалось.

Сознавая ненормальность сложившегося положения, калмыцкая администрация попыталась исправить допущенные Комиссией ошибки и восстановить справедливость. В середине 1830-х гг. Главный попечитель калмыцкого народа А. М. Фадеев вошёл в Министерство государственных имуществ с ходатайством провести проверку приволжской полосы, установить

⁴⁰³ РГИА. Ф. 381. Оп. 29. Д. 18613. Ч. 3. Л. 11.

формальную межу и нанести землю на план. Министерство положительно решило этот вопрос и направило в Астраханскую губернию топографа Богатырёва, который, однако, к делу так и не успел приступить: вначале его привлекли к выполнению другого поручения, а затем перевели в Оренбургскую губернию.

В 1840 г. Совет астраханского калмыцкого управления, собрав дополнительные сведения о 10-вёрстной полосе, пришел к заключению о нецелесообразности сохранения прежнего порядка совместного пользования полосой и о необходимости возвращения её в исключительное владение калмыков. Свою позицию он аргументировал тем, что калмыки вследствие огромных потерь скота в 1830-е гг. и участвовавших случаев заготовки сена и сооружений приютов для скота, перестали в прежней степени нуждаться в зимних займищах оседлых жителей. САКУ не видел никакой необходимости сохранять прежний порядок пользования приволжской полосой ещё и потому, что оседлые жители заставляли калмыков платить за зимовку в их займищных местах. По его мнению, следовало отменить пункт закона 1806 г. о совместном пользовании десятивёрстной полосой.

Территория будущей Внутренней (Букеевской) киргизской орды до переселения на неё казахов не была затронута переселенческим движением и не имела стационарных поселений. Она не привлекала оседлое население, поскольку природные условия в ней в целом были неблагоприятными для проживания человека, не вызывала она большого интереса и у властей, так как находилась вне зоны пролегания путей сообщения стратегического значения и разработки месторождений природных ископаемых.

В первой половине XIX в. букеевские казахи управлялись назначаемым правительством ханом, вначале Букеем (Бокеем), а после его смерти – султаном Шигаем, в 1823 г. русское правительство утвердило ханом Внутренней орды любимого сына Букея – Джангира, правившего до своей смерти в 1845 г. С именем последнего связано возникновение во Внутренней киргизской орде первого стационарного поселения. В детстве будущий хан несколько лет воспитывался в доме Астраханского гражданского губернатора С. С. Андреевского, где усвоил некоторые стороны жизни российского дворянства. Осёдлый образ жизни

понравился Джангиру, и, надо полагать, это обстоятельство повлияло на принятие им решения устроить себе резиденцию в стационарном поселении после того, как он вступил в управление Внутренней киргизской ордой.

В 1827 г. он исходатайствовал у российского руководства разрешение построить в степи, в 60 верстах от озера Эльтон, посёлок, который он задумал сделать административным центром Внутренней орды. В 1828 г. в нём возвели первые постройки и присвоили название «Ханская Ставка» (ныне г. Урда в Казахстане). Примеру хана последовали некоторые султаны, начавшие вслед за ним переезжать на жительство в посёлок, однако, несмотря на это, в первые годы его население росло медленно.

Ханская Ставка получила толчок своему развитию после того, как в 1832 г. хан Джангир добился у российских властей разрешения на организацию в ней постоянной стационарной торговли. Важно отметить, что своих профессиональных торговцев у букеевских казахов было мало, поэтому данную профессиональную нишу у них восполняли в основном представители других народов: татары, русские, армяне и др. Первоначально они торговали с казахами из населённых пунктов, расположенных на границе казахских кочевий, но затем начали углубляться в степь, постепенно перенося свои торговые операции непосредственно на территорию Внутренней орды⁴⁰⁴.

В первой трети XIX в. доминировала «развозная торговля», когда торговцы разъезжали по степи с целью продажи или обмена своих промышленных и продовольственных товаров, взамен они приобретали у кочевников скот и продукцию животноводства. Безопасные условия торговли, большие прибыли, которые приносила торговля, а также покровительство ей со стороны хана Джангира, благоприятствовали притоку во Внутреннюю киргизскую орду всё большего числа торговцев, некоторые из которых начали подумывать о возможности закрепления в ней на постоянное жительство. С покровительства Джангира в Ханской Ставке стали селиться занимающиеся торговлей купцы, крестьяне, мещане из разных российских губерний.

⁴⁰⁴ *Аспандияров Б. А.* Образование Букеевской Орды и её ликвидация. Алматы: Казак энциклопедиясы, 2007. С. 91.

Особенные надежды на торговлю хан Джангир возлагал и в деле постепенного приобщения своих подвластных к оседлому образу жизни. В 1839 г. он просил Николая I разрешить основать из пожелавших перейти на оседлость казахов 10 выселков и учредить в каждом из них по две ярмарки в год. Эти поселения должны были составить «зародыш будущих торговых местечек», дав толчок развитию торговли, и стать «постоянными точками правительственных распоряжений, а также пунктами для запасов в случае холода»⁴⁰⁵. В них планировалось привлечь на жительство врачей, ветеринаров, открыть больницы и другие гражданские учреждения. Однако этот план воплощён в жизнь не был.

Способствуя развитию торговли, хан Джангир, безусловно, руководствовался и личной выгодой. Как уже отмечалось, в детском возрасте он несколько лет воспитывался в доме астраханского гражданского губернатора и усвоил некоторые стороны повседневности русских дворян, в частности жизнь на широкую ногу. Для роскошного образа жизни требовались большие денежные затраты, поэтому хану было выгодно привлекать в свою ставку людей, которые могли помочь ему покрыть расходы.

Что касается российских властей, то они не препятствовали Джангиру в проводимой им торговой политике, так как она их вполне устраивала. Она не вела к осложнению общественно-политической и социально-экономической обстановки во Внутренней орде, поскольку не предполагала изъятия земель у кочевников: торговцам в силу специфики их рода деятельности не требовалось большого количества земли, а если земля и была нужна, то в малом количестве и только тем из них, которые занимались стационарной торговлей в Ханской Ставке. Одним словом, торгово-ремесленный контингент поселян вполне устраивал и хана, и российские власти, поскольку был малочисленным и не стеснял в земельном отношении кочевников-казахов, постоянно жаловавшихся на недостаток земель.

При анализе переселенческой политики необходимо иметь в виду и то обстоятельство, что в XIX в. высшее российское руководство не разрабатывало программ, направленных на изменение образа жизни казахов и использование

⁴⁰⁵ РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. Д. 1. Л. 181.

части земель Внутренней орды под заселение крестьян или для других государственных и местных нужд. 23 декабря 1852 г. Оренбургский и Самарский генерал-губернатор В. П. Перовский писал Киселеву про казахов Внутренней орды: «Земледельческим население это, по качеству занимаемой ими земель, сделаться не может, да нет в том и никакой нужды для государства, которому гораздо выгоднее, чтобы киргизы навсегда оставались народом пастушеским»⁴⁰⁶.

К этому добавим ещё и то, что казахи имели в пользовании меньшее количество земли, чем калмыки, но зато вдвое их превосходили по числу скота. При таких обстоятельствах изъятие какой-либо части земель казахами было бы встречено крайне болезненно.

Большое значение также имел тот факт, что через территорию Внутренней орды не проходили дороги, имевшие стратегическое значение для государства, и вдоль которых надо было создавать сеть стационарных поселений.

Перечисленные выше факторы не способствовали сколь-нибудь значительному развитию процесса переселений на земли Внутренней орды.

4 февраля 1828 г. в записке к управляющему Министерством иностранных дел К. В. Нессельроде сенатор Ф. И. Энгель указывал на необходимость продолжать развивать торговлю во Внутренней киргизской орде. Во время ревизии в 1827 г. он посетил урочища: Ханская Ставка, Уялы и Чапчачи, выделенные специально под торговлю неместного населения с казахами. На него произвела впечатление сумма, вырученная в них от сбыта товаров, составившая в 1827 г. 2 000 000 руб., в связи с чем он заметил, что «торговля сия важна и достойна особенного внимания и поощрения».⁴⁰⁷

Хан Джангир весьма успешно проводил политику сосредоточения торговой политики в своих руках. Он лично разработал правила торговли, по которым он взял на себя обязательства выплачивать приезжим торговцам долги несостоятельных должников из числа своих подвластных⁴⁰⁸, добился того, чтобы

⁴⁰⁶ История Букеевского ханства. 1801–1852 гг. Сборник документов и материалов / сост. Б. Т. Жанаев, В. А. Иночкин, С. Х. Сагнаева. Алматы: Дайк – Пресс, 2002. С. 818.

⁴⁰⁷ РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. Д. 1. Л. 121–133об.

⁴⁰⁸ *Евреинов А.* Внутренняя или Киргиз-Казачья орда // Букеевской Орде 200 лет / науч. ред. М. Кулькенов. Кн. 4. Алматы: Олке, 2001. С. 69.

доходы с ярмарки в Ханской Ставке направлялись в его распоряжение, а после его смерти в 1845 г. — его наследникам, которые пользовались ими до 1863 г.; в этом году государство выкупило у них данное право, и ярмарочные доходы перешли в ведение коллективного органа управления Внутренней киргизской ордой — Временного совета. В целях привлечения торговцев на постоянное место жительства в Ханской Ставке хан Джангир разрешил им брать бесплатно землю под строительство жилых и хозяйственных построек и распорядился продавать скот только оседлым жителям ставки и покупать товары только у них⁴⁰⁹.

В 1832 г. правительство запретило приезжим вести разъездную торговлю среди казахов и тем самым вынудило их начать переход к стационарной торговле в отведённых для этих целей местах.

Меры стимулирующего характера, предпринятые ханом Джангиром в отношении торговли, способствовали увеличению числа пришлых торговцев и ремесленников в Ханской Ставке, которая, как пишет историк С. З. Зиманов, «превратилась в полном смысле слова в купеческое селение»⁴¹⁰. В конце 1840-х гг. в ней постоянно проживали 69 казахов (37 муж. и 32 жен.), 99 казанских татар (51 муж. и 48 жен.), 83 русских (38 муж. и 35 жен.) и 4 армянина (3 муж. и 1 жен.). Более половины казахского населения принадлежала к высшей знати, среди русских большинство составляли занимавшиеся торговлей купцы, мещане и крестьяне, и 10 человек служили чиновниками, для казанских татар и армян главным родом деятельности была торговля⁴¹¹. Зимой и во время проводившихся ярмарок население Ханской Ставки увеличивалось до нескольких сотен человек.

В середине XIX в. во Внутренней киргизской орде постоянно находилось 1000 астраханских и уральских казаков, которые несли службу в Ханской ставке, на Каспийской и Ахтубинской (астраханские казаки), Эльтонской и Новоузенской (уральские казаки) укрепленных линиях⁴¹². Большинство из них после отбытия

⁴⁰⁹ Евреинов А. Внутренняя или Киргиз-Казачья орда // Букеевской Орде 200 лет / науч. ред. М. Кулькенов. Кн. 4. Алматы: Олке, 2001. С.46–47.

⁴¹⁰ Зиманов С. З. Россия и Букеевское ханство. Алма-Ата: Наука, 1982. С. 73.

⁴¹¹ Бларамберг И. Ф. Военно-статистическое обозрение земель киргиз-кайсаков Внутренней (Букеевской) и Зауральской (Малой) орды Оренбургского ведомства. СПб., 1848. Т. 14. Ч. 3. С. 13.

⁴¹² Бекмаханова Н. Е. Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии. Последняя четверть XVIII – 60-е годы XIX в. М.: Наука, 1980. С. 127.

смены, возвращались в родные станицы, но среди казаков имелась небольшая группа, постоянно проживавшая и занимавшаяся хозяйственной деятельностью на землях букеевских казахов.

Наиболее многочисленными из числа временно проживавших на территории Внутренней орды лиц были татары Казанской губернии. По данным И. С. Иванова, помимо татар, постоянно проживавших в Ханской Ставке и на Глиняном форпосте, приблизительно 2000 татар вели разъездную торговлю с казахами⁴¹³. Последние, будучи татарам родственными по языку и религии, испытывали к ним доверия больше, чем к представителям других народов, поэтому коммерческие дела у татарских торговцев шли довольно успешно⁴¹⁴. По утверждению современного исследователя М. М. Имашевой, «торговцы-татары, несмотря на активную коммерческую деятельность, приобретение ими недвижимости в Орде, никогда окончательно не порывали связей с родиной, сохраняли национальный язык и обычаи»⁴¹⁵. Их дети учились только в татарских школах, они предпочитали заключать браки только с представителями своей этнической группы, молились в своих мечетях.

Татарские торговцы не только торговали, но и пропагандировали среди казахов ислам. Букеевские казахи до своего поселения в волго-уральских степях, хотя и исповедовали ислам, но знали его поверхностно, и влияние его на них было слабым. Татары-переселенцы способствовали укоренению ислама в казахской среде, причём большую помощь им в этом деле оказывал хан Джангир. После его смерти в 1845 г. выяснилось, что правление Джангира было не столь полезным для России и казахов, как это виделось современникам при его жизни. Вскрылись множественные факты, злоупотребления властью со стороны хана и произвол в отношении своих подданных. «Но более всего нанесло вред России управление

⁴¹³ *Иванов И. С.* Внутренняя Киргизская Орда // Букеевской Орде 200 лет. / науч. ред. М. Кулькенов. Кн. 2. Алматы: Олке, 2001. С. 123.

⁴¹⁴ *Имашева М. М.* Торгово-предпринимательская и общественная деятельность татар во Внутренней киргизской орде Астраханской губернии (конец XIX–XX вв.) // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2014. № 4 (30). С. 127.

⁴¹⁵ *Имашева М. М.* Торгово-предпринимательская и общественная деятельность татар во Внутренней киргизской орде Астраханской губернии (конец XIX–XX вв.) // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2014. № 4 (30). С. 128.

Джангира — отмечал генерал-губернатор Оренбургской и Самарской губерний В. А. Перовский в своем в отношении от 23 декабря 1852 г. к министру государственных имуществ графу П. Д. Киселеву — распространением в Орде магометанства, с которым дотоле масса киргизов была вовсе не знакома. Без существования в Орде хана Джангира слабая степень, в какой исламизм проник в класс султанов, могла бы совершенно изгладиться, и простой народ, не имевший никакой религии, тем доступнее оказывался бы к восприятию христианства»⁴¹⁶. По его словам, «султанский класс в Орде успел он (т. е. Джангир) еще при жизни своей напитать враждебным всякому развитию мусульманским высокомерием», а муллы стали «усердными распространителями нелепых слухов и первыми подстрекателями к неповиновению русской власти и русскому закону»⁴¹⁷.

В первой половине 1870-х гг. пришлые торговцы основали во Внутренней киргизской орде два новых поселения — Новую Казанку и Таловку. Первая возникла в 1871 г. в 20 верстах от административной границы Астраханской губернии с Уральской областью, при ставке правителя Камыш-Самарской части Внутренней орды, напротив упразднённого форпоста уральских казаков — Глининского. Посёлок расположился в удобном географическом месте — на пересечении торговых путей, идущих с юго-востока из г. Гурьева на северо-запад, к г. Александров Гай Самарской губернии. Кроме того, через Новую Казанку проходила дорога, связывающая восточную часть Внутренней киргизской орды и земли уральских казаков с административным центром букеевских казахов — Ханской Ставкой⁴¹⁸.

Первыми жителями Новой Казанки были 32 семьи татар из Казанской губернии, торговавших на Глининском форпосте. В 1871 г. форпост упразднили, и татары попросились перейти в ставку. Им разрешили, но без права пользования

⁴¹⁶ История Букеевского ханства. 1801–1852 гг. Сборник документов и материалов / сост. Б. Т. Жанаев, В. А. Иночкин, С. Х. Сагнаева. Алматы: Дайк – Пресс, 2002. С. 814.

⁴¹⁷ История Букеевского ханства. 1801–1852 гг. Сборник документов и материалов / сост. Б. Т. Жанаев, В. А. Иночкин, С. Х. Сагнаева. Алматы: Дайк – Пресс, 2002. С. 815.

⁴¹⁸ *Поленов А.* Пути торгово-промыслового движения в Букеевской орде и в пограничных с нею местностей // Букеевской Орде 200 лет / науч. ред. М. Кулькенов. Кн. 6. Алматы: Олке, 2001. С. 155.

землём и прописки. Вскоре к первопоселенцам стали приселяться другие татары, а также казахи и русские.

Одновременно с Новой Казанкой возник п. Таловка. После упразднения в 1871 г. форпоста уральских казаков Таловского на его месте с разрешения оренбургского генерал-губернатора остались торговавшие здесь до этого 5 семей татар. С 1875 г. в поселке начали селиться с торговыми целями татары и русские, а также казахи, большинство из которых освоили ремесленные специальности (плотничное, кузнечное, сапожное и др.), ставшие источником их существования⁴¹⁹. Русские появились в Таловке из соседней с Внутренней киргизской ордой Самарской губернии и вскоре превратились в самую многочисленную этническую группу в поселке.

В Калмыкии первое устройство на постоянное жительство переселенцев из числа торговцев и ремесленников связано с учреждением п. Калмыцкий Базар. В 1801 г. по повелению императора Павла I для него отвели участок земли на правом берегу р. Волги. По замыслу властей, он предназначался для калмыков, чтобы сделать сбыт скота и продукции скотоводства более удобным и выгодным для них и подконтрольным для администрации, а также для упорядочивания системы найма калмыков на работы к рыбопромышленникам и владельцам других предприятий. Выгоды торговли с кочевниками и близость Калмыцкого Базара к г. Астрахани (9 вёрст) привлекли в него татар и армян, которые стали обустриваться в нём на постоянное жительство. В 1806 г. в посёлке имелось 15 домов, лавок и амбаров, большинство из которых принадлежали юртовским татарам⁴²⁰, в 1822 г. на Калмыцком Базаре насчитывалось уже 14 домов, 76 лавок, 12 амбаров⁴²¹.

Торговцы покупали пригоняемый калмыками скот, часть которого забивалось на мясо и сало, и затем вместе с живым скотом отправлялась на рынки г. Астрахани. Многие татары и туркмены скупали у калмыков скот на стадии его перегонки к Калмыцкому Базару и продавали его в посёлке по более высоким

⁴¹⁹ *Поленов А.* Пути торгово-промыслового движения в Букеевской орде и в пограничных с нею местностей // Букеевской Орде 200 лет / науч. ред. М. Кулькенов. Кн. 6. Алматы: Олке, 2001. С. 158.

⁴²⁰ НА РК. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 133. Л. 9.

⁴²¹ НА РК. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 173. Л. 18–22об.

ценам, а некоторые занимались маклерством, т. е. зарабатывали на организации торговых сделок между продавцами и покупателями. Торговали они также продовольственными и промышленными изделиями.

Подавляющее большинство жителей п. Калмыцкий Базар, за исключением калмыков, поселились, построились и открыли торговлю без разрешения властей, при этом ни калмыки, ни власти им в этом не препятствовали. Равнодушие, проявленное калмыками в отношении поселения на их земле посторонних лиц, очевидно, было вызвано тем обстоятельством, что калмыки не испытывали тогда интереса к занятию торговлей на профессиональном уровне, к тому же торговая деятельность новопоселенцев не вела к изъятию у калмыков земель. Что касается властей, то можно предположить, что здесь имели место либо отсутствие надзора за ситуацией в посёлке, либо, возможно, ещё и определённая заинтересованность администрации в развитии торговли скотом вблизи губернского центра с целью создания конкуренции и понижения цен на мясную продукцию. Не препятствуя самовольному заселению Калмыцкого Базара торговцами и ремесленниками некалмыцкого происхождения власти, видимо, также исходили из тех же соображений, что их обустройство в поселке усилит конкуренцию в торговле и ремесленном производстве, а это, в свою очередь, приведет к снижению цен на товары, приобретаемые калмыками.

Вначале Астраханский гражданский губернатор А. С. Осипов и Астраханская комиссия калмыцких дел намеревались поступить с самовольными поселенцами строго в соответствии с законом, т.е. всех их выселить, постройки снести, торговлю ликвидировать, но за них вступился вице-губернатор В. Смирнов, предложивший их не удалять, а обложить сбором в пользу калмыков⁴²². Вице-губернатора поддержали владельцы и правители улусов, однако окончательного решения данный вопрос не получил из-за начавшейся подготовки нового положения об управлении калмыцким народом.

Власти не решились выселить самовольных поселенцев, поскольку понимали, что это приведёт к ликвидации поселения и свёртыванию торговли, в

⁴²² НА РК. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 17. Л. 10об.

чём не была заинтересована ни одна из сторон. На калмыцкое население рассчитывать не приходилось, так как оно в посёлке было очень малочисленным и к тому же в массе своей продолжало жить в кибитках.

В 1856 г. Министерство государственных имуществ отправило в г. Астрахань для проведения ревизии Астраханской палаты государственных имуществ (АПГИ) и ознакомления с положением калмыцкого народа надворного советника Л. О. Любовидского. Относительно Калмыцкого Базара он высказал мнение, что его надо развивать как «вполне калмыцкую посадскую колонию» и предложил принять поощрительные меры по «приохочиванию калмыков к занятию торговлей»⁴²³.

У руководства МГИ, однако, были свои виды на будущее посёлка и вообще на роль торговли в развитии калмыцкого общества. Директор I департамента МГИ полагал, что посёлок необходимо развивать и дальше, «но не как средство к расширению торгового и промышленного значения сего места, или к привлечению калмыков к осёдлой жизни, и промышленной, и торговой деятельности, а собственно для того, чтобы место, долженствующее служить средоточием торговли калмыков, более соответствовало своему назначению ...»⁴²⁴. В МГИ считали, что приобщение калмыков к торговле и городской жизни не пойдёт им на пользу, поскольку калмыки, переняв городской образ жизни и научившись торговать, усвоят и их «дурные качества»⁴²⁵. Что касается посторонних лиц, то их МГИ рекомендовало «в интересах калмыков» привлекать в посёлок, регулируя пребывание их там «Положением об управлении калмыцким народом» от 23 апреля 1847 г.⁴²⁶

В отличие от МГИ местные власти в лице АПГИ и Главного попечителя калмыцкого народа не рассматривали п. Калмыцкий Базар только как место сбыта скотоводческой продукции калмыков. 18 декабря 1860 г. Главный попечитель калмыцкого народа В. Н. Струков в докладе директору I департамента высказался так: «Я не думаю преобразовывать Калмыцкий Базар в город, а сделать из него

⁴²³ НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 118. Л. 122–124об.

⁴²⁴ НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 118. Л. 127об.

⁴²⁵ НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 118. Л. 127об.

⁴²⁶ Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1830. Т. 22. С. 356.

склад, или депо произведений промышленности и таким образом, притянуть к этому местечку русских промышленников, развить в калмыках дух торговли и вместе с сим открыть возможность сбить на астраханском рынке цены на главнейшие потребности народа»⁴²⁷.

Местные власти не согласились и с мнением представителей высшей власти о плохом влиянии торговли на нравственность калмыков и неготовности их заниматься этим родом деятельности. Они утверждали, что, приобщение калмыков к занятию торговлей и промышленными делами улучшит их нравственные качества, разовьёт в них стремление к просвещению, и что благодаря указанным видам деятельности калмыки «также усваивают и хорошую сторону городской жизни»⁴²⁸.

Несмотря на активное обсуждение вопроса о дальнейших путях развития п. Калмыцкий Базар, принципиальных изменений в торговой политике правительства не произошло. Государство, как и ранее, не запрещало калмыкам и посторонним лицам заниматься торговлей на калмыцких землях, но в тоже время оно и не поощряло этот род деятельности путём предоставления льгот и ссуд и другими мерами. Во второй половине XIX в. изменения происходили в основном по линии упорядочения порядка торговли и в сфере налогообложения.

Будущий путь развития калмыцкого общества российское руководство видело в переводе его на оседлый образ жизни, приобщении его к занятию земледелием и формировании социума по образцу государственной деревни.

В 1844 г. сенатор, князь П. П. Гагарин, проводивший ревизию калмыцкого управления, пришел к выводу о том, что корень многих проблем в жизни калмыцкого народа лежит в кочевом образе жизни. Чтобы сделать управление калмыками более эффективным и улучшить их положение, необходимо было поменять их образ жизни. Оседлость сделала бы жизнь калмыков более обеспеченной в материальном отношении и ускорила их интеграцию в российское социокультурное пространство.

⁴²⁷ НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 122. Л. 18.

⁴²⁸ НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 118. Л. 137об.

Сенатор полагал начать процесс обоседления с добровольного поселения части калмыков вдоль шести дорог на калмыцких землях Астраханской губернии и Кавказской области. В целях оказания помощи калмыкам в обучении их навыкам оседлой жизни и занятию земледелием Гагарин считал полезным поселить вместе с калмыками в нескольких станицах по 50 русских семей⁴²⁹. В случае неудачи поселения калмыков, предполагалось полностью заселить придорожные поселения русскими.

Высказанные князем П. П. Гагариным в ходе ревизии калмыцкого управления предложения о направлении и способах преобразований в Калмыкии заинтересовали Министерство государственных имуществ. План привлек тем, что он удачно объединил две ранее отдельно рассматривавшийся проблемы: перевод калмыков на осёдлость и заселение стратегических дорог.

Взяв за основу преобразований в Калмыкии гагаринский вариант, МГИ 31 мая 1844 г. препроводило соображения сенатора к К. И. Оленичу-Гнененко, совмещавшего должности управляющего Астраханской палатой государственных имуществ и Главного попечителя калмыцкого народа, поручив ему на основе их составить подробный проект. В ноябре того же года он был готов.

Проект Оленича-Гнененко «О водворении калмыцкого народа» содержал развёрнутую программу освоения территорий, прилегающих к трактам и перевода калмыков на осёдлость. Он предусматривал создание населенных пунктов вдоль 6 дорог: по Царицынско-Ставропольскому тракту — от с. Цаца до с. Петровское (15 станиц); по Аксайской дороге — от с. Цаца до с. Аксай (2 станицы); по Кизлярскому тракту — от г. Астрахань до д. Владимировка Кавказской области (15 станиц); вдоль двух дорог, проходящих по территории Хошеутовского улуса, по направлению к г. Красный Яр (2 станицы); на участке дороги Астрахань – Царицын в очередном кочевье калмыков всех улусов (10 станиц). В 44-х станицах планировалось поселить 2200 семей калмыков (по 50 семей в каждой станице) и 300 семей государственных крестьян⁴³⁰.

⁴²⁹ РГИА. Ф. 383. Оп. 10. Д. 9366а. Л. 57об.

⁴³⁰ РГИА. Ф. 383. Оп. 10. Д. 9366 а. Л. 30.

В документах не объясняется, кто и почему поселения государственных крестьян, не имеющих никакого отношения к казачеству, предложил назвать станицами. Можно только догадываться о прямой здесь связи со спецификой решаемых в регионе задач. Напрашивается предположение, что термин «станция» ввели в употребление, чтобы подчеркнуть отличительные особенности новых поселений внутри губернии, как поселений, во-первых, расположенных на калмыцких землях, а во-вторых, русско-калмыцких по составу населения. Возможно, появление этого слова было связано ещё с устройством поселений вдоль дорог. Слово «станция» имеет общий корень со словом «стан», означающее, по авторитетному свидетельству В. А. Даля, населённый пункт около дороги. Не исключено также, что данное слово являлось просто отзвуком первоначально одобренного императором плана Тимирязева о создании вдоль дорог казачьих поселений из калмыков.

По проекту Оленича-Гнененко станицы получали высокое земельное обеспечение — из расчёта по 30 десятин на ревизскую душу в «неотъемлемую собственность» их владельцев и ещё 1/5 часть от этого количества про запас. Безаймачным зайсангам полагалось по 300 дес. на семью, аймачным — по 600 дес. духовенству — 1500 десятин, ламе — 3000 дес.⁴³¹. Желаящим перейти на осёдлость предоставлялось 15-рублёвое пособие серебром и за ними сохранялось право пасти скот на улусных землях. Для перехода на осёдлость устанавливались следующие сроки: 7 лет для простолюдинов и 3 года для владельцев улусов и зайсангов⁴³². Проект также включал меры по развитию земледелия, лесоводства, строительству домов и содержанию дорог в исправном состоянии.

По истечении трёх лет Оленич-Гнененко предлагал приступить к заселению поперечных дорог в Калмыцкой степи. В случае отказа калмыков селиться на предназначенные им места их предусматривалось передать русским переселенцам. Для проведения программы в жизнь в г. Астрахани планировалось учредить комиссию в составе Главного попечителя калмыцкого народа, правителей и

⁴³¹ РГИА. Ф. 383. Оп. 10. Д. 9366 а. Л. 39об.

⁴³² РГИА. Ф. 383. Оп. 10. Д. 9366 а. Л. 39.

владельцев улусов, землемера, инженера, лесничего, переводчика и других. Все расходы по заселению дорог возлагались на Совет астраханского калмыцкого управления.

Завершив работу над проектом, К. И. Оленич-Гнененко направил его в Комитет Министров. Здесь он был немного изменён и включён в составленное статс-секретарём В. И. Карневым «Положение о водворении калмыцкого народа». Оно в основных своих положениях повторяло оленичевский проект, но численность государственных крестьян в нем увеличивалась до 2200 семей, что составило половину от всех запланированных для поселения в этих станицах семей. Доведение численности государственных крестьян до половинной пропорции всех жителей произошло по указанию министра государственных имуществ графа П. Д. Киселёва. Ещё до начала разработки министерского проекта тот выразил сомнение относительно достижения в обозримом будущем цели перевода калмыков на осёдлый образ жизни. К этому выводу Киселёв пришёл после тщательного анализа информации по этому вопросу, которая, начиная с 1838 г., регулярно поставлялась астраханскими властями в МГИ.

К середине 1840-х гг. окончательно прояснилось, что проявившаяся в начале 1830-х гг. тенденция к переходу части калмыков к осёдлости оказалась неустойчивой и кратковременной. В этой ситуации выдвигать в качестве ведущей цели программы, носившей комплексный характер, перевод калмыков на осёдлость, означало бы обречь на неминуемый срыв другие её не менее важные пункты, в частности, заселение дорог и освоение прилегающих к ним территорий. В случае неудачи поселения калмыков на трактах выполнить эти последние задачи было бы невозможно. Чтобы не допустить этого, в МГИ решили, не отказываясь в принципе от идеи перевода калмыков на осёдлость, главные усилия направить на создание поселений вдоль трактов, при этом сделав основной упор в преобразованиях в Калмыкии на государственных крестьян.

Перенос центра тяжести с проблемы осёдлости на заселение дорог и экономическое развитие края одновременно снижало активность интеграционной политики государства по отношению к калмыцкому народу, ориентируя органы

власти на преимущественное решение других потребностей и насущных задач региона.

30 декабря 1846 г. Киселёв подал императору проекты указа «О заселении дорог на калмыцких землях в Астраханской губернии» и одноименной инструкции, а также расписание штатов Комиссии по заселению дорог, которые в тот же день были утверждены и вступили в силу.

По указу «О заселении дорог на калмыцких землях в Астраханской губернии» планировалось создать 44 населенных пунктов (станций) вдоль 6-ти, пересекавших калмыцкие земли дорог, и поселить в каждом из них по 50 семей государственных крестьян-переселенцев и по 50 семей из числа добровольно пожелавших перейти к оседлой жизни калмыков.

Надо отдать должное разработчикам программы заселения дорог на калмыцких землях 1846 г. в том, что они, несмотря на неминуемые для кочевников в ходе предстоящей её реализации издержки, учли и интересы калмыков. Решено было ограничиться изъятием земель только вдоль трактов, и привлечь на них ограниченное количество переселенцев, придерживаться строгой регламентации землеустроительных дорог, когда землемерам предписывалось во избежание стеснения калмыков, не углубляться в степь, а проводить отвод земельных наделов новых поселений как можно ближе к дорогам.

В июне 1847 г., учрежденная в г. Астрахани из чиновников и служащих губернской администрации, возглавляемая Главным попечителем калмыцкого народа К. О. Оленичем-Гнененко (он же являлся управляющим Астраханской палатой государственных имуществ), Комиссия по заселению дорог на калмыцких землях Астраханской губернии приступила к выбору мест под поселения. Указ и инструкция от 30 декабря 1846 г. не предусматривали проведения предварительных изыскательских работ техническими специалистами, поэтому выбор мест осуществлялся исключительно путём личного визуального осмотра членов Комиссии. Это привело к ошибкам в землеустройстве, а ряд мест, избранных под поселения, и вовсе оказались непригодными к заселению. Более того, в первый полевой сезон работы Комиссия не смогла даже уложиться в определённую указом

от 30 декабря 1846 г. цифру: под поселения было выбрано 36 пунктов вместо намеченных 44-х.

Одновременно ими проводилась работа по выявлению среди калмыков лиц, пожелавших поселиться в станицах, а Главный попечитель вступил в переписку с МГИ и его палатами центральных губерний России и левобережной Украины по вопросу выявления средигосударственных крестьян, желающих переселиться на калмыцкие земли.

1 февраля 1848 г. Оленич-Гнененко обратился в I Департамент МГИ с предложением начать переселения крестьян и уже через месяц получил положительный ответ. В нём содержались более точные данные о контингенте, численности переселенцев, размере пособий. Так численность переселяющихся в Калмыцкую степь на первый год определялась в количестве 520 семей, а размер безвозмездного пособия в 35 рублей серебром на семью. МГИ ограничило переселение выходцев из многоземельных губерний, сделав исключение для государственных крестьян Екатеринославской губернии, имевших «образцовые хозяйства» и крестьян, прибывших на поселение в Ставропольскую губернию, но не получивших в ней в силу разных обстоятельств земли и пособий⁴³³.

Весной 1848 г. Комиссия приступила к топографической съёмке и разбивке земель под поселения, начав эту работу с Малодербетовского улуса. В апреле–мае землемером П. А. Домниным и двумя топографами были сняты земли на Аксайской дороге и на Царицынско-Ставропольском тракте для станиц: Плодовитая, Абганерова, Садовая. Дальнейшая съёмка на Царицынско-Ставропольском тракте была прервана вспыхнувшей в Малодербетовском улусе эпидемией холеры, в связи с чем землеустроительные работы пришлось перенести в Яндыковский улус, на Астраханско-Кизлярский тракт. Но и там съёмка длилась недолго. Вскоре она была приостановлена из-за обнаружившегося дефицита пригодных земель. По подсчётам Домнина, для семи станиц этого тракта требовалось 109 200 десятин удобных земель, в действительности же их оказалось всего 57 878 десятин.

⁴³³ Пальмов Н. Н. Обоседление калмыков и русская иммиграция в Калмыцкую степь // Калмыцкая область. 1925. № 2. С. 134.

Следовательно, необходимо было найти и доснять ещё 51 322 десятин удобных земель, добавив к этому числу 50 тысяч десятин неудобных⁴³⁴.

Эпидемия холеры не позволила выполнить намеченный на лето объём работы, что вызвало в правительстве серьёзную обеспокоенность за судьбу дела. Осталось оно недовольно и деятельностью Оленича-Гнененко, посчитав её недостаточно энергичной и продуктивной. Его решили заменить генерал-майором М. И. Тагайчиновым, зарекомендовавшим себя с положительной стороны на службе в Министерстве государственных имуществ.

Вступив в должность Главного попечителя, Тагайчинов внимательно изучил по документам работу Комиссии и составил «Ведомость об успехе заселения дорог на калмыцких землях». По данным ведомости, в 1848 г. было положено начало четырём станицам (Удачной, Абганеровой, Тундутовой, Крестовой), где поселилось 130 семей государственных крестьян. В 1849 г. ожидалось к переселению 813 семей, и о 117 велась переписка⁴³⁵. Всего предполагалось поселить 1060 семей крестьян против намеченной цифры в 520 семей. Правительство, всё ещё надеясь привлечь калмыков в станицы, не решилось дать разрешение на поселение такого количества переселенцев, опасаясь этим отпугнуть калмыков от поселения в станицах. 17 января 1849 г. оно предостерегло Тагайчинова от чрезмерного увлечения переселением крестьян и подтвердило свою приверженность старой цифре в 520 семей⁴³⁶. Такой поворот событий поставил в тяжёлое положение приготовившихся к переселению крестьян. Многие из них уже успели продать свои дома и, не дожидаясь вызова Астраханской палаты государственных имуществ, на свой страх и риск прибыли в Астраханскую губернию, поспешив занять свободные места в станицах. Некоторые станицы (Доля, Спасская) оказались полностью заселёнными такими переселенцами. Немало в новых поселениях оказалось и крестьян из губерний, относившихся к

⁴³⁴ НА РК. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 18. Л. 8об.

⁴³⁵ Пальмов Н. Н. Обоседление калмыков и русская иммиграция в Калмыцкую степь // Калмыцкая область. 1925. № 2. С. 145.

⁴³⁶ Пальмов Н. Н. Обоседление калмыков и русская иммиграция в Калмыцкую степь // Калмыцкая область. 1925. № 3. С. 71.

разряду многоземельных, которые, спасаясь от неурожая 1848–1849 гг., вместе с семьями и хозяйствами переселились на калмыцкие земли.

В интересах скорейшего заселения дорог самовольных переселенцев специальным указом от 2 мая 1849 г. решено было оставить в станицах, но без льгот и пособий. Указ действовал в отношении переселенцев, прибывших до 2 мая 1849 г., и не распространялся на последующих самовольных переселенцев. Относительно переселений из многоземельных губерний в указе говорилось, что: «впредь до заселения станиц, не стесняясь, разрешать по особым уважениям причисления в оные крестьян по их желанию, хотя бы и выходящих из многоземельных губерний»⁴³⁷.

Весной 1849 г. в степи возобновились землеустроительные работы. Этот сезон для землеустроителей выдался особенно тяжёлым. В связи с массовым прибытием переселенцев им пришлось действовать в напряжённом ритме, чтобы новосёлы имели возможность сразу же приступить к полевым работам. В новом полевом сезоне был учтён опыт прошлого года, когда наделение землёй переселенцев проводилось длинными полосами вдоль дороги, что создало неудобства, как для крестьян, так и для кочующих калмыков. В результате такой нарезки крестьянские поля оказались на большом расстоянии от станиц, причём в некоторых из них до 20-ти вёрст, а калмыки лишались возможности перегонять свой скот через дороги. Землемер Домнин предложил производить нарезку земель в надел переселенцам квадратными участками так, чтобы станицы находились в их центре, а между поселениями образовывать промежутки для прогона скота⁴³⁸.

Астраханская палата государственных имуществ одобрила предложение Домнина и обязала землеустроителей переснять участки земли, нарезанные длинными полосами в 1848 г., и в дальнейшем проводить съёмку и нарезку квадратными участками. При наделении первых четырёх станиц, начиная от Тундутовой (Садовая, Обильная, Киселёва), палата рекомендовала, в целях сохранения за калмыками большего количества пастбищ, отводить основную массу

⁴³⁷ РГИА. Ф. 383. Оп. 24. Д. 37373. Л. 7.

⁴³⁸ НАРК. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 18. Л. 17об.

земли ближе к административной границе Области войска Донского и меньшую часть — по другую сторону Царицынско-Ставропольского тракта. В прочих же станицах до Приютной участки располагать так, чтобы один край граничил с землями Войска Донского, а другой переходил внутрь за дорогу.

В 1849 г. землемером и двумя топографами было переснято 44 000 десятин для станиц Царицынско-Ставропольского тракта: Абганерова, Плодовитая, Тундутова, Садовая и осуществлена съёмка земель для станиц: Обильная, Киселёва, Заветная, Торговая, Ремонтная, Крестовая, Кормовая, Приютная, Дивная, Дербетовская, Винодельная, Предтеченская, а также станиц Кизлярского тракта: Урожайная, Спасская, Доля, Трудовая, Яндыковская, Промысловая, Караванная. Всего было снято на план 315 332 десятин земли, из них 147 332 десятин сверхплановых⁴³⁹. Помимо этого, землемером АПГИ Сурвилло была произведена съёмка и нарезка 54 113 десятин для станиц: Удачная, Княжая, Хошеутовская, расположенных в луговой стороне Волги⁴⁴⁰.

Изменения коснулись не только землеустройства, но и застройки станиц. В 1849 г., по указанию Министерства государственных имуществ, была изменена планировка станиц: Абганерова, Тундутова и Крестовая; в их центральных частях были устроены площади, а в первых двух станицах, помимо этого, вместо одной линии домов создано две⁴⁴¹.

В первые годы проживания в станицах переселенцы испытывали большие трудности при строительстве жилых помещений. В степной глубинке не было леса, а его покупка на волжских пристанях и перевозка обходились очень дорого, к тому же население калмыцких степей, ведшее кочевой образ жизни, не обладало опытом строительного дела.

Всей работой по обеспечению переселенцев жильём руководил инженер комиссии, в обязанности которого входили разбивка линии домов и улиц, изыскание и подвоз строительных материалов, оказание помощи переселенцам в строительстве домов по планам, утверждённым МГИ.

⁴³⁹ ГААО. Ф. 794. Оп. 1. Д. 184. Л. 61.

⁴⁴⁰ РГИА. Ф. 380. Оп. 1. Д. 237. Л. 24.

⁴⁴¹ НАРК. Ф. И-7. Оп. 6. Д. 4. Л. 3об.

Для переселенцев был разработан специальный проект строительства так называемых «образцовых» домов, но их возведение оказалось неудобным и дорогим для крестьян, поэтому Первый департамент МГИ вынужден был отменить своё решение по этому проекту и вернуться к распространённым в степной местности планам строительства домов.

Инженер Держановский предложил производить постройки из земляного кирпича (самана) и разработал рекомендации по его изготовлению. Саман делался из смеси глины и высушенных трав (солоты и др.), затем просушивался на солнце, и после этого его можно было использовать в строительстве. Материал необходимый для выделки самана не надо было завозить, поскольку его в степи имелось в достаточном количестве. Для обучения переселенцев изготовлению саманного кирпича станичные общества, по распоряжению Главного попечителя калмыцкого народа, послали по одному человеку в Ставропольскую губернию, где имелся опыт подобного производства⁴⁴².

В приволжских и приморских районах, где лес можно было приобрести по более низким ценам, переселенцы некоторых станиц использовали в строительстве лесной материал. В станице Удачной крестьяне купили деревянные дома в близлежащих селениях, установив их не на фундаментах, а на так называемых лежнях — деревянных чурбанах, уложенных плашмя, что не соответствовало утвержденному администрацией плану⁴⁴³. Переселенцы станицы Княжей соорудили дома из дерева, а кухни из плетневых прутьев, обмазывая их затем глиной, а жители станицы Хошеутовой использовали в строительстве каменные кирпичи из развалин мавзолейного комплекса золотоордынских ханов, находящихся недалеко от окрестностей их поселения. Посетивший в октябре 1849 г. эти две станицы по заданию Главного попечителя калмыцкого народа чиновник Добронравов в своём рапорте к нему отмечал, что «переселенцы, вообще все имеют помещение довольно удобное, в деревянных домах и кухнях, построенных в станице Княжей преимущественно из хворосту с обмазкой глиной, а в Хошеутовке

⁴⁴² НАРК. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 8. Л. 65.

⁴⁴³ ГА АО. Ф. 794. Оп. 1. Д. 196. Л. 40об.

из обожженного кирпича, найденного вблизи станицы в таком количестве, что крестьяне надеются устроить из этого материала и самые дома»⁴⁴⁴.

В 1849 г. Тагайчинову удалось добиться перелома в работе Комиссии: ускорились землеустроительные работы, появилось 14 новых поселений, более чем в два раза увеличилось переселенческое население. Несмотря на очевидный сдвиг в положительную сторону, достичь, однако, намеченного рубежа в 520 семей, комиссия в этом году не смогла. На начало 1850 г. в станицах числились только 424 крестьянских и 16 калмыцких семей⁴⁴⁵. В отчёте первому департаменту МГИ за 1849 г. М. И. Тагайчинов в качестве основных причин, сдерживавших переселения, называл нежелание крестьянских обществ увольнять своих односельчан и медлительность палат государственных имуществ губерний, откуда переселялись крестьяне. В канцелярии Комиссии имела переписка о 658 крестьянских семьях, но из них получили разрешение на переселение только 91 семья, увольнение остальных было под вопросом⁴⁴⁶.

Между тем увеличить численность поселян было важно, как в целях укрепления уже существующих станиц, так и для планируемых к основанию, новых. Поднять существенно численность населения станиц в ближайшем будущем за счёт калмыков не представлялось возможным, так как весь ход обоседления показывал, что они не собираются порывать с кочевой жизнью. В сложившейся ситуации правительству, чтобы не сорвать заселение дорог, оставалось или принять дополнительные меры, стимулирующие привлечение калмыков в станицы, или попытаться решить проблему с помощью поселения в них крестьян, выйдя за рамки установленной для них квоты. Министерство государственных имуществ предпочло второй вариант: в феврале 1850 г. оно выделило средства для поселения в станицах помимо намеченных 520 семей ещё 500 семей из Воронежской, Тамбовской, Харьковской губерний.

Снятие ограничений на переселение государственных крестьян положительно сказалось на процессе заселения дорог: по данным Астраханской

⁴⁴⁴ ГА АО. Ф. 794. Оп. 1. Д. 196. Л. 58.

⁴⁴⁵ НАРК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 36. Л. 103об.

⁴⁴⁶ РГИА. Ф. 383. Оп. 10. Д. 9366а. Л. 367.

палаты государственных имуществ, в 1850 г. численность крестьянских семей возросла с 424 до 683, а количество станиц достигло 25⁴⁴⁷.

В действительности жителей в станицах было гораздо больше, так как в представленные АПГИ сведения не вошли самовольные переселенцы, обнаруженные в них в большом количестве Главным попечителем при объезде новых поселений. Среди них преобладали крестьяне Воронежской губернии, которые будучи высланными из пределов Области войска Донского, где они находились на заработках, не пожелали возвращаться домой, и примкнули к переселенческим партиям, направлявшимся в Калмыкию. Большинство из этих крестьян по несколько лет не платили налоги и устройством на калмыцких землях полагали от них освободиться.

Министерство государственных имуществ, как и в 1849 г., принимая во внимание слабую заселённость станиц, разрешило АПГИ оставить часть семей, «которые имели довольно рабочих, и которые оказывались более благонадёжными к устройству хозяйства»⁴⁴⁸. Все остальные переселенцы подлежали немедленной высылке на прежнее место жительства.

Возрастание переселенческого потока значительно увеличило нагрузку на немногочисленный штат комиссии и чиновников калмыцкого управления. Большая протяжённость дорог (1200 вёрст), вдоль которых располагались станицы, сильно затрудняла за ними контроль со стороны администрации. Улусные попечители, на которых было возложено управление станицами, в силу исполнения своих прямых служебных обязанностей по управлению калмыками не имели возможности уделять достаточно времени переселенцам. Трудно было работать и Тагайчинову, совмещавшему три должности: управляющего АПГИ, Главного попечителя калмыцкого народа и председателя Комиссии по заселению дорог на калмыцких землях. В ноябре 1850 г. Тагайчинов обратился в первый департамент МГИ с просьбой назначить помощника, «который бы, не отвлекаясь другими занятиями, ведал исключительно вопросами водворения»⁴⁴⁹.

⁴⁴⁷ НАРК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 36. Л. 103.

⁴⁴⁸ НА РК. Ф. И-7. Оп. 6 Д. 9. Л. 2об.

⁴⁴⁹ НАРК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 36. Л. 305.

Министерство, учитывая возросший объём работ, сложность перевода калмыков на оседлость, а также потребность в усилении надзора над процессом заселения дорог, удовлетворило просьбу Тагайчинова и ввело в штат должность помощника Главного попечителя по заселению дорог.

Напряжённую и трудную работу комиссии, кроме того, осложняла мелочная опека со стороны Министерства государственных имуществ. Безусловно, строгая регламентация в условиях, когда новые поселения находились в окружении калмыцких кочевий, была просто необходимой, другое дело, что она довольно часто перерастала в мелочную опеку, заставляя членов комиссии ошибаться, особенно при производстве межевых работ. Справедливости ради отметим, что МГИ в интересах дела иногда прислушивалось к мнению членов комиссии, лучше разбиравшихся в обстановке на местах.

В своей деятельности по приёму и обустройству переселенцев комиссия опиралась на правила о переселенцах «Устава о благосостоянии казённых селений». По ним право на переселение получали в первую очередь крестьяне малоземельных губерний, имевшие менее 5 десятин душевого надела. Правила запрещали переселения крестьян с недоимками, состоящих на ближайшей рекрутской очереди, находящихся под судом, связанных договором о найме, семьи с одним работником и т.д. Только с соблюдением этих и других условий крестьянская семья могла претендовать на переселение и получение безвозмездного 35-ти рублёвого пособия, рабочего скота, сельскохозяйственного инвентаря, а также всех положенных льгот.

Процедура оформления документов была громоздкой и занимала много времени. Из-за нерасторопности палат государственных имуществ переселенцы зачастую не могли сразу же выступить в путь, и вынуждены были по несколько месяцев ожидать вызова, расходуя выделенные им средства и свои личные сбережения. Поэтому неудивительно, что крестьяне прибывали к месту назначения нередко в расстроенном состоянии, без средств к существованию и с опозданием. По этим причинам значительная часть переселенцев в первый год не имела

возможности приступить к полевым работам и, чтобы прокормить семьи, уходила на заработки в соседние села или просила ссуду у комиссии.

По «Правилам о переселении» новосёлы могли взять ссуды хлебом и семенами из запасных магазинов близлежащих селений с последующим их возвратом. Однако на калмыцких землях применить эту меру не всегда было возможно вследствие большой удалённости станиц от других населённых пунктов. Можно было, конечно, попытаться купить хлеб у жителей губернии, но это тоже было затруднительно, поскольку большинство местных крестьян занимались преимущественно скотоводством и рыболовством. Иногда в станицах складывалась кризисная ситуация, и тогда комиссии приходилось принимать экстренные меры. Так было, например, в 1851 г., когда на поселение прибыли 152 семьи из Воронежской губернии. Большая часть этой партии переселенцев предназначалась для поселения в станицах Астраханско-Кизлярского тракта и на луговой стороне реки Волги, где до этого два года подряд случались неурожаи. По приказу Тагайчинова, из сумм АПГИ в срочном порядке было выделено 300 рублей для покупки продовольствия и семян для переселенцев⁴⁵⁰. Кроме того, ссуду из хлебозапасных магазинов получили 110 душ крестьян станицы Хошеутовской и 544 переселенца, находящихся на временных квартирах в селениях Басинском и Карантинном⁴⁵¹.

На новом месте переселенцам приходилось привыкать к засушливому климату, отсутствию доброкачественной воды, песчаным и пыльным бурям. Не всегда адаптация к местным природным условиям проходила успешно. Нередко переселенцы попадали в станицы физически ослабленными, что создавало благоприятную почву для развития различных болезней, особенно эпидемических. В 1849 г. в трёх станицах из 270 человек, заболевших цингой, умерло 100, а в 1852 г. из поражённых эпидемией оспы 92 человек в четырёх станицах умерло 20⁴⁵².

⁴⁵⁰ РГИА. Ф. 383. Оп. 14. Д. 16857. Л. 11.

⁴⁵¹ РГИА. Ф. 383. Оп. 14. Д. 16857. Л. 36.

⁴⁵² Заселение дорог в калмыцких степях // Журнал министерства государственных имуществ. 1856. Ч. 60. Отд. 1. С. 28.

Немало беспокойств переселенцам доставляли горцы, которые в поисках добычи вторгались на территорию калмыцких улусов, занимаясь там грабежом и разбоем. Нападения горцев на калмыков и переселенцев участились накануне Крымской войны. В 1850 г. группа горцев из 18 человек напала на калмыков, кочующих около станицы Величавой, затем разгромила следовавший в эту станицу обоз переселенцев, убив 5 из них и ранив нескольких⁴⁵³. На следующий год при проезде через отдельную часть Малодербетовского улуса по служебным делам чеченцами были захвачены в плен член комиссии учёный лесничий Заусцинский и помощник попечителя Яндыко-Икицохуровского улуса Буцевич. Находившиеся при них казак и калмык были убиты, такая же участь постигла и 14 крещёных калмыков, встретившихся горцам на пути домой⁴⁵⁴. Чиновников привезли в Большую Чечню, где разделили и заковали в цепи, после чего потребовали с их родственников выкуп. «Претерпевая от голода и тяжелых работ изнурение, и не имея ни малейших надежд к освобождению от плена, кроме выкупа» Буцевич вынужден был просить помощи у матери, которая заняла большую по тем временам сумму в размере 1255 руб. серебром и представила их князю А. И. Барятинскому. Эти деньги были переданы захватчикам и 24 февраля 1852 г. Буцевича отпустили из плена⁴⁵⁵. Судьбу Заусцинского выяснить не удалось.

В станицах прикумской части Астраханско-Кизлярского тракта, которые только что начали заселяться крестьянами-переселенцами, царили тревожные настроения. После появления известий или слухов о движении горцев, новосёлы, чтобы не быть застигнутыми врасплох, покидали поселения и уходили на время в степь, причём, по словам Главного попечителя калмыцкого народа М. И. Тагайчинова, это явление наблюдалось не только в Прикумье, но и в более отдалённых от р. Кумы населенных пунктах. В рапорте от 12 января 1852 г. к П. Д. Киселеву Главный попечитель калмыцкого народа М. И. Тагайчинов сообщал, что в страхе перед набегами горцев жили не только 4 станицы возле реки Кумы, но и более отдаленные. По его мнению, это обстоятельство могло серьезным образом

⁴⁵³ РГИА. Ф. 383. Оп. 13. Д. 1442. Л. 33.

⁴⁵⁴ НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 42. Л. 49.

⁴⁵⁵ НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 45. Л. 84об.

повлиять «на менее успешное заселение калмыцких земель русскими переселенцами»⁴⁵⁶.

Такого развития событий власти, разумеется, допустить не могли, так как одной из основных целей учреждения станиц вдоль дорог на калмыцких землях являлось как раз обеспечение безопасного по ним проезда и прекращение грабежей. В своём предписании от 18 декабря 1850 г. министр государственных имуществ П. Д. Киселев обязал Главного попечителя калмыцкого народа Тагайчинова принять меры по усилению безопасности проезда по дорогам, идущим от р. Волги на Кавказскую линию, при этом присовокупив, что «надежнейшим средством исполнению означенной Высочайшей воли служит скорейшее заселение дорог»⁴⁵⁷.

12 января 1852 г. Главный попечитель калмыцкого народа представил графу П. Д. Киселеву свои соображения по усилению охраны приграничных со Ставрополем территорий. Особое внимание им было обращено на Царицынско-Ставропольский и Астраханско-Кизлярский тракты, которые являлись кратчайшими путями на Кавказскую укрепленную линию. Участок дороги от Царицына до Маныча был уже практически заселен, поэтому глава калмыцкого управления не видел необходимости усиливать там охрану. За Манычем, начиная от станицы Дивной и до с. Петровского (ныне — г. Светлоград Ставропольского края), поселений не было, поэтому на этом промежутке тракта (80 верст) Главный попечитель считал необходимым учредить 4 постоянных поста из казаков и кочующих там ногайцев. На них предлагалось построить караульные дома, чтобы посты могли нести службу круглогодично⁴⁵⁸.

От с. Петровского на Царицынско-Ставропольском тракте ответвлялась дорога, идущая на г. Кизляр, на которой на расстоянии до 120 верст не имелось никаких стационарных поселений, за исключением почтовых станций. На этой дороге улусные управления содержали наблюдательные посты, заканчивавшиеся у последней почтовой станции Астраханской губернии: от неё и до первой на

⁴⁵⁶ НА РК. Ф. И-7. Оп. 4. Д. 49. Л. 43об.

⁴⁵⁷ НА РК. Ф. И-7. Оп. 4. Д. 46. Л. 2.

⁴⁵⁸ РГИА. Ф 383. Оп. 13. Д. 14437. Л. 19.

территории Ставропольской губернии почтовой станции постов больше не было из-за отсутствия в этих местах пресной воды и недостатка в казаках⁴⁵⁹.

Астраханско-Кизлярский тракт был заселен от г. Астрахани в направлении Северного Кавказа на протяжении 135 верст, затем следовал незаселенный промежуток в 120 верст, на который выставлялись на весенне-осенний сезон посты из астраханских казаков и калмыков. Немного южнее почтовой станции Талагай-Терняковской от Кизлярской дороги ответвлялась Чумацкая дорога, пролежавшая в юго-западном направлении до Можарской соляной заставы, мимо деревни Владимировки Ставропольской губернии, и далее на Кавказскую укрепленную линию. Участок этой дороги, длиной в 130 верст между почтовой станцией Талагай-Терняковской и станицей Долей, не имел поселений, и его охраняли редкие и малочисленные посты из астраханских казаков и калмыков. В целях его усиления Главный попечитель полагал увеличить численность казаков и возвести постройки для их проживания.

На рубеже 1840–1850-х гг. пикеты стали устанавливаться на летний период времени в новых поселениях государственных крестьян, возникших на астраханской стороне р. Кумы. Известно, что они были учреждены в станицах Урожайной, Величавой, Спасской и Доле: в первые три поселения наряд выставляли кочевавшие в этом районе калмыки отдельной части Малодербетовского улуса, а в последней — калмыки Икицохуровского улуса. Возглавляли пикеты астраханские казаки. На них летом и осенью выставлялись пикеты, каждый из которых включал одного-двух астраханских казака и двух-четырёх калмыков. С такими силами противостоять вооруженным отрядам горцев, состоявших обычно из 20–30 человек, было крайне сложно, поэтому при их появлении, пикетчикам приходилось больше думать не об оказании сопротивления, а о спасении своих жизней⁴⁶⁰.

Одновременно с наращиванием сил на административной границе губернии, астраханские власти помогали населению прикумских районов в организации

⁴⁵⁹ РГИА. Ф 383. Оп. 13. Д. 14437. Л. 20.

⁴⁶⁰ НА РК Ф. И-7. Оп. 4. Д. 46. Л. 48.

самообороны. В 1850 г., например, переселенцам станиц Урожайной, Величавой, Спасской, калмыкам и 3 чиновникам для защиты от горцев выдали 20 фунтов пороха и 1,2 пуда пуль⁴⁶¹.

Несмотря на предпринятые шаги по укреплению безопасности южных рубежей Астраханской губернии проблема борьбы с набегами горцев продолжала оставаться актуальной вплоть до окончания Кавказской войны. Подтверждением тому служит история с Кумо-Манычской кордонной линией. Идею её учреждения в целях защиты кочевников Маныча от грабежей местных разбойников и горцев подал в 1860 г. Астраханский гражданский губернатор Б. В. Струве. Новую укрепленную линию планировалось проложить по р. Куме и Манычу, в направлении от западного берега Каспийского моря по степи, к р. Дон, при этом Струве полагал, что она будет носить временный характер — до завершения заселения местностей по рекам Куме и Манычу, а также Крымской и Чумацкой дорог.

Между тем, несмотря на трудности, заселение станиц переселенцами продолжалось. По сведениям АПГИ, на 1 января 1852 в 25 станицах проживало 798 крестьянских и 152 калмыцких семей⁴⁶².

Успешнее всего происходило заселение Царицынско-Ставропольского тракта и его северного ответвления — Аксайской дороги, где из 16 мест, выбранных Комиссией, в 13 было положено начало станицам. Здесь природные условия были сравнительно благоприятными для проживания человека, поэтому выбранные места были быстро заняты переселенцами. Однако и здесь властям и переселенцам постоянно приходилось преодолевать трудности природного характера. Из-за них были перенесены в другие места станицы: Садовая, Киселёва, Обильная, а станицу Дивную пришлось заселять дважды.

На выбранное Комиссией место на урочище Аршань-Зельмень под станицу Садовую переселенцы прибыли в апреле 1849 г., однако вода здесь оказалась с горьковатым привкусом, а сам источник значительно удалён от указанного места

⁴⁶¹ НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 38. Л. 327.

⁴⁶² НАРК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 50. Л. 58.

поселения. При таких условиях создавать поселение было слишком рискованно, поэтому переселенцы, посоветовавшись, наотрез отказались селиться. Они попросили Главного попечителя калмыцкого народа М. И. Тагайчинова перенести станицу и даже указали понравившееся им место. Оно находилось на Царицынско-Ставропольском тракте, в 10-ти верстах севернее от намеченного пункта, на урочище Амтя-Зельмень, где протекали два обильных, пресноводных родника.

Главный попечитель не стал возражать, поскольку лично побывал на урочище Аршань-Зельмень и убедился в справедливость претензий переселенцев. Перенос поселения на Амтя-Зельмень не встретил препятствий ещё и потому, что оно в 1847 г. намечалось Комиссией под заселение в качестве запасного варианта, на случай непредвиденных обстоятельств. Теперь такие обстоятельства возникли, и данный вариант был приведен в действие.

Тагайчинов приказал землемеру Домнину и инженеру Шкультецкому немедленно отправиться на урочище Амтя-Зельмень «и там по ближайшему усмотрению указать под заселение место так, чтобы одна половина селения расположена была между двумя вытекающими из гор (возвышенности) протоками, а другую расположить между протоком и заворотом протекающей вблизи речки»⁴⁶³. В мае 1849 г. это поручение было исполнено и тогда же крестьяне приступили к водворению. В том же году новоселы произвели первые посевы хлеба, однако летом разразилась засуха, и переселенцы, чтобы не умереть с голоду, так и не закончив строительство домов, вынуждены были уйти на заработки в соседнюю Область войска Донского.

Проблема с водоснабжением стала также причиной переноса на новое место с. Обильного. Первоначальный выбор места под поселение оказался не совсем удачным, поскольку источники воды оказались от него удалёнными на довольно порядочное расстояние. Крестьяне пробовали рыть у себя колодцы, но в первую же жару вода в них стала испаряться и портиться, а когда они попытались углубить колодцы, то вода превратилась в солёную. Для обеспечения скота водой обильненцы запрудили балку, однако и здесь их подстерегла неудача. Слишком уж

⁴⁶³ НА РК. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 3. Л. 87.

крутым оказался спуск к пруду, что лишило скот возможности доступа к воде в зимнее время.

Исчерпав все возможности самостоятельно решить проблему водоснабжения, крестьяне обратились к властям с просьбой перенести поселение на новое место, и в качестве такового они указали на балку Нарын-Зельмень, расположенную в 10 верстах к востоку от старого пункта. После внимательного изучения сложившейся ситуации и тщательного осмотра местности, власти удовлетворили просьбу переселенцев, и село Обильное в 1862 г. переехало в балку Нарын-Зельмень.

Очень тяжело проходила адаптация переселенцев к природным условиям в станице Приютной. Большинство её жителей являлись выходцами из Воронежской, Харьковской и Екатеринославской губерний, где преобладали лесостепи и относительно мягкий климат. Природные условия на новом месте оказались в значительной степени неблагоприятными для проживания человека. Климат здесь был более засушливым, чем на родине, не хватало питьевой воды, хуже было и качество почв. Поэтому привыкание переселенцев к новым природным условиям проходило непросто.

Особенно сильно осложняли процесс адаптации маловодность местности и плохое качество воды. Чтобы обеспечить себя доброкачественной водой, приютненцы пробовали рыть колодцы, но поскольку вода в них скоро становилась соленой, их бросали и начинали рыть новые. В 1850-е гг. крестьяне устроили в нижней части озера Амтя-Нур дамбу и прорыли между ним и, протекавшей невдалеке от поселения — речкой Наин-Шара—канал, а также углубили место соединения Наин-Шара с озером Крутянским, чтобы в Амтя-Нур могла проходить рыба с Маньча. Расчёт был на то, что во время весенних разливов пресная вода из речки Наин-Шара, через канал, будет поступать в озеро Амтя-Нур, который и станет основным водным резервуаром поселения. Однако эти надежды крестьян не оправдались и решить проблему с водой так и не удалось.

Непривычные для новоселов природные условия местности, психологические стрессы, вызванные переселением, трудности материального

характера, способствовали распространению среди них различных заболеваний, в том числе эпидемиологических. Эти факторы негативно отразились на демографическом приросте населения в станице Приютной. Между 9-й (1850 г.) и 10-й переписями (1858 г.) численность женщин выросла на 7 %, а мужчин сократилась на 0,5%⁴⁶⁴. Проблемы, возникшие в демографическом развитии поселения, администрация связывала, главным образом, с последствиями употребления крестьянами недоброкачественной воды, содержащей помимо солей вредные вещества, способствующие развитию заболеваний у людей и животных. Имевшиеся в поселении гидротехнические сооружения общей картины в снабжении его в достаточном количестве качественной водой не меняли.

Не видя перспективы для дальнейшего развития поселения, крестьяне предложили перенести его на облюбованное ими в 40 верстах от их села урочище Хамур. Приютненцев поддержал капитан-лейтенант В. П. Опочинин, совершивший в 1858 г., по заданию Министерства государственных имуществ, инспекционную поездку в станицы на калмыцких землях, правда, с условием оставления на старом месте 8 дворов для отбывания подводной повинности⁴⁶⁵.

Перенос села на урочище Хамур, расположенное вне дорог, не входило в планы властей, поэтому ходатайство крестьян отклонили, в то же время предложив им избрать другое место для жительства, но обязательно вдоль дорог. В 1863 г. 65 семей приютненских крестьян переселились в с. Казгулакское Ставропольской губернии⁴⁶⁶, в результате чего численность жителей в с. Приютном сократилась до 339 человек⁴⁶⁷.

Природный фактор осложнил процесс создания станицы Дивной, располагавшейся по соседству со станицей Приютной. Её удалось основать только со второй попытки. В ноябре 1848 г. прошение о поселении в ней подали к Главному попечителю калмыцкого народа 33 семьи из сёл Ореховки, Малых

⁴⁶⁴ РГИА. Ф. 383. Оп. 21. Д. 30143. Л. 4об.

⁴⁶⁵ РГИА. Ф. 383. Оп. 21. Д. 30143. Л. 5.

⁴⁶⁶ ГА АО. Ф. 794. Оп. 1. Д. 649. Л. 86.

⁴⁶⁷ ГА АО. Ф. 794. Оп. 1. Д. 1336. Л. 223.

Копаней, Малого Токмача Ореховской волости и 1 семья из с. Кайкова Черниговской волости Бердянского уезда, Таврической губернии⁴⁶⁸.

Получив разрешение на переселение, они весной 1849 г. прибыли на место водворения, оно им не понравилось, и переселенцы, за исключением семьи С. Цыбуленко попросившейся на другое место поселения на калмыцких землях, так и не приступив к строительству домов, возвратились на прежние места жительства⁴⁶⁹. Станица Дивная была все же основана, но уже переселенцами из других губерний.

На Царицынско-Ставропольском тракте вне заселения долгое время оставались три последних места (станции Дербетовка, Винодельная и Предтеча). Желавших поселиться на эти места было предостаточно, но они были самовольно заняты ногайцами, и об их судьбе велась переписка между ставропольской администрацией и МГИ. Вопрос занятия их государственными крестьянами решился только в конце 1850-х гг., когда ногайцы покинули земли, отведенные под станицы.

В луговой стороне р. Волги (левобережье) из 7-ми избранных пунктов пригодными к заселению оказались только 3. Четыре места пришлось забраковать из-за плохого качества воды. Дороги на луговой стороне р. Волги не имели геостратегического значения, поэтому МГИ дало согласие на исключение 4-х мест из списка предназначенных к заселению и предписало Главному попечителю сосредоточить внимание на сохранении существующих трёх станиц (Удачной, Княжей, Хошеутовой).

Места, выбранные Комиссией под станицы Княжая и Хошеутова располагались на левом берегу, протекающей через урочище Орлегин Цеке, р. Ашулук, являющейся протокой р. Ахтубы. В 1847 и 1848 гг. участки будущих двух станиц не были размечены инженером под строительство и отмежёваны землемерами в надел, между тем, в 1848 г. в станицу Княжую изъявили желание переселиться 50 семей государственных крестьян из Воронежской губернии и 4

⁴⁶⁸ НА РК. Ф. И-7. Оп. 7. Д. 2. Л. 5–6об.

⁴⁶⁹ НА РК. Ф. И-7. Оп. 7. Д. 2. Л. 15.

семьи из той же губернии в станицу Хошеутову⁴⁷⁰. Некоторые из них прибыли в Астраханскую губернию в конце 1848 г. и разместились на зиму в близлежащих к их месту водворения населённых пунктах.

Весной 1849 г. воронежским переселенцам указали места их поселения, и они начали водворяться. Вскоре стало известно, что переселенцы двух станиц покинули отведенные им места и перешли на урочище Мурле-Цеке, находящееся в 5 верстах от станицы Княжей и в 9 верстах от станицы Хошеутовой. Здесь они построили шалаши и распахали под посевы 82 десятины⁴⁷¹. Свои отказ водвориться на указанном им месте хошеутовцы объясняли неудобствами местности (песчаная почва и расположение села на самой границе с земельным наделом с. Сеитовского), а княжевцы угрозами со стороны жителей с. Селитренного, считавших отведенную под поселение землю своей.

Урочище Мурле-Цеке являлось центром летнего кочевья калмыков Хошеутовского улуса, и передача его переселенцам серьёзно затрагивала интересы калмыков, поэтому власти вступили с крестьянами в переговоры о возвращении их на отведенные под станицы места. Назначенные в станицу Хошеутову переселенцы согласились возвратиться на прежнее место, но переселенцы Княжей проявили строптивость, наотрез отказавшись это сделать, пригрозив казачьему уряднику, что если их будут принуждать силой, то они бросят своих детей и разъедутся по другим селам⁴⁷².

Для выяснения обстоятельств дела Комиссия по заселению дорог на калмыцких землях командировала на оспариваемую селитренскими крестьянами территорию своих представителей, которые проверили границы участков и установили необоснованность их претензий. Одновременно выяснилось, что станица Княжая подходит очень близко к границе земельного надела с. Селитренного, находясь от неё от всего в 400 саженьях. Это было неудобно для обоих поселений, но передвинуть Княжую к югу не представлялось возможным,

⁴⁷⁰ Пальмов Н. Н. Обоседление калмыков и русская иммиграция в Калмыцкую степь // Калмыцкая область. 1925. № 2. С. 145.

⁴⁷¹ ГА АО. Ф. 794. Оп. 1. Д. 209. Л. 4об.

⁴⁷² ГА АО. Ф. 794. Оп. 1. Д. 209. Л. 5об.

так как в данной местности на протяжении 8 верст тянулись пески. В итоге станицу решили оставить на прежнем месте, а переселенцев возвратить туда принудительно при помощи казачьей команды, что и было выполнено. В начале июня 1849 г. переселенцы вернулись на указанные им места и приступили к водворению.

Очень трудно протекало заселение Астраханско-Кизлярского тракта. На нём Комиссия избрала 18 пунктов, но поселения возникли только в 8-ми из них. Девять мест переселенцы отвергли из-за недостатка сенокосов и из-за плохой воды, ещё из двух — ст. Спасской и Доли — население ушло по тем же причинам в 1852 г. Поскольку данная дорога имела стратегическое значение, то правительство и астраханская администрация прилагали большие усилия по её заселению. В 1852 г. администрация направила на неё 101 семью из Воронежской и 145 семей государственных крестьян из Харьковской губернии. Переселенцы осмотрели предложенные места, но нашли их неудобными для проживания, и покинули их, самовольно перейдя в селения Ставропольской губернии и Царицынско-Ставропольского тракта⁴⁷³.

Тяжёлые природные условия вынуждали переселенцев уходить и с уже существующих населенных пунктов. Так, в частности, произошло с населением станиц Спасская и Доля. В 1849 г. их основали на Астраханско-Кизлярском тракте переселенцы из Курской, Харьковской и Екатеринославской губерний, но поскольку места оказались неудачными для проживания и ведения хозяйства, то в 1852 г. они их покинули, выбрав для своего нового поселения урочище Пробитый Колодец в Ставропольской губернии. Администрация пыталась уговорами и даже силой вернуть их на прежние места, предлагала им другие места по тракту, но всё оказалось тщетным.

В целом власти отрицательно относились к переносу поселений, однако в отдельных случаях они всё же вынуждены были идти на этот шаг. Как правило, это происходило под воздействием природного фактора, и тогда, когда были исчерпаны все возможности для сохранения поселения. При этом администрация

⁴⁷³ РГИА. Ф. 383. Оп. 10. Д. 9366 а. Л. 621.

строго следила за тем, чтобы перенос населенного пункта осуществлялся обязательно в пределах намеченного к заселению тракта.

В истории заселения дорог на калмыцких землях имели место несколько случаев перемещения селений. Так, из-за неблагоприятных условий (дефицит питьевой воды, занос песками домов и угодий) были перенесены в другие места трактов станицы: Садовая, Киселёва, Обильная, Оленичева, Промысловая, Караванная, Хошеутова⁴⁷⁴.

Оказавшиеся неудобными к организации поселений места, Комиссия пыталась заменить другими, для чего проводились дополнительные осмотры местности. На Астраханско-Кизлярском тракте таких мест найти так и не удалось. Это дало основание Главному попечителю калмыцкого народа М. И. Тагайчинову заметить, что «едва ли можно надеяться, чтобы тракт от Астрахани был совершенно заселён по прежде сделанному предположению»⁴⁷⁵.

Тагайчинов считал, что добиться заселения этого тракта можно лишь решив проблему водоснабжения, но прежде нужно было найти пресную воду и построить на месте источников колодцы. В целях удержания переселенцев от ухода из новых станиц он предложил вселять в них только тех крестьян, «которые без предварительного выбора мест обязывались поселиться там, где начальство укажет»⁴⁷⁶.

Ни одна из указанных мер реализована не была, и на данном тракте, таким образом, было положено начало всего 6-ти поселениям. Но и в них относительно благополучно дело обстояло только в 2-х поселениях, расположенных на р. Куме (Урожайная и Величавая), в остальных 4-х населенных пунктах (Караванная, Яндыковская, Промысловая, Оленичева), находящихся в приморской части, жители испытывали большой недостаток в пресной воде, что ставило под вопрос их будущее существование. Чтобы не допустить этого, Тагайчинов ещё в 1851 г. поручил помощникам улусных попечителей нанять работников и произвести

⁴⁷⁴ ГА АО. Ф. 794. Оп. 1. Д. 209. Л. 1об.-2.

⁴⁷⁵ РГИА. Ф. 383. Оп. 10. Д. 9366а. Л. 634.

⁴⁷⁶ РГИА. Ф. 383. Оп. 10. Д. 9366а. Л. 634об.

поиски воды в станицах, однако положительного результата это не дало⁴⁷⁷. Тогда Главный попечитель калмыцкого народа вошёл в Первый департамент МГИ с ходатайством прислать ему «сведущих людей» и специальные «механические приспособления» для поиска воды и строительства колодцев. Первый департамент, в свою очередь, обратился за помощью в Департамент сельского хозяйства, который ответил, что у него нет в наличии таких инженеров-специалистов, и, что прежний опыт показал, «что вообще учёные инженеры, не будучи несколько знакомы с характером и свойствами наших степей, мало пригодны для открытия в них вод»⁴⁷⁸.

Департамент сельского хозяйства посоветовал поискать специалистов по поиску воды и строительству колодцев среди калмыков: «Гораздо надежнее в этом деле люди, не обученные теоретически, но знакомые практически с местностью и привыкшие, по собственному и долговременному опыту, отыскивать в степях признаки воды»⁴⁷⁹.

Не встретило поддержки у высших чиновников и учёных и предложение министра государственных имуществ П. Д. Киселева о проведении бурения скважин в станицах. Императорское минералогическое общество заявило, что это не даст нужного результата по причине особенностей геологического строения Калмыцкой степи.

МГИ порекомендовало Тагайчинову опереться на местные ресурсы: подыскать для поиска и строительства артезианских колодцев, знающих это дело калмыков, и разрешило использовать ежегодно на эти цели 500 руб. из сумм, вырученных за сдачу станичных земель в оброк (аренду)⁴⁸⁰.

Процесс заселения дорог в Калмыцкой степи, предпринятый с «высочайшего соизволения» и «по особым видам», находился под личным контролем министра государственных имуществ П. Д. Киселёва. В 1855 г., по его указанию, директором первого департамента МГИ был подготовлен проект доклада императору «О ходе

⁴⁷⁷ РГИА. Ф. 383. Оп. 15. Д. 18268. Л. 11.

⁴⁷⁸ РГИА. Ф. 383. Оп. 15. Д. 18268. Л. 15.

⁴⁷⁹ РГИА. Ф. 383. Оп. 15. Д. 18268. Л. 15.

⁴⁸⁰ РГИА. Ф. 383. Оп. 15. Д. 18268. Л. 52об.

заселения дорог на калмыцких землях», где подводились итоги предшествующих восьми лет. Ознакомившись с докладом, министр обнаружил, что в заселении дорог с 1854 г. наметился спад. Действительно, два года (1854 и 1855 гг.) дали почти такое же количество переселенцев, сколько один 1853 г. Астраханская палата государственных имущества объясняла этот факт дополнительными рекрутскими наборами, потребовавшимися для начавшейся в 1853 г. Крымской войны, в результате чего сельские общества резко ограничили выдачу увольнений на переселения крестьян. Киселёв, принимая во внимание этот довод, вместе с тем часть вины возлагал на местную администрацию.

Для того, чтобы разобраться в действительном положении дел, МГИ в 1856 г. направило в Астраханскую губернию надворного советника Любовидского, которому поручалось провести ревизию местной палаты государственных имуществ и новых станиц, а также собрать сведения о состоянии калмыцкого народа. Ревизия Любовидского не выявила каких-либо серьёзных упущений в работе Комиссии по заселению дорог, однако обнаружила их на другом участке работы Тагайчинова. Уязвимым местом служебной деятельности Главного попечителя оказалось управление АПГИ, которое МГИ нашло в «крайне расстроенном положении»⁴⁸¹. Это стало главной причиной отставки Тагайчинова и замены его В. Н. Струковым.

К моменту вступления его в должность провал плана создания совместных калмыцко-русских поселений был очевиден. Станицы были полностью населены крестьянами, а калмыки числились там только формально. Исключение составляли станицы Торговая и Заветная, где вместе с крестьянами проживали 262 крещеных калмыка. В данной ситуации не имело смысла далее сохранять места в станицах для калмыков, тем более, что в некоторых из них они были уже заняты самовольными переселенцами.

В ноябре 1858 г. Струкову разрешили не удерживать калмыков от ухода из станиц и заселить их полным комплектом переселенцев. Это решение в определённой степени было продиктовано необходимостью устройства

⁴⁸¹ РГИА. Ф. 383. Оп. 19. Д. 26474. Ч. 2. Л. 122.

самовольных переселенцев, наводнивших к этому времени станицы. По данным капитан-лейтенанта Опочинина, посетившего в 1858 г. Калмыцкую степь, в 23 станицах и двух самовольных поселениях Рагули и Пробитый колодец проживало 9368 душ причисленных и 2840 не причисленных переселенцев⁴⁸². Столь большой наплыв самовольных переселенцев стал возможен во многом благодаря попустительству местной администрации, которая вопреки предписаниям центра вначале позволяла им обзаводиться хозяйствами без причисления, а потом добивалась их легализации. Особенно сильным приток самовольных переселенцев был в годы Крымской войны, когда в Астраханскую губернию под влиянием слухов о наличии свободных земель и снисходительного отношения властей к поселянам прибыли тысячи крестьян. Многие из них осели в старых станицах, другие поспешили водвориться в трёх новых станицах Большедербетовского улуса.

Самовольные поселенцы ускорили процесс заселения станиц, вплотную приблизив численность населения более половины из них к рубежу, намеченному указом от 30 декабря 1846 г. В этих условиях правительство решило ограничить переселения в Калмыцкую степь: 15 декабря 1858 г. МГИ предписало Струкову прекратить вызов новых переселенцев и заняться устройством самовольных переселенцев. Ему разрешили причислить семьи обзаведшиеся хозяйствами и с одним работником, а также переселенцев с недоимками и рекрутской задолженностью при условии погашения их на новом месте жительства⁴⁸³.

Решение МГИ создало много проблем для 107 семей воронежских переселенцев, прошедших отбор и уже приготовившихся к отъезду. Всем им отказали в переселении, несмотря на то, что они предназначались к поселению в прежде отвергнутые переселенцами станицы Долю и Спасскую⁴⁸⁴.

Упомянутое предписание оказалось преждевременным для Астраханско-Кизлярского тракта, заселение которого происходило особенно тяжело. Это вынудило Главного попечителя уже в январе 1859 г. обратиться в Первый департамент с просьбой сделать исключение для пожелавших поселиться без льгот

⁴⁸² РГИА. Ф. 383. Оп. 21. Д. 30143. Л. 101об.

⁴⁸³ РГИА. Ф. 383. Оп. 21. Д. 29840. Л. 18.

⁴⁸⁴ РГИА. Ф. 383. Оп. 21. Д. 29792. Л. 21об.

и пособий в станицах Доле и Спасской 23 семьям из Воронежской губернии и в дальнейшем не препятствовать на таких же условиях заселять все оставшиеся без водворения места на Астраханско-Кизлярском тракте⁴⁸⁵. МГИ согласилось с мнением Струкова и положительно решило его просьбу.

Более жёсткую позицию правительство занимало в отношении самовольных переселенцев, поселившихся в местах, не предназначенных к заселению. В описываемый период таких поселений было два: Пробитый колодец и Рагули. Поселение на урочище Пробитый колодец основали в 1852 г. 27 семей из Курской, Харьковской, Екатеринославской губерний, которые в 1849 г. также незаконно поселились в станицах Астраханско-Кизлярского тракта – Спасской и Доле. Места, где располагались эти станицы, оказались непригодными для проживания людей и потому переселенцы покинули их, перебравшись на урочище Пробитый колодец. Попытки администрации вернуть их на старые места или водворить на другие по тракту ни к чему не привели.

Большим упорством отличалась борьба самовольных поселенцев (83 семьи) урочища Рагули. Дело здесь дошло до арестов крестьян и столкновений с казаками. Упорное сопротивление крестьян Пробитого колодца и Рагулей обратило на себя внимание правительства. Не случайно, посланному в 1858 г. в командировку на калмыцкие земли Опочинину, помимо прочих дел, было поручено изучить ситуацию с самовольными поселенцами упомянутых двух урочищ. Эта командировка, решившая участь земель ставропольских калмыков, непосредственно повлияла на судьбу переселенцев Пробитого колодца и Рагулей, получивших в 1859 г. официальное признание.

В 1860 г. Большедербетовский улус и отдельная часть Малодербетовского улуса были выведены из подчинения астраханских властей и переданы в ведение администрации Ставропольской губернии. Вместе с частью калмыцких земель к Ставропольской губернии отошли все расположенные на них населённые: Дивная, Дербетовка, Винопольная, Предтеча, Величавая, Урожайная и легализованные в 1859 г. самовольные поселения на урочищах Рагули и Пробитый колодец.

⁴⁸⁵ РГИА. Ф. 383. Оп. 22. Д. 32428. Л. 11об.

В результате отчисления в Ставропольскую губернию 8 населённых пунктов на калмыцких землях Астраханской губернии осталось 19 станиц, где в 1861 г. проживало 1634 крестьянских и 67 калмыцких семей⁴⁸⁶. Предписанием от 15 декабря 1858 г. переселение в них было приостановлено, а деятельность Комиссии полностью обращена на устройство самовольных переселенцев. В 1859 г. Астраханская палата государственных имуществ на основе этого предписания легализовала 61 семью самовольных переселенцев, однако, несмотря на это, в станицах находилось тогда ещё 597 семей, не устроенных главным образом по причине недоимок и рекрутской задолженности на прежнем месте жительства⁴⁸⁷.

17 марта МГИ специальным циркуляром обязало местные палаты государственных имуществ ускорить процедуру перечисления всех прибывших до 1 января 1860 г. самовольных переселенцев, разрешив последним погасить свои задолженности на новом месте. После этого перечисление пошло быстрее и к середине 1861 г. большинство из 597 семей стали полноправными членами станичных обществ. По своим масштабам эта акция легализации самовольных переселенцев была самой крупной за всю историю переселенческого движения в Калмыкии, но и её оказалось недостаточно для полного укомплектования станиц положенным числом жителей. По подсчётам Главного попечителя калмыцкого народа К. И. Костенкова, даже после причисления всех самовольных переселенцев в станицах должно было остаться ещё 266 свободных мест. Из них на 111 мест имелись кандидаты без льгот и пособий, а 155 мест были вакантными. Костенков несколько не сомневался в том, что в будущем желающие на свободные места найдутся, но «тогда выполнение инструкции –предупреждал он в своём донесении в первый департамент 6 июля 1861 г. – может отдалиться на неопределённое время»⁴⁸⁸. Чтобы этого не случилось, он

⁴⁸⁶ РГИА. Ф. 383. Оп. 24. Д. 37410. Л. 11.

⁴⁸⁷ РГИА. Ф. 383. Оп. 24. Д. 37374. Л. 11об.

⁴⁸⁸ РГИА. Ф. 383. Оп. 24. Д. 37374. Л. 4об.

считал целесообразным возобновить переселения с льготами и пособиями, «не делая, впрочем, об этом особого вызова»⁴⁸⁹.

В МГИ тоже не видели смысла продолжать руководствоваться в своей переселенческой политике предписанием от 15 декабря 1858 г., так как к этому времени причины, его породившие, себя уже исчерпали. Например, почти завершилось устройство самовольных поселенцев, значительно уменьшился и поток переселяющихся на Амур и Кавказ, что позволило правительству высвободить часть средств на выплату пособий переселенцам на калмыцкие земли.

Вскоре Костенков получил из Первого департамента уведомление о согласии возобновить переселения со всеми положенными льготами и пособиями. Поскольку для окончательного устройства станиц требовалось сравнительно небольшое количество переселенцев, то решено было ограничиться вызовом крестьян только из одной губернии – Воронежской, жители которой чаще других обращались в АПГИ с просьбами о поселении на калмыцких землях⁴⁹⁰.

В течение одного года Воронежской палатой государственных имуществ были отобраны для поселения в станицах 93 семьи, которые в апреле 1862 г., образовав четыре партии, отправились в путь. Вслед за ними прибыли ещё 59 семей. В станицах все воронежцы получили 55-ти рублёвые пособия, общей суммой в 8360 рублей серебром⁴⁹¹.

С переселением 152 семей из Воронежской губернии почти все станицы набрали полагающееся число жителей, однако к свёртыванию процесса переселений это не привело. Дело в том, что земельный фонд большинства станиц отнюдь не был исчерпан и позволял принять дополнительный контингент переселенцев. В основном незанятыми были так называемые «излишние» земли, по разным причинам, оказавшиеся в черте земельных владений станиц. Вопрос об их заселении в своё время поднимался Любовидским, Опочининым, Струковым, но тогда его рассмотрение правительство сочло преждевременным. В 1861 г. к нему вновь возвратился Костенков. На этот раз правительство не стало чинить

⁴⁸⁹ РГИА. Ф. 383. Оп. 24. Д. 37374. Л. 4об.–5.

⁴⁹⁰ РГИА. Ф. 383. Оп. 24. Д. 37374. Л. 18об.

⁴⁹¹ РГИА. Ф. 383. Оп. 24. Д. 37374. Л. 48.

препятствий, считая, что теперь в связи с приближающимся концом заселения станиц настало время заняться его разрешением. В декабре 1862 г. Костенков получил предписание заселить все «излишние» земли новыми переселенцами. Одновременно станицы переименовывались в селения и отсёлки, но в отличие от ставропольских, надел в них был оставлен прежний – 30 десятин⁴⁹².

Таким образом, в начале 1860-х гг. процесс создания поселений вдоль дорог по указу императора Николая I от 30 декабря 1846 г. завершился. За период 1848–1859 гг. было учреждено 25 поселений, в которых на 15 сентября 1859 г., по сведениям Главного попечителя калмыцкого народа, проживали 1875 семей государственных крестьян⁴⁹³. Это было меньше запланированной проектом цифры, предусматривавшей, как известно, создание 44 станиц и поселение в них 4400 семей, половину из которых должны были составить добровольно пожелавшие перейти к осёдлой жизни калмыки. Не удалось заселить достаточно протяжённый участок Астраханско-Кизлярского тракта и полностью дороги на левой стороне р. Волги, провалом закончилась и попытка перевести часть калмыцкого народа на оседлый образ жизни.

Проект оказался недостаточно продуманным, и одна из главных причин этого заключалась в том, что у его разработчиков не имелось достаточных и достоверных сведений о природе и колонизационных возможностях калмыцких степей.

Ошибки, допущенные властями при реализации указа от 30 декабря 1846 г., были учтены в 1860–1870-е гг., когда проводилось заселение внутренних дорог в Калмыцкой степи. В его преддверии правительство организовало предварительное научное обследование калмыцких земель экспедицией, вошедшей в историю под названием «Кумо-Маньчской».

В 1860–1861 гг. экспедиция, возглавляемая капитан-лейтенантом в отставке К. И. Костенковым, собрала ценные сведения о природе Калмыцкой степи, занятиях её жителей, о дорогах и по другим вопросам. Её участники пришли к выводу о том, что в Калмыцкой степи «при отсутствии проточной воды и

⁴⁹² РГИА. Ф. 383. Оп. 24. Д. 37410. Л. 11об.

⁴⁹³ РГИА. Ф. 383. Оп. 22. Д. 32428. Л. 19об.

совершенном недостатке удобств для оседлых жителей, всякая попытка к водворению их здесь немислима»⁴⁹⁴. В то же время они обратили внимание на Крымский тракт, который в то время играл значительную роль в экономической жизни Астраханской губернии. По тракту осуществлялась перевозка грузов из г. Астрахани в Область войска Донского, а также в города: Владикавказ, Чёрный Яр, Ставрополь и обратно. Он пролегал через центральную часть Калмыцкой степи, связывая воедино все её районы, способствуя тем самым их прямому сообщению с губернскими и уездными городами Астраханской и Ставропольской губерний, Области войска Донского. Помимо всего прочего, Крымский тракт соединял Астраханско-Кизлярский и Царицынско-Ставропольский тракты, что значительно облегчало управление селениями последнего. Создание поселений на Крымском тракте, таким образом, обещало принести большую пользу.

Экспедиция обследовала, подробно описала и сняла на план Крымский тракт. Всего под поселения было избрано 34 места, из них 15 мест располагались непосредственно на Крымском тракте и 19 мест находились на его ответвлениях⁴⁹⁵. Предполагалось заселить в первую очередь главное направление тракта, пригласив для этих целей крестьян и калмыков, но при этом, не настаивая на их совместном поселении.

Власти учли ошибки прежних лет и внесли коррективы в свою переселенческую политику. Так, количество дворов в новых поселениях было уменьшено до 10–20, но и эти цифры, в зависимости от природных условий местности, могли изменяться Главным попечителем калмыцкого народа. Для планируемых в Прикаспийской низменности 9-ти населенных пунктов устанавливалось повышенное земельное обеспечение — от 40 до 60 десятин удобной земли на ревизскую душу, а в 6-ти поселениях на Ергенинской возвышенности — 30 десятин⁴⁹⁶. Важно также отметить, что переселенцам и

⁴⁹⁴ Калмыцкая степь Астраханской губернии по исследованиям Кумо-Манычской экспедиции. СПб.: Мин-во госуд. имущ., 1868. С. 55.

⁴⁹⁵ Калмыцкая степь Астраханской губернии по исследованиям Кумо-Манычской экспедиции. СПб.: Мин-во госуд. имущ., 1868. С. 78–79.

⁴⁹⁶ РГИА. Ф. 381. Оп. 12. Д. 7148. Л. 122об.

калмыкам разрешили самим определять род хозяйственной деятельности, не принуждая их заниматься земледелием.

Во второй половине 1862 г. Главный попечитель калмыцкого народа Костенков, получив необходимые указания из первого департамента МГИ, направил в Воронежскую, Екатеринославскую, Курскую палаты государственных имуществ уведомление о начале заселения Крымского тракта. Определённые надежды возлагались на астраханских крестьян, чей опыт проживания в условиях, сходных с условиями Калмыцкой степи, местная администрация намеревалась использовать в деле заселения тракта. С этой целью в одном из декабрьских номеров газеты «Астраханские губернские ведомости» была помещена соответствующая информация и разосланы объявления по сёлам. К поселению на Крымском тракте приглашались и калмыки, причём в их единоличное распоряжение передавались все пункты на его ответвлениях и некоторые на главном направлении. При водворении калмыки сохраняли все установленные законом льготы, более того, им впервые предоставили право самим выбирать род занятий в поселениях.

Первые переселенцы прибыли на тракт весной 1863 г., и были поселены согласно своему желанию на Ергенях. Они и примкнувшие к ним впоследствии другие поселенцы, положили основание посёлкам: Улан-Эрге, Элиста, Кюрюльта (с. Вознесенка), Чолон-Булук (с. Троицкое), Шандаста (с. Богородское), Кише. В 1866 г. в них проживало 282 причисленных и 76 не причисленных душ⁴⁹⁷. На пункты Кюрюльта, Элиста, Шандаста и Киша желающих оказалось больше нормы, и их пришлось увеличить, первый – на 60 душ, следующие два — на 50 душ каждый, последний — на 20 душ⁴⁹⁸.

В 1868 г. в шести упомянутых выше посёлках Крымского тракта проживало 119 семей, в составе которых находилось 793 души обоего пола. На фоне этих успехов совсем неудовлетворительно выглядело заселение других частей дороги. На них не удалось никого привлечь даже высокими наделами, настолько

⁴⁹⁷ НАРК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 180. Л. 47.

⁴⁹⁸ РГИА. Ф. 381. Оп. 8. Д. 3742. Л. 187об.

неблагоприятными для жизни были там природные условия. Также неудачей закончились попытки местной администрации внедрить на избранные пункты калмыков. В период с 1863 по 1870 гг. на Крымской дороге и её ответвлениях изъявили желание поселиться 311 калмыцких семей, которым по их выбору отвели 21 участок. Однако калмыки в указанные годы построили всего один хутор, а общее число водворившихся составило 48 дворов⁴⁹⁹. Этот факт свидетельствует о том, что большинство калмыков, как и в 1840–1850-е гг., не помышляли всерьёз перейти на оседлый образ жизни и давали обещания с единственной целью — предотвратить появление на своей земле новых крестьянских поселений.

Одновременно с освоением Крымского тракта продолжался процесс заселения населённых пунктов, основанных в 1840–1850-е гг. Особенно активно он протекал на Царицынско-Ставропольском тракте, где переселенцы к началу 1870-х гг. заняли почти все намеченные к заселению земли. В 1874 г. этот тракт пополнился новым селением, которое было образовано с целью заселить длинный промежуток пути между селами Ремонтным и Торговым. Поселение назвали в честь тогдашнего министра государственных имуществ П. А. Валуева — Валуевкой.

В тоже время в эти и в предшествующие годы в селениях тракта имел место и небольшой отток населения. Среди уехавших значительную часть составляли обратные переселенцы — это те, кто не сумел в силу разных причин, в основном природного характера, адаптироваться к условиям жизни в Астраханской губернии. Так, из числа 93-х крестьянских и 4-х семей отставных военных, прибывших в 1862 г. из Воронежской губернии на жительство в населенные пункты Царицынско-Ставропольского тракта, в 1863–1864 гг. вернулись назад 4 семьи отставных военных и 14 крестьянских семей, причём из числа последних 9 семей ушли тайно ночью, без письменных видов и избив сельского старосту⁵⁰⁰. С возвративших на прежнее место жительства переселенцев власти взыскивали выданные им государственные пособия и перечислили обратно в Воронежскую

⁴⁹⁹ РГИА. Ф. 381. Оп. 13. Д. 7821. Л. 36.

⁵⁰⁰ ГА АО. Ф. 794. Оп. 2. Д. 98. Л. 1, 384, 409.

губернию.

Некоторые недавние переселенцы в Астраханскую губернию не возвращались на Родину, а продолжали движение далее, в другие губернии, надеясь там устроить свою жизнь. В 1867 г. самовольно переселились в с. Ивановское Зеленчукского округа Кубанской области 3 семьи из с. Киселева и 9 семей из с. Торгового⁵⁰¹, а в 1870 г. «в войсковое сословие казачьего войска (Кубанского) навсегда с потомством» были причислены, согласно их желанию, 9 семей государственных крестьян из с. Плодовитого⁵⁰².

На луговой стороне р. Волги темпы заселения трёх её старых селений несколько уступали темпам заселения селений Царицынско-Ставропольского тракта, но и они к 1872 г. набрали положенный комплект жителей.

Ещё медленнее продвигалось дело на Астраханско-Кизлярском тракте. Здесь в 1865 г. вследствие полной непригодности были исключены из-под заселения так и не нашедшие своих поселян 9 мест. Под вопросом оказалось и существование прежде возникших 4-х селений. К этому времени проблему их водоснабжения так и не удалось решить. Более того, к началу 1860-х гг. природная обстановка ещё более ухудшилась. Из-за начавшегося отступления Каспийского моря стали мелеть питавшие водою станицы Яндыковскую, Промысловую и Оленичеву ильмени, резко ухудшилось качество воды и земельных угодий. В с. Оленичево дело дошло до того, что жители вынуждены были использовать для питья почти исключительно дождевую воду, которую собирали в ёмкости во время дождей

Смягчить остроту проблемы водоснабжения можно было путём строительства новых плотин, очисткой устьев ильменей, прорытием соединительного канала, но всё это требовало больших расходов, причём, по признанию местной администрации, даже в случае осуществления этих мероприятий, выгода от них могла быть только временной, т. к. обмеление происходило ежегодно, и впоследствии к этому вопросу пришлось бы возвращаться вновь и вновь⁵⁰³.

⁵⁰¹ ГА АО. Ф. 794. Оп. 2. Д. 98. Л. 2.

⁵⁰² ГА АО. Ф. 794. Оп. 1. Д. 1352. Л. 24.

⁵⁰³ РГИА. Ф. 381. Оп. 8. Д. 3741. Л. 181.

Безотрадная ситуация с питьевой водой заставила астраханские власти всерьёз задуматься о будущем упомянутых поселений. В качестве вариантов рассматривались перенос сел: Яндыковское, Промысловое и Оленичево поближе к Каспийскому морю или на Чумацкий тракт, и даже их ликвидация⁵⁰⁴. Ни одна из этих мер не была осуществлена, так как крестьяне отказались покидать ставшие им родными места. Некоторые из жителей, правда, всё же переехали в другие места. Из приморских сёл Астраханско-Кизлярского тракта перенесено было на новое место только селение Караванное, дома которого занесло песком.

Неблагоприятные природные условия замедлили процесс заселения Астраханско-Кизлярского тракта, численность жителей каждого из поселений которого достигла намеченного императорским указом стосемейного рубежа только в 1870-е гг.

Учреждением 6 поселков по Крымскому тракту завершилось проводимое в рамках государственной политики переселение крестьян на калмыцкие земли Астраханской губернии. Во второй половине 1860–1890-х гг. правительство не практиковало крупных изъятий калмыцких земель под оседлые крестьянские поселения.

Высшее руководство страны не хотело более расходовать средства на создание поселенческой сети в регионе, где для неё не было подходящих природных условий для развития, тем более, что всё-таки удалось решить вопрос заселения стратегически важного для страны Царицынско-Ставропольского тракта.

В 1872 г. в правительственных верхах в очередной раз обсуждался вопрос о выработке мер по предотвращению ухудшения положения калмыцкого народа. Накануне этого события при МГИ из министров внутренних дел, финансов, юстиции, народного просвещения, военного министра была сформирована Особая комиссия, которой предстояло подготовить проект мер по улучшению быта калмыцкого народа.

⁵⁰⁴ РГИА. Ф. 381. Оп. 8. Д. 3741. Л. 181.

В ходе работы члены Особой комиссии пришли к выводу, что положительного перелома в положении калмыков невозможно добиться без отмены обязательных отношений, преобразований в области управления, податной системы, поземельного устройства. Серьезную озабоченность у неё вызвало состояние калмыцкого скотоводства, снижение численности которого Особая комиссия связывала главным образом с передачей большого количества удобной земли переселенцам. В главе IV проекта «О поземельном устройстве калмыков Астраханской губернии» прямо указывалось: «...допущение дальнейших выборочных урезок лучшей земли с пресною водою под постоянное оседлое водворение может довести скотоводство их (калмыков) до совершенного уничтожения, и огромные пространства степи сделаются окончательно бесплодными, что не может быть желательно»⁵⁰⁵. Эти опасения вполне разделяли и в высших эшелонах государственной власти, где под влиянием неудач заселения Крымского тракта всё более склонялись к мысли о необходимости пересмотра переселенческой политики.

Двадцать третьего февраля 1876 г. последовал правительственный указ, отменивший прежнюю систему заселения Крымского тракта посёлками. Он фактически подвёл черту под проводившейся на протяжении почти тридцати лет правительственной политикой привлечения в Калмыкию государственных крестьян, перевернув, таким образом, ещё одну страницу в истории её заселения.

География мест выхода переселенцев охватывала преимущественно три района: черноземные губернии центральной России, губернии левобережной и южной современной Украины. Более всего переселенцев происходило из Воронежской и Харьковской губернии, которые не входили в число малоземельных губерний и средний размер надела государственных крестьян превышал установленный МГИ рубеж (5 дес. на мужскую душу). Это усредненные данные по указанным губерниям в целом, но по разным селам они могли различаться. В многолюдных поселениях размеры среднего земельного надела могли быть и меньше. Малоземелье, безусловно, играло свою роль в мотивах

⁵⁰⁵ РГИА. Ф. 381. Оп. 12. Д. 7142. Л. 105об.

переселений, но необходимо учитывать и другие факторы, в частности, желание крестьян расширить свои хозяйства, поскольку станицы на калмыцких землях имели высокое земельное обеспечение (по 30 дес. на муж. душу), и, следовательно, появлялся шанс для более успешного хозяйственного развития. Часть крестьян подтолкнул к переселению сильный неурожай 1848 г., приведший к разорению многих крестьян. Немалое значение, надо полагать, имела и традиция освоения Астраханской губернии жителями упомянутых губерний. Если суммировать данные о происхождении переселенцев Астраханской губернии за десятилетие (1839–1847 гг.) предшествующее открытию переселений на калмыцкие земли, то получается, что в переселенческом потоке этих лет воронежцы составляли 63,3 %, тамбовцы — 19, 2 %, харьковчане — 11,7 %, а все вместе — 94,4 %⁵⁰⁶. Крестьяне данных губерний были знакомы с Астраханским краем, поэтому, не удивительно, что, когда встал вопрос о заселении калмыцких земель, более всего желающих оказалось именно в них. С началом заселения станиц представительство харьковцев в переселенческом потоке резко возросло, и они, опередив тамбовцев, переместились на второе место.

Весомый вклад в освоение калмыцких земель внесли крестьяне Екатеринославской и Таврической губерний. По правилам переселения из многоземельных губерний запрещались, но для жителей Екатеринославской и Таврической губерний правительство сделало исключение, разрешив переселение небольшому числу «образцовых хозяев», которые, по его замыслам, должны были показать пример оседлой жизни калмыкам. Вскоре после открытия переселений на калмыцкие земли, правительство в интересах скорейшего заселения станиц, и учитывая большое количество крестьян из многоземельных губерний, просящихся на калмыцкие земли, вообще сняло запреты на переселения из последних.

Активное участие в заселении станиц приняли крестьяне Ставропольской, Астраханской и Саратовской губерний. Власти весьма сдержанно относились к переселению жителей граничащих с Калмыцкой степью губерний, разрешая их обычно тогда, когда там возникали проблемы с размещением новопоселенцев или

⁵⁰⁶ РГИА. Ф. 383. Оп. 10. Д. 9229. Л. 240.

же остро ощущалась земельная неустроенность отдельных селений. После отмены крепостного права заметную роль в заселении калмыцких земель начали играть бывшие крепостные крестьяне Области войска Донского. Получив свободу, они отказались от положенного надела и переселились на калмыцкие земли, разместившись большей частью в селениях Ергенинской возвышенности.

Население придорожных станиц формировалось преимущественно из сословия государственных крестьян. В то время государственные крестьяне играли ведущую роль в освоении огромных пространств России, и Калмыкия в этом отношении не являлась исключением.

Особенности сословного состава, переселяющихся на калмыцкие земли, заключались в том, что среди них полностью отсутствовали казаки и крепостные крестьяне. Неучастие казаков в переселенческом движении объясняется тем, что к моменту открытия переселений на калмыцкие земли, они в географическом смысле перестали быть окраинной территорией, и необходимость их военной защиты отодвинулась на задний план, а на первое место выдвинулись задачи мирного характера. Что касается отсутствия в переселенческом потоке крепостных крестьян, то этому препятствовал особый правовой статус калмыцких земель, который исключал возможность приобретения их в частную собственность.

В 1840–1850-е гг. в переселенческом потоке встречались в небольшом количестве отсуждённые от помещиков или отпущенные ими на волю бывшие крепостные крестьяне, после отмены крепостного права представительство бывших крепостных в нем резко возросло. Положение 1861 г. (ст. 8, 9, 29, 140) разрешило бывшим крепостным крестьянам переселяться без учета количества членов семьи, что запрещалось государственным крестьянам. По свидетельству Главного попечителя калмыцкого народа К. И. Костенкова, среди бывших крепостных преобладали дворовые люди помещиков Области войска Донского, которые до своего освобождения проживали на помещичьих хуторах и ухаживали за табунами своих владельцев⁵⁰⁷.

⁵⁰⁷ Костенков К. И. Статистико-хозяйственное описание Калмыцкой степи Астраханской губернии. СПб.: Тип. В. Безобразова и комп., 1868. С. 15.

Наряду с государственными крестьянами на калмыцкие земли переселялись также однодворцы, коннозаводские крестьяне, уволенные в запас солдаты и унтер-офицеры, и др. Все они на новом месте непременно включались в разряд государственных крестьян, что являлось ярким свидетельством унификаторской политики в сословной политике.

Из переселенцев наибольшие льготы при поселении на калмыцких землях имели отставные нижние воинские чины. После увольнения из армии, они, согласно положения от 30 августа 1834 г., имели право самостоятельно выбирать место жительства и род занятий. Отставной солдат получал земельный надел и причислялся к государственным крестьянам, но без платежа податей⁵⁰⁸.

Сложнее устроиться на калмыцких землях было другим группам населения: мещанам, например, как городскому сословию, поселение запрещалось вообще, коннозаводским крестьянам переселение разрешалось только после внесения денежного взноса в Коннозаводское управление.

В процессе заселения станиц и после его завершения постоянной заботой властей в образованных на калмыцких землях крестьянских поселениях являлось создание в них органов самоуправления и административно-территориальное устройство. На этом пути пришлось преодолеть немало трудностей, вызванных удаленностью станиц от старых поселений, своеобразной географической конфигурацией новых населенных пунктов, особенностями управления калмыцкими землями. Последнее, в частности, выражалось в двойном подчинении ставропольских калмыков, которые в административном отношении подчинялись астраханским властям, в территориальном – ставропольским.

Возникшие по императорскому указу от 30 декабря 1846 г. поселения именовались станицами, хотя к казачеству никакого отношения не имели. Когда в конце 1850-х гг. в высших правительственных кругах разрабатывался проект передачи Большедербетовского улуса и отдельной части Малодербетовского улуса в Ставропольскую губернию, то кавказский наместник А. И. Барятинский сделал запрос в Министерство государственных имуществ о предоставлении ему сведений

⁵⁰⁸ НА РК. Ф. И-7. Оп. 7. Д. 7. Л. 5.

о причине наименования поселений государственных крестьян станицами, то чиновники таких сведений не нашли. Самим крестьянам слово «станция» не нравилось и, администрация, учитывая это обстоятельство, в 1861 г. переименовало станицы государственных крестьян на калмыцких землях в селения.

Согласно инструкции от 30 декабря 1846 г. «О заселении дорог на калмыцких землях Астраханской губернии», крестьяне станиц состояли в ведении Астраханской палаты государственных имуществ, занимавшейся их водворением и устройством, в полицейском отношении подчинялись улусной полиции, в судебном — уездным земским судам Астраханской губернии. Кроме того, население станиц, расположенных в пределах Ставропольской губернии, причислялось к Ставропольской палате государственных имуществ, следившей за отправлением их повинностей и уплатой податей. Такое положение осложняло управление станицами и вносило путаницу в отношении между двумя палатами государственных имуществ. Первым на это неудобство указал кавказский наместник М. С. Воронцов, в 1851 г. он обратился к министру государственных имуществ П. Д. Киселеву с предложением причислить ставропольских переселенцев к Астраханской губернии.

По этому делу МГИ запросило мнение Главного попечителя калмыцкого народа М. И. Тагайчинова. Последний, в принципе, был не против этого, но предупредил, что речь может идти только о причислении к АПГИ, но не к крестьянским обществам Астраханской губернии, поскольку ближайшее астраханское волостное правление находилось от ставропольских станиц в 336 в, а сельское — в 266 в.⁵⁰⁹ Он предложил четыре ставропольские станицы объединить в особое общество, наделив его правами волостного, а пятую — станицу Дивную — присоединить к обществам Царицынско-Ставропольского тракта, и, кроме того, денежные налоговые сборы в целях безопасности направлять не в г. Астрахань, а в

⁵⁰⁹ РГИА. Ф. 383. Оп. 10. Д. 9366 б. Л. 110об.

ближайшее Пятигорское уездное казначейство, которое, в свою очередь, обязано информировать АПГИ о полученных взносах⁵¹⁰.

В вопросе о переподчинении ставропольских переселенцев калмыцких земель астраханской губернской полиции, на котором настаивал министр внутренних дел Д. Г. Бибииков, Тагайчинов занял противоположную позицию, считая, что функции полицейского надзора удобнее оставить, как и в астраханских станицах, улусной полиции или же передать их специально назначенному для этих целей чиновнику⁵¹¹.

Вопросы полицейского надзора и отчисления ставропольских станиц затрагивали компетенцию сразу нескольких министерств (юстиции, финансов, государственных имуществ, внутренних дел), поэтому скорого их решения ожидать не приходилось. Сравнительно быстро решился вопрос с органами крестьянского самоуправления. Первыми их получили станицы луговой стороны р. Волги: они располагались вблизи старых селений, поэтому их просто включили в соседние волости.

Сложнее обстояло дело с другими станицами. В 1852 г. АПГИ представила в Первый департамент МГИ проект организации волостных и сельских управлений, предусматривавший образование из пяти сельских обществ Царицынско-Ставропольского тракта одной волости (Киселевской)⁵¹², а также одного сельского управления на правах волостного из станиц и селений астраханской части Кизлярского тракта (Яндыковка, Промысловая, Оленичева, Караванная, Зензели). МГИ, однако, сочло учреждение одной волости из вытянутых в одну линию на протяжении 150 верст 15-ти станиц Царицынско-Ставропольского тракта неудобным, а условиях шедшей Крымской войны ещё и дорогостоящим мероприятием. Оно признало достаточным сформировать три сельских управления, наделив их правами волостных, а на Астраханско-Кизлярском тракте — одно⁵¹³.

⁵¹⁰ РГИА. Ф. 383. Оп. 10. Д. 9366 б. Л. 111об.

⁵¹¹ РГИА. Ф. 383. Оп. 10. Д. 9366 б. Л. 114.

⁵¹² РГИА. Ф. 383. Оп. 16. Д. 19322. Л. 103об., 105.

⁵¹³ РГИА. Ф. 383. Оп. 16. Д. 19322. Л. 110об., 119об.

Учреждение органов управления и самоуправления в новых поселениях потребовало установление надлежащего за ними надзора. В связи с этим Тагайчинов подал идею о назначении в станицы Царицынско-Ставропольского тракта и отдельной части Малодербетовского улуса двух чиновников, одного из них — окружным начальником. В области полицейской и судебной он отстаивал существующее положение⁵¹⁴.

Первый департамент МГИ не согласился с точкой зрения Главного попечителя об оставлении переселенцев в ведении улусной полиции, указав на то, что «приступая к заселению Калмыцких степей государственными крестьянами, правительство не имело ввиду выводить сих крестьян в отношении управления из общего порядка...»⁵¹⁵. По его мнению астраханские станицы следовало передать земской полиции и образовать на Царицынско-Ставропольском и Астраханско-Кизлярском трактах два стана, назначив в них двух специальных чиновников, подчиненных окружным управлениям⁵¹⁶. Управление ставропольскими станицами предполагалось оставить прежним и только полицейские функции передать Пятигорской земской полиции.

Первый департамент МГИ отклонил предложение Главного попечителя, но и его проект в вышестоящих инстанциях одобрения не получил. Совет министров и Киселева проект не устроил главным образом по двум причинам: 1) его осуществление привело бы к дополнительным расходам; 2) он не предусматривал ликвидацию двойного подчинения ставропольских станиц. Руководству Первого департамента МГИ посоветовали ещё раз «тщательно все взвесить» и затем повторно вынести на обсуждение в Совет министров. После этого МГИ в 1858 г. направило в командировку в Астраханскую губернию капитан-лейтенанта Опочинина, поручив ему «обозреть действенность существующих управлений» и представить на этот счёт свои соображения, а также изучить возможность

⁵¹⁴ РГИА. Ф. 383. Оп. 16. Д. 19322. Л. 115об.

⁵¹⁵ РГИА. Ф. 383. Оп. 16. Д. 19322. Л. 155.

⁵¹⁶ РГИА. Ф. 383. Оп. 16. Д. 19322. Л. 157об.

отчисления к Астраханской губернии ставропольских станиц и легализации самовольных поселений на урочищах Рагули и Пробитый Колодец⁵¹⁷.

Ознакомившись с управлением станиц на калмыцких землях, Опочинин нашёл его удовлетворительным в станицах луговой стороны р. Волги и астраханской части Астраханско-Кизлярского тракта и недостаточным в станицах Царицынско-Ставропольского тракта.

Относительно станиц отдельной части Малодербетовского улуса он признал, что они «не пользуются со стороны улусного начальства ни надлежащим надзором, ни защитой и покровительством»⁵¹⁸. Учитывая это обстоятельство, а также затратность создания из четырех ставропольских станиц особого округа, Опочинин предложил передать их ставропольской администрации. «К тому же, — рассуждал он, — если правительство найдет необходимым отделить из отведенной под кочевые земли часть под оседлые поселения государственных крестьян, то часть сия, со времени выдела, перестаёт уже быть калмыцкою землею и должна, как имение государственное, поступить в полное заведывание палаты той государственных имуществ, в пределах которой это имение находится...»⁵¹⁹.

В населённых пунктах Царицынско-Ставропольского тракта, разбросанных на расстоянии 300 верст, Опочинин считал важным усилить надзор, образовав для этого станичный округ со всем положенным ему штатом. Отметая заранее аргументы противников назначения на данный тракт окружного начальника, он писал: «Значение этой должности здесь зависит не от числа душ в округе, а от важности цели, для которой учреждаются станицы, и от обширности занимаемого станицами пространства»⁵²⁰.

Что касается вопроса отправления полицейских функции улусной полицией, то Опочинин полагал оставить его только в станицах Царицынско-Ставропольского тракта, но не в расположенных вблизи окружных управлений станицах луговой Волги и Астраханско-Кизлярского тракта. Главный попечитель

⁵¹⁷ РГИА. Ф. 383. Оп. 21. Д. 30121. Л. 3.

⁵¹⁸ РГИА. Ф. 383. Оп. 16. Д. 19322. Л. 135об.

⁵¹⁹ РГИА. Ф. 383. Оп. 21. Д. 30121. Л. 58.

⁵²⁰ РГИА. Ф. 383. Оп. 21. Д. 30121. Л. 59об.

калмыцкого народа Струков поддержал идею введения должности окружного начальника, но в отличие от Опочинина, он полагал обойтись без образования округа.

В июне 1859 г. МГИ распорядилось приступить к подготовке открытия окружного управления 2-го разряда. Одновременно астраханские станицы передавались в ведение земской полиции⁵²¹. По неизвестным причинам ни одно из указанных выше распоряжений МГИ исполнено не было. К данному вопросу власти возвратились в 1866 г., когда государственных крестьян передали общим губернским учреждениям. Новые поселения, за исключением Крымского тракта, подчинили МВД, но при этом 12 селений Царицынско-Ставропольского тракта в полицейском отношении оставили в ведении Управления калмыцким народом (УКН). В отношении их сложилась ситуация двухведомственного управления: с одной стороны — МВД в лице местных губернских учреждений, с другой — МГИ в лице УКН. Данное положение сохранялось до 1873 г., пока для населенных пунктов Царицынско-Ставропольского тракта не открылся новый стан и их не изъяли из ведения УКН.

После присоединения 12 селений к Черноярскому уезду на калмыцких землях оставалось ещё 6 переселенческих сел Крымского тракта. Успешный рост численности их населения в 1860–1880-е гг. сделал возможным учредить из них отдельную волость, центром которой стала Элиста.

Выбор Элисты под волостной центр имел под собой веские основания: во-первых, в географическом отношении она занимала центральное положение среди посёлков Крымского тракта; во-вторых, она являлась самым крупным из всех населённых пунктов, вошедших в новую волость. Элистинская волость была образована из посёлков: Элиста, Болгун-Сала (Троицкое), Кюрюльта (Вознесеновка) и Улан-Эрге, которые насчитывали в 1889 году 225 дворов и 2194 души обоего пола. Вскоре после учреждения волости Элиста изменила свой статус посёлка, став селением, и в ней было организовано волостное правление. По своему национальному составу население волости было русско-украинским и в ней

⁵²¹ РГИА. Ф. 383. Оп. 21. Д. 30121. Л. 133об.

функционировали обычные крестьянские органы управления. В конце последнего десятилетия XIX столетия Элистинскую волость выделили из состава калмыцких земель, включив её в состав Черноярского уезда Астраханской губернии, и переподчинили черноярской уездной полиции.

Особенности заселения и географии размещения переселенческого населения в Астраханской губернии привели к формированию своеобразной конфигурации административных границ уездов. Поскольку большинство поселений располагались вдоль речных и сухопутных артерий, то и границы уездов оказались вытянутыми в одну линию. Особенно наглядно это проявлялось в Черноярском уезде. В географическом отношении уезд представлял собой две вытянутые в узкую линию полосы, одна из которых тянулась вдоль р. Волги, а другая шла вдоль границы Астраханской губернии с Областью войска Донского по Ергенинской возвышенности, в направлении с севера на юг, до границы со Ставропольской губернией.

Большинство поселений на Ергенинской возвышенности располагались вдоль Царицынско-Ставропольского тракта в одну линию, что осложнило их административно-территориальное устройство. Особенно большие трудности возникли при формировании административной сети в средней и южной частях Ергеней: новые поселения находились на большом расстоянии от уездных центров, а создать отдельный уезд из них не позволяла малочисленность их населения. В итоге населенные пункты Ергенинской возвышенности включили в ближайший к ним Черноярский уезд, административный центр которого — г. Черный Яр размещался на правом берегу р. Волги. От южноергенинских селений этот город разделяло расстояние в 300–400 вёрст.

Оценивая итоги реализации правительственной программы 1846 г., следует признать, что хотя и не все её пункты были выполнены, главная цель — создание оседлых поселений вдоль дорог — была достигнута. Вместе с тем заселение дорог со всей очевидностью выявило и недостаточную продуманность правительственной программы, проистекавшую, главным образом, из-за отсутствия подробных сведений о колониционном потенциале калмыцких

земель. В результате, вместо запланированных 44 станиц, было образовано всего 25, остались без заселения некоторые участки Кизлярского и Крымского трактов, дорог в луговой стороне р. Волги. Имели место случаи, когда поселения вследствие неблагоприятных природных условий переносились на другие места (Садовое, Киселёво, Обильное, Леничево, Промысловое, Хошеутовское), а то и прекращали своё существование (ст. Благодатная, Доля, Спасская).

Недостаточная продуманность некоторых пунктов правительственной программы и невозможность их выполнения вынудила Комиссию отступить от ряда положений инструкций. Так, например, в нескольких станицах пришлось отказаться от принятой нормы в 100 дворов, поскольку этому препятствовали неблагоприятные условия местности. Дефицит удобных земель побудил землеустроителей почти вдвое увеличить земельное обеспечение станиц за счёт земель, признанных «отчасти неудобными». По этой же причине не удалось ввести семейные участки и избежать чересполосицы. По владенным записям 1870 г., крестьяне 25 созданных по указу 1846 г. переселенческих сел владели 642,4 тыс. дес. из которых 336,6 тыс. дес. или 52,2 % относились к разряду неудобных земель. Площадь земель, находящихся в пользовании калмыков, накануне открытия переселений, составляла более 10,3 млн дес.

Не увенчалась успехом попытка реализации пункта программы, касающегося перевода калмыков на оседлый образ жизни. Провал плана перевода калмыков на оседлость в определённой степени был закономерен. Трудно было надеяться привлечь традиционных кочевников к оседлости посредством приучения их к земледелию в местности, где для этой отрасли не имелось благоприятных природных условий. Превратить же калмыков в оседлых скотоводов, даже предоставив им 30–60десятинные наделы, не позволял экстенсивный характер их хозяйств. Важно отметить, что переходу на оседлость не способствовала и существующая система землепользования и отсутствие чётких внутренних границ в Калмыцкой степи. Главным их недостатком было то, что они не стимулировали закрепление калмыцкого населения за чётко определённой территорией, без чего невозможен переход к оседлой жизни. Чтобы заставить калмыков сменить свой

традиционный образ жизни для начала надо было изменить систему землепользования и административное устройство: эти меры позволили бы создать необходимые предпосылки для перехода на оседлость. В противном случае побудить калмыков перейти на оседлость могли только чрезвычайные обстоятельства, такие, например, как резкое сокращение их земельных владений.

Крестьянские переселения во второй половине XIX в. оказали определённое воздействие на социально-экономическое развитие калмыцких земель. Благодаря им возникли стационарные поселения, стали развиваться земледельческие отрасли. Большое значение переселения имели для самих крестьян, большинство из которых благополучно устроились на новом месте, зажив более обеспеченной, чем на их бывшей Родине жизнью.

Переселенцы не оказали большого влияния на хозяйственный уклад жизни калмыцкого народа, его образ жизни и культуру, также незначительным оно было на них и со стороны калмыков. События в Калмыкии лишней раз подтвердили ту аксиому, что невозможно добиться изменения уклада жизни кочевников одним только поселением с ними оседлых земледельцев или же поощрительными, а тем более административными мерами. Для того, чтобы это свершилось, необходима длительная, кропотливая подготовительная работа с учётом целого комплекса факторов, и в первую очередь — природных, социальных и психологических.

Не решив проблемы осёдлости, переселения, тем не менее, не прошли для калмыков бесследно. Но влияние это было двоякого рода: с одной стороны, изъятия земель под поселения сузили возможности для развития экстенсивного скотоводства и вынудили часть калмыков искать другие источники существования как следствие менять привычный хозяйственный уклад и образ жизни; с другой стороны, переселенцы продемонстрировали положительный пример создания стационарных поселений в суровых условиях Калмыцкой степи. В обоих случаях это способствовало переходу калмыков на оседлость, и показателем необратимости этого процесса служит факт неуклонного роста, начиная с 1860-х гг., числа оседлых калмыков.

Значение переселений простирается далеко за экономические рамки, затрагивая в известной мере такие важнейшие сферы деятельности человека, как материальную и духовную культуру. Важно отметить, что установление более близких контактов представителей различных культур пошло на пользу обоим сторонам.

В первое десятилетие XIX в. российское руководство приняло ряд мер, которые оказали важнейшее влияние на миграционную политику в Северном Прикаспии. Власть определила и установила границы земельного пользования кочевников, подкрепив их юридическими актами, ввело в рыболовецкой отрасли принцип вольного лова на Каспийском море, отказалась от политики привлечения помещиков к заселению края.

К началу XIX в. колонизационный фонд Астраханской губернии в результате переселенческого движения заметно сократился, причём освоены были в основном местности, находившиеся вблизи водных бассейнов. Удалённые от них маловодные и малопродуктивные земли между Каспием, Волгой, Уралом, Манычем и Кумой переселенцев не привлекали, поэтому эта часть Астраханской губернии ими не осваивалась. На них кочевали калмыки, казахи, ногайцы и другие народы. Иная ситуация сложилась на землях, расположенных вдоль водных артерий. Занятие их российскими переселенцами привело к ухудшению отношений с кочевавшими там калмыками. Земли, которые калмыки считали своими, не были закреплены за ними юридическими актами и потому рассматривались местной администрацией и переселенцами как свободные земли государственного фонда.

Приступить к упорядочиванию земельных отношений власти также побуждало переселение в волго-уральские степи казахов, которым разрешили кочевать, но границы их земель не определили.

Неопределённость земельных границ кочевников и отсутствие их юридического статуса осложняли межэтнические отношения в регионе, поэтому правительство обратило на эту проблему серьёзное внимание. 19 мая 1806 г. Александр I подписал указ «О назначении земель калмыкам и другим кочующим

народам в губерниях Астраханской и Кавказской», определивший границы калмыцких и казахских кочевий.

Отвод и закрепление за кочевниками обширной территории органичило возможности использования его в переселенческих целях. В условиях нехватки свободных земель крестьяне-переселенцы вынуждены были создавать самовольные поселения. Несколько таких поселений возникли на землях калмыков. Самовольные поселения возникли исключительно на окраинах калмыцких земель. Переселенцы не стремились проникнуть вглубь калмыцкой территории, выбирая себе места под поселения при водных источниках и в приграничных районах Калмыцкой степи.

Среди переселенцев в Астраханской губернии в XIX в. преобладали государственные крестьяне, но немало также было отставных солдат и представителей военно-служилой группы – войсковых обывателей и полувоенной – однодворцев. Наличие их среди самовольных переселенцев придавало борьбе за узаконивание самовольных поселений более упорный характер и организованность. Особенностью состава самовольных переселенцев являлось полное отсутствие в нем крепостных крестьян и казачества.

В своих действиях по отношению к самовольным поселениям на калмыцких землях центральные и губернские власти вынуждены были балансировать между законностью и целесообразностью, интересами пополнения казны. Власти Астраханской губернии были заинтересованы в появлении новых поселений, поскольку они способствовали росту численности населения, освоению территории и расширяли контингент налогоплательщиков. Поэтому губернские власти не были заинтересованы в жестком контроле за водворением некоторой части переселенцев на калмыцких землях и не проявляли должной активности по их удалению.

Принимая решение об узаконивании того или иного самовольного поселения российское правительство и губернские власти исходили из конкретной ситуации. Каждое такое решение сопровождалось изданием отдельного распорядительного документа, чем подчеркивался его исключительный характер.

Отметим также, что самовольных поселений, возникших в первой половине XIX в. на калмыцких землях Астраханской губернии и Кавказской области было немного и их появление не привело к значительным земельным потерям для калмыков и не оказало большого влияния на кочевые хозяйства.

Что касается земель казахов Внутренней орды, то они в рассматриваемый период самовольными переселенцами не осваивались. Логично предположить, что это было связано с тем, что численность казахов за счёт прибытия новых групп сородичей и высокого естественного прироста росла быстрее, чем калмыков, а земель им было отведено в два раза меньше, по сравнению с калмыками. В то же время количество скота у них было вдвое больше, чем у калмыков. Казахи Внутренней орды испытывали недостаток в пастбищных землях и, в отличие от калмыков, сами ставили перед российским руководством вопрос о наделении их новыми землями. Иными словами, у казахов была наступательная земельная политика, а у калмыков – оборонительная.

В первой половине 1840-х гг. Министерство государственных имуществ разработало проект заселения дорог на калмыцких землях. Он по существу являлся программой модернизации калмыцкого общества и Калмыкии. Программа предусматривала создание в калмыцких степях стационарных поселений, добровольный перевод части калмыков на оседлый образ жизни, заселение важных для государства и региона путей сообщения, преодоление однобокости экономики (кочевое скотоводство) путём формирования очагов земледелия и др. В проведении модернизации правительство особые надежды возлагало на государственных крестьян-переселенцев, более того, оно считало их главной движущей силой в преобразованиях в Калмыкии. В каждое поселение назначались по 50 калмыцких и 50 крестьянских семей. Крестьяне-переселенцы, по замыслу властей, должны были обучить калмыков земледельческим занятиям и помочь им усвоить азы оседлой жизни.

Разрабатывая программу, высшее руководство России просчитывало возможные её издержки для калмыков, что проявилось в назначении к переселению ограниченного числа крестьян-переселенцев, создании стационарных поселений

исключительно вдоль проходящих по окраинам степи трактов. Чтобы доставлять калмыкам меньше стеснений от землеустроительных работ, было принято решение о строгой их регламентации со стороны властей.

Высшая государственная власть России не пошла по пути изъятия большинства земель калмыков, как это предлагало сделать руководство Кавказской области, в пользу переселенцев, и тем самым сохранила за калмыками достаточное количество пастбищных территорий, позволяющих вести кочевое скотоводство. Высшее российское руководство осталось приверженным прежнему курсу на постепенное и осторожное реформирование жизни в Калмыцкой степи и одновременно проявило умение находить оптимальный баланс между государственными и местными интересами.

В государственной переселенческой политике второй половины XIX в. программа заселения дорог 1846 г. на калмыцких землях являлась самым крупным переселенческим мероприятием. Её реализация продолжалась в течение 30 лет, с 1846 по 1876 гг., и, хотя не все её пункты были выполнены, главная цель – создание оседлых поселений вдоль дорог – была достигнута.

Одновременно осуществление проекта показало и его недостаточную продуманность, проистекавшую, главным образом, из-за отсутствия подробных сведений о колонизационном потенциале калмыцких земель. В результате, вместо запланированных 44 населенных пунктов, было образовано всего 25, остались без заселения некоторые участки Кизлярского и Крымского трактов, дорог в луговой стороне р. Волги. Имели место случаи, когда поселения вследствие неблагоприятных природных условий переносились, а то и прекращали своё существование.

Невозможность выполнения некоторых пунктов правительственной программы вынудила Комиссию отступить от ряда положений инструкций при землеустройстве поселений.

Не увенчалась успехом попытка реализации пункта программы, касающегося перевода части калмыков на оседлый образ жизни.

В целом следует признать успешным обустройство в Калмыцкой степи русских и украинских крестьян, которые создали вдоль дорог сеть стационарных поселений, образовали в тяжелейших природных условиях очаги земледелия и оседлой культуры.

К числу переселенческих мероприятий, осуществленных властями в XIX в. в Северном Прикаспии относится заселение солевозных трактов. Инициированная государством разработка соляных месторождений вызвала необходимость создания вдоль солевозных трактов небольших по размерам придорожных поселений (уметов) для обслуживания дорожной инфраструктуры и транспорта. Поскольку тракты пролегали в местности неблагоприятной для проживания человека (недостаток водных источников, жаркий климат, дефицит земель, пригодных для развития земледелия и скотоводства), то власти вынуждены были отказаться от создания на них обычных поселений и ограничиться учреждением на них уметов – маленьких придорожных поселений из одного-двух дворов. Чтобы привлечь в них на постоянное жительство людей, были введены налоговые льготы финансового и хозяйственного характера.

Умётная система сыграла положительную роль в освоении переселенцами солевозных трактов, пролегавших в зоне неблагоприятной для проживания человека.

ГЛАВА 4. ИЗМЕНЕНИЯ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX– НАЧАЛЕ XX в.

4.1. Переселенческое движение на территорию Северного Прикаспия в последней четверти XIX – начале XX в.⁵²²

После завершения проекта создания на калмыцких землях поселений число организованных переселенцев в Астраханскую губернию резко пошло на убыль: в период с 1872 по 1882 гг. на её территории было основано только 2 поселения и причислено 2145 человек⁵²³. Большинство из них прибыли в одиночку и были причислены в разные общества по сельским приговорам, и к городам. По данным Первой Всеобщей переписи населения, в 1897 г. в Астраханской губернии проживало 1 003 542 душ обоего пола, из них 120 197 душ от родились за её пределами⁵²⁴. В перерасчёте на относительные показатели неместные уроженцы составляли 11,9 % от общего количества населения губернии.

География происхождения неместных уроженцев охватывала 62 губернии Европейской России, число переселенцев из Сибири, Средней Азии и Дальнего Востока было крайне незначительно. Лидирующие позиции в данном отношении занимали губернии: Воронежская, Тамбовская, Нижегородская, Саратовская, Симбирская, Пензенская, Рязанская, Самарская, Казанская, Владимирская.

⁵²² Основой данного параграфа послужили статьи С. С. Белоусова: *Белоусов С. С.* Политика властей по привлечению казачества к поселению на трактах в XVIII в.) (Астраханская губерния) // *OrientalStudies* (Вестник КИГИ РАН). 2018. № 1. С. 47–54; *Белоусов С. С.* Самовольные поселения на калмыцких землях Астраханской и Ставропольской губерний: Переселенцы и губернские власти (XIX – начало XX веков) // *Новый исторический вестник*. 2018. № 1 (55). С. 6–20; *Белоусов С. С.* Роль торгово-ремесленного населения в создании стационарных поселений на землях казахов Внутренней киргизской орды Астраханской губернии. XIX в. // *Oriental Studies*. 2019. № 44 (4). С. 634–644; *Белоусов С. С.* Умётная система заселения трактов в Астраханской губернии // *Монголоведение*. 2019. № 18. С. 394–406, которые были значительно доработаны и дополнены.

⁵²³ ГА АО. Ф. 442. Оп. 1. Д. 397. Л. 2об.

⁵²⁴ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. СПб.: Изд-е Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел / под ред. Н. А. Тройницкого, 1904. Астраханская губерния. Тетр. 2. С. 2.

Переселенцы из данных губерний и в прежнее время принимали активное участие в заселении Северного Прикаспия.

Наименьший процент неместных уроженцев из других губерний встречался во Внутренней киргизской орде и в Калмыцкой степи: в первой он составлял 2,05 %, во втором 1,5 %⁵²⁵.

В начале 1880-х г. в Астраханской губернии началось строительство железных дорог, в результате которого к 1917 г. были проложены 3 железнодорожные линии. Это событие имело положительное значение для развития губернии и затронуло различные сферы её жизни.

Появление первой железной дороги в Астраханской губернии было связано с развитием соляной промышленности на озере Баскунчак. Она была построена в 1881 г. с целью увеличить объём перевозок соли и ускорить её доставку с о. Баскунчак до волжских пристаней, находившихся около слободы Владимировки Царёвского уезда. Дорога имела протяженность в 72 в., вдоль которых располагались железнодорожные станции: Баскунчак, Кочевая, Солончак, Пристань Мамаевка, Владимировская Пристань и Ахтуба. По этой линии соль доставлялась с озера к пристаням, затем перегружалась на транспортные суда и по р. Волге отправлялась в места назначения. Баскунчакская железная дорога не была соединена с другими железнодорожными магистралями региона и функционировала только в сезон речной навигации.

Начальной станцией являлась станция Баскунчак, построенная в период прокладки железнодорожной линии в 1881 г. на территории п. Старая Будка, переименованного в советский период в п. Нижний Баскунчак.

История поселка Старая Будка связана с началом соледобычи на озере Баскунчак в середине XVIII в. Добыча соли на нем началась в 1747 г. и тогда же на его берегах для защиты рабочих от набегов кочевников была учреждена небольшая крепость с воинским гарнизоном. Работы на озере носили сезонный характер, к тому же разработка месторождения, по распоряжению властей, несколько раз

⁵²⁵ *Оконова Л. В.* Вопросы миграции в Калмыцкой степи Астраханской губернии: опыт источниковедческого анализа (по материалам переписи 1897 г.) // *Oriental Studies*. 2012. Т. 5. № 3. С. 20.

прекращалась и возобновлялась, что препятствовало закреплению населения на постоянное место жительства. В 1861 г. правительство разрешило частным лицам восстановить соляной промысел на Баскунчаке, а в 1865 г. и вовсе отказалось от государственной монополии на соледобычу.

Возобновление соледобычи способствовало притоку рабочих на озеро, численность которых выросла с 24 чел. в 1867 г. до 1087 чел. в 1874 г.⁵²⁶ Большинство солеломщиков являлись крестьянами Нижнеломовского и отчасти Наровчатского и Мокшанского уездов Пензенской губернии и казахами Внутренней орды⁵²⁷. Работа на соляных промыслах для них была дополнительным заработком и носила сезонный характер. Крестьяне жили «в деревянных весьма лёгких шалашах», которых в 1874 г. насчитывалось 55, а казахи в своих кибитках⁵²⁸.

В 1887 г. п. Средняя Будка посетил известный этнограф и государственный деятель А. Н. Харузин, который оставил об этом событии свои воспоминания. В поселке он увидел несколько лавок татар-торговцев, небольшую, нуждавшуюся в ремонте православную церковь, маленькое здание вокзала железнодорожной станции, а также «тут и там стоящие старые кибитки и разбросанные землянки киргизов (казахов), работающих на соляном промысле...»⁵²⁹. На фоне всего этого железнодорожная станция выглядела необычным явлением — это и «опрятное», с хорошим внутренним убранством здание вокзала, и маневрирующий на путях в пустынной степи паровоз, и служащие «в одинаковых синих блузах и круглых шапках, с выдержкой, не свойственной степному человеку...»⁵³⁰.

На Харузину поселение в целом произвело впечатление «неуютного, грязного

⁵²⁶ Головащенко А. Соляные промыслы Астраханской губернии // Труды Астраханского губернского статистического комитета. Астрахань: Тип. Астраханского губернского статистического комитета, 1877. Вып. 5. С. 20.

⁵²⁷ Головащенко А. Соляные промыслы Астраханской губернии // Труды Астраханского губернского статистического комитета. Астрахань: Тип. Астраханского губернского статистического комитета, 1877. Вып. 5. С. 21.

⁵²⁸ Головащенко А. Соляные промыслы Астраханской губернии // Труды Астраханского губернского статистического комитета. Астрахань: Тип. Астраханского губернского статистического комитета, 1877. Вып. 5. С. 21.

⁵²⁹ Харузин А. Н. Степные очерки (Киргизская Букеевская орда. Странички из записной книжки). М.: Тип. А. А. Левенсон, 1888. С. 159.

⁵³⁰ Харузин А. Н. Степные очерки (Киргизская Букеевская орда. Странички из записной книжки). М.: Тип. А. А. Левенсон, 1888. С. 160.

промыслового поселка»⁵³¹. В последующие годы ситуация постепенно стала меняться в лучшую сторону и к началу XX в. поселок превратился в центральный населенный пункт Баскунчакского соляного промысла. Этому способствовали перевод в п. Средняя Будка администрации промысла и казачьей команды, строительство мечети, а также новой, более просторной больницы, открытие аптеки, лаборатории по исследованию полезных природных свойств окрестностей озера, метеорологической станции, начало разработки месторождения гипсов.

По данным Первой Всероссийской переписи в п. Средняя Будка числилось 79 дворов, имевших в своем составе 432 чел. (207 муж. и 225 жен.), помимо этого населенного пункта, в районе озера Баскунчак существовали п. Кордон с 13-ю дворами (59 муж. и 41 жен.), 8 хуторов, насчитывавшие все вместе 22 двора (62 муж. и 37 жен.), 4 сторожевых будки с 5-ю дворами (20 муж. и 18 жен.) и 6 соляных промыслов с 6-ю дворами (68 муж. и 61 жен.)⁵³².

Более половины постоянных жителей поселка Средняя Будка составляли торговцы, а остальную часть — лица, занимавшиеся в основном мелочной торговлей без документов, перевозкой грузов и воды для поселения⁵³³. Все эти люди поселились самовольно, поэтому поселок не имел собственных органов управления, а также административных и иного назначения общественных зданий, не был благоустроен. Из имевшихся в поселке 88 усадебных мест (середина 1900 г.), более половины использовались по торговлю, остальные места — под жильё. Торговые помещения занимали 70 000 кв. саж., а жилые — 6458, 5 кв. саж.⁵³⁴. За торговые места жители п. Средняя Будка платили в год 2 коп. за 1 кв. сажень, а за 1 кв. саж., занятую по жилое строение, — 1 коп.

Администрация и служащие Баскунчакского соляного промысла считали размер сумм, вносимых поселковцами за аренду земли, ничтожно малой и неоднократно поднимали перед губернскими властями вопрос о повышении

⁵³¹ Харузин А. Н. Степные очерки (Киргизская Букеевская орда. Странички из записной книжки). М.: Тип. А. А. Левенсон, 1888. С. 159.

⁵³² Вся Астрахань и весь Астраханский край. Памятная книжка Астраханской губернии на 1897 г. Астрахань: Издание Астраханского губернского статистического комитета, 1897. С. 89

⁵³³ ГА АО. Ф. 794. Оп. 1. Д. 1466. Л. 130.

⁵³⁴ ГА АО. Ф. 794. Оп. 1. Д. 1466. Л. 128.

арендной платы. 7 декабря 1900 г. врач соляного промысла Доскин писал управляющему государственными имуществами Астраханской губернии: «Торговцы на Баскунчаке живут исключительно ради наживы. Пользы от них для промысла нет решительно никакой, напротив, насчет соляных рабочих они составляют себе состояния, иногда, не совсем честным путем»⁵³⁵. Аналогичного мнения о жителях п. Средняя Будка придерживался и исправляющий должность смотрителя Баскунчакского и Чапчачинского соляных промыслов, сообщавший 28 августа 1900 г. в Управление государственных имуществ Астраханской губернии о том, что проживающие в п. Средняя Будка и занимающиеся торговлей русские, татары и казахи не приносят никакого дохода соляной промышленности, казне и поселку, более того, многие из них сдают свои торговые места на базаре по спекулятивным ценам другим лицам⁵³⁶.

Он предложил поднять арендную цену за использование земли под торговлю с 2 коп. до 30 коп., а для остальных целей установить плату в размере 5 коп. с 1 кв. саж., и, кроме того, ввести налог на «общественные надобности»: 5 коп. в год с 1 кв. саж. за используемую под торговлю землю и 2 коп. за 1 кв. саж. за землю, используемую под другие нужды. Также он считал необходимым прекратить практику бесплатной раздачи земельных участков под пастьбу скота⁵³⁷.

За Баскунчаком следовали станции: Кочевая, Солончак, Мамайская Пристань, Ахтуба и Владимировская Пристань, среди которых самой крупной была станция Ахтуба: в 1897 г. в ней имелось 38 дворов и 533 жителей (264 муж. и 269 жен.). Успехи в её развитии объяснялись во многом тем, что в ней разместили управление Баскунчакской железной дороги и депо, построили школу и больницу. На станцию Ахтуба переезжали на жительство железнодорожники из различных мест России, а с начала XX в., после преобразования ахутбинской двухклассной школы в пятиклассную, в поселке стали готовить свои кадры для обслуживания железной дороги.

В начале второго десятилетия XX в. у властей начало вызывать серьёзное

⁵³⁵ ГА АО. Ф. 794. Оп. 1. Д. 1466. Л. 129об.

⁵³⁶ ГА АО. Ф. 794. Оп. 1. Д. 1466. Л. 95.

⁵³⁷ ГА АО. Ф. 794. Оп. 1. Д. 1466. Л. 96.

опасение религиозно-нравственное состояние жителей п. Ахтуба. В отчёте Астраханского епархиального православного Кирилло-Мефодиевского Братства за 1911 г. говорилось: «Условия службы, отдаленность от приходского храма и примеры окружающего неверия и толстовство, ослабили религиозно-нравственные понятия насельников станции Ахтубы и подорвали веру и нравственность у многих»⁵³⁸. Чтобы исправить ситуацию, Братство приступило к сбору пожертвований для постройки церкви на станции, а также обратилось к руководству Баскунчакской железной дороги с просьбой разрешить священнику до завершения строительства храма проводить в зале ахтубинского железнодорожного вокзала праздничные, воскресные богослужения и духовно-нравственные чтения.

Во второй половине 1890-х гг. северо-западную часть Астраханской губернии пересекала железнодорожная линия станция Тихорецкая – г. Царицын, связавшая юг Нижнего Поволжья с Северным Кавказом. Её строительство имело огромное значение для развития г. Царицына и прилегающих к нему территорий, однако на Астраханскую губернию она оказала достаточно ограниченное влияние. Сооружение железной дороги негативно отразилось на чумацком промысле, который обеспечивал дополнительные заработки жителям ряда поволжских и ергенинских сел, перевозивших грузы с р. Волги на Северный Кавказ и обратно. Притоку населения и созданию новых населенных пунктов в Астраханской губернии эта дорога не способствовала, за исключением территорий, которые непосредственно пересекала железная дорога. В районе её проведения у обществ сел: Аксай, Большие и Малые Чапурники, Абганерово Черноярского уезда и калмыков северной части Малодербетовского улуса были выкуплены отдельные участки, на которых были устроены железнодорожные станции и остальная необходимая инфраструктура. На отчуждённых от бывших её владельцев, землях возникли станции: Абганерово, Гнилоаксайская, Тингута и Червленая, при которых со временем образовались пристанционные поселки. Благодаря им

⁵³⁸ Отчет Астраханского епархиального православного Кирилло-Мефодиевского Братства за 1911 г. Астрахань, 1912. С. 61.

ускорило сообщение населения близлежащих к Тихорецко-Царицынской линии поселений Астраханской губернии с быстро растущим новым промышленным центром Нижнего Поволжья – г. Царицыным.

В жизни с. Аксай, например, большую роль стала играть, расположенная в 9 в. от села, железнодорожная станция Гнилоаксайская. В 1903 г. аксайский священник И. Покасов писал: «Благодаря быстрому сообщению с городом Царицыным село Аксай в последнее время стало заметно оживляться и культивироваться. Всего заметнее это отразилось на хозяйственных делах местных крестьян. На полях стали применяться улучшенные и более рациональные способы обработки земли. Новые сельскохозяйственные орудия — веялки, косилки, жнейки и т. п. появляются постепенно в большем количестве. Открытие лесной торговли в селе дало возможность крестьянам возводить новые деревянные дома, вместо прежних глинобитных избушек»⁵³⁹.

В 1903–1907 гг. в Астраханской губернии была построена железная дорога Астрахань – Саратов, которая связала административные центры двух губерний и соединила левобережную часть Астраханской губернии с железнодорожной сетью юго-востока России.

Данная идея была выдвинута в 1870-х гг. после завершения сооружения Тамбовско-Саратовской железной дороги и была связана с интересами дальнейшего развития соляной отрасли. Разработчики проекта предлагали построить железную дорогу от озера Эльтон до Покровской слободы (Ныне г. Энгельс Саратовской области), через которую проходила Тамбовско-Саратовская железная дорога. При более детальном рассмотрении данного проекта, однако, выяснилось, что он экономически невыгоден, и его отклонили.

В 1890-е гг. был представлен проект соединения посредством железной дороги г. Астрахани с Саратовской губернией. В отличие от предшествующего он учитывал не только интересы развития соляной промышленности, но и всей Астраханской губернии. До начала строительства Астраханской железной дороги

⁵³⁹ Покасов И. Село Аксай (Астраханской губернии, Черноярского уезда) // Астраханские епархиальные ведомости. 1903. № 18. С. 932.

в астраханском обществе прошли бурные дискуссии относительно выбора направления прокладки линии. Одна часть астраханцев настаивала на проведении линии по левому берегу р. Волги (от Камышина Саратовской губернии, через Эльтон, до г. Астрахани), другая выступала за строительство железной дороги вдоль правого берега р. Волги (от г. Царицын — до расположенной напротив г. Астрахани Форпостинской станицы).

Сторонники левобережного направления аргументировали свою позицию большей заселенностью волжского левобережья, численность жителей которого более чем в два с половиной раза превышала численность населения правого берега, успешным развитием в данном районе соледобычи (соляные промыслы всероссийского значения: Эльтонское и Баскунчакское озера), рыбной промышленности, земледелия и огородничества⁵⁴⁰. Свою точку зрения они также мотивировали необходимостью снизить остроту проблемы возвращения трудовых мигрантов с заработков. Дело в том, что ежегодно весной в Астраханскую губернию из средневожских и верхневожских губерний прибывала большая масса людей для работ на рыбных промыслах; значительная часть из них не успевала из-за закрытия навигации на р. Волге возвратиться домой и оседала до весны следующего года в г. Астрахани. Здесь они расходовали заработанные деньги, болели, а некоторые из трудовых мигрантов занимались криминальной деятельностью⁵⁴¹. Устройство железной дороги позволило бы быстро и независимо от сезона доставлять их в места постоянного жительства, что разгрузило бы г. Астрахань от излишнего пришлого элемента и снизило нагрузку на городскую социальную инфраструктуру. Помимо этого, учитывалось также то обстоятельство, что сооружение железной дороги привело бы к появлению в губернии новых видов заработков, что сократило бы отток местного населения на рыбные промыслы⁵⁴².

⁵⁴⁰ Сборник материалов по вопросу об Астраханской железной дороге. Астрахань: Петровское общество исследователей Астраханского края, 1899. С. 242.

⁵⁴¹ Сборник материалов по вопросу об Астраханской железной дороге. Астрахань: Петровское общество исследователей Астраханского края, 1899. С. 240.

⁵⁴² Сборник материалов по вопросу об Астраханской железной дороге. Астрахань: Петровское общество исследователей Астраханского края, 1899. С. 244.

Однозначно в пользу строительства железной дороги в левобережной части губернии высказался Временный совет по управлению Внутренней киргизской ордой. По его мнению, проведение железной дороги по территории Киргизской внутренней орды, располагавшейся на левобережье р. Волги, было выгодно как в экономическом, так и в политическом смысле. Вдоль железной дороги образовались бы новые стационарные поселения, появились новые виды заработков, дальнейшее развитие получили соляные промыслы, на которых было задействовано много казахов, в торговле ослабли бы позиции татар, державших её в своих руках и сильно влиявших в религиозном отношении на казахов.

Руководство Временного совета особо подчёркивало политико-религиозное значение строительства железной дороги, прямо заявляя, что она «послужит к скорейшему водворению среди кочевников начал русской гражданственности и культуры и ослабит влияние татар, которые теперь являются проводниками идей исламизма»⁵⁴³. В постановлении Временного Совета по управлению Внутренней киргизской ордой говорилось: «Проектируемая железная дорога, открывая путь в орду, вызовет прилив в киргизскую степь русского населения, которое сблизится с киргизами и явится, таким образом, противовесом нежелательного влияния татар на ордынцев»⁵⁴⁴.

Противники проекта проведения железной дороги по правому берегу р. Волги обосновывали своё мнение тем, что данный район являлся малонаселённым и недостаточно перспективным с точки зрения экономического развития и его колонизации. Здесь не было крупных месторождений минерального сырья, слабо была развита промышленность, а население занималось в основном скотоводством. Последняя отрасль не требовала большого количества людей, поэтому привлекать новых переселенцев при помощи железной дороги не было необходимости. Особенно это касалось Ергенинской возвышенности, жители которой вследствие

⁵⁴³ Сборник материалов по вопросу об Астраханской железной дороге. Астрахань: Петровское общество исследователей Астраханского края, 1899. С. 204.

⁵⁴⁴ Сборник материалов по вопросу об Астраханской железной дороге. Астрахань: Петровское общество исследователей Астраханского края, 1899. С. 206.

бурного развития у них скотоводства испытывали острый недостаток земли и потому не изъявляли желания принимать к себе новых переселенцев.

После долгих обсуждений правительство в 1902 г. приняло решение строить железную дорогу по левому берегу р. Волги — от Покровской слободы — до г. Астрахани.

Астраханская железная дорога была сооружена в течение 1903–1907 гг., её длина составила 517 в.; вдоль неё были построены 20 железнодорожных станций, некоторые из которых дали основание новым населенным пунктам.

От р. Волги железная дорога шла через Новоузенский уезд Самарской губернии, затем вступала в пределы Внутренней киргизской орды Астраханской губернии. На данном отрезке пути было образовано 4 железнодорожные станции: Красный Кут, Лепёхинская, Гмелинская и Палласовка. Самарский участок пути был наиболее удобным для строителей, поскольку проходил по обжитой и достаточно благоприятной в природном отношении местности. Вдоль железной дороги и недалеко от неё располагались многолюдные, с хорошо налаженной экономикой населенные пункты, которые с проведением железнодорожной линии получили дополнительный импульс для развития.

В пределах Астраханской губернии железная дорога проходила в более худших природных условиях: через полупустынную зону, летучие барханные пески и затопляемую во время разливов р. Волги дельту. Астраханский участок пути начинался на землях Внутренней киргизской орды, где были построены железнодорожные станции: Кайсацкая, Джаныбек, Сайхин и Шунгай. Все они возникли в местности, где не было стационарных поселений, а основное население составляли казахи-кочевники. Через несколько лет при железнодорожных станциях Внутренней киргизской орды в результате притока русского населения и казахов из окрестных аулов образовались посёлки, в которых открылись небольшие торгово-промышленные заведения, базары, школы, стало культивироваться земледелие. Успешное развитие железнодорожных поселков сделало их центрами притяжения для местного и пришлого населения, которое постоянно возрастало в численности. С 1910 по 1915 гг. число дворов в

железнодорожных поселках Внутренней киргизской орды выросло: в Джаныбеке с 63 (чел.) до 297 (1416 чел.), в п. Сайхин с 16 (53 чел.) до 57 (207 чел.), в п. Шунгай с 11 (61 чел.)⁵⁴⁵ до 12 (55 чел.)⁵⁴⁶.

Среди железнодорожных поселков Внутренней киргизской орды наивысшие темпы развития демонстрировал п. Джаныбек. В 1914 г. автор заметки «Скромное торжество в поселке Джаныбек» удивлялся что «всего лишь каких-нибудь 7–8 лет тому назад на том месте, где теперь раскинулся поселок, была пустынная киргизская степь, на которой кочевали киргизы со своими стадами; но вот прошла через степь железная дорога и степь оживилась, появился приличный поселок «Джаныбек» с русским населением, в котором имеются очень хорошие дома, магазины, паровая мельница с электрическим освещением и во главе поселка на площади возвышается православная церковь-школа, увенчанная святым крестом, символом того, что здесь живут христиане, что здесь Русь, что здесь Русью пахнет»⁵⁴⁷.

По соседству с Джаныбеком размещалась железнодорожная станция Кайсацкая, при которой также возник и успешно развивался новый поселок. До его появления в районе будущей станции Кайсацкой имелось лишь несколько мелких хуторов русских крестьян и казахов, однако всё изменилось после постройки железной дороги. Всего через несколько лет после сдачи в эксплуатацию станции при Кайсацкой образовался посёлок из 50 дворов, открылись магазины и базары. Современники того времени отмечали благотворное влияние железнодорожного поселка на окрестные хутора, которые благодаря усилившемуся притоку населения и близости к железной дороге стали быстро увеличиваться в населении и постепенно превращаться в селения. Их жители помимо скотоводства стали заниматься также выращиванием пшеницы и гречихи.

На пересекавшем Внутреннюю киргизскую орду отрезке Астраханской железной дороги возникли ещё 2 железнодорожные станции: Сайхин и Шунгай,

⁵⁴⁵ Вся Астрахань и весь Астраханский край. Памятная книжка Астраханской губернии на 1910 г. Астрахань: Издание Астраханского губернского статистического комитета, 1910. С. 48.

⁵⁴⁶ Вся Астрахань и весь Астраханский край. Памятная книжка Астраханской губернии на 1916–1917 гг. Астрахань: Издание Астраханского губернского статистического комитета, 1916. С. 68.

⁵⁴⁷ Скромное торжество в посёлке Джаныбек // Астраханские епархиальные ведомостию. 1914. № 7. С. 171.

однако по темпам своего развития они уступали двум предшествующим им станциям и селились в них в основном казахи.

Сооружение железной дороги привело к появлению на казахских землях Астраханской губернии четырех населенных пунктов и формированию анклава русского населения в районе станций Джанибек и Кайсацкая. Их верующие жители в массе своей не являлись адептами Русской православной церкви, что можно объяснить рядом факторов: удалённостью поселков, не позволявшей осуществлять за ними эффективный надзор со стороны духовных властей, отсутствием православных церковных структур и священников, активной пропагандой сектантов, наличием среди переселенцев значительного количества сектантов, и, безусловно, географической близостью поселков к сильно зараженному сектантством Царевскому уезду Астраханской губернии.

В распространении своего учения среди православных особенно преуспели баптисты; их лидеры вели пропаганду на базарах, устраивали собрания в дни религиозных праздников и в базарные дни, разъезжали по окрестным хуторам. В 1911 г. Астраханское епархиальное православное Кирилло-Мефодиевское Братство вынуждено было констатировать, что большинство верующих в п. Джаныбек и Кайсацкий не являются православными, более того, и среди православных наблюдалось сильное колебание в сторону вероисповедания баптистов. Численный перевес религиозных противников Русской православной церкви привёл к тому, что в п. Джаныбек ими оказались заняты все выборные административные должности⁵⁴⁸. По данным епархиальных властей, в 1914 г. в п. Джаныбек и в ближайших к нему хуторах проживало 500 душ православных, в то время как сектантов (баптисты, молокане, субботники и др.) было вдвое больше – около 1000 душ⁵⁴⁹. Чтобы нейтрализовать их пропаганду на православных и вернуть часть бывших адептов РПЦ церковные власти весной 1913 г. организовали в п. Джанибек краткосрочные миссионерские курсы и открыли в 1914 г. в нём церковь-школу.

⁵⁴⁸ Отчет Астраханского епархиального православного Кирилло-Мефодиевского Братства за 1911 г. Астрахань, 1912. С. 42.

⁵⁴⁹ Скромное торжество в посёлке Джаныбек // Астраханские епархиальные ведомостию. 1914. № 7. С. 171.

Другой мерой, призванной усилить влияние РПЦ на жителей населенных пунктов Царевского уезда, тяготеющих к железной дороге, и поселков Внутренней орды, стало учреждение 1 января 1913 г. 5-го благочинненского округа. При создании нового округа священник И. Сиротов заметил, что необходимо подумать о строительстве церквей и открытии православных приходов в поселках Джаныбек и Кайсацком, население которых росло особенно быстро за счёт притока работников железнодорожного транспорта и лиц других профессий. Он писал: «Самая старейшая церковь в округе — это Свято-Троицкая пос. Элтона, сооруженная на казенные средства в 1845 году, когда на Элтонском озере разрабатывалась соль, почему здесь была масса рабочих и администрации, религиозные нужды которых и должна была обслуживать сия церковь. Церковь каменная, величественная; чудный колокол ея, весом более 100 пудов, своим серебристым, бархатным звуком на далекое пространство оглашает окружающую степь.... Но, увы! теперь именно только что степь, ибо с приостановкой разработки здесь соли, вся администрация и рабочие разъехались и осталось теперь там всего 20–30 дворов с 200 жителями и среди этих домиков стоит величественный храм, могущий вместить в себе до 1000 душ, — горстка прихожан никак не может поддержать храм в надлежащем благолепии... Так и просится этот красавец храм на другую сторону озера, где начинает быстро развиваться с проведением железной дороги новый поселок, где кипит жизнь, а там все замирает и оттуда, возможно, в конце концов перейдут все жители в поселки, образующиеся по линии железной дороги и останется тогда совершенно сиротой сей храм, некому будет в нем молиться, да и сейчас нужда в храме и причте более ощущается в новом поселке, чем в старом, ибо здесь много железнодорожных служащих, много поселилось уже и частных жителей, да при том же открыт курорт для лечения чудными грязями озера служащих на Рязанско-Уральской железной дороге, а также есть грязелечебница г. Харченко и для частных лиц. Такова же судьба храмов и степных хуторов — Гончарова и Калашникова, где имеется около храмов по 25–35 дворов жителей, да и из них многие летом отсюда уезжают, так что храмы почти пустуют и молящиеся бывают в них только что в Великий пост, да и в большие праздники,

а далее и эти жители уйдут отсюда в ближайшие поселки, образовавшиеся по линии железной дороги: Кайсацкая, Джаныбек, так как и теперь некоторые уходят. Теперь нужны бы хорошие храмы в поселках, возникающих по линии Астраханской железной дороги: Кайсацкой, Джаныбек...»⁵⁵⁰.

Быстрое увеличение числа жителей в п. Джаныбек, укрепление его экономики сделали возможным поселковым властям поставить уже в 1913 г. вопрос о придании ему статуса города, однако быстро решить этот вопрос помешала начавшаяся война. Просьбу джаныбековцев удовлетворило Временное правительство, которое своим постановлением от 3 июня 1917 г. преобразовало п. Джаныбек в город, одновременно переименовав его в Степной. Вскоре власти поселка получили от губернской администрации распоряжение ввести в действие положение о городском управлении и согласно ему учредить городскую думу и провести в неё выборы гласных. Их также известили о том, что Временное правительство выделит для этих целей ссуды.

По поводу изменения административного статуса Джаныбека газета «Сельское хозяйство Астраханского края» в те дни писала: «Городу Степному, по-видимому, предстоит сделаться центром, к которому потянутся оседлые поселения значительного района, где расположены не только многочисленные хутора, тяготеющие к железной дороге, но и ряд поселков вдоль дорог⁵⁵¹. Вскоре эти предположения подтвердились. В первых числах июля в п. Джаныбек был созван съезд представителей поселков Внутренней киргизской орды, на котором делегаты признали необходимым для защиты интересов жителей поселков учредить в Джаныбеке «центральный объединяющий орган» под названием «Союз поселков Киргизской степи» и назначили на 23 июля 1917 г. съезд для выборов органов правления и совета союза новой административной структуры⁵⁵².

Астраханская железная дорога прошла через Баскунчакский и Эльтонский соляные промыслы, возле которых возвели две новые железнодорожные станции:

⁵⁵⁰ *Сиротов И.* Мусульманская пропаганда среди киргизов Букеевской Орды // Астраханские епархиальные ведомости. 1904. № 5. С. 464–465.

⁵⁵¹ Город Степной // Сельское хозяйство Астраханского края. 1917. № 7. С. 246.

⁵⁵² Объединение поселков Киргизской степи // Сельское хозяйство Астраханского края. 1917. № 7. С. 253.

Верхний Баскунчак и Новый Эльтон. В связи с завершением строительства 13 декабря 1907 г. товарищ главноуправляющего землеустройством и земледелием утвердил условия сдачи в аренду земель под торгово-промышленные поселки при Астраханской железной дороге. Земли на местах будущих поселков разбивались на участки (по 150 кв. саж. каждый) и сдавались в аренду отдельным лицам на 24 года с правом её продления при условии соблюдения в точности контракта. По истечении каждых 12 лет арендная плата поднималась; первый раз — на 10 %, затем — на 15 %, 20 %, 25 % и т. д. Участок мог сдаваться только одному лицу⁵⁵³.

К моменту выхода распоряжения товарища главноуправляющего при станциях Верхний Баскунчак и Новый Эльтон уже существовали поселки, которые образовались в 1905–1907 гг., т. е. ещё в период строительства Астраханской железной дороги. Проживавшие в них лица водворились без разрешения властей, поэтому считались самовольными поселенцами. В 1909 г. п. Верхний Баскунчак насчитывал 78 дворов и 493 чел.⁵⁵⁴, Новый Эльтон — 10 дворов и 48 чел.⁵⁵⁵ В 1911 г. жителям обоих поселков предписали заключить контракт на аренду мест и оплатить суммы за предшествующие годы, а с тех, кто откажется это сделать, власти грозили взыскать по суду деньги за причиненные казне убытки⁵⁵⁶.

Предъявленные властями поселенцам достаточно жесткие условия аренды заставили часть самовольных жителей выселиться, однако в целом эти меры не приостановили рост численности населения и экономическое развитие поселков. К 1917 г. в п. Верхний Баскунчак проживало уже около 700 чел., а в п. Новый Эльтон — около 2000 чел. Появление данных населенных пунктов оживило торговую и экономическую жизнь в их окрестностях и способствовало возникновению новых хуторов. В п. Новый Эльтон дополнительным фактором привлечения населения стало открытие на озере санаторного лечения. На средства управления Рязано-Уральской железной дороги здесь в 1910 г. был построен санаторий, где целебными

⁵⁵³ ГА АО. Ф. 794. Оп. 2. Д. 193. Л. 100.

⁵⁵⁴ Вся Астрахань и весь Астраханский край. Памятная книжка Астраханской губернии на 1909 г. Астрахань: Издание Астраханского губернского статистического комитета, 1909. С. 35.

⁵⁵⁵ Вся Астрахань и весь Астраханский край. Памятная книжка Астраханской губернии на 1909 г. Астрахань: Издание Астраханского губернского статистического комитета, 1909. С. 44.

⁵⁵⁶ ГА АО. Ф. 794. Оп. 2. Д. 193. Л. 15.

минеральными грязями лечились семьи железнодорожников, а также частными лицами открыты заведение по лечению кумысом и аптека. Постройка санатория и лечение за счёт железной дороги её рабочих и служащих в имперской России было уникальным случаем⁵⁵⁷.

После Верхнего Баскунчака линия железной дороги уходила в сторону р. Ахтубы и не доходя до неё сворачивала и шла параллельно этой реке в направлении г. Астрахани. Этот участок дороги изобиловал песками, а в дельте р. Волги строителям пришлось ещё преодолевать и множество мелких рек и речушек, которые сильно осложняли строительство дороги. В то же время, необходимо отметить и то, что дорога в этом районе проходила недалеко от старых населенных пунктов Ахтубинской поймы, с развитой поселенческой сетью, многочисленным населением и со сложившейся структурой экономики. Этими обстоятельствами можно, по-видимому, объяснить тот факт, что все 9 построенных железнодорожных станций на отрезке пути от ст. Богдо до ст. Дельта, так и остались мелкими населенными пунктами, и не оказали сколь-нибудь заметного влияния на расширение поселенческой сети. Они имели значение для старых поселений, жители которых получили возможность доставлять по железной дороге на рынки городов свою продукцию.

В 1870–1880-е гг. власти не оставляли надежды создать сеть малых поселений на Крымском тракте. Вначале, как уже отмечалось, его решено было заселять небольшими поселками из калмыков и крестьян, однако вскоре от этой идеи пришлось отказаться из-за отсутствия желающих там поселиться. Из 34-х избранных на данном тракте и его ответвлениях местах в 1863–1865 гг. переселенцами было основано 6 небольших посёлков, которые располагались в относительно благоприятных для проживания человека районе Ергенинской возвышенности, кандидатов на остальные же места из-за тяжелейших природных условий так и не нашлось. Таким образом, незаселенным остался большой участок тракта, пролежавший по низменной степи между поселениями Астраханского уезда

⁵⁵⁷ *Опалев М. Н.* Особенности работы Астраханской железной дороги в условиях заволжских степей и пустынь (начало XX в.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 10 (36). Ч. 2. С. 146.

и Ергенинской возвышенности. Так как желающих поселиться здесь не предвиделось, то в власти решили прибегнуть к умётной системе заселения.

23 февраля 1876 г. вышел специальный указ, объявившей о создании на контрактной основе умётов на незаселенных местах Крымского тракта. В начале 1880-х гг. взять в содержание 3 умёта согласились калмык, русский крестьянин и купец, однако оставались ещё 5 урочищ, на которые никто не пожелал поселиться. Люди отказывались там водворяться из-за песчаной почвы и отсутствия водных источников, сенокосов, пастбищ⁵⁵⁸.

Более или менее подходящие пастбища имелись в 10 верстах от тракта, но и они, по словам Главного попечителя не могли «вполне отвечать потребностям скотоводства». «Ввиду таких причин нужно полагать, – отмечал в своём рапорте 5 августа 1885 г. в Департамент общих дел Министерства государственных имуществ Главный попечитель калмыцкого народа Н. О. Осипов, – что в заселении тракта едва ли представляется возможность...»⁵⁵⁹. Власти неоднократно давали объявления о приглашении к поселению на умётах, но на них мало, кто откликался. В начале 1880-х гг. на Крымском тракте побывали уполномоченные от крестьян Донецкого округа Области войска Донского Я. Червяков, О. Моисеенко, Н. Давыденков, но осмотрев местность, они отказались поселяться. В 1885 г., правда, Червяков вошёл в УКН с ходатайством о поселении его и его доверителей умётом в числе 7 дворов на урочище Бузгуй, но это поселение так и не состоялось⁵⁶⁰, поскольку этому воспротивились калмыки.

Калмыки были недовольны тем, что держатели умётов начали наращивать скотоводство в торговых целях, и тем самым стеснять калмыков в пастбищах. В 1884 и 1885 гг. калмыки Икицохуровского улуса составили приговоры о недопущении крестьян селиться умётами и согласились принять на себя их обязательства по отбыванию подводной повинности. Калмыков поддержал Главный попечитель калмыцкого народа Н. О. Осипов, заметив, что умётчики не приносят особой пользы, он внёс предложение, чтобы после истечения срока новые

⁵⁵⁸ ГА АО. Ф. 1. Оп. 11. Д. 210. Л. 11.

⁵⁵⁹ ГА АО. Ф. 1. Оп. 9. Д. 672. Л. 11об.

⁵⁶⁰ ГА АО. Ф. 1. Оп. 11. Д. 210. Л. 11.

контракты не заключались без предварительного одобрения их калмыками⁵⁶¹. Если правительство всё же сочтёт необходимым продолжить курс по привлечению переселенцев к заселению умётов Крымского тракта, то им отвести земельные наделы, что облегчит контроль администрации за выпасаемым количеством скота⁵⁶².

В своём представлении в Департамент общих дел от 5 августа 1885 г. Осипов писал также, что крестьяне некоторых степных сёл просили дозволения причислиться к кочевым обществам, чтобы иметь возможность выпасать свои многочисленные стада скота на калмыцкой земле. Получив отказ, они начали просить губернские власти прирезать к земельным наделам их обществ по 100–120 кв. вёрст калмыцкой земли, также до Главного попечителя дошли сведения о том, что крестьяне переселенческих сёл стали принимать в свои общества переселенцев из других губерний специально для того, чтобы они платили подати и отправляли повинности наравне с членами сельских обществ, а землёй пользовались в Калмыцкой степи⁵⁶³.

Осипов разработал новый вариант проекта контракта с умётчиками, который в 1886 г. был утверждён Министерством государственных имуществ. По нему умётчик обязывался в течение двух лет выстроить в умёте дом со всеми положенными службами, постоянно иметь наготове две тройки лошадей со сбруей, повозкой и ямщиком, за это ему предоставлялось право бесплатно пользоваться 150 дес. калмыцкой земли и выпасать на калмыцких землях скот в количестве 50 голов крупного и 500 голов мелкого скота⁵⁶⁴.

Одним из каналов проникновения оседлого населения на земли казахов и калмыков в условиях административных запретов на поселение, были торговая и ремесленная деятельность.

⁵⁶¹ ГА АО. Ф. 1. Оп. 9. Д. 672. Л. 12об.

⁵⁶² ГА АО. Ф. 1. Оп. 9. Д. 672. Л. 13.

⁵⁶³ ГА АО. Ф. 1. Оп. 11. Д. 210. Л. 12об.

⁵⁶⁴ ГА АО. Ф. 1. Оп. 11. Д. 210. Л. 32.

Первая Всеобщая перепись населения Российской империи зафиксировала на территории Внутренней киргизской орды 214 796 чел., из которых 1785 являлись уроженцами других губерний, в основном из Казанской и Самарской губерний⁵⁶⁵.

Во Внутренней киргизской орде торговля сосредотачивалась в основном в руках татар. Так, в 1893 г. из 28 действующих в п. Ханская Ставка гильдейских торговых предприятий 20 принадлежали татарам — выходцам из Среднего Поволжья, а в 1909 г. из 141 торговых заведений 74 являлись татарскими. В 1909 г. в п. Новая Казанка татары владели 53-мя торговыми предприятиями из 93-х⁵⁶⁶.

Казанских татары не только наращивали свои торговые операции, но и выступали активными пропагандистами исламского учения. На большую роль приезжих татар в исламизации казахского населения Внутренней киргизской орды указывал И. Сиротов, работавший в конце XIX – начале XX вв. в п. Новая Казанка учителем казахской школы Министерства народного просвещения. Он отмечал, что татары-торговцы активно распространяют среди казахов исламскую литературу, продают их в своих лавках и прямо на улице, заводят разговоры о религии во время торговли в своих лавках и в степи⁵⁶⁷.

Активная пропаганда исламского вероучения велась в мусульманских школах, функционировавших в степи и в посёлках под различными названиями. Обучавшиеся в этих школах казахские дети, по утверждению Сиротова, «воспитывались в строгом духе ислама, в ненависти к христианству и вообще ко всему немусульманскому...»⁵⁶⁸.

Мусульмане составляли большинство среди жителей поселков Внутренней киргизской орды. Самым крупным среди них являлся административный центр Внутренней орды — Ханская Ставка. В первые годы XX в. в нём имелись 2 мечети, 1 православная церковь, 434 жилых и 467 нежилых построек, 162 торговые лавки и

⁵⁶⁵ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. СПб.: Изд-е Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел / под ред. Н. А. Тройницкого, 1904. Уральская область. Т. LXXXVIII. С. 17.

⁵⁶⁶ *Имашева М. М.* Торгово-предпринимательская и общественная деятельность татар во Внутренней киргизской орде Астраханской губернии (конец XIX–XX вв.) // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2014. № 4 (30). С. 127.

⁵⁶⁷ *Сиротов И.* Мусульманская пропаганда среди киргизов Букеевской Орды // Астраханские епархиальные ведомости. 1904. № 5. С. 208.

⁵⁶⁸ *Сиротов И.* Мусульманская пропаганда среди киргизов Букеевской Орды // Астраханские епархиальные ведомости. 1904. № 5. С. 210.

проживало 2 648 чел. (1 424 муж. и 1 274 жен.), в т. ч. 2 075 казахов и татар и 568 русских⁵⁶⁹. Казахи в основном торговали мясом, содержали харчевни и постоянные дворы, работали прислугой, татары торговали различными товарами, русские были задействованы на государственной службе и также занимались торговлей.

В 1886 г. Временный совет предоставил в пользование жителям Новой Казанки участок земли для выпаса молочного и рабочего скота, что улучшило условия существования поселенцев. К 1889 г. население Новой Казанки достигло 916 чел.; из них 485 чел. были татарами, 400 — киргизами и 31 — русскими⁵⁷⁰. Превращению поселения в заметный торговый пункт способствовал ряд обстоятельств: удобное расположение на пересечении торговых путей, многочисленность кочевавшего в округе казахского населения и близость к населенным пунктам уральских казаков, что повышало потребности населения района в торговом обслуживании.

Основным родом деятельности населения п. Новая Казанка являлась торговля. В отчете о посещении в 1904 г. поселка астраханским губернатором Б. Л. Гронбчевским говорилось: «Жители Новой Казанки занимаются исключительно торговлей, которая находится главным образом в руках татар. В последнее время некоторые русские торговые фирмы стали открывать здесь свои филиальные отделения и, таким образом, положили начало упрочению русского торгового элемента»⁵⁷¹. В поселке имелось 201 торгово-промышленное заведение с годовым оборотом в 73 7000 руб., а годовые обороты по торговле скотом и продукцией животноводства достигали 332 000 тыс. руб. и по рыбе до 80000 руб. в год⁵⁷².

Казахское население посёлка самостоятельно торговые операции не вело, а выступало обычно посредником в сделках между татарами-торговцами и кочевавшими казахами. Недалеко от п. Новая Казанка находилось до 200 озёр,

⁵⁶⁹ Поездка астраханского губернатора генерал-майора Б. Л. Гронбчевского во Внутреннюю Киргизскую Орду // Астраханский вестник. 1904. 21 мая.

⁵⁷⁰ *Иванов И. С.* Внутренняя Киргизская Орда // Букеевской Орде 200 лет / науч. ред. М. Кулькенов. Кн. 2. Алматы: Олке, 2001. С. 154.

⁵⁷¹ Поездка астраханского губернатора генерал-майора Б. Л. Гронбчевского во Внутреннюю Киргизскую Орду // Астраханский вестник. 1904. 21 мая.

⁵⁷² Поездка астраханского губернатора генерал-майора Б. Л. Гронбчевского во Внутреннюю Киргизскую Орду // Астраханский вестник. 1904. 21 мая.

дававшие до 200 000 руб. валового дохода от улова рыбы, поэтому часть её жителей успешно занималась рыболовством⁵⁷³.

В первые годы XX столетия в п. Новая Казанка насчитывалось 281 жилых и 404 нежилых зданий, функционировали православная церковь и мечеть, 1 церковно-приходская, 1 русско-казахская, 2 казахских участковых школы и медресе, лечебница, проживали 1916 чел.⁵⁷⁴

Третьим по численности населенным пунктом Внутренней киргизской орды являлся п. Таловка. После упразднения в 1871 г. форпоста уральских казаков Таловского на его месте с разрешения оренбургского генерал-губернатора остались торговавшие здесь до этого 5 семей татар. С 1875 г. в поселке начали селиться с торговыми целями татары и русские, а также казахи, большинство из которых освоили ремесленные специальности (плотничное, кузнечное, сапожное и др.), ставшие источником их существования⁵⁷⁵.

Русские появились в Таловке из соседней с Внутренней киргизской ордой Самарской губернии, и являлись самой многочисленной этнической группой среди жителей поселка. В самом начале XX в. из 1738 его жителей русскими были 737 чел., далее следовали казахи — 590 чел. и затем татары — 276 чел. В 1897 г. в Таловке были построены православная церковь и церковно-приходская школа, имелись также мечеть и при ней медресе, лечебница и русско-казахская школа⁵⁷⁶.

Поселившиеся во Внутренней орде торговцы и ремесленники основали в ней первые стационарные поселения и придали новый импульс развитию торговли, что способствовало приобщению к торговой и ремесленной деятельности казахов и, как следствие, переходу части их к оседлому образу жизни. Под влиянием торгово-ремесленной деятельности пришлого населения у казахов произошли изменения в социально-профессиональной структуре, в частности появился слой торговцев и

⁵⁷³ *Поленов А.* Пути торгово-промыслового движения в Букеевской орде и в пограничных с нею местностях // Букеевской Орде 200 лет / науч. ред. М. Кулькенов. Кн. 6. Алматы: Олке, 2001. С. 157.

⁵⁷⁴ Поездка астраханского губернатора генерал-майора Б. Л. Гронбчевского во Внутреннюю Киргизскую Орду // Астраханский вестник. 1904. 21 мая.

⁵⁷⁵ *Поленов А.* Пути торгово-промыслового движения в Букеевской орде и в пограничных с нею местностях // Букеевской Орде 200 лет / науч. ред. М. Кулькенов. Кн. 6. Алматы: Олке, 2001. С. 158.

⁵⁷⁶ Поездка астраханского губернатора генерал-майора Б. Л. Гронбчевского во Внутреннюю Киргизскую Орду // Астраханский вестник. 1904. 21 мая.

ремесленников. Большинство из них порвали с кочевой жизнью и поселились в трёх упомянутых ранее поселках, или сами основали новые населенные пункты. Казахи-торговцы, например, полностью заселили п. Джамбай, выстроив в нём для стационарной торговли несколько лавок. Они также вдохнули жизнь в заброшенный п. Чапчачи, пришедший в упадок после закрытия соляного промысла. На рубеже XIX–XX вв. в нём проживало около 100 душ казахов и татар, которые занимались только торговлей, при этом преимущественно стационарной⁵⁷⁷.

Несмотря на своё успешное развитие, торгово-ремесленные поселения во Внутренней орде не имели органов управления, а большинство их жителей — прописки. Поселковцы считались временно пребывающим в орде населением, хотя многие из них здесь родились и выросли. Им запрещалось пользоваться или иметь в собственности земли, не разрешалось заниматься скотоводством и земледелием; за неисполнение установленных для них государством правил проживания во Внутренней киргизской орде власти могли их выселить из неё. Переселенцам удалось добиться только разрешения на право пользования небольшими участками земли возле поселков для содержания своего молочного и рабочего скота, необходимого для собственного пропитания и перевозки товаров.

В конце XIX в. власти приняли меры к упорядочению торговли в поселках, обложив её пошлиной, до этого она велась на основе ярмарочного права: налог уплачивался только за ярмарочные продажи. Во второй половине XIX в. известный исследователь истории и социально-экономической жизни населения Внутренней киргизской орды И. С. Иванов отмечал хорошие перспективы для дальнейшего развития поселков, но для этого, считал он, необходимо было ввести в них соответствующее общественное управление⁵⁷⁸.

В последней четверти XIX в. важные изменения произошли в жизни самовольных переселенцев п. Калмыцкий Базар. В 1878 г. им разрешили проживать в п. Калмыцкий Базар, но за это право обложили особым ежегодным сбором в

⁵⁷⁷ *Поленов А.* Пути торгово-промыслового движения в Букеевской орде и в пограничных с нею местностях // Букеевской Орде 200 лет / науч. ред. М. Кулькенов. Кн. 6. Алматы: Олке, 2001. С. 158.

⁵⁷⁸ *Иванов И. С.* Внутренняя Киргизская Орда // Букеевской Орде 200 лет / науч. ред. М. Кулькенов. Кн. 2. Алматы: Олке, 2001. С. 155.

общественный калмыцкий капитал в размере 20 копеек с одной квадратной сажени земли за жилые постройки, также их обязали платить оп 3 руб. за каждую квадратную сажень земли, занятой лавкой с красным товаром и 15 руб. с каждой молочной и мясной лавки, независимо от пространства ею занимаемой⁵⁷⁹. Эти меры были рассчитаны на три года, но затем продлены до 1902 г.

Обложение поселян особым сбором не остановило развитие поселка. В конце 1890-х гг. в нём имелось 63 жилых помещения, 26 лавок, 3 бойни для скота⁵⁸⁰, большой доход торговцам приносила также продажа скота: в 1899 г. за него было выручено 370 719 тыс. руб., а в 1900 и 1901 гг. — соответственно 463 596 и 584 385 рублей.

Привлекательность п. Калмыцкий Базар возросла с началом разработки проекта строительства железной дороги по правому берегу р. Волги. В связи с этим МВД планировало перевести жителей поселка на 24-х летнюю аренду, и расширить территорию поселения за счёт прирезки к нему дополнительных, в 100 кв. саженей арендных участков⁵⁸¹.

В первые годы XX в. п. Калмыцкий Базар представлял из себя достаточно хорошо обжитый населённый пункт. На 1 января 1903 г. в нём проживало 1263 чел. обоёго пола⁵⁸². Калмыки составляли 54,6 % от общего числа жителей посёлка, туркмены — 21,6 %, татары — 12,5 %, русские — 8,9 %, казахи — 1,5 %, армяне — 0,9 %⁵⁸³. Обращает на себя факт существенного увеличения численности постоянного калмыцкого населения, ставшего во второй половине XIX в. преобладающей по численности этнической группой в посёлке. Помимо постоянного калмыцкого населения, в посёлке находилось временно значительное количество калмыков, приходивших устраиваться на рыбные, соляные промыслы и на другие работы. Их численность в разные годы колебалась в пределах от нескольких до 10 000 тысяч чел.

Большинство постоянно проживающих на Калмыцком Базаре калмыков

⁵⁷⁹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 85. Д. 68. Л. 80.

⁵⁸⁰ РГИА. Ф. 1291. Оп. 85. Д. 68. Л. 79.

⁵⁸¹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 85. Д. 68. Л. 20.

⁵⁸² НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 203. Л. 23.

⁵⁸³ НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 203. Л. 285, 285об., 299.

работали по найму у предпринимателей, торговлей занималась лишь небольшая их часть. По сравнению с первой половиной XIX в., количество торговцев среди калмыков заметно выросло, что свидетельствовало о постепенном формировании у калмыков торгово-ремесленного слоя. Торгово-промышленный профиль экономики посёлка не мог не влиять на калмыков, так или иначе он вынуждал вчерашних кочевников менять род занятий и перестраивать свою жизнь.

В одном из документов того времени говорилось, что «Калмыцкий Базар по своим базовым и экономическим условиям, по роду занятий и промыслов жителей, не ведущих сельского хозяйства, относится к числу поселений городских, и притом, возникших и развивающихся естественным путём без всяких льгот и воспособлений»⁵⁸⁴. Между тем поселение не имело органов самоуправления и своего бюджета, а его жители не были объединены в общество. Функции управления в посёлке были сосредоточены в руках попечителя, который назначался и снимался с должности Главным попечителем калмыцкого народа. Это ненормальное положение было исправлено в январе 1914 г., когда по просьбе калмбазаринских калмыков, поддержанной астраханским губернатором, у них было учреждено аймачное общество и прошли первые выборы его органа управления и должностных лиц. В то же время земельное устройство посёлка было отложено на неопределённое время, до решения вопроса поземельного устройства всего калмыцкого народа⁵⁸⁵. Помимо этого, калмыки отказались принять в своё общество посторонних лиц, сославшись на неудобство общего с посторонними лицами управления и другие мотивы.

Кроме п. Калмыцкий Базар, на калмыцких землях Астраханской губернии торговцы основали п. Яшкульский Базар, который располагался в географическом центре Калмыцкой степи. В 1879 г. к Главному попечителю калмыцкого народа А. Г. Кандибе обратились с просьбой разрешить на правах арендаторов построить на урочище Яшкуль лавки и жилые дома, занимавшиеся много лет торговлей в Икицохуровском улусе, мещане и купцы г. Чёрного Яра Астраханской губернии

⁵⁸⁴ НА РК. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 133. Л. 18.

⁵⁸⁵ НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 1794. Л. 49.

Иван, Яков и Михаил Субботины, Г. П. Филимонов и М. А. Якунин⁵⁸⁶. В течение ряда лет они кочевали вслед за калмыками и возвращались на урочище Яшкуль только зимой. Кочевание вместе с семьями приносило много неудобств, поэтому они и обратились к калмыцкой администрации с просьбой разрешить им обосноваться в Яшкуле на постоянное жительство.

Под поселение они выбрали место, находящееся в нескольких верстах севернее ставки Икицохуровского улуса, на Крымском тракте, связывавшим г. Астрахань с полуостровом Крымом.

В 1879 г. Главный попечитель калмыцкого народа, ознакомившись с прошением торговцев, разрешил им приступить к строительству. Администрация надеялась на то, что поселение со временем станет «средоточием торговли» в калмыцкой глубинке, а для калмыков Икицохуровского улуса ещё и «центром группировки», где часть их будет проживать осёдло⁵⁸⁷. За право торговать и жить на Яшкульском Базаре торговцев обязали уплачивать ежегодно в фонд калмыцкого общественного капитала по 5 руб. за участок земли размером в 20 x 10 кв. саж., и по 18 коп. с каждой головы мелкого скота. Им объявили о том, что они могут заниматься только торговлей, а в случае нарушения этого и других правил их выселят с посёлка⁵⁸⁸.

В 1885 г. МГИ запретило торговцам некалмыцкого происхождения вести передвижную торговлю, предложив закрепиться на конкретных урочищах, повысило налогообложение, резко ограничило в количестве скота⁵⁸⁹. За каждое торговое место, определяемое нормой в 20 кв. сажень, они теперь обязаны были уплачивать ежегодно 10 рублей. В 1889 г. к этой сумме добавилась ещё арендная плата за жилые строения, которая устанавливалась в размере 15 копеек за одну квадратную сажень земли⁵⁹⁰. Помимо всего прочего, торговцев резко ограничили в скотоводстве, разрешив иметь для питания семьи 3 головы крупного и 10 голов

⁵⁸⁶ Яшкулец. Яшкульский торговый базар // Астраханский листок. 1901. 15 февраля.

⁵⁸⁷ НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 378. Л. 32.

⁵⁸⁸ НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 364. Л. 535.

⁵⁸⁹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 215. Л. 1.

⁵⁹⁰ НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 848. Л. 189.

мелкого скота, а за излишнее поголовье уплачивать с одной головы КРС — 80 копеек, с мелкого — 25 копеек⁵⁹¹.

Вводя перечисленные меры, власти, безусловно, руководствовались интересами калмыцкого населения. С помощью их они полагали, во-первых, усилить надзор за торговцами, во-вторых, увеличить денежные поступления в общественный калмыцкий капитал, в-третьих, поставить заслон иным видам деятельности некалмыцкого населения, которые стесняли калмыков, и, в-четвёртых остановить приток в Калмыцкую степь лиц, не принадлежащих к калмыцким обществам.

После ужесточения правил торговли и повышения арендной платы дела у яшкульских торговцев пошли похуже. Возросшие расходы на аренду и содержание крупного рогатого скота, использовавшегося для перевозки товаров, оказались не всем торговцам по плечу. Некоторые из них вынуждены были свернуть свою деятельность, и возвратится в места своего прежнего проживания, но многие остались, приспособившись к новым правилам.

Облегчить положение торговцев могла приписка к местному калмыцкому обществу, что позволило бы снизить налогообложение и снять ограничения на развитие скотоводства. Именно в этом направлении русские яшкуляне и активизировали свои усилия.

В 1900 г. УКН провело перепись русского населения Яшкульского Базара и на основе её результатов подготовило доклад в Министерство земледелия и государственных имуществ. Согласно докладу, в п. Яшкульский Базар на 24 ноября 1900 г. проживало 14 русских семей, имевших в своём составе 92 души обоего пола⁵⁹². Возле посёлка кочевало около 60 калмыцких кибиток, по свидетельству чиновников, многие из калмыков занимались заготовкой сена, выступали посредниками в торговых операциях русских с кочевниками, осуществляли доставку разных грузов в посёлок.

Из 14 семей русских яшкулян торговлей занимались меньше половины, и ЭТОТ

⁵⁹¹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 215. Л. 1.

⁵⁹² НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 1147. Л. 16.

факт настораживал УКН, которое полностью разделяло опасения калмыков о постепенном изменении торгового профиля посёлка и превращение его в обыкновенное русское поселение. Калмыцкая администрация предложила выселить всех самовольных поселенцев и лиц без определенного занятия, оставив лишь торговцев. Эту меру, однако, астраханский губернатор счёл «неудобной» и оставил без последствий, обязав в то же время местную администрацию не допускать в дальнейшем самовольного поселения русских.

Между тем русское население, несмотря на строгие предупреждения, продолжало прибывать в посёлок. 1 февраля 1903 г. заведующий Икицохуровским улусом в рапорте в УКН вынужден был признать, «что на урочище Яшкуль в настоящее время образовался уже настоящий посёлок самовольных поселенцев из разных мест». Он предлагал немедленно удалить из него всех новоприбывших, «ибо в будущем предупреждал заведующий — сделать это будет ещё труднее»⁵⁹³. Был составлен список, подлежащих выселению, куда вошли 12 семей самовольно поселившихся и жителей без определенного рода занятий. Список представили астраханскому губернатору на утверждение, однако тот вычеркнул из него 8 семей. Их решили оставить, так как они владели ремесленными специальностями и являлись исправными налогоплательщиками.

Соглашаясь на присутствие переселенцев-ремесленников, астраханские власти исходили из прагматических соображений относительно будущего Яшкуля. Располагаясь в центре Калмыцкой степи, он обещал в будущем стать одним из административных узлов, точкой пересечения торговых, экономических и иных интересов калмыцкого и русского населения. Не случайно он рассматривался астраханской администрацией в качестве одного из вероятных претендентов на уездный центр.

В предоктябрьские годы политика властей в целом отличалась лучшим пониманием проблем торговцев, нежели в последней трети XIX в. Предшествующий опыт убедил их в том, что стеснение торговцев и чрезмерная регламентация их деятельности не идут на пользу никому. Так, стоило

⁵⁹³ НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 1147. Л. 33.

администрации повысить арендную плату с торговцев и удалить их с посёлка, как упала конкуренция, и цены поползли вверх. Это, прежде всего, ударило по калмыкам, которые вынуждены были теперь или брать товар по высоким ценам, или отправляться за ним за десятки и сотни вёрст в соседние города и сёла.

Торговцы, при всех своих отдельных личных недостатках, всё-таки были людьми необходимыми в Калмыцкой степи и, надо сказать, калмыки это понимали. Они, хотя и жаловались на отдельных торговцев, обвиняя их в обмане и стремлении сколотить капитал за счёт их, однако, никогда сильно и не настаивали на выселении торговцев, а некоторые, когда это происходило, даже выступали за возвращение удалённых.

Если торговые дела у русских яшкулян шли успешно, то положение их самих продолжало оставаться довольно шатким. И старожилы, и новоприбывшие проживали в посёлке на правах арендаторов и по истечении сроков контрактов или их нарушений, могли быть выселены с него. Им запрещали заниматься промышленным скотоводством и земледелием, пользоваться землями, образовывать органы самоуправления, участвовать в общественной жизни улуса и многое другое. Как и Калмыцкий Базар, Яшкульский Базар не имел своих управленческих структур, и его население не было объединено в общество. Причиной тому было то, что составляющие население посёлка русские не имели права постоянно проживать на калмыцких землях. Они неоднократно обращались к правительству и к руководству Астраханской губернии с просьбами причислить их к какому-либо калмыцкому обществу, или разрешить им взять землю в аренду и даже её купить под образование поселения, но всё было напрасно. Шанс стать полноправными жителями Калмыцкой степи русские получили в 1910 г., когда государство предоставило калмыкам право самим определять — принимать или не принимать в свои общества посторонних лиц. Среди яшкулян данным правом смогли воспользоваться лишь 11 торговцев, всем остальным калмыки отказали в приписке. Эти люди были людьми состоятельными и хорошо знакомы калмыкам не одно десятилетие.

К началу Первой мировой войны п. Яшкульский Базар благодаря притоку

новых жителей, в основном ремесленников, превратился из торгового в торгово-ремесленное поселение. В 1913 г. в нём числилось 125 чел., из них 74 чел. принадлежали к мещанскому и купеческому сословиям и 51 чел. являлись крестьянами. Торговлей в посёлке занимались 6 чел., ремесленной деятельностью — 5 чел., остальные жители служили приказчиками и рабочими у торговцев⁵⁹⁴. Скотоводством и земледелием никто из жителей не занимался.

Поселившимся в п. Яшкульский Базар крестьянам пришлось приспособливаться к новым социально-экономическим реалиям и менять прежний род занятий. Бывшие земледельцы, чтобы прокормить свои семьи, вынуждены были освоить профессии плотников, кузнецов, портных, сапожников, печников, извозчиков, чернорабочих и проч.

Участие торговцев в процессе заселения калмыцких земель не ограничивалось только созданием двух торговых посёлков, они селились также в ставках, при аймачных управлениях и в отдельных урочищах, где постоянно кочевали калмыки. Для торговцев и ремесленников наиболее удобными для поселения и деятельности местами являлись улусные ставки, где имелись жилые постройки, в которых размещались чиновники, служащие и полицейские. По существу, это были маленькие осёдлые поселения, правда, с переменным составом населения. 10 июля 1879 г. на заседании УКН, когда решался вопрос о поселении яшкульских торговцев, его участники выразили пожелание, чтобы «подобные торговые устройства образовались при всех ставках»⁵⁹⁵.

Устраиваясь на жительство в улусных ставках, в местах аймачных управлений и на отдельных урочищах торговцы и ремесленники тем самым закладывали основу для возникновения там будущих полноценных поселений. Так, во многом благодаря им в Калмыкии появились существующие и поныне населённые пункты: Яшкуль, Утта, Адык, Цаган Нур, Алцын Хута, Ханата, Шатта и др.

В то же время необходимо отметить, что государство регулировало

⁵⁹⁴ НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 2321. Л. 23–23об.

⁵⁹⁵ НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 378. Л. 32.

пребывание и деятельность торговцев ремесленников некалмыцкого происхождения на калмыцких землях и осуществляло за ними надзор. Власти следили за тем, чтобы посторонние лица не занимались иными видами деятельности, кроме торговой и ремесленной, не нарушали законов, чтобы они осуществляли торговые сделки честно и без ущерба для калмыков. При получении жалоб от калмыков иногородние лица лишались права торговли и выселялись из пределов Калмыцкой степи. Главными инструментами, с помощью которых власти регулировали пребывание и деятельность постороннего торгово-ремесленного контингента на калмыцких землях, выступали аренда и выдача торговых свидетельств для осуществления торговой деятельности.

Стремившиеся водвориться в Калмыцкой степи переселенцы также использовали в качестве канала для проникновения в неё миссионерские станы. Возникновение переселенческого аспекта в политике христианизации напрямую связано с учреждением для крещеных калмыков специальных стационарных поселений и проникновением в них с целью устройства на постоянное жительство лиц некалмыцкого происхождения. На калмыцких землях Астраханской губернии данный процесс получил своё развитие во второй трети XIX в., когда РПЦ проводила политику учреждения миссионерских станов и в них наряду с крещеными калмыками стали селиться, обычно без разрешения властей, также русские крестьяне, мещане и торговцы. Духовные власти были поставлены перед необходимостью выработки определенной позиции и мер по отношению к незванным ревнителям православия.

Миссионерские станы на калмыцких землях Астраханской губернии стали возникать после открытия 3 января 1871 г. Астраханского епархиального комитета православного миссионерского общества (далее – АЕКПМО). Комитет являлся подразделением всероссийского Православного миссионерского общества, образованного в 1865 г. по инициативе отдельных гражданских и духовных лиц и поддержанного императором Александром Вторым и высшим руководством РПЦ в целях активизации и повышения результативности миссионерской работы среди нехристианских народов России. 21 ноября 1869 г. Александр II утвердил Устав

данной организации, предусматривавшего в числе прочих мер создание в каждом епархиальном центре миссионерских комитетов.

В 1871 г. АЕКПМО разослал священникам, вблизи приходов которых проживали калмыки, опросные листы с целью выявить численность калмыков и узнать мнение пастырей о возможностях их христианизации, а в 1876 г. направил в кочевья для проведения проповедей и крещения иеромонаха Покрово-Болдинского монастыря Гавриила. Из этой поездки иеромонах Гавриил вынес убеждение, что для поддержки крещеных и более успешного продвижения дела миссии необходимо создать постоянные миссионерские пункты в калмыцких кочевьях. АЕКПМО прислушался к его мнению и принял решение об учреждении миссионерских станов в п. Улан Эрге и на урочище Наин-Шиир в южной части Малодербетовского улуса. Оба миссионерских стана открылись в 1877 г., в них были построены церкви и направлены миссионеры.

Улан-Эргинский миссионерский стан предназначался для религиозного обслуживания крещеных калмыков и ведения миссионерской работы среди калмыков Икицохуровского улуса. Этот улус располагался в центральной части Калмыцкой степи и не имел стационарных поселений с постоянным составом населения. Миссионерский стан решили разместить в небольшом п. Улан Эрге (64 душ мужского пола в 1876 г.), который находился в окружении земель икицохуровских калмыков, хотя административно он принадлежал к Черноярскому уезду Астраханской губернии. Поселок был основан русскими крестьянами за 12 лет до открытия стана, и в нем уже имелась жилая инфраструктура. Русские жители п. Улан-Эрге охотно согласились разместить у них миссионерский стан, надеясь использовать подвернувшийся случай для того, чтобы построить храм и открыть православный приход. Они обязались за свой счет выстроить дом для миссионера и снабдить его топливом, приготовить и перевезти камень под фундамент церкви, а также перевезти купленный в г. Астрахани храм⁵⁹⁶.

Вблизи п. Улан Эрге кочевали 65 человек крещеных калмыков, принадлежавших к разным родам. Отношение к ним со стороны калмыков-

⁵⁹⁶ ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 61. Л. 12.

буддистов было неприязненным и их сильно стесняли в землепользовании. В конце 1884 г. крещеные калмыки обратились в АЕКПМО с просьбой принять их в уланэргинское общество, а также прирезать к наделу поселка калмыцкие земли на урочище Баин Доржи⁵⁹⁷. Астраханский епархиальный комитет попросил крестьян приписать калмыков в свое общество, и они согласились, но при условии исправного несения новоселами повинностей, уплаты податей и без круговой поруки за калмыков. Предложенные крестьянами условия не соответствовали закону, поэтому гражданские власти их отклонили. АЕКПМО в отчете за 1884 г. с сожалением отмечал: «Нет сомнения, что законное основание для воспрепятствования крещеным калмыкам сделаться оседлыми членами крестьянского общества есть. Но эта законность слишком неблагоприятна для миссионерского дела, для улучшения быта калмыков вообще и для крещеных в особенности»⁵⁹⁸.

Трудности, возникшие при попытке приписать крещеных калмыков к обществу крестьян п. Улан Эрге, заставили руководство миссии задуматься о создании для крещеных икицохуровских калмыков отдельного поселения. Для него было выбрано урочище Чилгир, где проживали 26 крещеных в 1876 г. иеромонахом Гавриилом кибиток и несколько поселившихся по приглашению калмыков русских семей. Последние обосновались на урочище без разрешения властей и по закону подлежали высылке за пределы Калмыцкой степи, но за них вступились крещеные калмыки, которые уговорили Главного попечителя калмыцкого народа Н.О. Осипова оставить их в Чилгире. Свою просьбу калмыки обосновывали полезностью для них русских, обучавших их строительству домов, земледелию и вообще навыкам оседлой жизни. В 1882 г. Управление калмыцким народом дало согласие на проживание в п. Чилгире 7 русским семьям (46 человек), но при условии, что в дальнейшем русские допускаться к поселению не будут. С русских взяли подписку о том, что они будут исправно и наравне с калмыками уплачивать

⁵⁹⁷ Отчёт Астраханского православного епархиального миссионерского общества за 1884 год // Астраханские епархиальные ведомости. 1885. № 7. С. 113.

⁵⁹⁸ Отчёт Астраханского православного епархиального миссионерского общества за 1884 год // Астраханские епархиальные ведомости. 1885. № 7. С. 114.

налоги и нести повинности, и, кроме того, дополнительно примут на себя обязанности по перевозке почты⁵⁹⁹.

Интерес к Чилгиру также проявили торговцы г. Черного Яра, которые много лет торговали с калмыками и хотели закрепиться в Калмыцкой степи на постоянное жительство. 24 декабря 1876 г. в АЕКПМО поступила докладная записка от черноморских торговцев В.И. и М.А. Якуниных, М. Г. и Я. Г. Субботиных, П. А. Стороженкова, в которой они просили разрешить им поселиться в п. Чилгир. Они готовы были за свой счет построить церковь, дом для миссионера, землянки для крещеных калмыков и уверяли, что могут быть полезны миссии, поскольку владели калмыцким языком и хорошо знали жизнь и обычаи калмыков⁶⁰⁰. Торговцам отказали в поселении, но свою лепту в дело православной миссии они внесли. Они добились разрешения построить на свои деньги часовню в ставке Икицохуровского улуса, на урочище Яшкуль, где вскоре был открыт миссионерский пункт, в 1908 г. черноморские и астраханские торговцы инициировали строительство часовни в ставке Утта Харахусовского улуса и выделили на это дело большие суммы. Яшкульская и Уттинская часовни обслуживали православных русских и калмыков и находились в ведении чилгирского миссионера.

В налаживании миссии среди калмыков поучаствовал известный в Астраханской губернии купец – меценат И. И. Губин. Когда он узнал, что на урочище Алцын Хута АЕКПМО намерен возвести часовню для крещеных калмыков, то он сразу же обратился к астраханскому епископу Евгению (Н. Шершилову) с просьбой разрешить ему взять на себя расходы по её строительству и транспортировке на место. Церковь построили в короткие сроки, однако к этому времени астраханский епископ отменил решение об устройстве храма на Алцын Хуте. Тогда Губин предложил установить церковь в д. Барановке Черноморского уезда, где в имении К. Ф. Полиеэктовой размещался приют для детей крещеных калмыков⁶⁰¹. На деньги И. И. Губина была также построена церковь в п. Калмыцкий Базар, в котором находился миссионерский пункт.

⁵⁹⁹ НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 615. Л. 147–148.

⁶⁰⁰ ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 61. Л. 13об.

⁶⁰¹ ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 213. Л. 3.

Одновременно с уланэргинским в Калмыцкой степи возник миссионерский стан на урочище Наин-Шиир, предназначенный проводить христианизацию среди калмыков в южной части Малодербетовского улуса. В 1876–1877 г. иеромонахи Гавриил и Антоний крестили 90 кибиток (273 человек) Ульдючиновского рода, кочевавших на урочище Наин-Шиир. Новообращенные выразили желание перейти к оседлости, при этом многие из них вполне сносно говорили по-русски, а некоторые даже занимались земледелием⁶⁰².

АЕКПМО пошел им навстречу и в 1877 г. открыл на урочище Наин-Шиир миссионерский стан, выделив на нем для крещеных калмыков место под поселение, названное «Бислюртой». Как только об этом стало известно крестьянам соседних с Наин-Шиирским урочищем сел, они принялись досаждать Главного попечителя калмыцкого народа А. Г. Кандибу просьбами поселиться в стане. Свое желание водвориться среди крещеных калмыков почти все они объясняли стремлением помочь делу христианизации, однако на самом деле крестьянами двигали экономические мотивы — им нужна была земля. Просителями в основном выступали не получившие прописку в сельских обществах, так называемые иногородние крестьяне. Они принадлежали к числу поздних переселенцев, прибывших в приграничные с Калмыцкой степью селения после завершения их землеустройства. Старожильческое население не приняло их в свои общества, поэтому эти люди остались без земельного надела, и, следовательно, без главного источника существования. Образование в Калмыцкой степи поселения, естественно, породило у них надежды получить землю и подтолкнуло к активным действиям.

Количество русских, желающих водвориться, исчислялось сотнями семей, причем большинство из них имели приговоры от крещеных калмыков о принятии их в поселок и в общество. Калмыки знали их лично, так как крестьяне арендовали у них земли, вели с ними совместную хозяйственную деятельность, а некоторые при крещении были крестными отцами. Общие дела с калмыками облегчали

⁶⁰² Извлечение из путевого журнала миссионера, иеромонаха Гавриила // Астраханские епархиальные ведомости. 1877. № 32. С. 14.

крестьянам возможность получать от них положительные приговоры.

Поскольку законодательство запрещало поселение на калмыцких землях лиц некалмыцкой национальности, улусные власти и УКН отклонили ходатайства крестьян и взяли с крещеных калмыков расписки о том, что впредь они не будут давать крестьянам приемных приговоров. Запрет властей селиться отрезвляюще подействовал не на всех иногородних, наиболее смелые и активные среди них решили все же попытать счастья, и начали небольшими группами, по несколько семей, переезжать в стан, и под предлогом оказания помощи крещеным калмыкам в строительстве жилья и приучения к занятию земледелием, постепенно там обустраиваться на постоянное жительство.

Самовольных переселенцев поддержал, возглавлявший Наин-Шиирский стан, иеромонах Андрей. В донесении к астраханскому епископу 18 апреля 1879 г. он откровенно описал трудности, с которыми ему пришлось столкнуться после его назначения в стан. К ним он относил незнание калмыками русского языка, тяжелое материальное положение крещеных, недостаточное финансирование стана, невосприимчивость калмыков к оседлому образу жизни и отсутствие поддержки и даже противодействие православной миссии со стороны светских властей, поверхностное усвоение калмыками основ христианства. Общий его вывод был таков: «Калмыков крестили, но вере их еще не научили»⁶⁰³. Изменить ситуацию в лучшую сторону, по его мнению, можно было только допустив к поселению в стане русских крестьян, которых он назвал «наипольнейшими помощниками миссионера»⁶⁰⁴. Он предупреждал епископа, что если этого не сделать, то крещеные просто «разбредутся по степи и церковь останется пустой»⁶⁰⁵. В донесении 14 июля 1879 г. в АЕКПМО он уже в ультимативной форме потребовал выполнить свою просьбу: «Если не будет разрешено вместе с нерезкою земли селиться и русским с калмыками, то я не только не пойду проповедовать калмыкам христианскую веру, но и не стану крестить более ни одного калмыка, как бы

⁶⁰³ ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 94. Л. 3.

⁶⁰⁴ ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 94. Л. 3об.

⁶⁰⁵ ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 94. Л. 4.

убедительно кто не просил меня об этом»⁶⁰⁶.

Выступить со столь жестким заявлением, недопустимым в церковной субординации, у миссионера Андрея были серьезные основания. Первые месяцы пребывания его в стане показали, что его подопечные, хотя и приняли крещение и на словах изъявили желание перейти к оседлости, но на самом деле не прониклись новой верой и продолжали вести кочевой образ жизни. По существу, миссионер был поставлен перед выбором: или оставить все по-прежнему и тем самым потерять стан, или же, сознательно нарушить закон, пригласив на жительство крестьян, которые обеспечат устойчивое развитие поселения и помогут калмыкам лучше усвоить азы христианства и перейти к оседлости. Иеромонах выбрал второй путь.

Не только здравый смысл, но и мотивы другого характера, лежащие в области культуры и человеческой психологии, двигали миссионером, когда он делал упомянутые выше заявления. Очевидно, что выросшему в русской культурно-бытовой среде миссионеру было непросто свыкнуться с жизнью среди чуждого ему кочевого народа, поэтому он, чтобы скрасить свое духовное одиночество, решил пригласить в стан духовно близких ему русских крестьян. Подобный дискомфорт в той или иной степени испытывали русские миссионеры и в других станах. В годовых отчетах АЕКПМО последней трети XIX в. не раз констатировалось, что зачастую миссионеры вместо того чтобы всецело заниматься калмыками, «охотнее обращались с русскими переселенцами ближайших селений...»⁶⁰⁷. Большинство миссионеров к тому же не владели калмыцким языком, а калмыки – русским, что, конечно же, осложняло налаживание контактов между ними и понижало действенность проповеди. Но даже знание миссионером калмыцкого языка не сближало его с калмыками, ибо для того, чтобы это произошло, ему необходимо было понять культурно-бытовую среду и национальный характер калмыков, а это было достижимо только в том случае, если человек происходил из их среды или

⁶⁰⁶ Цит.: *Саввинский И. И.* О деятельности Астраханского епархиального комитета по распространению христианства среди калмыков и киргизов за все время его существования (1871–1909 гг.) // Астраханские епархиальные ведомости. 1910. № 19. С. 696.

⁶⁰⁷ Отчёт Астраханского православного епархиального миссионерского общества за 1885 год // Астраханские епархиальные ведомости. 1886. № 9. С. 2.

прожил среди них многие годы. Миссионеры обычно свое назначение в миссионерский стан рассматривали как тяжелую ношу и временное явление, поэтому долго в нем не задерживались, стараясь при первом подвернувшемся случае перевестись в русский приход на должность священника.

АЕКПМО пытался привлечь к миссионерской деятельности калмыков из числа православных священников и церковнослужителей, однако результаты оказались весьма скромными. Православных священников-калмыков было очень мало, и, они, за редкими исключениями, не проявляли желания возвращаться к своим сородичам в степь и просвещать их светом христианского учения.

Епархиальные власти сочувствовали русским поселенцам в станах и старались по мере возможности помочь им прописаться в общества крещеных калмыков, понимая, что без них миссионерские станы и построенные в них храмы быстро придут в запустение. «Недопущение русских и крещеных людей селиться среди калмыков весьма неблагоприятно влияет на дело христианизации» — говорилось в отчете АЕКПМО за 1884 г.⁶⁰⁸ Однако законодательство Российской империи однозначно запрещало поселение на калмыцких землях лиц некалмыцкого происхождения, и, чтобы исправить ситуацию, необходимо было или вносить коррективы в законы, или в каждом конкретном случае принимать специальные акты. До того, как это произойдет, губернские власти и УКН обязаны были следовать букве закона, то есть бороться с самовольными поселенцами. Чтобы заставить их уйти из станов, светские власти действовали не только методом уговоров и угроз, в отношении наиболее упорных поселенцев возбуждались судебные дела, в отдельных случаях к ним применяли силу. Все эти действия чиновников раздражали руководителей епархии и православных миссионеров, считавших, что они противоречат поддерживаемой на государственном уровне политике христианизации калмыков. Духовные лица много раз высказывали астраханскому губернатору, Главному попечителю калмыцкого народа свое недовольство политикой местных гражданских властей, жаловались на

⁶⁰⁸ Отчёт Астраханского православного епархиального миссионерского общества за 1884 год // Астраханские епархиальные ведомости. 1885. № 7. С. 114.

равнодушное отношение чиновников к делу миссии, большинство из которых по вероисповеданию были православными.

Астраханский губернатор и Главный попечитель калмыцкого народа были поставлены в достаточно щекотливое положение: легализовать самовольных поселенцев стана, как о том просили миссионеры, они не имели права, отказ же помочь миссии мог быть расценен, как несогласие с политикой христианизации. В 1883 г. Главный попечитель калмыцкого народа Н. О. Осипов подготовил попечителям улусов циркуляр, который был представлен на рассмотрение епископу Астраханскому и Енотаевскому Евгению (Н. Шершилову) и АЕКПМО. В нем говорилось, что улусные попечители должны более внимательно относиться к ходатайствам крещеных калмыков о поселении с ними русских людей, и, что, «прежде чем отказывать им в просьбе, надо изыскивать пути другие для осуществления их просьб»⁶⁰⁹.

Русские поселенцы получили право проживать в миссионерском стане Наин-Шиир после того, как император Александр III 17 апреля 1892 г. утвердил положение Комитета министров о легализации всех самовольных переселенцев и поселков в Калмыцкой степи. До этого в 1891 г. в стане работала комиссия МГИ, созданная для разбирательства земельного спора между калмыками буддистами и крещеными калмыками. Параллельно урегулированию земельных отношений между калмыками Комиссии пришлось заниматься проблемой самовольных переселенцев, численность семей которых к этому времени достигла 29 семей. По поведению переселенцев не было заметно, что они собираются покинуть стан, более того, большинство из них, несмотря на лишения, намеревались продолжить сопротивление. Привыкли к переселенцами и калмыки, что выразилось в их готовности принять крестьян в свое общество. Все эти обстоятельства были учтены правительством при принятии окончательного решения.

На основании указа императора Александра III от 17 апреля 1892 г. все 29 русских семей (280 человек) были легализованы, несколько позже крещеные

⁶⁰⁹ Отчёт Астраханского православного епархиального миссионерского общества за 1883 год // Астраханские епархиальные ведомости. 1884. № 7. С. 135.

калмыки согласились принять еще 4 крестьянские семьи, и общее количество легализованных возросло до 33 семей. Действие указа 1892 г. не распространялось на тех самовольных переселенцев, которые находились на момент составления комиссией списков в отлучке, на заработках и прибывших после 1891 г. Таких переселенцев оказалось 22 семьи, и все они вынуждены были, подчинившись требованиям властей, выселиться из стана⁶¹⁰.

Приток самовольных переселенцев наблюдался и в миссионерском стане Калмыцкой степи Астраханской губернии — Кегульте. Его основали, принявшие в 1895–1903 гг. крещение 200 калмыков, для которым, согласно их просьбе, в 1901 г. отвели землю, а в 1907 г. открыли миссионерский стан. Иногородние крестьяне появились в нем после отвода земли крещеным калмыкам и, очевидно, по их приглашению. Русские помогали калмыкам наладить оседлый быт, обучали их земледельческим занятиям и постепенно обустроивались, в надежде прописаться в калмыцкое общество. В 1909 г. их насчитывалось в стане уже 211 человек, в то время как калмыков — 129 человек⁶¹¹.

Для русского населения миссионерских станов перелом в положительную сторону наступил в начале XX в. В первое десятилетие данного столетия, численность русских, несмотря на запрещение селиться в миссионерских станах, продолжала возрастать и вскоре превысила численность крещеных калмыков. На рубеже 1900-х–1910-х гг. в трех миссионерских станах Астраханской губернии (Наин-Шиир, Чилгир, Кегульта) проживали 874 человек русских и 700 человек крещеных калмыков, при этом во всех из них русские составляли более половины населения. В Улан-Эргинском стане насчитывалось 939 жителей; из них 927 русских и 12 крещеных калмыков, но здесь надо учитывать тот факт, что данный стан создавался на базе изначально не предназначенного для миссионерских целей русского поселения и русские в нем всегда доминировали и в абсолютных и в относительных цифрах.

⁶¹⁰ РГИА. Ф. 1291. Оп. 85. Д. 3 б. Ч. 2. Л. 199.

⁶¹¹ *Саввинский И. И.* О деятельности Астраханского епархиального комитета по распространению христианства среди калмыков и киргизов за все время его существования (1871–1909 гг.) // Астраханские епархиальные ведомости. 1910. № 20. С. 724.

Во втором десятилетии XX в. русское население миссионерских станов продолжало увеличиваться за счет притока новых поселенцев и высокой рождаемости. В апреле 1910 г. министр внутренних дел П. А. Столыпин распространил на калмыков действие циркуляра № 24 МВД от 17 марта 1910 г. о праве инородцев самостоятельно решать вопросы о приеме в свои общества посторонних лиц⁶¹². После этого процедура принятия русских в станы облегчилась, хотя крещеные калмыки все чаще стали задумываться о негативных последствиях приема большого количества русских крестьян и более избирательно подходить к выдаче им положительных приговоров.

В период с 1909 по 1915 гг. численность русских в миссионерских станах Калмыцкой степи Астраханской губернии (Наин-Шиир, Чилгир, Кегульта) возросла с 847 до 1067 человек, а калмыков с 700 до 707 человек⁶¹³ [Иринарх, 1915: 809], то есть почти не изменилась, несмотря на то, что у крещеных калмыков все это время сохранялся естественный прирост и имели место случаи принятия христианства.

Получив равные с крещеными калмыками права и став доминирующей по численности группой, переселенцы быстро заняли господствующие позиции в экономике, а крещеные калмыки попали в их зависимость. «Результатом преобладания русских явилось стеснение инородцев — явление столь обычное для многих православных миссий» — отмечал в 1915 г. миссионер Иринарх (Маслов)⁶¹⁴. В отчете АЕКПМО за 1914 г. говорилось, что в Наин-Шиирском миссионерском стане: «Население, независимо от прироста, увеличивается путем самовольного наплыва русских, и все попытки к предотвращению такового, ни к чему не привели и они продолжают селиться, кто где хочет, покупая турлушки у крещеных калмыков за дорогие цены, так как для иногородних Наин-Шиир является заманчивым уголком», и, что положение крещеных калмыков изменилось в худшую сторону, поскольку «из господствующего положения теперь они

⁶¹² НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 1771. Л. 98.

⁶¹³ *Иринарх*. Несколько слов о рациональной постановке инородческой миссии среди калмыков-ламаитов Астраханской губернии // Астраханские епархиальные ведомости. 1915. № 35–36. С. 809.

⁶¹⁴ *Иринарх*. Несколько слов о рациональной постановке инородческой миссии среди калмыков-ламаитов Астраханской губернии // Астраханские епархиальные ведомости. 1915. № 35–36. С. 809.

занимают угнетенное положение, и, как менее культурные, ... подпали под влияние русских»⁶¹⁵.

Переселенцы не оправдали возлагавшихся на них православной миссией надежд: крещеные калмыки не перешли к земледелию, оставшись в массе своей скотоводами, более того, сами крестьяне основной отраслью своих хозяйств сделали скотоводство. Очень трудно давалось калмыкам усвоение навыков оседлого образа жизни, они не смогли и улучшить свое материальное положение, которое было хуже, чем у кочующих калмыков-буддистов. Наплыв переселенцев привел также к сокращению земельного фонда станов; в середине второго десятилетия XX в. калмыки Чилгирского и Наин-Шиирского станов имели на 1 мужскую душу по 30–33 дес., в то время как их кочующие сородичи по 116–118 дес. Русские не оказали сколь-нибудь заметного влияния на процесс усвоения калмыками православной веры, восприятие которой, как и раньше оставалось поверхностным. В целом, наверное, можно согласиться с мнением уже упомянутого в данной статье миссионера Иринарха о том, что «допущенный администрацией прирост населения в среду крещеных калмыков, с надеждою культивирования их, привел к результатам, идущим вразрез интересам миссии»⁶¹⁶. К 1917 г. миссионерские станы вследствие резкого увеличения численности русского населения и оттока крещеных калмыков в значительной степени утратили свой миссионерский облик, и постепенно превращались в обычные приходы РПЦ.

Исторический опыт христианизации калмыков показывает, что властям не удалось при помощи миссионерских станов создать из крещеных калмыков устойчивую и способную к саморазвитию этноконфессиональную группу. Учреждением миссионерских станов власти намеревались решить несколько задач: укрепить новообращенных в православной вере и установить над ними более эффективный надзор, изолировать их от влияния буддизма, приучить к оседлому образу жизни и занятию земледелием, создать непосредственно на территории

⁶¹⁵ Отчет о деятельности Астраханского епархиального комитета Православного миссионерского комитета за 1914 год. Астрахань. 1915. С. 9.

⁶¹⁶ *Иринарх*. Несколько слов о рациональной постановке инородческой миссии среди калмыков-ламаитов Астраханской губернии // Астраханские епархиальные ведомости. 1915. № 35–36. С. 810.

калмыцких кочевий сеть опорных пунктов, которые призваны были стать форпостами христианизации калмыков.

Поселение русских в миссионерских станах не планировалось, однако оно оказалось востребовано самой жизнью. Будучи носителями стационарной поселенческой культуры, русские оказались тем цементирующим ядром, благодаря которому стало возможным не только существование, но и поступательное развитие миссионерских станов, как населенных пунктов. Вместе с тем русские поселенцы не оправдали надежд православной миссии в плане приобщения калмыков к христианству, оседлой жизни и занятию земледелием, более того, они, став преобладающей по численности этнической группой и утвердившись в станах, заняли в них ключевые позиции в экономике и общественной жизни, что в значительной степени спровоцировало исход калмыков из миссионерских станов, который начался в начале XX в.

Таким образом, поселение русских в миссионерских станах, в конечном счете, не принесло православной миссии ожидаемых результатов.

Высшее российское руководство поддерживало политику РПЦ по христианизации нерусских народов, поскольку она соответствовала правительственному курсу интеграции народов России в русское социокультурное пространство, однако в Калмыкии данная политика вошла в противоречие с действовавшим в то время законодательством, которое запрещало поселение на калмыцких землях лиц некалмыцкого происхождения. Следуя закону, светские власти запрещали русским селиться в миссионерских станах, а с теми, кто там уже поселился, вели борьбу с целью заставить их выселиться за пределы калмыцких земель. Эффективность этой борьбы во многом зависела от личностных качеств руководителей губернской и калмыцкой администрации, и в первую очередь, от степени их религиозности. В большинстве случаев в аппарате управления работали чиновники равнодушные к делу православной миссии, которые в своей деятельности старались не выходить за рамки своих прямых служебных обязанностей.

Руководство РПЦ, наоборот, как могло, поддерживало русских поселенцев,

рассчитывая с их помощью решить многие задачи миссии. Отношение к ним изменилось в худшую сторону в начале 1910-х гг., когда интересы христианизации вошли в противоречие с процессом резкого увеличения численности русского населения, приведшем в итоге к уходу крещеных калмыков из станов.

Русский фактор был важным фактором, но не причиной оттока крещеных калмыков из станов и возвращения многих из них в лоно буддизма

На взгляд автора, главная причина неудачи поселения крещеных калмыков и вообще христианизации заключалась в том, что властям не удалось создать в глазах калмыков привлекательную модель жизни в станах. Принятием христианства и переходом на оседлый образ жизни калмыки надеялись поправить свое материальное положение и зажить более обеспеченной жизнью, чем их сородичи-кочевники, однако эти ожидания не оправдались. Необходимо также учитывать и тот факт, что предоставляемые крещеным калмыкам льготы по налогообложению и повинностям носили в основном временный характер. После завершения переходного периода крещеные калмыки должны были поступить в разряд крестьян и принять на себя все положенные данному сословию налоги и повинности, которые были тяжелее, по сравнению с кочевниками. Для примера укажем, что на кочевников не распространялась воинская повинность, они не платили поземельный и подушный налоги и прочие.

В числе причин неуспеха православной миссии среди калмыков назовем также недостаточное финансирование православной миссии и отсутствие системности в действиях властей по христианизации. Государственная власть, хотя и поддерживала политику христианизации, но необходимых денег на ее проведение не выделяло, основную часть материальных средств на поддержку миссии РПЦ должна была изыскивать из своих источников. Отметим также то, что ни у светских, ни у духовных властей не было ни продуманного плана, ни отработанной системы по проведению политики христианизации.

В последней трети XIX в. в переселенческой политике властей важное место занимал вопрос устройства т. н. иногородних крестьян — переселенцев прибывших без вызова властей и расселившихся по разным сёлам. Эти люди не были приняты

в сельские общества, так как прибыли в них, когда земельные наделы были уже распределены между первопоселенцами, не имели права избираться в органы местного самоуправления и голосовать на сельском и волостном сходах. Чтобы прокормить себя и свои семьи они нанимались в работники или арендовали земли у сельских обществ и кочевников. Большинство иногородних не имели шансов прописаться в обществах, ибо, как уже отмечалось, это противоречило интересам старожилов, не хотевших снижать норму своего земельного обеспечения ради пришельцев. Выход из положения иногородние видели в создании новых поселений, где они могли образовать сельское общество и получить земельные наделы. В этом отношении для них наиболее привлекательной территорией в Северном Прикаспии являлась Калмыцкая степь, обладавшая самым большим земельным фондом в Северном Прикаспии. Однако устроиться в ней на постоянное жительство мешали законы, которые запрещали поселение на калмыцких землях лиц некалмыцкого происхождения.

В 1880–1890-е гг. иногородние Астраханской, Ставропольской губерний и Области войска Донского много раз обращались к астраханским властям с просьбами разрешить им поселиться в Калмыцкой степи, но всякий раз получали отказ. Иногда среди иногородних распространялись слухи о разрешении крестьянам селиться в конкретном месте Калмыцкой степи, и тогда количество прошений к властям резко возрастало. Так, например, было в 1884 г., когда по южным губерниям России прошёл слух о разрешении селиться на урочище Шерет. В течении 1884–1885 гг. в астраханскую губернскую канцелярию поступили прошения от иногородних крестьян селений: Дербетовки и Винодельного (71 семья), Благодарного и Александрии (100 душ) Ставропольской губернии, п. Струкова (68 семей) и слободы Кутейниковской Области войска Донского, с. Крестового и Шандасты Астраханской губернии⁶¹⁷. Большинство просителей являлись уроженцами Воронежской, Харьковской, Екатеринославской, Полтавской и других губерний, которые поселились в Области войска Донского, Ставропольской и Астраханской губерниях, но не были причислены к сельским

⁶¹⁷ ГА АО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 985. Л. 1, 7об., 9–15, 20–25об.

обществам.

В марте 1885 г. к астраханскому губернатору обратились 273 семьи иногородних крестьян станицы Урупской и хуторов Баталпашинского уезда Кубанской области. Они писали, что прибыли в Кубанскую область из центральных губерний России 10–15 лет назад, но местные общества отказались их принять. Крестьяне тогда сами подыскали себе место под поселение в месте под названием «Сары-Камыш», куда просили разрешить переселиться⁶¹⁸.

Все упомянутые просители получили отказ, однако число желающих водвориться в Калмыцкой степи не уменьшилось.

В конце 1890-х гг., когда стало известно о принятии астраханскими светскими и духовными властями решения об открытии миссионерского стана на урочище Кегульта, иногородние посчитали, что у них появился шанс покончить со своим неопределенным положением. В начале 1897 г., иногородние разных сел Астраханской губернии заручились приговором крещеных кегультинских калмыков и вышли с ходатайством к властям о разрешении им поселиться в стане. Их поддержал земский начальник, полагавший, что крестьяне своим примером помогут калмыкам перейти к оседлому образу жизни. Однако против этого выступили Астраханский губернатор и Главный попечитель калмыцкого народа⁶¹⁹. В том же году о поселении в Кегульте просили 50 семей из Воронежской и Харьковской губерний, проживавших на правах иногородних в Черноярском уезде Астраханской губернии и Сальском округе Области войска Донского. Они жаловались на то, что прожив на новых местах от 5 до 20 лет, они так и не были приняты в сельские общества, которые их притесняли, обложив чрезмерными налогами в общественный мирской капитал⁶²⁰.

Некоторые иногородние пытались закрепить на постоянное жительство путём поселения на арендном участке. В 1901 г. к астраханскому губернатору обратились с просьбой разрешить им поселиться на арендном участке возле с. Приютного 145 семей иногородних крестьян, проживавшие в станице Атаманской

⁶¹⁸ ГА АО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 985. Л. 28об.

⁶¹⁹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 85. Д. 242. Л. 1.

⁶²⁰ РГИА. Ф. 1291. Оп. 85. Д. 242. Л. 3об.

Области войска Донского. Крестьянам ответили отказом, так как участок находился в арендном содержании у крестьян с. Приютного Астраханской губернии⁶²¹.

В январе 1902 г. к министру государственных и земельных имуществ поступило прошение от 83-х семей (287 душ муж. пола) иногородних крестьян, в котором они поведали о своём тяжелом положении. Эти крестьяне прожили в Области войска Донского несколько десятков лет, но так и не смогли прописаться в местные общества. Вначале они арендовали участки казённой земли, но их затем отдали под конезаводы, часть их поступила в аренду к казакам, а те стали сдавать их иногородним за большие деньги. Крестьяне оказались на грани разорения, поэтому просили министра разрешить им поселиться в миссионерском стане Кегульта или в любом другом месте Калмыцкой степи или Черноярского уезда⁶²². Переселиться в другие губернии у них не было средств, можно было, конечно, продать за полцены имущество и скот, и потратить эти деньги на переезд, но тогда на новом месте у них не оказалось бы средств приступить к хозяйственной деятельности. По этой причине они просили выделить им землю поближе к их месту жительства, каковая находилась в Черноярском уезде и в Калмыцкой степи. Министр оставил ходатайство иногородних крестьян без последствий. В ответе говорилось: селиться в Калмыцкой степи нельзя, так как её земли принадлежат калмыкам, а в Черноярском уезде свободных казенных земель не имеется⁶²³.

Отказ поселиться в Астраханской губернии не всегда останавливал крестьян. В конце 1880-х гг. отставные нижние военные чины и бывшие крепостные крестьяне приграничных с Калмыцкой степью Астраханской губернии поселков Второго Донского округа Области войска Донского основали на землях Малодербетовского улуса п. Капкинку⁶²⁴.

Костяк жителей нового поселения составили вышедшие в отставку нижние воинский чины. Все они в разное время были призваны в армию из крепостных

⁶²¹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 85. Д. 355. Л. 14.

⁶²² РГИА. Ф. 1291. Оп. 85. Д. 373. Л. 1.

⁶²³ РГИА. Ф. 1291. Оп. 85. Д. 373. Л. 2.

⁶²⁴ НА РК. Ф. И-9. Оп. 3. Д. 212. Л. 50.

крестьян, и, отслужив по 10–25 лет, возвратились в родные места уже после отмены крепостного права. На Родине они неожиданно оказались без средств к существованию, так как сельские общества, к которым они принадлежали, отказались от положенных земельных наделов из-за плохого их качества или же вовсе их не получили от помещиков. В сходной с ними ситуации оказались бывшие дворовые люди помещиком, которых реформа 1861 г., хотя и освободила от личной зависимости, но без права наделения землей.

Бывшие солдаты и дворовые люди были вынуждены устраивать свою жизнь заново. Кто-то из них покинул родные места, те же, кто остался — стали арендовать земли у бывших помещиков и калмыков. Арендуя земли, они не теряли надежды когда-нибудь обзавестись своим земельным участком.

В феврале 1887 г. группа бывших солдат, возглавляемая участником Крымской войны 1853–1856 гг., отставным фельдфебелем С. П. Бородаенко, обратилась от имени 22 семей Громославской волости Области войска Донского к крещеным калмыкам Капканкинова рода Малодербетовского улуса с просьбой разрешить им поселиться на их землях в урочище Свиная Балка. Калмыки хорошо знали просителей, которые много лет арендовали их земли, поэтому с их стороны данная просьба возражений не встретила. 28 февраля 1887 г. калмыки упомянутого рода, собравшись на сход, составили положительный приговор и отослали его на утверждение в Управление калмыцким народом. Данный орган, однако, этот приговор не утвердил. Свой отказ УКН объяснило тем, что, согласно закону, калмыцкие земли не являются собственностью калмыцкого народа, а находятся лишь в его пользовании, и, следовательно, калмыки не вправе ими распоряжаться землями по своему усмотрению. Приняв русских на жительство, крещеные калмыки тем самым нарушили пункт «Положения об управлении калмыцким народом», запрещающий поселение в калмыцких кочевьях лиц некалмыцкого происхождения.

Доводы УКН, впрочем, ходатаев несколько не убедили, наоборот, они подтолкнули их к более решительным действиям. В первых числах апреля 1887 г. Бородаенко и его товарищи перешли административную границу Астраханского

губернии, которая проходила всего в полуверсте от их Мишко-Васильевского поселка, и поселились в Свиной Балке. Когда туда, спустя месяц, прибыл попечитель Малодербетовского улуса, то он застал три готовых дома и несколько начатых строений. Попечитель с помощью стражников разломал незавершенные постройки и взял с самовольных поселенцев подписку об их выселении в отведенный законом 6-ти месячный срок.

Через полгода он направил на Свиною Балку двух своих помощников проверить, как выполняется его распоряжение. Оказалось, что поселенцы не только не ушли, но вдобавок ещё построили 9 новых жилых помещений. Им вновь предложили удалиться, а когда они наотрез отказались, то помощники попечителя приступили к разборке строений. Однако разрушить постройки на этот раз не удалось, так как этому воспрепятствовали сами жители, которые вооружившись цепями и вилами, потребовали от представителей власти покинуть поселок. После произошедшего инцидента самовольных поселенцев решили оставить в покое до весны и уже по теплу выдворить с калмыцких земель при помощи воинской команды. Одновременно с этим власти начали прорабатывать вариант переселения отставных солдат и крестьян на государственные земли при Эльтонском соляном озере в Царевском уезде Астраханской губернии.

Между тем, пока власти раздумывали относительно будущего капкинских поселенцев, последние не теряли времени даром. Они за короткий срок возвели несколько новых домов и привлекли в поселок новых людей, а их вожаки сумели убедить руководство Министерства государственных имуществ отложить на неопределенное время выселение жителей поселка.

Постоянный приток новых жителей в Капкинку обеспечил ему быстрые темпы развития. Поселок, начавшись в 1887 г. с 7 семей, к 1902 г. вырос до 33 семей, спустя 4 года он насчитывал 48 семей, в которых числился 341 человек.

Позиции самовольных переселенцев упрочились в 1898 г., когда Астраханская духовная консистория разрешила им построить церковь и школу грамоты. Все это, нельзя забывать, происходило в то время, когда поселок не имел ни законного статуса, ни управления, ни своей земли.

Неопределенность положения капкинцев сильно осложняла им жизнь, она же доставляла много хлопот властям и самим калмыкам. Власти несколько раз пытались поставить точку в этом затянувшемся деле, но в него всякий раз вмешивались различные обстоятельства. Вначале самовольных поселенцев хотели просто выселить, но в 1891 г. в Капкинке побывал министр государственных имуществ М. Н. Островский, который предложил легализовать поселок и наделить его землёй, в тоже время запретив капкинскому обществу в будущем принимать новых переселенцев. Пока по этому вопросу шла переписка поселок разросся настолько, что властям пришлось отказаться от мысли наделить всех его жителей землёй, ибо это привело бы к земельному стеснению калмыков.

В итоге и высшая власть, и калмыцкая администрация пришли к общему мнению о необходимости легализовать поселение, но без надела, на правах аренды его жителями калмыцкими землями.

Летом 1900 г. для поселковцев образовали оброчную статью «Берёзовая и Свиная Балка», размером в 3122 дес. 1300 кв. саж. и отвели под их усадьбы 165 дес. В этом же году в Капкинке, по поручению Департамента государственных и земельных имуществ, побывал один из чиновников УКН, посланный с целью выяснить экономическое положение самовольных поселенцев. По его данным, в поселке на момент командировки проживало 62 семьи, главным занятием которых являлось хлебопашество. Скотоводство у них носило вспомогательный характер и заключало в себе 750 голов крупного рогатого скота и 900 овец. Из торгово-промышленных заведений в поселке имелись: 1 торговая лавка и 3 ветряных мельницы.

В 1904 г. капкинцы на законных основаниях приступили к аренде оброчной статьи: в первый год она была сдана им на один года, а с 1 августа 1905 г. — на 12 лет при условии уплаты в калмыцкий общественный капитал ежегодно по 709 рублей 64 копейки.

В 1911 г. УКН учредило для капкинцев вторую оброчную статью под названием «Новый капкинский участок», которая в отличие от первой стала сдаваться не обществу, а отдельным поселковцам. Необходимость её образования

была вызвана быстрым увеличением населения поселка, удвоившегося со времени посещения его в 1900 г. чиновником Управления калмыцким народом. За прошедшее время Капкинка не только заметно прибавила в демографическом развитии, но и превратилась в хорошо обжитый населенный пункт, мало чем отличающийся от соседних селений. Недавние самовольные переселенцы построили в нем деревянные дома, церковь (в 1906 г.), церковно-приходскую школу, устроили колодцы, чигиря и огороды. В 1902 г. в Капкинке открылось сельское, а в 1910 г. — волостное правление.

В 1916 г. истёк 12-летний срок аренды участка «Березовая и Свиная Балка» и капкинцы вошли в УКН с ходатайством о продлении его аренды. Последнее согласилось продлить контракт, но выдвинуло новые условия сдачи участка, главные из которых были: ограничение аренды сроком на один год, повышение платы на 20 % и введение трёхпольной системы эксплуатации земли. Эти меры, по утверждению чиновников, должны были положить конец бессистемной хищнической эксплуатации земли и поставить арендаторов под более жесткий контроль со стороны властей.

Изменения в сторону ужесточения условий аренды капкинцы, как и следовало ожидать, восприняли отрицательно. Единственно, что не вызвало у них возражений — это целесообразность перехода к правильной системе ведения земледелия, с устройством в этих целях плотин, лесонасаждений, введения травосеяния и плодосеменной системы. Однако всему этому, по мнению капкинцев, препятствовала арендная форма землепользования. Все перечисленные агрокультурные мероприятия имели смысл только при надельном землепользовании, в связи с этим они изъявили готовность выкупить обе оброчные статьи через Крестьянский поземельный банк, а до окончательного разрешения данного вопроса предоставить им возможность пользоваться оброчной статьёй на прежних условиях⁶²⁵.

Предложения капкинцев поступили в центральные органы управления после падения монархии, когда к власти пришло Временное правительство. Оно же, как

⁶²⁵ НА РК. Ф. И-9. Оп. 3. Д. 212. Л. 34об.

известно, рассмотрение аграрного вопроса отложило до созыва Учредительного собрания, поэтому капкинский земельный вопрос выпало решать уже другим властям и в других условиях.

В 1891 г. в Калмыцкой степи побывал министр государственных имуществ М. Н. Островский, который по итогам поездки подготовил «всеподданнейший» доклад для императора Александра III. В нём он предложил легализовать всех самовольных переселенцев Калмыцкой степи, но в дальнейшем запретить самовольные переселения⁶²⁶. Сам лично он допускал возможность образования на калмыцких землях новых поселений, но в незначительно количестве и только на Ергенях, где, как он считал, имелись запасы свободных земель, пригодных для создания стационарных поселений⁶²⁷. Переселенческим мероприятиям должно было предшествовать подробное изучение природных свойств калмыцких земель, к которому министр предлагал приступить после завершения проводившейся в то время их хозяйственной съёмки. Что касается самовольных переселенцев, то Островский предлагал их легализовать и наделить землёй.

Правительство не стало выносить своего заключения относительно плана Островского, полагая к нему вернуться после научного исследования Калмыцкой степи.

На рубеже XIX–XX вв. в руководстве Министерстве государственных имуществ, переименованного к этому времени в Министерство земледелия и государственных имуществ возобладала точка зрения об устройстве самовольных поселенцев на условии аренды. Чиновник особых поручений Н. Ф. Бурдуков предложил меры, которые, по его мнению, были призваны обеспечить, во-первых, защиту земельных интересов калмыков от пришельцев, во-вторых, ограничить произвол последних в пользовании калмыцкими землями, и, в-третьих, «дать понять русскому населению, что Калмыцкая степь не представляет из себя даровой дополнительный надел, коим всякий желающий может в любое время

⁶²⁶ *Островский М. Н.* Всеподданнейший доклад министра государственных имуществ по поездке в Калмыцкую степь Астраханской губернии в 1891 г. СПб.: Тип. Я. И. Либермана, 1892. С. 38.

⁶²⁷ *Островский М. Н.* Всеподданнейший доклад министра государственных имуществ по поездке в Калмыцкую степь Астраханской губернии в 1891 г. СПб.: Тип. Я. И. Либермана, 1892. С. 40.

воспользоваться»⁶²⁸. В частности, он предлагал образовать для самовольных поселенцев оброчные статьи и предоставить их им в пользование без торгов на условиях, существующих в Астраханской губернии для арендаторов свободных казенных земель⁶²⁹. Оброчная статья должна была сдаваться на срок не более 6-ти лет и при заключении контракта арендаторы обязаны были внести залог в размере половины годовой арендной суммы. За просрочку арендных платежей арендаторы обязывались вносить залог.

Чтобы предотвратить появление новых самовольных поселенцев, Бурдуков считал необходимым принять жесткие меры: 1. Считать всякого водворившегося в самовольном поселении «поселившимся на оброчных статьях» 2. За каждого нового поселенца взыскивать с поселян по 500 руб. штрафа 3. Выселять прибывшего самовольного поселенца в течении 10-ти дней.

Чиновник также предложил обложить поселенцев специальным сбором за усадебное место и огороды, а вырученные от аренды оброчной статьи деньги направлять непосредственно в распоряжение родов, на чьей земле находились оброчные статьи⁶³⁰. Помимо этого, он считал необходимым объявить переселенцам о том, что они пока не могут рассчитывать на получение наделов из калмыцких земель. В будущем, правда, он не исключал возможности предоставления земельных наделов самовольным переселенцам, но только тем, которые поселились до 1891 г., а «отнюдь не тем, которые пришли после того, как стало известно решение Министерства оставить всех вообще самовольных переселенцев на захваченной земле»⁶³¹.

Некоторые пункты плана Бурдукова руководство Министерства земледелия и государственных имуществ признало излишне жёсткими, но в целом они были одобрены, что свидетельствовало о наметившихся переменах в переселенческой политике государства по отношению к самовольным переселенцам на калмыцких землях. Государственная переселенческая политика в целом эволюционировала от

⁶²⁸ РГИА. Ф. 1291. Оп. 85. Д. 36. Ч. 3. Л. 137.

⁶²⁹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 85. Д. 3 б. Ч. 3. Л. 137об.

⁶³⁰ РГИА. Ф. 1291. Оп. 85. Д. 3 б. Ч. 3. Л. 140.

⁶³¹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 85. Д. 36. Ч. 36. Л. 140об.

административных запретов на поселение в Калмыцкой степи лиц, не принадлежащих к калмыцким обществам, к предоставлению последним права самим принимать решения по приёму в свою среду посторонних.

Важный шаг в этом направлении сделал министр внутренних дел России П. А. Столыпин. В отношении к астраханскому губернатору 6 августа 1910 года он отмечал, что в ходе ревизий местных органов управления чиновниками МВД было выявлен ряд фактов, свидетельствующих о стремлении части калмыков и русских объединиться в единые общества. «Такое стремление — писал он — обусловливаемое причинами экономического свойства, одинаково важными как для обеих групп населения, так и особенности в целях государственных, как наиболее действенная мера к скорейшему слиянию и сплочению инородческих элементов с господствующим русским населением государства, должно служить предметом особого внимания со стороны местных губернских властей»⁶³². Столыпин рекомендовал астраханскому губернатору в таких случаях идти навстречу сторонам, разрешая им по добровольному согласию принимать в свои общества, как калмыков, так и русских. При этом он предписывал руководствоваться циркуляром № 24 МВД от 17 марта 1910 г., разрешившему инородцам принимать в свои общества крестьян. Столыпин также указал на необходимость снять запрет арендаторам возводить постройки, так как это «стесняет арендаторов в их хозяйственных предприятиях, мешая им развить свою сельскохозяйственную деятельность до надлежащей высоты и тем положить основу прочного и экономически выгодного промысла на калмыцких землях, в общем крайне слабо используемых самими калмыками»⁶³³.

Предоставление калмыкам права принимать решения о приёме в свои общества посторонних лиц не означало полного отказа государственной власти от регулирования процесса переселений на калмыцкие земли. Приговор аймачного общества о приеме нового члена обязательно рассматривался в улусном управлении и утверждался Главным попечителем, который имел полномочия его

⁶³² НА. РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 1771. Л. 98.

⁶³³ НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 1771. Л. 99.

отклонить, если он был заключен с нарушением закона или, по мнению Главного попечителя, мог нанести ущерб калмыкам.

Воспользоваться правом поселиться в Калмыцкой степи и причислиться к калмыцким обществам на основании решения П. А. Столыпина смогла лишь небольшая часть переселенцев, поскольку калмыки не были заинтересованы в притоке на их земли большого количества пришлых людей и потому подходили избирательно к каждому кандидату, рассматривая его прежде всего с точки зрения его полезности для местного общества. Так, в 1911 г. аймачные общества приняли в свой состав 96 семей переселенцев из других губерний⁶³⁴. Большинство переселенцев, таким образом, продолжали пребывать в статусе иногородних и искали возможности поселения в Калмыцкой степи.

Иногородние Калмыцкой степи предпочитали селиться в п. Яшкульский Базар, образовавшийся, как отмечалось ранее, во второй половине 1870-х гг. Здесь уже имелось русское население, в основном торговцы, сумевшие прописаться в поселковое общество. В 1913 г. во время командировки члена Совета министра внутренних дел П. М. Кошкина для расследования злоупотреблений чиновников органов управления Калмыцкой степи, проживавшие в п. Яшкульский Базар иногородние крестьяне и мещане разных губерний (55 семей, 264 чел.) обратились к Кошкину с просьбой посодействовать им, а также рассеянным по степи русским, образовать на Яшкульском Базаре крестьянское поселение с положенным земельным обеспечением⁶³⁵. Не будучи приписанными к Икицохуровскому аймачному обществу, иногородние жаловались на стеснения со стороны русских старожилов и калмыков и просили наделить их землей. Подобные прошения поступили к Кошкину от 70-ти семей иногородних жителей русских сел: Улан-Эрге, Элиста, Вознесенка, Троицкое и 100 семей поселка Чилгир⁶³⁶. Кошкин сочувствовал иногородним Калмыцкой степи и обещал им помочь, однако поселение так и не было создано.

⁶³⁴ Команджаев А. Н. Хозяйство и социальные отношения в Калмыкии в конце XIX–XX века: исторический опыт и современность. Элиста: Джангар, 1999. С. 62.

⁶³⁵ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 322. Л. 21об.

⁶³⁶ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 322. Л. 22.

В Астраханской губернии во второй половине XIX в. имел место не только приток новых переселенцев, но и выселения за пределы губернии. В 1872–1882 гг., по данным Астраханской казенной палаты, на 2145 переселенцев, причисленных к сельским обществам, пришлось 944 человек покинувших Астраханскую губернию⁶³⁷.

В 1880–1890-е гг. участились переселения в другие губернии крестьян населённых пунктов, основанных в середине XIX в. В качестве причин, побуждавшими принимать решения о переселении их жители обычно называли истощение земель, земельную чересполосицу, нашествия сусликов и насекомых, уничтожавших посевы, крестьяне Ергеней, кроме того, жаловались на беспомощность властей в борьбе с угонами скота калмыками и удаленность их селений от центров административной и хозяйственной жизни губернии.

В августе 1892 г. 15 семей (180 душ) с. Киселева подали министру внутренних дел прошение о разрешении им переселиться в г. Усть-Каменногорск Семипалатинской области. Свою просьбу они мотивировали ухудшением качества земли и частыми неурожаями⁶³⁸. Их просьба была удовлетворена, в 1893 г. все 15 семей выехали в г. Усть-Каменногорск⁶³⁹, в 1904 г. с. Киселево покинули 3 семьи, в 1905 г. — 2 семьи, в 1906 г. — еще 2 семьи, в 1909 г. — 4 семьи. Уехавшие в 1900-е гг. искать лучшую долю 11 семей, насчитывали в своем составе 54 чел.⁶⁴⁰

Переселения шли и из других селений. За первых 7 лет XX столетия (с 1900 по 1907 гг.) переселились в Сибирь, Среднюю Азию и Закавказье из с. Элиста 3 семьи (23 чел.), из с. Садового — 4 семьи (45 чел.), из с. Крестового — 14 семей (71 чел.), из с. Заветного — 8 семей (41 чел.), правда, 9 семей (57 чел.), вскоре вернулись назад⁶⁴¹.

В 1890-е гг. большой размах приобрел уход на жительство в другие губернии жителей из с. Абганерово, Черноярского уезда. В 1897 г. земский начальник 4-го участка Черноярского уезда провел обследование экономики этого села, а поводом

⁶³⁷ ГА АО. Ф. 442. Оп. 1. Д. 397. Л. 4.

⁶³⁸ ГА АО. Ф. 442. Оп. 1. Д. 659. Л. 62.

⁶³⁹ ГА АО. Ф. 442. Оп. 1. Д. 659. Л. 190.

⁶⁴⁰ ГА АО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 636. Л. 117.

⁶⁴¹ ГА АО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 636. Л. 42, 45, 73, 160.

к нему послужило обращение крестьян в органы государственной власти о невозможности продолжать в прежних размерах погашение выкупных платежей.

В ходе обследования выяснилось, что пахотные земли абганеровцев, вследствие частых засух и нашествий сусликов, перестали приносить доходы. Положение усугублялось ещё тем, что село незадолго до обследования лишилось немалой части лучших земель, отданных под строительство железной дороги Тихорецк — Царицын, а оставшиеся пахотные земли (3000 дес.) оказались наполовину состоящими из песчаных почв, и к тому же, они были расположены чересполосно, что сильно понижало их ценность.

Не лучшим образом обстояло дело и со скотоводством, которое тоже перестало приносить доходы. Имея сравнительно небольшое стадо в 7397 голов (2122 крупного и 4972 головы мелкого скота), абганеровские крестьяне тем не менее не смогли обеспечить его на зиму необходимым запасом кормов, и поэтому вынуждены были приступить к постепенному его сокращению.

Ухудшение социального положения привело тому, что часть крестьян, не видя перспектив для развития своих хозяйств, начала покидать село, пытаясь найти средства к существованию в других местах России. Только в 1891–1892 гг. из села выехали 37 семей, и, кроме того, ещё 70 семей, хотя и выписались из общества, но фактически перешли жить в другие места. Освободившиеся после выселения крестьян земли поступили в общественное владение села, однако пользы это никому не принесло, так как не нашлось желающих взять их в аренду. Местным крестьянам она была не нужна, так как им хватало своих наделов, посторонних же лиц не устраивало качество земли. Между тем за эти земли, членам сельского общества, как проживавшим в с. Абганерово, так и переселившимся в другие места, но ещё не уволенных из абганеровского общества, нужно было платить налоги и отбывать натуральные повинности. Чтобы расплатиться с государством, абганеровцам пришлось пойти на принудительное навязывание своим членам земельных наделов, с тем, чтобы заставить их участвовать в уплате повинностей и проводить разверстку последних не по количеству обрабатываемой земли, а по числу скота.

В целом переселения жителей Астраханской губернии за её пределы сильно не влияли на численность её населения, которое продолжало увеличиваться за счёт прибытия новых переселенцев и положительного демографического прироста.

В последней четверти XIX в. на территории Северного Прикаспия располагались 2 уезда Уральской области: Гурьевский и Калмыковский. Правый берег р. Урал до Каспийского моря, и от него на запад до административной границы Астраханской губернии, находился во владении уральских казаков, а на левом берегу кочевали казахи. Ни на земли казаков, ни казахов государственные переселения не проводились, поэтому их освоение шло местным населением — уральскими казаками и казахами. В 1876 г. в Гурьевском уезде проживали 96 054 чел., из них 7714 уральских казаков, 86 870 казахов, 797 крестьян, 214 купцов и мещан, 459 чел. других национальностей и сословий. В Калмыковском уезде насчитывалось 16 903 казаков, 102 170 казахов, 603 чел. крестьян⁶⁴². Кроме казаков и казахов все остальные считались иногородними, т. е. неприписанным и непостоянным населением. Главным занятием казаков было рыболовство, а казахов — скотоводство, иногородние в основном вели торговлю.

Стационарные поселения были только на землях казаков, в том же 1876 г. в Гурьевском уезде имелся 1 город, 15 форпостов и 25 зимников, в Калмыковском — 1 городок, 34 форпоста, 11 хуторов и 71 зимник⁶⁴³. К 1890-м гг. часть форпостов и хуторов увеличили свою численность и обрели статус станиц, однако в целом заселение уральских станиц по причине отсутствия притока переселенцев извне шло медленно. Известный исследователь положения казачества в конце XIX в. Н. А. Бородин писал о станицах Ямахалинской, Кармановской и Глининской: «Заселены эти станицы вообще очень плохо, и некоторые из них можно назвать ещё почти пустынными. Селения в большинстве очень мелки — недавно образованы из хуторов»⁶⁴⁴.

Ситуация значительно улучшилась в начале XX в. На 1 января 1915 г. на

⁶⁴² Обзор Уральской области за 1876 год. Уральск: Уральский статистический комитет, 1876. С. 74.

⁶⁴³ Обзор Уральской области за 1876 год. Уральск: Уральский статистический комитет, 1876. С. 75.

⁶⁴⁴ Бородин Н. А. Уральское казачье войско: Статистическое описание в 2 т. Уральск: Уральское войсковое хозяйственное правление, 1891. Т. 1. С. 936.

казачьих землях в Гурьевском уезде имелось 5 станиц, 1 русская волость (4 рыбацких поселка, объединенные в Жилокосинскую волость) и 15 казахских волостей, в Лбищенском уезде (бывший Калмыковский) — 10 станиц и 17 киргизских волостей. При этом на казахьих территориях Гурьевского уезда численность казаков выросла с 7714 чел. в 1876 г. до 17 861 чел. в 1915 г., а в Лбищенском уезде за указанные годы — с 16 903 до 50927 чел. Однако ещё быстрее росло иногороднее население казахьих земель: с 1876 по 1915 г. в Гурьевском уезде оно увеличилось с 1470 до 15 667 чел., в Лбищенском — соответственно с 603 до 24 431 чел.⁶⁴⁵. На казахьих землях упомянутых уездов рост иногороднего населения был практически незаметным на фоне быстрого увеличения казахского населения. Так, на 1 января 1915 г. в Гурьевском уезде насчитывалось 124 433 чел. казахов, 1829 жителей торгово-промышленных поселков, 1525 иногородних рыбаков и 17 чел. других сословий, в Лбищенском уезде — 133 124 казахов, 569 жителей торгово-промышленных поселков и 31 чел. русских других социальных групп⁶⁴⁶.

Часть иногородних изъявляла желание устроиться на постоянное жительство в Уральской области, однако этому препятствовали сложившийся характер землепользования и правовые статусы казахьих и казахских земель.

⁶⁴⁵ Обзор Уральской области за 1914 год. Уральск: Уральский статистический комитет, 1915. С. 3.

⁶⁴⁶ Обзор Уральской области за 1914 год. Уральск: Уральский статистический комитет, 1915. С. 3.

4.2. Придание самовольным рыбацким поселкам правового статуса и их административно-земельное устройство⁶⁴⁷

В 1878 г. в пределах приморской части Астраханской губернии существовало 42 самовольных рыбацких поселков, 14 из них располагались на территории Астраханского и 28 Красноярского уездов. К числу самовольно возникших рыбацких поселений, вошедших в 1865 г. в одноверстную полосу, были отнесены также поселки Ракуша и Жилая Коса в Уральской области, а также п. Брянск в Терской области.

В 1878 г. в самовольных рыбацких поселках Астраханской губернии проживали 1595 семей, в которых числилось 4350 душ мужского пола. Из указанного количества душ 1830 принадлежали к крестьянскому сословию, 1422 – мещанскому, 796 – купеческому, 281 – военному, 8 – духовному, 4 – дворянскому, 9 душ были записаны колонистами и привилегированными армянами.

Рыбацкие поселки были различными по численности – от 60 до 560 душ муж. пола в Астраханском уезде, и от 8 до 246 душ муж. пола в Красноярском уезде.

Большинство из проживавших в самовольных рыбацких поселках людей являлись жителями Астраханской губернии: из 1595 семей только 450 семей были прописаны в других губерниях⁶⁴⁸. Необходимо иметь в виду тот факт, что многие жители самовольных поселков, прописанные в Астраханской губернии, не являлись местными уроженцами и прибыли из других губерний. Укажем также и

⁶⁴⁷ Основой данного параграфа послужили статьи С. С. Белоусова: *Белоусов С. С.* О времени и обстоятельствах возникновения с. Яндыки, Промысловки, Караванного Лиманского района Астраханской области // Астраханские краеведческие чтения: сборник статей / под ред. А.А. Курапова, Е.А. Герасимиди, Р.А. Тарковой. Астрахань: Издатель Сорокин Роман Васильевич, 2015. Вып. VII. С. 161–167; *Белоусов С. С.* Самовольные поселения на калмыцких землях Астраханской и Ставропольской губерний: Переселенцы и губернские власти (XIX – начало XX веков) // Новый исторический вестник. 2018. № 1 (55). С. 6–20; *Белоусов С. С.* Влияние природного фактора на государственную переселенческую политику на калмыцких землях (1840-е – 1870-е гг.) // Былые годы. 2019а. Т. 54. № 4. С. 1576–1583; *Белоусов С. С.* Роль торгово-ремесленного населения в создании стационарных поселений на землях казахов Внутренней киргизской орды Астраханской губернии. XIX в. // *Oriental Studies*. 2019. № 44 (4). С. 634–644; *Белоусов С. С.* Умётная система заселения трактов в Астраханской губернии // Монголоведение. 2019е. № 18. С. 394–406, которые были значительно доработаны и дополнены.

⁶⁴⁸ Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1880. Т. 53. Ч. 2. С. 56.

то, что, они, будучи прописанными в крестьянские и мещанские общества приморских поселений, на самом деле в них не жили, а проживали и работали в самовольных рыбацких поселках.

В пользовании поселков находилось 47264 дес. земли (16827 дес. 8 саж. удобных и 30436 дес. 2 саж. неудобных), принадлежавших различным ведомствам, обществам и частным лицам. Из данного количества земли 7225,6 дес. являлись частью оброчных статей, 11706,8 дес. – одноверстной береговой полосы, 686,6 дес. – калмыцких земель, 5971,2 – казахских земель, 1776,6 дес. – казачьих земель, 3484,1 дес. принадлежали крестьянским обществам, 701,8 дес. – православным монастырям, 15711,8 дес. – наследникам графа Кушелева-Безбородко⁶⁴⁹. За право жить и пользоваться землями самовольные переселенцы выплачивали ведомствам, частным владельцам, обществам определенные суммы денег, а переселенцы, пользовавшиеся землями береговой полосы, вообще ничего не платили. Поселки не имели и своих органов власти, хотя и выбирали из своей среды старост на срок от одного года до трех лет.

Ситуация, когда у поселков не было правового статуса, органов управления, земельного надела порождала у их жителей чувство неопределенности, поскольку в любой момент их по приказу властей могли выселить и тогда бы им пришлось искать новое место жительства, что было сопряжено с большими расходами. Власти, безусловно, знали о существовании самовольных рыбацких поселений, однако долгое время не обращали на них особого внимания, возможно, потому, что их было немного, а также потому, что специфика профессиональных занятий их жителей не требовала высокого земельного обеспечения. Заняться данной проблемой власти заставило появление новых самовольных поселений и увеличение их населения.

Впервые данный вопрос был поднят в центральных органах государственной власти астраханским губернатором Н. Н. Биппенем, который в 1871 г. представил проект устройства поселков в Министерство государственных имуществ.

⁶⁴⁹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1880. Т. 53. Ч. 2. С. 57.

Последнее нашло этот проект недостаточно полным и высказало свои соображения, на основании которых тот же губернатор подготовил новый проект, но с ним, на этот раз, не согласилось уже Министерство внутренних дел. В 1875 г. Биппен представил третий проект, однако и он не имел успеха⁶⁵⁰.

Принять окончательное решение по административному и земельному устройству самовольных поселков оказалось затруднительно во-многом из-за смешанного сословного состава их жителей. Как уже отмечалось выше, население поселков в большинстве своём были крестьянами и мещанами, которые относились к числу сельских и городских сословий. Устройство в поселениях управления по типу крестьянского лишало мещан права получить земельный надел, так как законы запрещали наделять их землей, как представителей городского сословия, организация же городского управления не давала права на подушное наделение жителей поселков. Между тем рыбацкому населению земли нужны были для содержания скота, продукция которого занимала важное место в рационе питания.

Не придя к единому мнению правительство решило ограничиться введением аренды на земли, занятые под усадебные и хозяйственные постройки в самовольных поселках. 28 июля 1878 г. император Александр II утвердил Положение Комитета министров, определившее порядок пользования землями самовольными переселенцами рыбацких поселков. Жителям поселков разрешили пользоваться без торгов в течение 24-х лет жилыми и хозяйственными постройками, а также дворовой территорией, за плату «в размере, определённом за земли, отводимые на береговой полосе под ватаги». После истечения срока аренды она могла быть продлена или заменена новыми условиями пользования землей. Относительно земель другого назначения в Положении 1878 г. говорилось, что жители самовольных поселков вправе ими пользоваться «лишь по общим правилам, именно землёю на береговой полосе – на одинаковом со всеми рыбопромышленниками основании, а землёю вне этой полосы – наравне с арендаторами казенных оброчных статей, т.е. брать её в аренду с торгов»⁶⁵¹.

⁶⁵⁰ ГА АО. Ф. 794. Оп. 1. Д. 2149. Л. 76об.

⁶⁵¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1880. Т. 53. Ч. 2. С. 62.

Несмотря на то, что Положение 1878 г. не касалось вопросов устройства внутреннего управления поселков и наделения земель, оно имело важное значение для самовольных переселенцев. Оно заключалось в том, что в законодательном акте впервые прозвучала мысль о том, что самовольные переселенцы-рыбаки способствуют развитию рыболовецкой отрасли и ликвидация их поселений, равно как и выселение жителей, никакой пользы не принесет, а только повредит рыболовству. В Положении говорилось, «что, хотя поселки устроены без разрешения правительства, и, следовательно, постройки их могли бы быть снесены, как самовольно возведенные на казенной земле; но такое распоряжение едва ли было бы целесообразно, ибо независимо от того, что снос поселков расстроил бы благосостояние поселенцев, – это могло бы, по крайней мере, в начале, вредно повлиять на развитие рыбных промыслов, ибо, по местному удостоверению, поселки служат средоточием населения, занимающегося исключительно рыбной промышленностью»⁶⁵². Государственная власть фактически признала за самовольными рыбацкими поселками право на существование, тем самым укрепив его жителей в мысли о благополучном исходе дела.

Поскольку Положение 1878 г. не решило вопроса об административном и поземельном устройстве поселков, поиски приемлемого варианта продолжились. В 1882 г. астраханский губернатор Н. А. Протасов-Бахметев подготовил новый проект общественной организации поселков, который, после его обсуждения и высказанных замечаний в Министерстве внутренних дел, был переработан астраханским губернатором Е. О. Янковским, и в 1883 г. представлен снова в министерство. Однако МВД и на этот раз нашло его недостаточно полным и предложило собрать более подробные сведения об экономическом положении жителей поселков. Эти данные были собраны и на их основе астраханский губернатор Н. М. Цеймерн разработал новый проект, который в 1887 г. был направлен на рассмотрение в МВД. Но и он не удовлетворил министерство, поэтому в 1889 г. в Астраханскую губернию был командирован министерский

⁶⁵² Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1880. Т. 53. Ч. 2. С. 61.

чиновник, коллежский асессор В. И. Гиппиус. Он посетил поселки и по разработанной специально для него программе собрал сведения. Гиппиус представил министру внутренних дел ценный материал и свои соображения по административному и поземельному устройству самовольных переселенцев, однако дело вновь застопорилось.

В 1893 г. астраханский губернатор Н. Н. Тевяшев, в преддверии введения нового устава каспийско-волжского рыболовства, по которому поселки в береговой полосе приобретали весьма важное значение и прогнозировалось увеличение численности их населения, попросил министра внутренних дел ускорить процесс организации в поселках общественного и административного устройства. Министерство же, в виду учреждения в губернии института земских начальников, предложило еще раз собрать некоторые сведения о поселках и вынести вопрос об организации поселков на рассмотрение в создаваемое в г. Астрахани губернское присутствие. При этом министерство указало на возможность устройства их применительно к закону 13 июля 1889 г. относительно переселенцев в губерниях Сибири, степных областях и в губерниях: Оренбургской, Самарской и Уфимской⁶⁵³.

Пока шла переписка между ведомствами и местной администрацией, население самовольных поселков между 1878 и 1894 гг. увеличилось почти вдвое – с 1595 до 3164 семей. Быстрый рост населения в немалой степени был спровоцирован непродуманностью отдельных пунктов Устава Каспийских рыбных и тюленьих промыслов от 25 мая 1865 г. По нему рыбопромышленники имели право ловить сельдь в низовьях р. Волги двумя неводами неограниченных размеров в обычное время и четырьмя неводами во время хода сельди на нерест в р. Волгу из Каспийского моря. Из-за этого сельдь почти дочиства вылавливалась на лицевых, т. е. первых от моря тонях, поэтому рыбопромышленникам имевших тони выше и речным ловцам сельди оставалось мало. Три низовые фирмы вылавливали примерно 60 % всей сельди в р. Волге, и некоторые из них имели 1 млн руб. дохода в год только от сельди. Результатом этого стало обесценивание лежащих выше

⁶⁵³ ГА АО. Ф. 794. Оп. 1. Д. 2149. Л. 77.

лицевых тоней речных вод и разорение речных ловцов⁶⁵⁴. Тогда последние перенесли своё рыболовство с р. Волги в Каспийское море, «перепрыгнув», как выразился исследователь социально-экономического положения морских ловцов в конце XIX в. А. М. Никольский, через лицевые тони на Каспий.

Переход многих речных рыбаков на морской лов вызвал новую волну миграций на побережье Каспийского моря. Первыми их начали астраханские казаки. «Они – пишет в своем труде «Астраханские морские ловцы» Никольский – заколотили дома и со всем своим скарбом на бударках спустились в море. Опыт оказался очень удачным. За казаками последовали другие ловцы»⁶⁵⁵. «Затем, – продолжает автор – когда весть о доходности бударочного лова разнеслась по России, в особенности после последнего голода, в Каспийское моренаправились и жители других губерний, до сего времени рыболовством не занимавшиеся ... Целыми семьями, забрав домашний скарб, даже кур, на бударках начали они сплывать в Астраханскую губернию ...»⁶⁵⁶. Здесь бывшие земледельцы нанимались на работы к речным рыбопромышленникам, жили в шалашах и глиняных мазанках, освоив профессию рыбака, купив рыболовное оснащение они пускались в самостоятельный лов рыбы в море.

В 1894 г. в пределах Астраханской губернии имелось 45 рыбацких самовольных поселков: 15 из них располагались в приморской береговой полосе, 3 – на землях Министерства государственных имуществ и земледелия, 1 – на калмыцких землях, 3 – на территории Чуркинского монастыря РПЦ, 3 – в наделах крестьянских обществ, и 20 на землях частного владельца Базилевского. В пользовании жителей поселков находилось 28334 дес. в т. ч. 8866 дес. 1988 саж. земель казенных, 19268 дес. 2270 саж. Базилевских, 117 дес. 1580 саж. крестьянских надельных и 81 дес. монастырских. В 1878 г. землепользование самовольных поселков было больше, составляя 47264 дес., уменьшение к 1894 г.

⁶⁵⁴ Никольский А. М. Астраханские морские ловцы. Статистико-экономическое описание. СПб.: Тип. Морского министерства, 1898. С. 73.

⁶⁵⁵ Никольский А. М. Астраханские морские ловцы. Статистико-экономическое описание. СПб.: Тип. Морского министерства, 1898. С. 74.

⁶⁵⁶ Никольский А. М. Астраханские морские ловцы. Статистико-экономическое описание. СПб.: Тип. Морского министерства, 1898. С. 74.

этой цифры до 28334 дес. произошло в результате приведения к нормативам, установленных законами, земельной обеспеченности рыбацких поселков.

В 1894 г. в 45-ти самовольных рыбацких поселках Астраханской губернии числилось 18088 чел., подавляющее большинство из них принадлежали к сословиям крестьян (10134 чел.) и мещан (7748 чел.), в поселках также проживало незначительное количество купцов (89 чел.), духовенства (66 чел.), почетных граждан (25 чел.), отставных нижних воинских чинов (11 чел.), дворян (9 чел.), чиновников (6 чел.). Таким образом, крестьяне составляли 56 %, а мещане 42,8 % всех жителей самовольных поселков, что на первый взгляд дает основание говорить о сословной разнородности населения поселков. Однако глубоко изучивший проблемы морских ловцов, чиновник МВД Гиппиус пришел к выводу о том, что «разнородность населения самовольных поселков, при ближайшем рассмотрении, оказывается совершенно формальной, вызванной тем только обстоятельством, что некоторые жители, по происхождению своему те же выходцы из крестьян Астраханской и внутренней губерний, как и все остальные, успели приписаться к местным мещанским обществам»⁶⁵⁷.

Во второй половине 1890–начале 1900-х гг. гг. положительные демографические и миграционные показатели населения рыбацких поселков оставались на высоком уровне, поэтому тенденция быстрого людского прироста продолжала сохраняться. За период с 1894 по 1903 гг. численность населения в поселках выросла с 18 088 чел. до 30 849 чел. (14 931 муж. и 14 981 жен.), а количество дворов в них – с 3164 до 5 640⁶⁵⁸. Таким образом, за 9 лет прибавка в населении составила 12 761 чел. и 2476 дворов.

Приморье привлекало переселенцев возможностью заработать большие деньги и обеспечить себя и свои семьи более высокими и постоянными доходами. Рыболовство было опасным, но выгодным делом, позволявшим значительно повысить уровень материального благосостояния. Многие из приходивших на заработки крестьян именно по этой причине не хотели возвращаться домой и

⁶⁵⁷ ГА АО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 1162. Л. 1.

⁶⁵⁸ ГА АО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 541. Л. 14.

старались закрепиться на жительство в приморских районах Каспия. Их не останавливало даже то, что приходилось уплачивать налоги в прежних местах жительства, где они были прописаны, и одновременно нести налоговую нагрузку и исполнять повинности в ловецких поселках. По этому поводу астраханский губернатор Н. Н. Биппен в 1875 г. писал министру государственных имуществ П. А. Валуеву: «Иногородние крестьяне неоднократно делали попытки выйти из состава своих обществ, дабы приписаться куда-либо в Астраханскую губернию, так как они постоянно живут в поселках, многие даже родились здесь, но, тем не менее, общества не дают им увольнительных приговоров, потому что рыбопромышленники эти исправные плательщики податей и, в случае увольнения их, общество обязано, вместе с земельным наделом, принять на себя все казенные и мирские повинности»⁶⁵⁹.

В 1894–1903 гг. немногим более половины от общего численного прироста жителей самовольных рыбацких поселений дали ловецкие поселки одноверстной береговой полосы Каспия, численность населения которых в рассматриваемый период увеличилась на 6426 чел., а количество дворов на 1444⁶⁶⁰. Между 1894 и 1903 гг. количество поселков на береговой полосе в пределах Астраханской губернии, Терской и Уральской областей увеличилось с 21 до 30, а число жителей в них с 13 224 до 19 650 чел.⁶⁶¹ Значительный прирост населения, как и прежде, был достигнут во многом благодаря постоянному притоку самовольных переселенцев.

На основании утвержденного 28 июля 1878 г. императором Александром II положения о пользовании землёй поселками на берегу Каспийского моря, в 1879 г. было обмежевано 1119 усадеб, занятых издавна водворившимися там переселенцами. После завершения процесса обмежевания в поселки начали прибывать новые переселенцы и число самовольно возведенных усадеб к 1903 г. достигло 1910, почти вдвое превысив число усадеб, обмежеванных в 1879 г. Астраханское управление рыбными и тюленьими промыслами не успевало быстро

⁶⁵⁹ ГА АО. Ф. 794. Оп. 1. Д. 2149. Л. 74.

⁶⁶⁰ ГА АО. Ф. 794. Оп. 1. Д. 2149. Л. 72об.

⁶⁶¹ ГА АО. Ф. 794. Оп. 1. Д. 2149. Л. 73.

реагировать на появление новых построек, так как землянки и даже деревянные дома возводились очень быстро – в течение одного-двух дней⁶⁶².

Самовольные переселенцы пополняли не только старые поселения, но и создавали новые. В период с 1880 по 1903 г. ими было основано на береговой полосе семь новых поселков; из них четыре (Чонта, Красный, Большой Маячный, Серебряковская пристань) в пределах Астраханской губернии, один (Подстепной) в Терской области и два поселка (Алтапас и Прорва) в Уральской области. Власти предпринимали попытки ликвидировать некоторые из них, но безуспешно. В 1896 г., например, Астраханское управление Каспийско-Волжскими рыбными и тюленьими промыслами подняло перед Министерством земледелия и государственных имуществ вопрос о сносе п. Подстепного (Тушиловка), состоящего из 777 душ обоего пола. Поселок располагался напротив предустьевского пространства р. Терек в Терской области, где добыча рыбы запрещалась. Ни уговоры, ни угрозы не заставили жителей п. Постепного покинуть выбранное ими место жительства.

Также безуспешной оказалась попытка властей ликвидировать п. Красный в Астраханской губернии, жителям которого удалось доказать в Астраханском окружном суде то, что их поселение не входит в черту береговой полосы⁶⁶³.

Много хлопот доставили властям самовольные переселенцы п. Лагань. Он возник на острове Лаганский, где издавна находился рыбный промысел. Первоначально на нём проживали в основном пришлые люди, нанимавшиеся на сезонные работы и после их окончания возвращавшиеся домой. В середине 1870-х гг. часть работников решила обосноваться на Лаганском промысле на постоянное место жительства и в качестве предлога обратилась в МГИ за разрешением построить в поселке для кочевавших недалеко от него калмыков миссионерскую церковь. Все расходы по её строительству взялся оплатить купец Казачков, занимавшийся в лаганских водах крупной добычей рыбы, он же выступил доверенным лицом от 9 лаганских семей, подписавших прошение о постройке

⁶⁶² ГА АО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 541. Л. 339.

⁶⁶³ ГА АО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 541. Л. 339об.

церкви⁶⁶⁴. В 1877 г. церковь разрешили строить, а ободрённые успехом лаганцы решили идти дальше, обратившись в 1882 г. в МГИ с просьбой отвести церковному причту и школе, а также 9 русским семьям земли⁶⁶⁵.

Пока происходила переписка население поселка росло, в основном за счёт притока крестьян, мещан, купцов и отставных солдат из Астраханской, Пензенской, Саратовской и Воронежской губерний. В 1880-е гг. в п. Лагань проживало уже 35 семей, а в 1890-е гг. — 58⁶⁶⁶.

Прибытие новых семей обострило земельную проблему. Она усугублялась ещё тем, что Лагань располагалась на границе земель калмыцких и одноверстной береговой полосы, при этом все земельные угодья и большинство домов поселка находились на калмыцкой стороне, и лишь небольшая группа построек входила в пределы береговой полосы. Для лаганцев основным источником доходов и существования было рыболовство, но в то же время каждая семья для собственных нужд держала по 3–4 головы крупного рогатого скота, для содержания которого требовались пастбища и сенокосы, а они находились в пользовании калмыков⁶⁶⁷. Первые поселенцы выпасали свой скот на калмыцкой земле нелегально, однако, когда поселок разросся, делать это стало намного труднее. Кочевавшие на острове калмыки, обеспокоенные быстрым ростом населения поселка, начали жаловаться властям и требовать выселения самовольных поселенцев.

Допустившее возникновение самовольного поселения на калмыцких землях, Управление калмыцким народом вынуждено было вплотную заняться данной проблемой. Главный попечитель калмыцкого народа предложил оставить поселенцам земли под постройками, а сенокосами наделить в береговой полосе на условиях аренды. Он также полагал необходимым ввести штрафы за нелегальный выпас скота на калмыцкой земле и учредить в поселке полицейский пост из двух стражников, возложив их содержание на лаганцев, и, кроме того, обязать каждого домохозяина вносить ежегодную плату в размере 2 руб. для содержания

⁶⁶⁴ НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 686. Л. 4.

⁶⁶⁵ НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 686. Л. 4об.

⁶⁶⁶ НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 686. Л. 6.

⁶⁶⁷ ГА АО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 541. Л. 314.

управления, и взять лаганскому обществу на себя отправление почтовой повинности от о. Лагань до станции Терняковская⁶⁶⁸. В случае отказа выполнить эти условия Главный попечитель калмыцкого народа пригрозил лаганцам выселить их с острова силой, а церковь перенести в другой населенный пункт.

Жители п. Лагань сочли предложение Главного попечителя калмыцкого народа неприемлемым для себя и его отвергли «заявив, что они не считая возможным согласиться на предложенные условия, в то же время не согласны и покинуть занятую ими землю, пока на нем остается Божий храм»⁶⁶⁹.

Побывавший в 1889 гг. в Лагани чиновник МВД В. И. Гиппиус после ознакомления с ситуацией на месте признал справедливым отказ лаганцев выполнить условия УКН. По итогам командировки он доложил министру внутренних дел И. Н. Дурново о том, что «отказ поселчан от предложенных им условий ни в каком случае не может быть приписан их упорству, а вызван совершенной невозможностью принять эти условия»⁶⁷⁰. Причиной тому было то, лаганцам предложили гораздо меньшее количество земли, чем они пользовались до этого. Малая площадь участка делало невозможным содержание скота для домашнего обихода, а между тем, молочные продукты наравне с рыбными были главными в рационе питания рыбаков. В силу сложных природных условий острова лаганцы не занимались земледелием, поэтому большинство его продукции и многие другие продукты питания им приходилось завозить из других мест, связь с которыми осуществлялась по морю и потому была нерегулярной и ненадежной.

Предложение дать лаганцам в аренду участки земли в береговой полосе Гиппиу вообще назвал «недоразумением», так как она, во-первых, предназначалась для временного пристанища ловцов, которые использовали для своих нужд все «что там растет»; во-вторых, право брать на ней в аренду землю распространялось только на общества поселков береговой полосы, а Лагань находилась вне её⁶⁷¹.

⁶⁶⁸ НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 686. Л. 6об.–7.

⁶⁶⁹ НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 686. Л. 8.

⁶⁷⁰ НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 686. Л. 9об.

⁶⁷¹ НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 686. Л. 13об.

Астраханское управление Каспийско-Волжских рыбных и тюленьих промыслов выдвинуло свой вариант решения проблемы: оно предложило перенести его на береговую полосу, после чего у лаганского общества появилось бы право на положенный прибрежным ловецким поселкам земельный надел. Правда, перенос поселка Астраханское управление Каспийско-Волжских рыбных и тюленьих промыслов обусловило условием перехода переселенцев от сетевого к крючковому лову, на что лаганцы не согласились⁶⁷².

Власти и жители п. Лагань не пришли к единому решению вопроса и дело опять затянулось на годы. Вместе с тем быстрый рост поселка продолжался: в 1900 г. он насчитывал 191 двор и 565 жителей, из которых 510 человек принадлежали к крестьянскому сословию и 55 чел. — к мещанскому⁶⁷³.

В июле 1904 г. император Николай II утвердил «Правила об общественном устройстве самовольных поселков», на основе которых впоследствии были сформированы органы управления в поселках и установлено административно-территориальное деление. Поселок Лагань вместе с поселками: Бирючья Коса, Рынок, Вахромеев, Разбугорье, Седлистый, Оля и другими был объединен в Бирючкосинскую волость, с центром в п. Бирючья Коса.

Астраханское управление Каспийско-Волжскими рыбными и тюленьими промыслами пыталось бороться с незаконными поселенцами путем предъявления им судебных исков. Оно неоднократно возбуждало в судебных учреждениях иски о сносе построек с самовольно занятых казенных земель в пределах береговой полосы. К концу 1880-х гг. ловцам было предъявлено 300 судебных исков.

Рассмотрев эти иски, Астраханская палата уголовного и гражданского суда признала все возведенные без ведома властей постройки и захваченные земли подлежащими изъятию в пользу казны с взысканием штрафа с каждого ответчика. На основании решения суда Астраханское управление Волго-Каспийскими рыбными и тюленьими промыслами приказало снести дома и выселить всех самовольно поселившихся лиц, но за них вступился астраханский губернатор. Он

⁶⁷² НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 686. Л. 14.

⁶⁷³ НА РК. Ф. И-26. Оп. 1. Д. 139. Л. 136–136об.

обратился в Министерство государственных имуществ с ходатайством приостановить выселение и снос построек и нашёл там понимание. Руководство министерства посчитало несправедливым ломать жизнь более 10000 человек, самостоятельно обустроивших свою жизнь и приносивших большую пользу рыбной промышленности и экономике губернии. Выселение привело бы к снижению численности населения Красноярского и Астраханского уездов, ибо в первом самовольные переселенцы составляли 1/5 часть жителей, а во втором 1/2 часть.

Ловцы получили моральную поддержку в местном обществе. Так, в 1889 г. газета «Астраханский вестник» писала, «что именно благодаря поселковому населению, в настоящее время поставленному, силою судебных решений, в безвыходное положение, главным образом развилось рыболовство на Каспийском море и водворилось полное спокойствие в небезопасных прежде местах на побережье, которое заселяется самым трудолюбивым и полезным населением для государства»⁶⁷⁴.

В 1887 г. МГИ распорядилось приостановить выселение кого-либо из жителей поселков, впредь до завершения сбора материалов о том, в каких пунктах береговой полосы оказывается наиболее вредным для сохранения рыбного запаса увеличение населения поселков и есть ли возможность переселить из этих пунктов в другие места береговой полосы тех из жителей поселков, о выдворении которых заведены судебные иски.

После этого Астраханское управление рыбными и тюленьими промыслами приостановило исполнение судебных решений относительно выселения самовольно поселившихся в поселках береговой полосы, и перестало возбуждать новых иски, ограничившись только составлением актов о самовольных захватах казенной земли⁶⁷⁵.

Важное место в переписке властей занимали вопросы административного и поземельного устройства ловецких поселков. 30 июня 1900 г. министр внутренних

⁶⁷⁴ К вопросу о предположенном выселении жителей поселков, расположенных на береговой полосе Каспийского моря // Астраханский вестник. 1889. № 69.

⁶⁷⁵ ГА АО. Ф. 794. Оп. 1. Д. 2149. Л. 77.

дел Д. С. Сипягин уведомил министра земледелия и государственных имуществ А. С. Ермолова о том, что он согласен с его предложением предоставить самовольным поселкам береговой полосы земельный надел по правилам, установленных для селений бывших государственных крестьян. Вместе с тем он считал, что земля должна отводиться для каждого поселка на то количество жителей, какое окажется налицо в день опубликования будущего закона.

Проект поземельного устройства самовольных поселков разрабатывала Кадастро-Люстрационная комиссия Временного отдела по поземельному устройству государственных крестьян МГИ. Комиссия признала необходимым по примеру государственных крестьян составить и выдать жителям ловецких поселков владенные записи на состоящие в их пользовании земли береговой полосы, и обложить их оброчной платой в казну.

Во владенных записях планировалось сделать оговорки о том, что предоставление надела земли не дает поселенцам исключительного права на рыболовство в морских водах, смежных с их наделом, причем они должны пользоваться рыболовством в этих водах лишь на общих для всех основаниях, и, что поселенцы не вправе препятствовать пристанищу посторонних ловцов на десятисаженном береговом пространстве⁶⁷⁶.

Сторонники наделения ловецких поселков землёй утверждали, что одноверстная береговая полоса обладает достаточно обширным земельным фондом, часть которого можно без ущерба для рыболовства использовать для решения земельных нужд рыбацкого населения. По их мнению, изъятие части земель не должно было привести к сильному сокращению земельных ресурсов одноверстной полосы, поскольку во второй половине XIX в. в результате отступления Каспийского моря высвободились большие участки суши и одноверстная полоса расширилась в разных местах на расстояние до 2-х – 16-ти верст. В начале XX в. площадь полосы в 5–6 раз превышала площадь, нарезанной ей в 1866 г.

⁶⁷⁶ ГА АО. Ф. 794. Оп. 1. Д. 2149. Л. 77об.

Защитники земельных интересов рыбацкого населения заявляли также, что в некоторых местах побережья изменилось «и самое значение береговой полосы для рыбного промысла»⁶⁷⁷. 11 декабря 1887 г. Комитет министров распорядился временно приостановить в некоторых местностях береговой полосы Каспийского моря отвод рыбопромышленникам участков под ватаги и заключение контрактов в тех местах, где существование ватаг министр земледелия и государственных имуществ посчитал вредным для рыбопромышленности. Такими местами министр земледелия и государственных имуществ М. Н. Островский признал часть береговой полосы, находившейся против волжского и терского бакенных пространств. После этого рыбный промысел на них был свернут, прекратился и отвод новых участков, а рыбопромышленники утратили интерес к этой, протяженностью в 171 в., части береговой полосы. Она же оказалась не нужна более для пристанища и ловцам, ибо с установлением семиверстного предустыевого пространства, в котором всякое рыболовство было запрещено, они перестали туда заезжать и сушить сети. В указанных выше частях прибрежной полосы располагались 19 поселков, наделение которых землей неиспользуемой ни под какие нужды никому ущерба не нанесли. Не стеснила бы никого нарезка земли и остальным 11 поселкам береговой полосы, поскольку требовавшееся им количество земли было незначительным и не привело бы к сколь-нибудь заметному сокращению земельных ресурсов береговой полосы, протянувшейся вдоль Каспийского моря на огромное расстояние (более 700 в.)⁶⁷⁸.

В ходе обсуждения будущего земельного и административного устройства ловецких поселков в правительственных кругах рассматривался вопрос о влиянии процесса заселения рыбацким населением береговой полосы на биологические ресурсы Каспийского моря и природу прибрежных территорий.

Выступавшее за снос самовольных поселков и выселение их жителей Астраханское управление Каспийско-Волжскими рыбными и тюленьими промыслами, обосновывая свою точку зрения, утверждало, что «с появлением

⁶⁷⁷ ГА АО. Ф. 794. Оп. 1. Д. 2149. Л. 80.

⁶⁷⁸ ГА АО. Ф. 794. Оп. 1. Д. 2149. Л. 80об.

человека в местах расположения водных бассейнов, окружающая природа немедленно изменяется: возделывая берега, человек уничтожает камыши и другую растительность, составляющие убежище для массы двукрылых и других насекомых, и, таким образом, исчезает главная пища рыб»⁶⁷⁹. На эти доводы, подготовивший в 1904 г. записку «По вопросу о поземельном устройстве самовольных поселков, находящихся в пределах береговой полосы Каспийского моря» для министра земледелия и государственных имуществ, чиновник данного министерства И. И. Пересвет-Солтан отвечал: «Несмотря на внушительную численность поселкового населения, как абсолютную, так и относительную к общей численности населения Астраханского и Красноярского уездов, население это совершенно ничтожно по сравнению со всей площадью береговой полосы, где поселки являются редкими и незначительными точками — и, за отводом поселкам наделов под сенные и камышовые покосы и выгон скота, громадная, подавляющая часть береговой полосы останется по-прежнему в первобытном виде, представляя все естественные условия для благоденствия водного населения»⁶⁸⁰. Далее он продолжал: «Культура берегов, на которую указывается, как на причину уменьшения количества рыбы, оказывает свое вредное влияние на рыбные запасы, по-видимому, лишь в том случае, когда берега эти распахиваются, когда на них уничтожается всякая естественная растительность. Но, как известно, часть береговой полосы, прилегающая непосредственно к водным бассейнам, покрыта сплошь зарослями камыша, произрастающего здесь в количестве, значительно превышающем потребность в нем и потому мало истребляемом. Укос сена на лугах, кошение камыша и пастьба скота, словом, — все те приемы культуры, которые обычны в поселках береговой полосы и сопровождаются лишь временным удалением растительности, быстро затем возобновляющейся, точно также не влияют на уменьшение рыбного запаса»⁶⁸¹. К этим словам он добавил: «Жители поселков земледельческой культурой не занимаются, а естественные

⁶⁷⁹ ГА АО. Ф. 794. Оп. 1. Д. 2149. Л. 77об.

⁶⁸⁰ ГА АО. Ф. 794. Оп. 1. Д. 2149. Л. 77об.

⁶⁸¹ ГА АО. Ф. 794. Оп. 1. Д. 2149. Л. 78.

произрастания в прилегающей к их усадьбе местности ими охраняются в собственных интересах»⁶⁸².

К сокращению биоресурсов вело уничтожение ильменей, искусственное регулирование течения реки, уменьшение площади берега, подверженного весеннему разливу, но ловцы этим не занимались, «по простой причине, что для этого в их обходе не существует никакой надобности»⁶⁸³.

Подытоживая сказанное Пересвет-Солтан писал: «Население поселков, составляющее почти 1/5 населения Астраханского и Красноярского уездов, устроилось в поселках береговой полосы с давних времен, имеет свои церкви, школы, семейную и общественную жизнь. Поэтому, если бы даже было установлено неопровержимыми данными, что культура берегов Каспийского моря отражается гибельными последствиями на водном населении, то и тогда едва ли представлялось бы справедливым и соответствующим государственным интересам ломать установившийся в течение целых десятилетий общественный строй почти 20-ти тысячного человеческого населения для сохранения рыбного запаса. Кроме того, такое массовое переселение людей с насиженных мест может вызвать большие осложнения в устройстве их на новых местах, не говоря уже о том, что дать какие-либо источники пропитания такому значительному контингенту лиц, привыкших только к рыболовству, доставит неисполнимые затруднения»⁶⁸⁴.

Автор упомянутой записки предложил наделить землями все находящиеся в ведении Астраханского управления Каспийско-Волжскими рыбными и тюленьими промыслами поселки береговой полосы, в соответствии с численностью жителей, которая будет на момент издания специального закона, сформировать в поселениях местные органы самоуправления и объединить их в волости или присоединить к ближайшим крестьянским волостям. По его мнению, во владенных актах поселков обязательно необходимо было записать, что морские и речные воды, лежащие напротив земельных наделов поселков, не дают их жителям права исключительного лова в них рыбы, а должны быть доступны всем желающим

⁶⁸² ГА АО. Ф. 794. Оп. 1. Д. 2149. Л. 77об.

⁶⁸³ ГА АО. Ф. 794. Оп. 1. Д. 2149. Л. 79.

⁶⁸⁴ ГА АО. Ф. 794. Оп. 1. Д. 2149. Л. 79–79об.

лицам, и поселяне не вправе препятствовать пристанищу посторонних ловцов на десятисаженном береговом пространстве, возводить рыбопромысловые заведения, также как и отводить для этой цели посторонним лицам участки земли без разрешения Астраханского управления Каспийско-Волжскими рыбными и тюленьими промыслами⁶⁸⁵.

Пересвет-Солтан признавал, что заселение морского побережья, невзирая на противодействие данному процессу со стороны властей, будет усиливаться и остановить его не представляется возможным. Поэтому он предлагал властям взять стихийное заселение под свой контроль: «Но, если нельзя совершенно воспрепятствовать дальнейшему заселению береговой полосы, то всё-таки возможно и даже необходимо упорядочить это заселение, сделать его более планомерным, и таким образом, до известной степени, парализовать тот вред, который этим путем может быть нанесен рыбному промыслу⁶⁸⁶. В отношении новых переселенцев чиновник считал необходимым придерживаться следующих правил: 1. Разрешать создание поселений только на заранее определенных местах, занятие которых не повредит рыбной фауне 2. Не допускать без ведома властей возникновения поселений, а если это произойдет, то выдворять самовольных поселенцев как можно быстрее, не ожидая пока они увеличатся в числе. 3. Образованные с разрешения властей поселения наделять землями и затем передавать в ведение местной администрации. 4. Обложить поселяющихся на береговой полосе лиц платой за земли занятые под строения и используемые под сенокосение и выпас скота, до поземельного устройства поселения⁶⁸⁷.

Представителям различных ведомств и местных властей не удалось прийти к единому мнению относительно поземельного устройства ловецких поселков, поэтому данная проблема не была разрешена. Более результативно завершилось обсуждение вопроса административного и общественного устройства самовольных рыбацких поселков, которое решено было учредить по типу крестьянских. К этому власти подтолкнул сословный состав жителей, среди

⁶⁸⁵ ГА АО. Ф. 794, Оп. 1. Д. 2149. Л. 79–79об.

⁶⁸⁶ ГА АО. Ф. 794, Оп. 1. Д. 2149. Л. 84.

⁶⁸⁷ ГА АО. Ф. 794. Оп. 1. Д. 2149. Л. 84об.

которых крестьяне и мещане намного опережали по численности все остальные сословия и сословные группы. Многие проживавшие в поселках мещане имели прямое отношение к крестьянству, так как были выходцами из крестьянской среды, сумевшие в свое время ради легализации своего правового статуса прописаться в мещанские общества. Вследствие этого в поселках сложилось управление как в крестьянских селах. Оно не было санкционировано властями, но реально функционировало, выступая организатором общественной жизни ловцов и представляя их интересы в отношениях с властями. Изучивший различные стороны жизни ловцов А. М. Никольский писал, что «общественные навыки у поселкового населения выработаны до тонкости, и между собою поселковцы давно организовались в группы, совершенно подобные крестьянским обществам»⁶⁸⁸. Посещавшие поселки чиновники отмечали наличие в них выборных должностей старост, сотских, десятских, а в некоторых из них — наёмных должностей сельских писарей.

Жители поочередно несли ночные караулы, отбывали дорожные и квартирные повинности, добровольно облагали себя денежными сборами на общественные нужды. Раскладка и взимание сборов производились старостами, пользовавшихся среди жителей поселков уважением и авторитетом. В некоторых поселках сами жители регулировали дальнейшее самовольное поселение путем отвода вновь прибывающим переселенцам усадебных участков одинаковой для всех жителей данного поселка величины и правильного распланирования улиц⁶⁸⁹.

3 июля 1904 г. вышли разработанные Комитетом министров «Правила об общественном устройстве ловецких поселков Каспийского побережья в пределах Астраханского и Красноярского уездов, Астраханской губернии», учредившие у ловцов сельские и волостные управления. Их число и состав определялись Астраханским губернским присутствием на основе сведений местных земских начальников. Причислению подлежали все постоянно проживавшие в поселках люди и «вновь прибывающие на постоянное в оных жительство крестьяне и

⁶⁸⁸ Никольский А. М. Астраханские морские ловцы. Статистико-экономическое описание. СПб.: Тип. Морского министерства, 1898. С. 148.

⁶⁸⁹ ГА АО. Ф. 794. Оп. 1. Д. 2149. Л. 75.

мещане ... без изменения сословной принадлежности и прав сих лиц, а также места их приписки»⁶⁹⁰. Причисляемые к поселкам лица освобождалось от получения обязательных в местах прежнего проживания увольнительных приговоров местных обществ, причем это касалось как проживающих с видами на жительство, так и не имеющих их или с просроченными видами. С жителей поселков слагались их прежние на старом месте «недоимки в казенных сборах и в общий продовольственный капитал, равно как недоимки по продовольственным запасам»⁶⁹¹. Общества прежней прописки переселяющегося освобождались от ответственности за его недоимки по земским и общественным сборам, и они должны были быть взысканы с переселенца на новом месте прописки.

После выхода Правил от 3 июля 1904 г. земские начальники Астраханского и Красноярского уездов представили списки семей и свои соображения по разбивке поселков по волостям и участкам на рассмотрение уездных съездов⁶⁹², а те, в свою очередь, рассмотрев их и, внося свои предложения, передали их на утверждение в Астраханское губернское присутствие.

По майским спискам 1905 г., в пределах Астраханского и Красноярского уездов находилось 54 бывших самовольных ловецких поселков с 5740 дворами, из которых 3535 дв. были крестьянскими и 2205 дв. — мещанскими; в составе их числилось 30 849 чел. (14 931 муж. и 14 981 жен.)⁶⁹³. В списки были включены только крестьяне и мещане — самое многочисленное население поселков, составлявшее вместе более 90 % от общей численности населения ловецких поселков. В действительности жителей было немного больше, так как в списках не были представлены малочисленные группы других сословий.

Землепользование рыбацкого населения выражалось в следующем виде: 20 поселков арендовали землю у купца Беззубикова в Синеморском имении графини

⁶⁹⁰ Полное собрание законов Российской империи. Собрание Третье. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1907. Т. 24. Ч. 1. С. 793–794.

⁶⁹¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание Третье. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1907. Т. 24. Ч. 1. С. 794.

⁶⁹² Уездный съезд — среднее звено системы судебно-административных органов в России в 1889–1917 гг., в его состав входили уездный предводитель дворянства, все земские начальники уезда, исправник, председатель уездной земской управы, податные инспектора, участки которых попадали на сельскую местность уезда.

⁶⁹³ ГА АО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 541. Л. 14.

Игнатъевой, 8 поселков морской береговой полосы — у Астраханского управления Каспийско-Волжских рыбных и тюленьих промыслов и 10 поселков ничего не платили, 4 поселения располагались на территории, подведомственной Астраханскому управлению земледелия и государственных имуществ и платили ему за пользование землёю, 2 поселка арендовали землю у Управления калмыцким народом, 4 — у крестьянских обществ, 3 поселка — у Чуркинского православного монастыря, 2 поселка находились частью на крестьянской, частью — на монастырской земле и 1 поселок — на земле, принадлежащей колонии малолетних преступников⁶⁹⁴.

Из 54 ловецких поселков Астраханской губернии 25 находились на территории Астраханском уезда и 29 — Красноярского. 20 июня и 30 июня 1905 г. съезды двух упомянутых выше уездов признали целесообразным учредить 22 самостоятельных сельских и 6 волостных управлений в Астраханском уезде и 24 сельских и 2 волостных управлений в Красноярском уезде⁶⁹⁵. После некоторых уточнений и правок Астраханское губернское присутствие утвердило план организации сельских и волостных управлений, которые с 1 января 1906 г. приступили к работе.

Утвержденные 3 июля 1904 г. Правила г. относились к рыбацким поселкам Астраханской губернии и их действие не распространялось на поселения береговой полосы Терской и Уральской областей. В Терской области к началу XX в. в черту Каспийской береговой полосы входили поселки: Брянск, Бирюзьяк, Подстепной (Тушиловка). Поселок Брянск возник из рыбацкой ватаги, в 1862 г. он получил административное устройство и земельный надел. Во время отвода береговой полосы после 1865 г. он оказался в её пределах, при этом у него была изъята под одноверстную полосу часть наделной земли. К моменту выход Правил 3 июля 1904 г. у него уже существовало сельское управление, поэтому главной заботой брянцев являлось возвращение части земли, отнятой у них в период нарезки одноверстной полосы. Два других поселка (Бирюзьяк и Подстепной (Тушиловка)

⁶⁹⁴ ГА АО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 541. Л. 14–14об.

⁶⁹⁵ ГА АО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 541. Л. 14об., 16об.

принадлежали к числу самовольных и власти считали наиболее целесообразной мерой в отношении их распространение на них действий Правил от 3 июля 1904 г.

В Гурьевском уезде Уральской области образовалось 4 самовольных рыбацких поселка: Жилая Коса, Ракуша II, Алтпас, Прорва. В прибрежную полосу данных поселков прикочевывали на зиму казахи Внутренней орды и по этой причине одноверстная полоса не была отмежевана. Устройство указанных выше поселков могло состояться только после урегулирования вопроса с казахами.

Самым крупным среди приморских поселений в Гурьевском уезде был п. Жилая Коса, основанный крестьянами и мещанами из Астраханской, Нижегородской, Тамбовской, Симбирской, Пензенской, Владимирской, Самарской и прочих губерний, к которым впоследствии присоединились татары из Казанской и Симбирской губерний, купцы-евреи, греки из Турции и Греции. О причинах возникновения и быстрого развития поселка в «Общем обзоре XIX морского рыболовного участка Управления Каспийско-Волжских рыбных и тюленьих промыслов» говорилось: «Несколько случаев скорой и легкой наживы на приэмбенских промыслах в начале нынешнего столетия, и довольно легкий, доступный кредит, открытый в те же года Астраханью, дали в результате массовый набег в этот край разных случайных элементов, часто «без гроша в кармане». К рыбному делу потянулись лавочники, приказчики, трактирщики, прасолы, богатые купцы, даже чиновники»⁶⁹⁶. Кроме рыболовства и приготовления его продуктов, жиленцы занимались скупкой у кочевников шкур, шерсти, сырья и скота, а также торговлей разными материалами и припасами. В 1911 г. в поселке имелось 78 зарегистрированных лавок, два бондарных заведения, 12 кузнец, 7 хлебопекарен, скотобойня, а все его постоянное население состояло из 432 семей, в которых числилось 1025 душ мужского и 948 душ женского пола. В поселке функционировали православная церковь, мечеть, две школы и больница на 10 коек⁶⁹⁷. Во время осенней и осенней путины в поселок из г. Астрахани съезжались

⁶⁹⁶ Общий обзор XIX морского рыболовного участка Управления Каспийско-Волжских рыбных и тюленьих промыслов. Уральск: Изд-во Уральского областного статистического комитета, 1912. С. 16.

⁶⁹⁷ Общий обзор XIX морского рыболовного участка Управления Каспийско-Волжских рыбных и тюленьих промыслов. Уральск: Изд-во Уральского областного статистического комитета, 1912. С. 15.

скупщики, приказчики, уборщики рыбы, сезонные ловцы и население его значительно возрастало.

Поселок Ракуша основали в 1867 г. четыре рыбацких семьи из разных губерний, которые вырыли себе временные землянки и занялись рыболовством. Первопоселенцы жили в поселке в весенний, летний и осенний периоды, поскольку на зиму боялись оставаться из-за нападений казахов⁶⁹⁸. Когда ситуация нормализовалась, переселенцы обосновались в поселке на постоянное жительство. К началу 1910-х гг. в п. Ракуша насчитывалось уже 43 двора и 101 чел. постоянного населения.

Самый южный из рыбацких поселков на казахских землях — Прорва — вырос из рыбного промысла, устроенного в 1892 г. астраханским предпринимателем Бражниковым. Вначале в поселке было 5–8 домов, спустя 20 лет — 41 дом, в которых проживали 85 муж. и 59 жен⁶⁹⁹.

В Уральской области, в отличие от Астраханской губернии, береговая полоса не отводилась под нужды рыболовства, что создавало почву для недоразумений и конфликтов между самовольными переселенцами и казахами-кочевниками. Так, казахи недопускали ловецкое население свободно пользоваться прибрежными территориями для своих нужд, хотя, согласно ст. 746 Устава сельского хозяйства (изд. 1903 г.), ловцам разрешалось устраивать станы и промыслы в приморской части и пользоваться находящейся там растительностью. Нерешительность властей в данном вопросе объяснялась тем, что казахские общества упорно сопротивлялись землеотводным работам в прибрежной местности, куда они пригоняли свои стада на зиму.

Проживавшее в поселках русское население вынуждено было арендовать землю у казахских обществ. Однако такой порядок пользования землёй не устраивал переселенцев, жаловавшихся чиновникам на высокую арендную плату, которую казахи взимали за выгоны и сенокосы.

⁶⁹⁸ Болдырев И. Поселок Ракуша, Гурьевского уезда, Уральской области // Оренбургские епархиальные ведомости. 1901. № 28. С. 741.

⁶⁹⁹ Общий обзор XIX морского рыболовного участка Управления Каспийско-Волжских рыбных и тюленьих промыслов. Уральск: Изд-во Уральского областного статистического комитета, 1912. С. 16.

Руководство Уральской области поддерживало жителей поселков в их стремлении легализовать поселения и получить положенный земельный надел. Признание поселков, по мнению местных властей, принесло бы ощутимую пользу рыболовству, и способствовало бы усилению «на кочевников русского влияния»⁷⁰⁰. Легализовать жителей самовольных поселков предлагалось на условиях, разработанных для переселенцев в восточных губерниях (Семипалатинская, Акмолинская, Тургайская, Уральская).

В 1879 г. областное руководство направило данные предложения в Министерство внутренних дел, но получило отрицательный ответ. Министр заявил, что подведомственное ему учреждение ещё не готово решать этот вопрос.

В 1895 году военный губернатор Уральской области, приняв во внимание неоднократные ходатайства жителей ловецких поселков Жилая Коса и Ракуша об отводе им определенного участка земли, необходимого для пастьбы скота, сенокосения и добывания камыша, и, находя дальнейшее оставление названных поселков в неопределенном положении нецелесообразным и вредным, вновь обратился к министру внутренних дел И. Н. Дурново с просьбой отвести им земельные участки. Он предложил изъять просимые земли из владения казахов, и разрешить немедленно приступить к формированию в упомянутых поселениях управления на основании общего Положения о сельских обывателях. При этом военный губернатор находил, что участки в 10 кв. верст для Жилой Косы и в 1 кв. версту для Ракуши вполне удовлетворили бы потребности поселян, занимающихся, главным образом, рыболовством и торговлей, и могли бы быть изъяты из владения казахов без особого для последних стеснения.

Дурново согласился с предложениями Уральского военного губернатора и 10 мая 1895 г. он сообщил министру земледелия и государственных имуществ А. С. Ермолову о том, «что с его стороны не встречается препятствий к отчуждению из владений киргизов необходимых земель для наделения поселений, расположенных на берегу Каспийского моря, в пределах Гурьевского уезда»⁷⁰¹. Провести

⁷⁰⁰ ГА АО. Ф. 794. Оп. 1. Д. 2149. Л. 82.

⁷⁰¹ ГА АО. Ф. 794. Оп. 1. Д. 2149. Л. 82об.

легализацию рыбацких поселков министр внутренних дел рассчитывал на основе закона от 13 июля 1889 г., который разрешал устраивать самовольных переселенцев на условии аренды ими земли от 6 до 12 лет, и только затем передачи им участков в постоянное пользование. Что касается казахов, то их приписка в поселки увязывалась с переходом их на оседлость, в противном случае они должны были покинуть отводимые поселкам земли.

Решение земельного вопроса, однако, вновь затормозилось из-за ведомственных согласований, в результате поселки получили административное и земельное устройство только во втором десятилетии XX в.

«Правила об общественном устройстве ловецких поселков Каспийского побережья в пределах Астраханского и Красноярского уездов, Астраханской губернии» от 3 июля 1904 г. являлись временными, срок их действия ограничивался временем решения судьбы земельного проекта. Поселки по-прежнему не имели своего земельного надела, и их жители вынуждены были арендовать у Астраханского управления Каспийско-Волжскими рыбными и тюленьими промыслами земли, занятые постройками и используемые под секонокосы и выгоны скота. В 1903 г. истекли сроки контрактов, заключенных ловцами с администрацией Астраханского управления Каспийско-Волжскими рыбными и тюленьими промыслами на 25 лет, и для желающих их продлить руководство управления намеревалось поднять арендные цены, однако Комитет министров не одобрил эту инициативу и распорядился перезаключить контракты на три года на условиях, содержащихся в Положении Комитета министров от 28 июля 1878 г. «По предмету устройства поселков на прибрежной полосе Каспийского моря».

Астраханское управление Каспийско-Волжскими рыбными и тюленьими промыслами настаивало на продолжении арендных отношений с жителями поселков, при этом соглашалось увеличить срок аренды усадебных, сенокосных и выгонных земель до 50 лет. Астраханский губернатор являлся сторонником

наделения поселков необходимым количеством земли на правах собственности или предоставление их в более долгосрочную аренду, в частности на 90 лет⁷⁰².

Упорное нежелание администрации Астраханского управления Каспийско-Волжскими рыбными и тюленьими промыслами поделиться частью прибрежных земель для наделения ими поселков, очевидно, можно объяснить сильным влиянием на неё рыбопромышленников, не без основания полагавших, что отвод земли поселкам на правах крестьянских обществ укрепит положение ловцов и тем самым затронет их интересы. Думается, что здесь имели место и ведомственные интересы. Управление промыслами хотело сохранить за собой контроль над всей одноверстной полосой и получать доходы от её эксплуатации и от сдачи в аренду жителям поселков.

Население самовольно возникших рыбацких поселков было недовольно ситуацией, так как отсутствие собственной наделной земли порождало постоянную зависимость от администрации Астраханского управления Каспийско-Волжскими рыбными и тюленьими промыслами и ставило их поселки в неравноправное положение по отношению к поселениям, имевшими такое же административное устройство, но с положенными по закону наделными землями. Несмотря на легализацию и учреждение у них органов управления ловцы не чувствовали себя уверенными в своем будущем, поэтому сразу же после завершения административных преобразований, они возобновили свои ходатайства о наделении их поселений положенным количеством земли.

Ловцов поддержало Астраханское губернское присутствие, которое на своем заседании 30 декабря 1906 г. признало наиболее целесообразным «все пространство земли, занятое усадьбами, а также потребное количество земли под выпас скота и сенокошение отвести поселковцам в собственность на выкупных началах»⁷⁰³. Участники заседания записали в протоколе: «Обсудив заключения Астраханского и Красноярского уездных съездов по вопросу о поземельном устройстве ловецких поселков береговой полосы Каспийского моря,

⁷⁰² ГА АО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 541. Л. 17об.

⁷⁰³ ГА АО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 541. Л. 345об.

расположенных в пределах Астраханской губернии, губернское присутствие находит, что сущность означенного вопроса заключается в том, на каком праве, т. е. на праве собственности или арендном следует произвести поземельное устройство означенных поселков. Если иметь в виду прочную организацию поселкового населения, проживающего здесь десятки лет, то необходимо предоставить поселкам во владение ту землю, которую они занимают, так как арендаторы, как бы продолжительна не была аренда, не могут считать свое положение прочным и быть полными хозяевами той земли, на которой они сидят. Вместе с тем, при арендном праве, в поселках не представляется возможности ввести в полном объеме сельское устройство по закону Общего Положения о крестьянах. Одно из важных к тому препятствий служит именно их безземелье, а при таких условиях поселковой организации поселковцы не решаются выходить из состава своих обществ, где за ними числятся наделы. Такая двойственность и неопределенность положения крайне тяготит всех поселковцев Астраханского и Красноярского уездов, как это видно из поступивших ходатайств поселковцев о наделении из земель в собственность. Поэтому присутствие приходит к заключению о необходимости прикрепить поселковцев к той земле, на которой они в настоящее время сидят»⁷⁰⁴. Практическое осуществление поземельного устройства Астраханское губернское присутствие возложило на землеустроительные комиссии.

Изучение обстоятельств возникновения переселенческих рыбацких поселков в Северном Прикаспии показало, что их образование было связано с развитием рыбной отрасли в дельте р. Волги и Каспийского моря. Поселки были образованы без ведома властей, поэтому относились к числу самовольных поселений

Серьёзно проблемами самовольных рыбацких поселений власти начали заниматься с середины XIX в., когда начались преобразования в рыбной отрасли. Власти в целом были заинтересованы в существовании самовольных рыбацких поселений и не настаивали на их ликвидации. В основе такой политики лежали интересы рыбной отрасли, которые могли пострадать в случае сноса поселков и

⁷⁰⁴ ГА АО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 541. Л. 345об.

удаления их жителей. В то же время власти в своей политике вынуждены были учитывать интересы кочевников в прибрежном Каспии и особый правовой статус калмыцких и казахских земель. В силу этого земельный вопрос при размежевании и наделении участками жителей легализованных поселений стоял достаточно остро. Можно констатировать, что при проведении политики в отношении самовольных рыбацких поселков властям удалось найти разумный баланс между интересами жителей поселков и кочевниками.

4.3. Государственная политика в отношении вынужденных переселенцев в годы Первой мировой войны

Первая мировая война вызвала массовые перемещения гражданского населения из районов военных действий и прифронтовых зон в удаленные от военного театра регионы. Среди вынужденных переселенцев были представители славянских народов, немцы, евреи и др. народы, большинство из которых проживало до своего переселения на территориях современной Украины, Польши и Румынии, являвшихся в то время составными частями Российской и Австро-Венгерской империй. На новом месте беженцы оказались в непривычных условиях, к которым им пришлось приспособливаться. Не всегда процесс адаптации к социокультурной обстановке в местах вселения проходил успешно, на что сильно влияли особенности социально-экономического, культурно-исторического развития региона, настроения мигрантов и местного населения, система управления и эффективность работы администрации принимающей стороны.

Массовое перемещение гражданского населения из западных районов Российской империи в Астраханскую губернию началось в результате крупных неудач русской армии в весенне-летней кампании 1915 г., когда она вынуждена

была оставить территории Польши, Литвы и Галиции. Вместе с отступающими войсками на восток страны устремилось большое количество беженцев, которые вынуждены были покинуть места прежнего жительства.

В конце июля 1915 г. астраханский губернатор И.Н. Соколовский получил информацию о предстоящем прибытии в губернию больших партий беженцев из западных районов страны. Совместно с руководителями государственных и общественных организаций он разработал план действий по приему, размещению и обустройству вынужденных переселенцев и учредил Губернское особое совещание по оказанию помощи беженцам. Также для работы с беженцами при Астраханской губернской земской управе был создан Центральный губернский земский комитет помощи беженцам, который возглавил председатель упомянутой управы М. П. Романов. Для трудоустройства беженцев и оказания им помощи в поисках родственников при земском комитете были учреждены бюро труда и справочно-консультационное бюро. Центральный губернский земский комитет помощи беженцам открыл свои отделения на местах – в г. Астрахани, уездах и в отдельных населенных пунктах.

30 августа 1915 г. вышло Положение «Об обеспечении нужд беженцев», определившее содержание государственной политики в отношении вынужденных переселенцев. Попечение о них возлагалось на министра внутренних дел, главноуполномоченных по устройству беженцев, губернаторов, градоначальников, на земские учреждения и городские общественные управления.

Весомый вклад в дело организации помощи вынужденным переселенцам внес Комитет Ее Императорского Высочества великой княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи, пострадавшим от военных бедствий, образованный 14 сентября 1914 г. по повелению императора Николая II. От него только за период с 1 февраля 1915 г. по 1 июля 1916 г. поступило в Астраханскую губернию на нужды беженцев 95 981 руб. 19 коп. которые были потрачены в основном на покупку одежды, белья и обуви⁷⁰⁵.

⁷⁰⁵ ГА АО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 1270. Л. 51об.

К оказанию помощи беженцам подключились и национальные общественные организации; в Астраханской губернии в годы Первой мировой войны действовали 2 польских, 1 еврейское и 1 латышское общества и комитеты. Для финансирования своей деятельности они использовали не только собственные средства, но и выделяемые им государством суммы, что поставило в неравное материальное обеспечение беженцев из числа восточных славян и депортированных немцев, которые не имели в губернии национальных организаций и потому получали помощь лишь из одного источника. Об этом говорилось, в частности, в циркуляре от 13 июня 1916 г. астраханского губернатора местным органам государственной власти⁷⁰⁶. 17 августа 1916 г. Всероссийский комитет для оказания помощи, пострадавшим от военных бедствий (бывший Татьянинский комитет) прислал в астраханское отделение циркуляр, запретивший выделять национальным организациям деньги, ассигнованные комитетом для помощи беженцам⁷⁰⁷.

Массовый характер движение вынужденных переселенцев в Астраханскую губернию приобрело в августе 1915 г. Их доставляли поездами по Астраханской железной дороге из Саратовской губернии до станции Астрахань II, откуда пароходами по р. Болде перевозили в находившийся недалеко от станции лечебно-питательный пункт. Здесь прибывших кормили, регистрировали, врачи проводили медицинский осмотр, затем, после короткого отдыха, распределяли по уездам.

В августе–октябре 1915 г. в потоке вынужденных переселенцев преобладали славянские выходцы из юго-западных районов России (Волынской и Холмской губерний) и Австро-Венгерской империи (Галиции и Буковины), в ноябре 1915 г. в Астраханскую губернию хлынул поток депортированных немцев, резко увеличивший численность перемещенных лиц. Восточнославянские переселенцы в документах обычно именовались галичанами, буковинцами, малороссами, русинами, русскими, белорусами, в отличие от поляков, евреев и немцев, в отношении которых четко указывалась их национальная принадлежность. Это

⁷⁰⁶ Алиева А. Н. Участие Астраханского земства в оказании помощи беженцам в 1915–1918 гг. // Астраханские краеведческие чтения: сборник статей. Астрахань: Издатель Сорокин Роман Васильевич, 2011. Вып. III. С. 231.

⁷⁰⁷ ГА АО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 1270. Л. 51об.

обстоятельство не позволяет точно установить численность и удельный вес среди беженцев конкретных восточнославянских этносов.

Славянские вынужденные переселенцы прибыли в Астраханскую губернию в составе первых партий: среди них было 466 беженцев из Галиции, которых 20 августа 1915 г. осмотрели врачи и, найдя их здоровыми, дали разрешение на отправку в предназначенные для их жительства места. 30 августа в г. Астрахань прибыли 534 чел., а 1, 2, 7 сентября – 1 680 беженцев из Холмской губернии, 4 сентября – 895 беженцев «с Карпат» и 228 человек из Волынской губернии⁷⁰⁸.

Вынужденные переселенцы направлялись на жительство в г. Астрахань и в уезды губернии, для чего был задействован в них весь свободный фонд жилья. Их размещали также в помещениях чайных, столовых, харчевен, бильярдных и в закрытых после введения «сухого закона» бывших кабаков, пивных, трактирных.

Свои услуги по размещению и обустройству беженцев предложило руководство Астраханской и Енотаевской епархии Русской православной церкви. 27 августа 1915 г. в г. Астрахани открылся епархиальный комитет по устройству быта беженцев, занявшийся поиском помещений для их проживания и сбором средств. К этому времени «все более или менее значительные помещения, находящиеся в распоряжении духовного ведомства, были уже заняты под военные надобности»⁷⁰⁹, в частности, под лазареты (здания духовных семинарий и училищ), поэтому епархиальным властям стоило немалых трудов, чтобы найти дополнительные помещения для проживания беженцев. Руководство епархии предоставило для размещения беженцев 5 монастырей и обратилось в Епархиальный училищный совет с предложением определить церковно-приходские школы, «где можно было бы приютить беженцев на таких условиях, чтобы школьные занятия указываемых школ могли вестись в других школах в другую очередь»⁷¹⁰. Приходских священников призвали к тому, «чтобы они сами,

⁷⁰⁸ Тимофеева Е. Г., Лебедев С. В. Беженцы Великой войны в Астраханской губернии. 1915–1917 гг. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2014. № 4. С. 290.

⁷⁰⁹ Великая отечественная война и Астраханская церковная жизнь в 1914–1915 гг. // Астраханские епархиальные ведомости. 1916. № 21. С. 402.

⁷¹⁰ О деятельности Астраханского епархиального комитета по устройству быта беженцев // Астраханские епархиальные ведомости. 1915. № 28. С. 650.

или чрез других членов причта приняли на себя заботу о приискании потребных помещений для оказания приюта беженцам и об изыскании средств для оказания первоначальной помощи беженцам на удовлетворение их неотложных нужд, прося их располагать Попечительные советы и отдельных прихожан уделить часть своих средств на нужды Комитета по устройству беженцев»⁷¹¹.

Астраханские власти, общественные и религиозные организации прилагали большие усилия по приему и обустройству вынужденных переселенцев, численность которых постоянно возрастала за счет прибытия новых партий. В октябре 1915 г. в губернии было зафиксировано 16 050 чел. вынужденных переселенцев, что в совокупности с другими факторами многократно увеличило нагрузку на социально-экономическую инфраструктуру губернии.

10 ноября 1915 г. астраханский губернатор И.Н. Соколовский информировал Главноуполномоченного по устройству беженцев Юго-Западного фронта о том, что в губернии сложилась напряженная обстановка с размещением прибывающего населения. «Губерния с оседлым населением в шестьсот пятьдесят тысяч – говорилось в телеграмме – уже имеет свыше шестидесяти тысяч добавочного населения по обстоятельствам военного времени, ввиду чего все мало-мальски свободные помещения как в городах, так и сёлах заняты, к тому же беженцами занесены тиф и оспа»⁷¹². Несмотря на обширность Астраханской губернии, более половины её территории занимали калмыки и казахи, которые вели кочевой образ жизни. В Калмыцкой степи и во Внутренней киргизской орде имелось всего несколько небольших стационарных поселений, поэтому возможности разместить в них сколь-нибудь значительное число беженцев не представлялось возможным. В силу этого основная нагрузка на прием и размещение вынужденных переселенцев легла на г. Астрахань и 5 уездов с оседлым населением. В Астраханской губернии, на начало ноября 1915 г., было сосредоточено 20 000 военнослужащих, 3 500 раненых, 11 688 военнопленных, 3 801 военнообязанных, 19 026 беженцев и ожидалось прибытие в ближайшее время 15 000

⁷¹¹ О деятельности Астраханского епархиального комитета по устройству быта беженцев // Астраханские епархиальные ведомости. 1915. № 28. С. 650.

⁷¹² ГА АО. Ф. 1. Оп. 9. Д. 1307. Л. 23.

депортированных немцев-колонистов⁷¹³. Пришлое население, таким образом, насчитывало 73 015 чел., что составляло 12 % по отношению к постоянному населению губернии. Соколовский заявлял о том, что Астраханская губерния «переобременена приливом населения» и просил приостановить присылку новых партий беженцев⁷¹⁴.

Вынужденные переселенцы делились на две категории: собственно, беженцев, добровольно покинувших места проживания, и людей, административно высланных из зон боевых действий и прифронтовых районов по подозрению в сочувствии к воевавшей с Россией стороне. К первой преимущественно относились русские, малороссы, русины, белорусы, ко второй – немцы, поляки, евреи. Восточнославянских беженцев также различали по государственному подданству – Российской и Австро-Венгерской империям. Подданство имело значение при постановке на учет для обеспечения продовольственным пайком: восточнославянские подданные России право на паек получали сразу после регистрации в органах власти, а выходцы из пределов Австро-Венгрии для этого должны были предоставить справку от председателя Русского народного совета Прикарпатской Руси о своей благонадежности к России и отсутствии связей с австрийской разведкой. Данная организация была создана в г. Львове и после отступления русской армии эвакуировалась в г. Киев, а в сентябре переехала в г. Ростов-на-Дону. Русский народный совет Прикарпатской Руси в ростовский период деятельности (сентябрь 1915–1920 г.) возглавлял И. Костецкий, именно к нему должны были обращаться астраханские беженцы для получения необходимой справки.

2 марта 1916 г. министр внутренних дел А. Хвостов утвердил «Руководящие положения по устройству беженцев», регулирующие положение беженцев в Российской империи. Для них устанавливался продовольственный паек, стоимостью от 15 до 20 коп. в день на человека, при этом «при наличии

⁷¹³ ГА АО. Ф. 1. Оп. 9. Д. 1307. Л. 33.

⁷¹⁴ ГА АО. Ф. 1. Оп. 9. Д. 1307. Л. 34.

исключительных условий» допускалось повышение данной суммы, но с особого разрешения министра финансов⁷¹⁵.

В 1915–1917 гг. в Астраханской губернии стоимость продовольственного пайка на одного человека в разные месяцы колебалась в пределах от 15 до 25 коп. в день. Двадцатикопеечный паек устанавливался из расчёта, что 6 коп. должны были тратиться на покупку 2 ф. хлеба, 7,5 коп. – 0,5 ф. мяса, 4,5 коп. – на «приварок» (капуста, крупа, картофель, сало, коренья, соль и др.), 2 коп. – сахара и чая. По мнению властей, стоимость продовольственного пайка, с учетом постоянного роста цен на продукты, должна была составлять от 24,5 до 28,5 коп.⁷¹⁶ Ситуация с продовольственным обеспечением усугублялась тем обстоятельством, что наиболее употребляемые в пищу продукты приходилось завозить из других мест, так как их производство в Астраханской губернии было недостаточным для обеспечения населения. Природные условия не позволяли в широких масштабах заниматься выращиванием хлеба, картофеля и овощей, поэтому цены на них были выше, чем в соседних губерниях.

По «Руководящим положениям» продовольственная и квартирная помощь полагалась не всем членам семьи, а только: а) детям до 14 лет включительно, б) нетрудоспособным, в) одному из трудоспособных, вынужденного оставаться дома для присмотра детей, г) лицам, принятым на сельскохозяйственные работы. Работавшие в других сферах, «а также уклоняющиеся от приемлемых и соответствующих их познаниям и навыкам заработков ...», права на продовольственную и квартирную помощь не имели⁷¹⁷.

Данными мерами власти пытались побудить беженцев к поиску работы, чтобы они могли прокормить свои семьи. Между тем славянским переселенцам найти работу, соответствующую их прежнему роду занятия было непросто. На Родине они были «почти поголовно хлебопашцы», в то время как на новом месте земледелие не являлось основным занятием жителей. В Астраханской губернии

⁷¹⁵ Руководящие положения по устройству беженцев. Пг.: Тип. Министерства внутренних дел, 1916. С. 12.

⁷¹⁶ Тимофеева Е. Г., Лебедев С. В. Беженцы Великой войны в Астраханской губернии. 1915–1917 гг. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2014. № 4. С. 290.

⁷¹⁷ Руководящие положения по устройству беженцев. Пг.: Тип. Министерства внутренних дел, 1916. С. 12.

сельское хозяйство получило развитие лишь в северной части, при этом работа в этой отрасли носила сезонный характер и потому не могла обеспечить беженцев постоянными доходами.

В южной части губернии (волжской дельте) доминировало рыболовство, к которому власти пытались приобщить часть вынужденных славянских переселенцев, но результаты этого оказались весьма скромными. Переселенцев не устраивал сезонный характер работы и размер зарплаты, хотя последняя, по местным меркам, считалась достаточно высокой. В частности, рабочим из числа беженцев на рыбных промыслах общества «Мазут» платили в день от 1 до 1,2 руб., а на Покрово-Болдинских промыслах семейная пара рабочих (муж и жена) получала, находясь на полном обеспечении хозяина промысла, зарплату в размере от 23-х до 27-ми руб. в месяц. Тем не менее этих денег не хватало для прокормления семей, поскольку большинство из них были многодетными. «Детей ужасающее число: во всех углах пищат, возятся, ссорятся и мирятся кудрявые льняно-белые ребятишки, вымазанные в грязи, как поросята» – удивлялся корреспондент И. Подгорный на страницах губернской газеты «Астраханский листок»⁷¹⁸.

О большом количестве детей в семьях вынужденных переселенцев свидетельствует и статистика: в Черноярском уезде, например, на 1 января 1917 г. доля детей до 14 лет включительно у малороссов составляла 54 %, у русинов – 42,6 %, у поляков – 40,3 %, у белорусов – 47,6 %, у сербов – 47,6 %⁷¹⁹. В то же время у славян был низкий показатель людей, находившихся в трудоспособном возрасте: по данным властей на 20 октября 1916 г., в том же Черноярском уезде он составлял у русских 30,6 %, у поляков – 33,7 %, у галичан – 38,2 %, у буковинцев – 23,8 %.⁷²⁰ Из-за большого количества детей не все члены семей беженцев могли принять участие в заработках, часть женщин трудоспособного возраста вынуждена была оставаться дома для присмотра детей. На невысокие показатели людей трудоспособного возраста влияли также призывы на военную службу молодых людей, от которой беженцы не были освобождены.

⁷¹⁸ Подгорный И. «Щепки Великой войны» (среди беженцев) // Астраханский листок. 1915. 6 сентября.

⁷¹⁹ ГА АО. Ф. 1. Оп. 11. Д. 1525. Л. 228.

⁷²⁰ ГА АО. Ф. 1. Оп. 11. Д. 1525. Л. 78.

Вырванные из привычной колеи жизни славянские переселенцы в большинстве своем не смогли приспособиться к условиям жизни на новом месте. Здесь у них всё вызывало удивление и непонимание. Многие из них думали, что будут жить и заниматься земледельческим трудом в помещичьих экономиях, как это было на Родине, но они вскоре были очень удивлены, когда узнали, что таковых в Астраханской губернии не существует, а им придется приспособливаться к непривычным условиям жизни в регионе, где главными занятиями жителей являлись скотоводство и рыболовство. Особенно чуждой их менталитету и психологии было занятие рыболовством. Водные просторы р. Волги и Каспийского моря вызывали у них панический страх. Таких крупных водоёмов они никогда не видели. «У нас якие реки? Канавки малюсеньки, та озеречки» – говорили они. Корреспондент газеты «Астраханский листок» И. Подгорный рассказал курьёзный случай произошедший у него на глазах. В присутствии беженцев один из матросов неожиданно бросился в воду, и «волынские сухопутные хлеботорбы» подумали, что он непременно утонет, и пожалели его, однако, когда они увидели, что матрос умеет плавать и его жизни ничего не угрожает, то жалость сменилась удивлением, переросшая затем в восхищение⁷²¹.

Астраханские чиновники рассказывали, что при перевозке восточнославянских беженцев – выходцев из западных приграничных районов Российской империи и Австро-Венгрии – им часто приходилось прибегать к хитрости и обману, чтобы уговорить погрузиться на пароход⁷²².

Вынужденные переселенцы жаловались на тяжелый климат, от которого болели дети и «задыхались старики», на тяжелые условия работы и на то, что на промыслах в сезон было принято работать в религиозные праздники. Чиновники подтверждали факт повышенной заболеваемости беженцев по сравнению с местными жителями и выросшей в связи с этим нагрузки на медицинский персонал⁷²³.

⁷²¹ Подгорный И. «Щепки Великой войны» (среди беженцев) // Астраханский листок. 1915. 6 сентября.

⁷²² ГА АО. Ф. 1. Оп. 11. Д. 1525. Л. 94об.

⁷²³ ГА АО. Ф. 1. Оп. 11. Д. 1525. Л. 100.

Беженцам пришлось вносить серьезные коррективы в рацион питания, поскольку ассортимент предпочитаемых местным населением в питании продуктов отличался от принятого на их прежнем месте жительства. «Яка це жизнь! Яка це праця! ... Вода, та рыба, як байдуже! Дети зачимрилы без молока. О, Господи!» – выражали они свое недовольство⁷²⁴. Копченую рыбу они вообще отказывались употреблять в пищу, считая ее протухшей.

Большое удивление у беженцев вызывали поведение и вид промысловых рабочих, особенно работниц, одетых в полумужской костюм. По мнению корреспондента И. Подгорного, последние выглядели более привлекательно: «Стройные, ловкие, задорно-насмешливые в своих оригинальных рабочих одеждах, они выгодно отличаются от беженок, малорослых, некрасивых, закутанных в тряпье, с тупо-покорными или безразличными лицами»⁷²⁵. Причину непривлекательности женщин-беженок корреспондент объяснял тяжелыми условиями работы в помещичьих экономиях, приводившими к преждевременному старению.

Славянские вынужденные переселенцы с неохотой устраивались на работу на рыбные промыслы и при первой возможности старались их покинуть и переехать жить в сельскую местность, где они могли найти работу более им знакомую и соответствующую их менталитету.

На рыбных промыслах и в других местах Астраханской губернии славянские поселенцы размещались, согласно их пожеланиям, компактными группами. Посетивший в августе 1915 г. покрово-болдинские промыслы И. Подгорный отмечал: «Вообще все беженцы тесно жмутся друг к другу, к землякам, не желают поступать даже на подходящую работу, если приходится «раздужаться» со своими»⁷²⁶. На данных промыслах численность каждой такой группы составляла от 35 до 100 чел.

По сведениям губернских властей, в ноябре 1915, г. в рыболовецких Астраханском и Красноярском уездах числилось соответственно 2700 и 2600

⁷²⁴ Подгорный И. «Щепки Великой войны» (среди беженцев) // Астраханский листок. 1915. 6 сентября.

⁷²⁵ Подгорный И. «Щепки Великой войны» (среди беженцев) // Астраханский листок. 1915. 8 сентября.

⁷²⁶ Подгорный И. «Щепки Великой войны» (среди беженцев) // Астраханский листок. 1915. 8 сентября.

человек вынужденных переселенцев всех национальностей, в скотоводческо-земледельческих Черноярском и Енотаевском уездах – 2600 и 2700 чел., в земледельческом Царевском уезде – 4100 чел.

В г. Астрахани на начало ноября 1915 г. скопилось 3935 вынужденных переселенцев, а к началу июня 1916 г. эта цифра возросла до 5 942 чел. (3,92 % по отношению к постоянному населению)⁷²⁷. Город был переполнен беженцами и власти испытывали огромные трудности в их размещении, обеспечении продуктами и предметами первой необходимости.

Большие проблемы возникли с трудоустройством беженцев. Астрахань являлась единственным в губернии крупным промышленным очагом, и поэтому не испытывала недостатка в притоке рабочей силы и в людях обслуживающих социально-производственную городскую инфраструктуру. В сфере управления, образования, производства, обслуживания местных кадров было вполне достаточно, поэтому новоприбывшим найти соответствующую их профессиональной квалификации работу было непросто. Несмотря на это, городские власти делали всё возможное, чтобы трудоустроить беженцев.

Большую роль в устройстве на работу вынужденных переселенцев сыграли бюро труда при земских и национальных комитетах и учрежденное в феврале 1916 г. в г. Астрахани в целях координации их действий Центральное бюро труда.

В начале 1916 г. среди обосновавшихся в г. Астрахани вынужденных переселенцев были русские, поляки, евреи, латыши, немцы и галичане. Мужчины – поляки работали в основном чернорабочими и дворниками, женщины – кухарками, горничными, нянями, на которых имелся спрос в городе. В августе 1915 г. 16 беженцев из Волынской, Холмской и Гродненской губерний были приняты в городскую пожарную команду, на железной дороге трудилась артель грузчиков, набранная из галичан, до 320 галичан поступили на работу на рыбные промыслы, часть женщин задействовали на размотке рыбацких сетей под руководством

⁷²⁷ Тимофеева Е. Г., Лебедев С. В. Беженцы Великой войны в Астраханской губернии. 1915–1917 гг. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2014. № 4. С. 290–291.

латышек, в Астрахани славяне работали также в специально открытых для беженцев швейной мастерской и пекарне.

Несмотря на все усилия властям не удалось трудоустроить всех беженцев. В феврале 1916 г. из 2754 беженцев, проживавших в г. Астрахани безработными являлись 1612 чел. трудоспособного возраста, т. е. 58,3 %; по национальности они распределялись так: 178 чел. были русскими, 5 – русинами, 502 – поляками, 794 – евреями, 47 – немцами, 86 – латышами⁷²⁸.

В течение августа – ноября 1915 г. Астраханская губерния испытала самый мощный за годы Первой мировой войны приток вынужденных переселенцев, в последующее время он уменьшился, но положительная динамика все равно продолжала сохраняться. По официальным данным, численность вынужденных переселенцев в ноябре 1915 г. составляла 19 126 чел., в декабре 1916 г. – 43 821 чел., в мае 1917 г. – 50 418 чел.⁷²⁹

В Государственном архиве Астраханской области сохранилась ведомость по Черноярскому уезду, датируемая 20 октября 1916 г., которая позволяет ознакомиться с географией размещения вынужденных переселенцев в рамках указанного уезда, узнать их численность и национальный состав. Согласно ведомости, в уезде проживало 4247 чел. вынужденных переселенцев, в т. ч. 1469 русских (34,6 %), 1321 буковинцев (31,1 %), 760 немцев (17,9 %), 553 галичан (13 %), 144 поляка (3,4 %). Все они размещались этническими группами в 27 населенных пунктах, при этом русские проживали в 17 поселениях, галичане – в 14, немцы – в 11, буковинцы – в 8, поляки – в 7⁷³⁰.

Успешное обустройство вынужденных переселенцев во многом зависело от деятельности уездных и сельских комитетов помощи беженцам, на которых лежала основная нагрузка по обустройству и налаживанию жизни прибывших. В этом отношении выделялись комитеты Енотаевского уезда, накопившие большой положительный опыт в деле организации работы с беженцами.

⁷²⁸ Тимофеева Е. Г., Лебедев С. В. Беженцы Великой войны в Астраханской губернии. 1915–1917 гг. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2014. № 4. С. 293.

⁷²⁹ Тимофеева Е. Г., Лебедев С. В. Беженцы Великой войны в Астраханской губернии. 1915–1917 гг. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2014. № 4. С. 290.

⁷³⁰ ГА АО. Ф. 1. Оп. 11. Д. 1525. Л. 77–78.

Несмотря на то, что это был самый маленький по размерам территории уезд в Астраханской губернии, он принял вместо намеченных 1000 чел. в два с половиной раза больше беженцев. В октябре 1915 г. в 24-х населенных пунктах Енотаевского уезда их числилось 2637 чел.⁷³¹ Славяне были компактно расселены в населенных пунктах: Харабали (228 чел. малороссов), Кочковатка (117 чел. малороссов), Сасыкольском (187 чел. галичан), Золотуха (163 чел. из Холмской губернии и 2 семьи поляков), Сокрутовка (70 чел. из Львовской и Холмской губерний), Болхуны (457 чел. малороссов из Волынской губернии и частично – галичан), Селитренное (262 чел. русских и галичан)⁷³².

Попечение над ними осуществляли Енотаевский уездный комитет по оказанию помощи беженцам и комитеты, созданные в каждом поселении, где проживали компактно беженцы. В них входили гласные уездной земской управы, православные клирики, должностные лица местного самоуправления (сельские старосты и писаря), учителя, торговцы и зажиточные крестьяне.

Работавшие в комитетах подыскивали помещения для проживания беженцев, собирали для них пожертвования, обеспечивали продовольствием и одеждой. Для беженцев в с. Никольском были открыты пекарня, сапожная мастерская и швальня, в с. Селитренном – пекарня и баня. Комитеты с. Селитренного и Харабалинского организовали работы по прядению шерсти. В марте 1916 г. Селитреннский комитет нашёл для беженцев работу в ремонтных мастерских на железнодорожной станции Сероглазово и направил туда со своими удостоверениями 23 чел.⁷³³

Беженцы, однако, не проявляли особого стремления устроиться на работу. В условиях неземледельческого характера экономики губернии потомственным хлебопашцам было трудно найти соответствующую их знаниям и менталитету работу и психологически перестроиться на иной род деятельности. Их, кроме того, не устраивал поденный характер работы: вынужденные переселенцы на прежнем месте жительства обычно устраивались работать в помещичью экономию на один

⁷³¹ ГА АО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1576. Л. 1об.

⁷³² ГА АО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1576. Л. 5–10об.

⁷³³ *Алиева А. Н.* Деятельность Селитренного местного комитета по оказанию помощи беженцам (1915–1917) // Астраханские краеведческие чтения: сборник статей. Астрахань: Издатель Сорокин Роман Васильевич, 2015. Вып. VII. С. 193–198.

год, при этом им на все это время хозяин предоставлял «хату», приварок» и разрешал держать корову. У части беженцев нежелание работать было также связано с иждивенческими настроениями: многие из них считали, что раз власти оторвали их от дома и привычного уклада жизни, то они обязаны обеспечить им полное содержание на новом месте⁷³⁴.

Нежелание многих беженцев приспособливаться к социально-экономическим реалиям Астраханской губернии изменило отношение к ним местного населения и властей. Посетивший места компактного проживания вынужденных переселенцев в Енотаевском уезде, председатель уездной земской управы отмечал в своем докладе от 1 декабря 1915 г., что жители уезда встретили мигрантов с сочувствием, однако вскоре быстро к ним охладели, так как те «заявили, что разорены и им обещано полное довольствие на местах»⁷³⁵.

Перемены властей и общественных организаций в отношении к беженцам подметил и корреспондент газеты «Астраханский листок» И. Подгорный: «Беженцы утомили соприкасающихся с ними лиц, если можно так выразиться, особенностями своего быта, своего миропонимания, и увы, – даже ... неблагодарностью»⁷³⁶.

Неудачный опыт адаптации к местным условиям и изменившееся в худшую сторону отношение к ним местных жителей подогревали и без того сильное среди славянских переселенцев стремление побыстрее вернуться на Родину. Побывавший в сентябре 1915 г. на одном из рыбных промыслов корреспондент газеты «Астраханский листок» услышал от беженки: «Ой лышечко! Коли б мене на нашу сторону, ни бы голую землю посадили, я б и то, была радёшенька!»⁷³⁷. Председатель Енотаевской земской управы рассказывал, что когда в ноябре 1915 г. в с. Кочковатка Енотаевского уезда прибыл из Волынской губернии один беженец и рассказал о том, что на Родине покинутые ими дома находятся в сохранности, а оставшиеся люди работают в своих хозяйствах, то это взбудоражило беженцев, и

⁷³⁴ Подгорный И. «Щепки Великой войны» (среди беженцев) // Астраханский листок. 1915. 8 сентября.

⁷³⁵ ГА АО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1576. Л. 4.

⁷³⁶ Подгорный И. «Щепки Великой войны» (среди беженцев) // Астраханский листок. 1915. 8 сентября.

⁷³⁷ Подгорный И. «Щепки Великой войны» (среди беженцев) // Астраханский листок. 1915. 8 сентября.

они стали требовать от местного комитета, чтобы он разрешил им вернуться домой⁷³⁸.

Некоторые вынужденные переселенцы пытались перебраться в приближенные к их Родине губернии, чтобы оттуда, как только закончится война, быстро вернуться в родные места. 13 июля 1916 г. к астраханскому губернатору И. Н. Соколовскому поступило прошение от 16 беженцев из Холмской губернии, проживавших в с. Ново-Никольском Царевского уезда. Они жаловались на суровый климат, отрицательно влиявшем на их здоровье, и на отсутствие привычного уклада жизни. «Проживая в названной местности (в с. Ново-Никольском), – писали они – климатические условия жизни отражаются на нашем здоровье, ввиду высокой температуры несравненной с нашей местностью. Всякий и всякий из нас, проживая с малолетства в дорогой нашей Холмщине, привыкли и сроднились с родным нам малороссийским языком, обрядами и порядками, что нам дорого и любо»⁷³⁹. Они просили разрешить им переехать в Екатеринославскую губернию, где временно остановились их родственники и земляки, чтобы при первой возможности возвратиться в родные места. Кроме того, они просили астраханского губернатора ввиду тяжелого материального положения посодействовать им в бесплатном проезде в Екатеринославскую губернию: «Также усердно просим Ваше Превосходительство, в случае предоставления нам права на выезд в просимую нами местность, не будет ли признано Вашим Превосходительством возможным, за неимением средств, ввиду того, что бывшее наше, как движимое, так и недвижимое имущество, пало добычей неприятелю, за невозможностью забрать таковое с собой, предоставить право на бесплатный проезд из Астраханской губернии во вверенную екатеринославскому губернатору»⁷⁴⁰.

Многие беженцы, не дождавшись от властей разрешения, самовольно покидали свои места жительства и двигались в направлении своих родных мест. Так, в июне 1916 г. военные власти задержали в Полтаве группу беженцев-галичан,

⁷³⁸ ГА АО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1576. Л. 7об.

⁷³⁹ ГА АО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1771. Л. 108.

⁷⁴⁰ ГА АО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1771. Л. 108об.

самовольно выехавших из Астраханской губернии и направлявшихся на свою Родину. Соколовский предписал астраханскому полицмейстеру принять срочные меры к недопущению самовольного отъезда беженцев⁷⁴¹. В июле 1916 г. много галичан выехало из с. Селитренного Енотаевского уезда. По словам руководителя Селитренного местного комитета по оказанию помощи беженцам, они уезжали «куда вздумается» и вели себя «грубо и иногда даже вызывающе»⁷⁴².

Справедливости ради отметим, что среди беженцев встречались отдельные лица, которые пытались навсегда связать свою жизнь с новым местом. Так, 4 августа 1916 г. к астраханскому губернатору обратился с просьбой навсегда обосноваться в г. Астрахани и открыть свое дело, уроженец Галиции, австро-венгерский подданный В. И. Минкевич. О себе он сообщал следующее: «6 мая 1915 года бежал из Галиции и теперь жительствую в Астрахани, где 3 июля сего года женился на православной русско-подданной. Я – православный, я – русин и принадлежу к партии русско-благонадежных, что может засвидетельствовать господин Дудыкович из Народного совета в Ростове-на-Дону, который меня лично знает»⁷⁴³. Он информировал астраханского губернатора о намерении принять российское подданство и ходатайствовал о разрешении ему взять в аренду одну из городских бань: «В Астрахани я решил остаться навсегда и после войны принять русское подданство, для какой цели предполагаю снять в арендное пользование баню Бай-Бородина, которая находится на углу 3-й Бакалдинской и Адмиралтейской улицы»⁷⁴⁴.

Важной заботой властей являлось предоставление детям беженцев возможности получения образования. В декабре 1915 г. губернский земский комитет сообщал астраханскому губернатору о большом количестве детей беженцев, желающих обучаться в учебных заведениях г. Астрахани и других

⁷⁴¹ Алиева А. Н. Деятельность Селитренного местного комитета по оказанию помощи беженцам (1915–1917) // Астраханские краеведческие чтения: сборник статей. Астрахань: Издатель Сорокин Роман Васильевич, 2015. Вып. VII. С. 197.

⁷⁴² Алиева А. Н. Деятельность Селитренного местного комитета по оказанию помощи беженцам (1915–1917) // Астраханские краеведческие чтения: сборник статей. Астрахань: Издатель Сорокин Роман Васильевич, 2015. Вып. VII. С. 197.

⁷⁴³ ГА АО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1771. Л. 297.

⁷⁴⁴ ГА АО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1771. Л. 297.

населенных пунктах⁷⁴⁵. В г. Астрахани для удовлетворения данных потребностей специально для детей беженцев были открыты начальные школы, часть детей проходила обучение в средних учебных заведениях (гимназии и реальные училища). За их обучение платили городские власти или оно осуществлялось на безвозмездной основе. Чтобы снабдить школьников всем необходимым, в г. Астрахани был объявлен сбор одежды, обуви и учебников. В сельских населенных пунктах возможности получить образование были более ограничены, но и здесь местные власти и комитеты постарались устроить в начальные школы всех желающих обучаться.

Второй по численности группой среди вынужденных переселенцев были немцы. В условиях войны с Германией данная категория населения считалась неблагонадежной и в её отношении были приняты меры депортационного характера. В начале войны из-за близости к театру военных действий из ряда районов Царства Польского (Привислинский край) было осуществлено принудительное переселение больших масс немецкого населения вглубь страны, в том числе в поволжские губернии.

Депортированные в Поволжье немцы первоначально находились в ведении департамента полиции МВД, что фактически приравнивало их по правовому статусу к категории военнопленных, однако уже в марте 1915 г. большинство функций по управлению поволжскими немцами–выселенцами перешли к губернским властям, комитетам Всероссийского земского союза и в Комитет Ее Императорского Высочества великой княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи, пострадавшим от военных бедствий.

В Поволжье первые группы немецкого населения начали прибывать в ноябре 1914 г., где они были размещены в Самарской и Саратовской губерниях. Это были выселенцы из стратегически важных крепостей на берегу Балтийского моря. Второй поток наблюдался в феврале – июне 1915 г., когда происходила депортация немцев из территорий, захваченных русскими войсками в Пруссии. Астраханская

⁷⁴⁵ Тимофеева Е. Г., Лебедев С. В. Беженцы Великой войны в Астраханской губернии. 1915–1917 гг. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2014. № 4. С. 294.

губерния приняла третью (ноябрь 1915 – март 1916 г.), предпоследнюю волну вынужденных немецких переселенцев. 17 июля 1915 г. Министерство иностранных дел распорядилось выселить из 150-ти верстной приграничной и 100-верстной полосы русских подданных иностранного происхождения⁷⁴⁶.

В Астраханскую губернию массовое переселение немцев было проведено в ноябре 1915 г. Оно было осуществлено по распоряжению главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта, генерал-адъютанта Н. И. Иванова, который телеграммой от 1 ноября 1915 г. приказал выселить из Волынской губернии всех без исключения немцев–колонистов, разместив их в Астраханской, Оренбургской и Уральской областях. Операцию по выселению планировалось провести в сжатые сроки – с 1 по 15 ноября. 6 ноября 1915 г. МВД из списка исключило Уральскую область, и вся тяжесть по приёму и обустройству немцев-переселенцев, таким образом, легла на Астраханскую и Оренбургскую губернии.

В Астраханской губернии, в отличие от Самарской и Саратовской губерний, не было немецких колоний, поэтому прибывших немцев расселили по населенным пунктам, где проживали другие этнические группы. Это обстоятельство затрудняло налаживание взаимодействия астраханских властей и жителей с немецкими колонистами и, соответственно, осложняло адаптацию последних к местным реалиям. Немецким вынужденным переселенцам пришлось приспособиваться к чуждой им социально-культурной среде. В правительстве осознавали данную проблему и потому пытались скорректировать курс в размещении немецких переселенцев, начав переброску части их из Астраханской, Оренбургской и других губерний в немецкие колонии Поволжья.

Другая проблема заключалась в том, что ко времени прибытия волынских немцев Астраханская губерния и так была переполнена вынужденными переселенцами и возможности её жилищного фонда были практически исчерпаны. 10 ноября 1915 г. астраханский губернатор Соколовский информировал

⁷⁴⁶ *Плюцинский С. С.* Переселенные немцы на территории Астраханской губернии в годы Первой мировой войны (1914–1918) // История и современная регионалистика Верхнего Дона и Нижнего Поволжья. Сборник научных статей по материалам научной конференции «Историческое и этнокультурное развитие Нижнего Поволжья» (Волгоград, 10–11 сентября 2004 г.). Волгоград: Волгоградское научное изд-во, 2005. С. 222.

Главноуполномоченного по устройству беженцев Юго-Западного фронта о том, что в губернии «по обстоятельствам военного времени ... все мало-мальски свободные помещения как в городах, так и в селах заняты ..., и что предшествующими беженцами «занесены тиф и оспа»⁷⁴⁷. «При означенных условиях – резюмировал он – немцы колонисты могут быть размещены в селах по обывателям крайне скученно и в количестве ни в коем случае, не превышающем пятнадцати тысяч»⁷⁴⁸.

Астраханская администрация разработала 10 маршрутов доставки немцев от железнодорожных станций в населенные пункты губернии. Астраханский губернатор Соколовский сообщал Главноуправляющему по устройству беженцев Юго-Западного фронта: «Для размещения прошу направлять эшелоны в следующем порядке: первый маршрут до Астрахани для размещения в селах Астраханского уезда: Ильинке –300, Чаган –200, Икрыное –200, Карантинное –100, Тишково –100, Дмитриевка –50, Каралат –150, Трёхпротиочное –200, Форпост – 200, Яндыки –200, Кучергановка –200. Второй маршрут до станции Бузан Астраханской железнодорожной линии для размещения в селах Красноярского уезда: в Хожетаевке– 200. Сеитовке –200 и Теплинском –200. Третий маршрут до Астрахани для сел Красноярского уезда: Магой –400, Сафоновка –400. Четвертый маршрут до Астрахани для размещения территории казачьего войска и Енотаевского уезда станицах: Орловской– 150, Астраханской –100, Лебязинской – 75, Замьяновской –200, Сероглазинской– 200, Косикинкой –100, Михайловской – 25, Копановской –100, Ветлянинской –150, в селах: Никольском –150, Пришиб – 50. Пятый маршрут через станцию Астраханской линии Баскунчак до станции Баскунчакской дороги Ахтуба для Царевского уезда в селах Владимировка –300, Пологое Займище –250, Капустин Яр –700, Батаевка –50. Шестой маршрут для Енотаевского уезда до станции Баскунчак 50 колонистов, кои будут поселены на Баскунчак. До станции Богдо Астраханской линии и для сел: Болхуны– 300, Сокрутовка –200, Пироговка –150. До станции той же дороги Верблюжья для сел:

⁷⁴⁷ ГА АО. Ф. 1. Оп. 9. Д. 1307. Л. 23.

⁷⁴⁸ ГА АО. Ф. 1. Оп. 9. Д. 1307. Л. 23.

Золотухино –200, Удачное –100, Михайловка –100. До станции той же дороги Чапчачи –400, кои будут поселены в селении Сасыкольском. До станции той же дороги Харабалинской –600, кои будут поселены в селе Харабалях. До станции той же дороги Ашулук –100, кои будут поселены в селе Тамбовка. До станции той же дороги Сероглазово, кои будут размещены в селах: Селитренном –100 Княжево – 200. Седьмой маршрут до станции Сайхин Астраханской линии для размещения в Ханской Ставке –500, Сайхин –50, Житкур –300. До станции той же дороги Джанибек– 300, кои будут поселены поселке Джанибек. До станции той же линии Эльтон 250 для поселения поселке Эльтон. До станции Александров Гай Рязано-Уральской 100 человек для поселения в селе Таловке. Восьмой маршрут до станции Гнилоаксайской Владикавказской дороги до Черноярского уезда селах: Аксай – 100, Тундутово –150, Плодовитое –100. До станции той же дороги Абганерово 50 для поселения в селе Абганерово. До станции Сарепта той же дороги для распределения селах: Светлый Яр –150, Райгородок –100, Дубовый Овраг –150, Цаца –200, Чапурники –100. Девятый маршрут до станции Царицын для размещения селах Царевского уезда: Пришиб –500, Верхен-Ахтубинское –200, Безродное –200, Средне-Ахтубинское –300, Заплавное –250, Рахинка –450, Верхне-Погромное– 200, Средне-Погромное –200, Солодовка –150, Колобовка –150. Десятый маршрут до станции Камышин для сел Царевского уезда: Молчановка – 50, Слободка –150, Кисловка –150, Быково –350»⁷⁴⁹.

После прибытия эшелонов на железнодорожные станции немцы должны были следовать к месту жительства по грунтовым дорогам, «а для сего ко времени прихода поездов – телеграфировал Соколовский 11 ноября 1915 г. главноуполномоченному – у соответствующих станций должны быть стянуты подводы»⁷⁵⁰. Поскольку железнодорожные станции располагались в степи, на большом расстоянии от населенных пунктов, некоторые до 60 в., то требовалось не менее трёх суток, чтобы доставить к станциям подводы для перевозки людей. «Если ко времени прихода поезда подвод не будет, партии высадки принуждены

⁷⁴⁹ ГА АО. Ф. 1. Оп. 9. Д. 1307. Л. 23–24.

⁷⁵⁰ ГА АО. Ф. 1. Оп. 9. Д. 1307. Л. 26.

будут ожидать на воздухе, так как степные железнодорожные станции никаких запасных помещений не имеют и жилья вокруг также⁷⁵¹. Чтобы этого не допустить, Соколовский просил главноуправляющего информировать его «не позднее как за четверо суток с точным указанием, по которому маршруту из перечисленных в моей телеграмме колонисты следуют, в каком количестве и для каких именно сел». «Только при означенных условиях – предупреждал губернатор – возможно будет сделать своевременно соответствующие распоряжения, непременно не менее указанного времени – 65 часов»⁷⁵².

Вследствие массового прибытия немцев-колонистов в Астраханскую губернию к началу декабря 1915 г. численность беженцев возросла до 31592 чел., из которых немцы составляли 15767 чел., к этому числу еще необходимо прибавить 892 колониста, расселенных во Внутренней киргизской орде и 1234 колонистов – в станицах первого отдела Астраханского казачьего войска⁷⁵³.

Несмотря на настойчивые просьбы астраханского губернатора больше не присылать беженцев, их продолжали направлять в губернию. К середине марта 1916 г. на железнодорожной станции г. Царицына скопилось 2050 чел. вынужденных немецких переселенцев из Волыни, предназначенных к поселению в Астраханской губернии. Власти г. Царицына и астраханский губернатор отказались их принимать, между тем, среди переселенцев начались эпидемиологические заболевания. Вопрос разрешился только к концу марта: основная часть немцев последовала в Саратовскую губернию, меньшая часть – в Астраханскую губернию. Новые партии немецких переселенцев астраханская администрация размещала в поселках Внутренней киргизской орды и в п. Эльтон Царевского уезда.

3 марта 1916 г. полицмейстер п. Ханская Ставка докладывал астраханскому губернатору о том, что прибывшие ночью 2 марта по железной дороге на станцию Сайхин 42 чел. были им встречены, осмотрены врачом, переодеты в теплую одежду, «напоены чаем» и на 20 подводах отправлены на жительство в

⁷⁵¹ ГА АО. Ф. 1. Оп. 9. Д. 1307. Л. 25.

⁷⁵² ГА АО. Ф. 1. Оп. 9. Д. 1307. Л. 26об.

⁷⁵³ ГА АО. Ф. 1. Оп. 9. Д. 1307. Л. 71.

административный центр Внутренней киргизской орды – в п. Ханская Ставка. Далее он сообщал: «В Ханскую Ставку колонисты прибыли в 4 часа 30 минут дня и временно размещены в казарме, где их ожидал обед. Теплая одежда выдается колонистам для дороги полностью, но по прибытии к месту назначения оставляется только у самых бедных, а остальная отбирается, просушивается и служит для перевозки следующей партии, так как все колонисты совершенно не подготовлены к стоящим морозам, а особенно женщины и дети, прибывающие в ситцевых платьях без теплой верхней одежды и в деревянных туфлях. По прибытии последней партии остаток одежды будет распределен между более всего нуждающимися колонистами»⁷⁵⁴.

В этом же рапорте полицмейстер выражал озабоченность относительно предстоящего прибытия на станцию Сайхин на поселение партии немецких колонистов из 412 чел. Он писал: «что в пос. Сайхин по первоначальному плану назначалось только 50 человек, которым помещения были подысканы с большим трудом, а особенно, когда пришлось самое большое здание выделить под больницу, занятую и по сие время больными»⁷⁵⁵. Из-за отсутствия свободных помещений разместить новую партию из 412 чел. не представлялось возможным, равно как и перебросить её в п. Ханская Ставка, который и так был переполнен беженцами. Исходя из этого он предложил: «В виду этого, после личных обследований киргизских аулов, расположенных по пути от ст. Сайхин до Ханской Ставки выяснилось, что 150–250 человек можно разместить по киргизским зимовкам, где после 1 апреля, когда киргизы перейдут на летние кочевья, будет весьма просторно; отрицательной стороной такого размещения является полное отсутствие топлива, но в этом отношении в столь же тяжелых условиях находится и пос. Сайхин, где даже невозможно собрать кизичное топливо по пастбищам, достижимое в киргизских аулах. Положительной стороной проектируемого размещения является увеличение площади посева, развитие огородничества и принуждение весьма упрямых колонистов скорее приняться за работу и освободить государство от

⁷⁵⁴ ГА АО. Ф. 1. Оп. 9. Д. 1307. Л. 156.

⁷⁵⁵ ГА АО. Ф. 1. Оп. 9. Д. 1307. Л. 156.

излишних затрат на их содержание. Не лишним считаю присовокупить, что киргизы охотно предлагают свой скот колонистам для обработки полей, с тем, чтобы колонисты рассчитывались за скот и землю прибылью от урожая натурою, т. е. половиною всего урожая»⁷⁵⁶. В случае отклонения его предложения полицмейстер просил астраханского губернатора «указать иной способ для выхода из этого весьма затруднительного положения».

23 марта 1916 г. п. Эльтон Царевского уезда посетил астраханский губернатор Соколовский. Он захотел лично ознакомиться с положением дел, проживавших в нем немцев-переселенцев. В п. Эльтон тогда находились 243 немцев, из них 92 чел. размещались во флигеле частной грязелечебницы, остальные – в домах местных жителей. Губернатор обратил внимание на плохую организацию врачебно-санитарной помощи в поселке, где не было ни медицинских работников, ни приёмного покоя для заразных больных. Заболевших поселковцев обслуживал фельдшер, проживавший в с. Житкур, которое находилось в 50 в. от Эльтона. Он работал наездами, приезжая на короткое время в поселок и затем возвращаясь на место постоянной службы.

24 марта 1916 г. Соколовский писал председателю Царевской уездной земской управы: «Все виденное и осмотренное мной убеждает меня в полном отсутствии какой бы то ни было со стороны уездного земства заботы о нуждах местного населения и также прибывающих на земскую территорию, и, таким образом, управа не выполняет прямых своих обязанностей по врачебно-санитарной организации»⁷⁵⁷. Он считал, что в поселке имеются возможности для улучшения положения с медицинским обслуживанием, в частности, он указал на то, что при железнодорожной станции Эльтон есть фельдшер, а при грязелечебнице – свободные помещения. «Таким образом, войдя в соглашение с железнодорожной администрацией и с местным медицинским персоналом, уездная земская управа при небольших затратах могла бы правильно и быстро организовать правильную

⁷⁵⁶ ГА АО. Ф. 1. Оп. 9. Д. 1307. Л. 156об.

⁷⁵⁷ ГА АО. Ф. 1. Оп. 9. Д. 1307. Л. 11.

подачу медицинской помощи всему поселку и избежать возможного развития эпидемических заболеваний ...» – утверждал астраханский губернатор⁷⁵⁸.

Соколовский также упрекнул Царевскую земскую управу в нарушении его предписаний относительно выдачи пособий колонистам: «Так, наряду с людьми совершенно неимущими, пособие на продовольствие и отопление выдано также и состоятельным семьям колонистов, а самое главное и, вопреки неоднократно даваемых Вам указаний и требованиям Министерства внутренних дел, пособие выдано также и работоспособным, но не ставшим на работу, несмотря на то, что таковая предлагалась им, колонистам, тут же на месте»⁷⁵⁹.

Недоволен остался астраханский губернатор и организацией привлечения немцев к земледельческим работам. По состоянию на 23 марта из 141 чел. трудоспособного немецкого населения п. Эльтона на полевых работах находилось всего 4 чел. При этом Царевская земская управа нарушила порядок выдачи пособий, выдав их всем трудоспособным, несмотря на указания наделять пособиями только нетрудоспособных.

Соколовский напомнил председателю Царевской земской управы: «Уведомляя Вас о замеченном мною, предлагаю безотлагательно принять меры к исполнению разновременно данных Вам по сему указаний и циркулярных распоряжений, имея в виду, что дело попечения о беженцах и выполнения всех относящихся к нему указаний составляет обязанность уездных земских управ, за невыполнение коей виновные в том лица подлежат установленной законной ответственности»⁷⁶⁰.

По правовому статусу немцы относились к разряду беженцев, но в отличие от последних других национальностей, не имели права покидать места поселения. То же самое можно сказать о размерах продовольственного пайка: законом от 30 августа 1915 г., определившим статус беженца, не делалось различий по национальному и вероисповедальному критериям и беженский паек составлял 25 коп. в день на человека, т. е. содержание одного беженца в месяц обходилось 10

⁷⁵⁸ ГА АО. Ф. 1. Оп. 9. Д. 1307. Л. 11об.

⁷⁵⁹ ГА АО. Ф. 1. Оп. 9. Д. 1307. Л. 11об.

⁷⁶⁰ ГА АО. Ф. 1. Оп. 9. Д. 1307. Л. 12.

руб., однако, в действительности немцы получали меньше полагаемой по закону суммы – по 3 руб. 50 коп. в месяц.

Вместе со славянами и немцами из западных районов в Астраханскую губернию направлялись и евреи. Комитет Астраханского еврейского общества помощи жертвам войны описывал проблему евреев-беженцев так: «По условиям астраханской промышленности беженцам-евреям чрезвычайно трудно найти себе заработок без особых усилий со стороны организации помощи. Огромный процент среди них составляют бывшие торговцы и приказчики. Слабое знание русского языка и полное незнакомство с местными условиями почти лишают их возможности самостоятельно пристроиться в местных предприятиях. Приходится пускаться в ход личные знакомства членов Комитета, обходить соответствующие магазины и конторы и т.п. Были также устроены занятия по счетоводству.

В Астрахани нет мыловаренных заводов, табачных, спичечных, конвертных, обойных фабрик и т. п. предприятий, на которых могли бы найти заработок необученные рабочие. Единственным источником заработка для таких рабочих является чернорабочий труд. Но, не говоря уже о том, что труд этот требует большой физической силы и является в виду этого недоступным для большинства беженцев-евреев, у них нет тех навыков, которые требуются для работы на Волге, не привычных работать у воды, ходить по скользким мосткам над водой и т. п. В силу ряда причин теперь работы на чернорабочей бирже вообще не много, и слабосильные, непривычные к этому делу беженцы-евреи не могут выдержать конкуренции старожилов биржи – персов, калмыков и т.п. Приходится употреблять особые старания, чтобы их устроить, посещать биржу, обходить конторы, организовать артели, прибегать к известному рекламированию»⁷⁶¹.

Астраханское еврейское общество помощи жертвам войны активно помогало еврейским беженцам, которых состояло у него на учете в начале 1917 г. 2534 чел. В 1916 г. оно организовало курсы обучения для 125 взрослых беженцев, открыло приют для 25 детей и швейную мастерскую. В планах на 1917 г. было открытие курсов кройки для женщин, а также «особых мастерских, где бы малообученные

⁷⁶¹ ГА АО. Ф. 1. Оп.11. Д. 1525. Л. 51.

или совсем необученные рабочие могли усовершенствоваться в занятиях и получить некоторый заработок»⁷⁶².

Общество уделяло внимание обучению еврейских подростков ремесленным специальностям, в этих целях его представители устраивали детей в государственные и частные ремесленные заведения. Важную роль в поисках и устройстве на работу еврейских беженцев сыграло организованное обществом бюро труда. За год работы (1916 г.) записалось ищущих работу 825 чел., поступило требований на 787 чел., было отправлено на работу 433 чел. Представитель еврейского общества высоко оценил работу бюро труда: «Мы можем сказать, что только благодаря существованию бюро труда эти сотни людей получили заработок и уменьшили собою число тех, которые пользуются казенным пособием»⁷⁶³.

После Февральской революции 1917 г. положение беженцев стало стремительно ухудшаться. Были ликвидированы прежние структуры, занимавшиеся делами беженцев, уволились специалисты, сократилось финансирование, ухудшилась ситуация с обеспечением населения продовольствием и промышленными товарами. Началась перестройка беженского дела на принципах демократизации. Временное правительство демократизировало избирательную систему для уездных земских собраний, выборы которых стали строиться на принципах всеобщих, прямых, равных выборов при тайной голосовании. Были учреждены волостные земские управы, а волостные комитеты помощи беженцам стали земскими. Все это, однако, не улучшило положение вынужденных переселенцев и не устранило разногласий между беженскими органами и переселенцами. В ряде населенных пунктов разногласия привели к распаду структур, занимавшихся делами беженцев. Такая участь, например, постигла беженский комитет в с. Селитренном, считавшийся одним из лучших в губернии. После острого конфликта с беженцами и немцами-колонистами члены комитета заявили о сложении полномочий и в декабре 1917 г. сдали всю документацию комитета в Селитренскую волостную земскую управу.

⁷⁶² ГА АО. Ф. 1. Оп.11. Д. 1525. Л. 52.

⁷⁶³ ГА АО. Ф. 1. Оп.11. Д. 1525. Л. 51.

Вместо упраздненного губернского совещания в Астраханской губернии был создан губернский комитет из представителей всех беженских организаций, а также организаций и учреждений не беженских, чья деятельность была связана с помощью беженцам. По замыслу создателей, данный комитет должен был беспристрастно относиться к разным беженским организациям. Полагали, что не нужен будет губернский центральный земский комитет, однако губернское совещание сохранилось и продолжало действовать, председатель остался прежний (без выборов губернский комиссар), дело объединения и проч. находились в ведении той же канцелярии комиссара. Отрицательным было то, что уволился прежний состав данной канцелярии, знакомый хоть немного с этой работой, а на его место пришёл новый состав, сочувствующий беженцам, но совершенно не компетентый в данном вопросе. Созданный комитет рассматривал и представлял сметы, а остальную работу: объединение беженских организаций, справочное дело, отчётность и т. п. продолжал вести губернский земский комитет. Было решено созвать 30 сентября 1917 г. губернский съезд деятелей помощи беженцам для решения вопроса о комитете»⁷⁶⁴.

Между тем, беженцы продолжали прибывать и к весне 1917 г. их численность перевалила за 50 000 чел.⁷⁶⁵

Как и ранее, губернские власти остро реагировали на информацию о прибытии новых партий беженцев. Совещание представителей разных организаций, ведавших попечительством над беженцами, прошедшее под председательством и. о. губернского комиссара П.К. Коханова, 4 августа 1917 г. категорически высказалось против приёма новых беженцев. В телеграмме, посланной по результатам совещания, в орган, ведавший передвижением беженцев, говорилось, что Астрахань и южные уезды накануне голода, продовольствия хватит только на 10 дней, и новое прибытие беженцев

⁷⁶⁴ Алиева А. Н. Участие Астраханского земства в оказании помощи беженцам в 1915–1918 гг. // Астраханские краеведческие чтения: сборник статей. Астрахань: Издатель Сорокин Роман Васильевич, 2011. Вып. III. С. 238.

⁷⁶⁵ Тимофеева Е. Г., Лебедев С. В. Беженцы Великой войны в Астраханской губернии. 1915–1917 гг. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2014. № 4. С. 294.

невозможно⁷⁶⁶.

В условиях нараставшего продовольственного кризиса единственным выходом виделось переселение беженцев. Губернское совещание по делам беженцев 10 октября 1917 г. приняло постановление выселить 7000 беженцев и немцев-колонистов в губернии «наиболее обеспеченные хлебом», ссылаясь на угрозу голода и инфекционных болезней. На совещании 26 октября было высказано пожелание предоставить беженцам право передвижения в другие местности, по случаю недостатка продовольствия в Астраханской губернии. Телеграммы с ходатайством по этому вопросу губернский комиссар Аствацатуров направил министрам внутренних дел (11 октября), продовольствия (4 ноября). Ответы получены не были. 15 ноября 1917 г. Совещание представителей организаций по оказанию помощи беженцам и беженских организаций постановило, что в случае отказа правительства на переселение беженцев в другие губернии из Астрахани, Астраханского и Красноярского уездов, беженцы и военнообязанные – подданные неприятельских государств будут «на добровольных началах» переселяться в Царевский уезд. На принципе добровольности настояли представители Совета еврейского общества помощи жертвам войны. Однако постановление даже в таком усечённом виде фактически выполнено не было из-за отказа Царевской управы в приёме беженцев без дополнительных на то ассигнований. Начавшаяся работа по переселению была приостановлена. Несмотря на имевшиеся трудности, беженцы и немцы колонисты продолжали выезжать из Астраханской губернии или перебираться в её северные уезды, иногда они выезжали самовольно. В с. Началово крестьяне отказывались принимать назад покинувших село беженцев⁷⁶⁷.

С приходом к власти большевиков ситуация обострилась ещё больше, поскольку прекратились выдачи пайков беженцам и власти фактически самоустранились от решения их проблем. В этих условиях среди беженцев

⁷⁶⁶ Тимофеева Е. Г., Лебедев С. В. Беженцы Великой войны в Астраханской губернии. 1915–1917 гг. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2014. № 4. С. 238.

⁷⁶⁷ Алиева А. Н. Участие Астраханского земства в оказании помощи беженцам в 1915–1918 гг. // Астраханские краеведческие чтения: сборник статей. Астрахань: Издатель Сорокин Роман Васильевич, 2011. Вып. III. С. 238.

усилилось стихийное движение на Родину, которое продолжалось до середины 1920-х гг.

Подведем итоги. Массовое прибытие вынужденных переселенцев на территорию Астраханской губернии началось в августе 1915 г. и уже на начало ноября 1915 г. в ней было сосредоточено 19 026 беженцев и ожидалось прибытие в ближайшее время 15 000 депортированных немцев-колонистов. Вынужденные переселенцы вместе с ранеными, мобилизованными на военную службу, военнопленными, военнослужащими дислоцированных подразделений, насчитывали 73 015 чел., что составляло 12 % по отношению к постоянному населению губернии. В губернии отсутствовали условия для приёма большого количества пришлого населения, ибо поселенческая сеть стационарных поселений была небольшой, в плохом состоянии находились пути сообщения. Несмотря на обширность Астраханской губернии, более половины её территории занимали калмыки и казахи, которые вели кочевой образ жизни. В Калмыцкой степи и во Внутренней киргизской орде имелось всего несколько малочисленных стационарных поселений, поэтому возможности разместить в них сколь-нибудь значительное число беженцев не представлялось возможным. В силу этого основная нагрузка на прием и размещение вынужденных переселенцев легла на г. Астрахань и 5 уездов с оседлым населением.

Среди вынужденных переселенцев преобладали представители славянских народов (украинцы, русские, поляки), проживавшие на территориях современной Украины, Польши и Румынии, являвшихся в то время составными частями Российской и Австро-Венгерской империй. После славян по численности шли немцы. Большинство высланных немцев являлись уроженцами Волынской губернии, часть переселенцев происходила из Брест-Литовского уезда Гродненской и Радомышльского уезда Киевской губерний.

На новом месте беженцы оказались в непривычных условиях, к которым им пришлось приспособливаться. Процесс адаптации к социокультурной обстановке в местах вселения проходил сложно, на что сильно влияли особенности социально-экономического, культурно-исторического развития региона, настроения

мигрантов и местного населения, система управления и эффективность работы администрации принимающей стороны.

В последней трети XIX – начале XX в. переселенческая политика в Северном Прикаспии была направлена на реализацию конкретных задач экономического характера, на устройство иногородних, и на решение миграционных задач, вызванных Первой мировой войной.

Появление железнодорожного транспорта внесло новые черты в процесс заселения Астраханской губернии (торгово-промышленный характер новых поселений, увеличение среди переселенцев групп населения, не связанных с сельским хозяйством, крестьянской культурой и менталитетом), в то же время формирование поселенческой сети вдоль железнодорожных путей стало продолжением предшествующей политики приоритетного освоения путей сообщения.

Строительство железных дорог сыграло положительную роль не только в социально-экономическом и административном развитии Астраханской губернии, но и в развитии поселенческой структуры. Оно способствовало как расширению поселенческой сети (создание новых поселений), так и в притоку населения в старожильческие населенные пункты, через которые, или вблизи них, прошли железные линии.

Главной религиозной составляющей переселенческой политики государства на калмыцких землях было содействие Русской православной церкви в формировании церковно-приходской системы для обслуживания духовных потребностей крестьян-переселенцев. Проект заселения дорог непосредственно не увязывался с христианизацией калмыков, и данная цель не декларировалась и тем более её достижение не ставилось в практическую плоскость.

Поселение русских в миссионерских станах не планировалось, однако оно оказалось востребовано самой жизнью. Будучи носителями стационарной поселенческой культуры, русские оказались тем цементирующим ядром, благодаря которому стало возможным не только существование, но и поступательное развитие миссионерских станов, как населенных пунктов. Вместе с тем русские

поселенцы не оправдали надежд православной миссии в плане приобщения калмыков к христианству, оседлой жизни и занятию земледелием, более того, они, став преобладающей по численности этнической группой и утвердившись в станах, заняли в них ключевые позиции в экономике и общественной жизни, что в значительной степени спровоцировало исход калмыков из миссионерских станов, который начался в начале XX в.

В годы Первой мировой войны правительственная политика во отношении к беженцам осуществлялась в сложных условиях, военного времени, однако властям удалось сохранить контроль над ситуацией и не допустить массового голода и сильного осложнения эпидемиологической ситуации, что предотвратило массовую смертность среди беженцев. Это стало возможным благодаря разносторонней поддержке беженцев со стороны государства и привлечению к обустройству вынужденных переселенцев общественные, национальные и религиозные организации. В то же время не удалось решить задачу адаптации вынужденных переселенцев к экономическим и социокультурным реалиям Северного Прикаспия.

Для Северного Прикаспия период XVIII – начала XX вв. является очень важным в его истории, так как в это время были заложены основы его этнической, конфессиональной и сословной структур населения, определившие последующее социокультурное развитие региона. В данном процессе активно участвовало государство, которое использовало для достижения своих целей все имеющиеся в его распоряжении рычаги воздействия на ситуацию, в том числе переселенческую политику. Российским руководством были выработаны определённые принципы, формы и методы переселенческой политики, которые впоследствии были скорректированы и усовершенствованы. Эта работа проводилась совместно с местными властями, внёсшими немалый вклад в процесс формирования переселенческой политики. Формирование переселенческой политики происходило под воздействием ряда факторов, прежде всего геополитического, военного, природного, демографического, социокультурного.

Российское государство оказало огромное влияние на характер и темпы миграций, в том числе и самовольных. Размеры миграционного потока в Северный Прикаспий и закрепление в нем на жительство переселенцев зависели от действий и прочности позиций государственной власти в регионе. На переселенческое движение, например, сильно влияли не только непосредственно переселенческая политика властей, но и политика в рыбной и соляной отраслях, в торгово-ремесленной сфере, в области обеспечения безопасности жизни местного населения.

⁷⁶⁸ Основой данного раздела послужили статьи С. С. Белоусова: *Белоусов С. С.* Переселенческая деятельность астраханских губернаторов В. Н. Татищева и Н. А. Бекетова // *Монголоведение*. 2018. Т. 10. № 1. С. 4–19; *Белоусов С. С.* Самовольные поселения на калмыцких землях Астраханской и Ставропольской губерний: Переселенцы и губернские власти (XIX – начало XX веков) // *Новый исторический вестник*. 2018. № 1 (55). С. 6–20; *Белоусов С. С.* Переселенцы в политике властей по христианизации калмыков (последняя треть XIX – начало XX вв.) // *Новый исторический вестник*. 2019. Т. 62. С. 6–22; *Белоусов С. С.* Роль торгово-ремесленного населения в создании стационарных поселений на землях казахов Внутренней киргизской орды Астраханской губернии. XIX в. // *Oriental Studies*. 2019. № 44 (4). С. 634–644; *Белоусов С. С.* Умётная система заселения трактов в Астраханской губернии // *Монголоведение*. 2019. № 18. С. 394–406, которые были значительно доработаны и дополнены.

Государственная переселенческая политика учитывала природную, геополитическую, этнокультурную и социально-экономическую особенности Северного Прикаспия, поэтому в разных его районах она имела свои отличия, подчас очень сильные. В то же время отметим, что основные усилия в переселенческом деле государство направляло на заселение путей сообщений.

Для имперской переселенческой политики в Северном Прикаспии было характерным стремление найти разумный баланс между интересами государственными и региональными. В Северном Прикаспии государственные переселения проводились как в общем порядке, когда главной целью переселений являлось удовлетворение земельных нужд крестьян из других губерний, так и по «особым видам», подразумевавшим решение конкретных задач, например, заселение дорог, развитие отдельных отраслей хозяйства. На практике переселенческая политика чаще всего сочетала в себе интересы общегосударственные, региональные и местные. При разработке планов переселений и их реализации власти стремились минимизировать их издержки для местного инородческого населения.

При подборе контингента переселенцев власти не придавали особого значения их национальной, конфессиональной и государственной принадлежности, при этом необходимо отметить, что отдельным группам переселенцев (немцы, армяне) из других государств в целях стимулирования их переселения в Россию давались большие льготы и привилегии, намного превышавшие аналогичные для российских переселенцев. Для решения переселенческих задач, особенно в первой половине XVIII в., властям нередко приходилось привлекать местные людские ресурсы, правда, такие попытки не всегда имели успех.

В заселении Северного Прикаспия большую роль сыграли самовольные переселенцы. В своих действиях по отношению к самовольным поселениям на калмыцких землях центральные и губернские власти вынуждены были балансировать между законностью и целесообразностью, интересами пополнения казны. Власти Астраханской губернии были заинтересованы в появлении новых

поселений, поскольку они способствовали росту численности населения, освоению территории и расширяли контингент налогоплательщиков. Поэтому губернские власти не были заинтересованы в жестком контроле за водворением части переселенцев и не проявляли должной активности по их удалению.

Принимая решение об узаконивании того или иного самовольного поселения или их группы российское правительство и губернские власти исходили из конкретной ситуации. Каждое такое решение сопровождалось изданием отдельного распорядительного документа, чем подчеркивался его исключительный характер.

Государство проявляло известную гибкость в отношении самовольных переселенцев. В интересах дела власти временно отступали от закона и проводили легализацию самовольных переселенцев.

Процесс заселения Северного Прикаспия в имперскую эпоху имел своеобразную географическую конфигурацию. Его заселение происходило в основном полосами вдоль сухопутных и водных коммуникаций. направлении с севера на юг. Миграции шли в направлении с севера на юг, но не только, с юга на север осуществлялись миграции армян, с востока на запад – казахов и туркмен. В этом видится отличие географии миграционных потоков Северного Прикаспия от аналогичных в других частях Юга России, в которых вектор переселений обычно имел одну направленность — с севера на юг.

Более успешно были освоены территории вдоль р. Волги и слабо земли кочевников. Это объясняется тем, что, во-первых, земли кочевников находились в более худших природных условиях, во-вторых, они охранялись от водворения посторонних лиц государственными законами. Географическая вытянутость районов заселения, кроме того, проистекала от особенностей государственной переселенческой политики, направленной на освоение в первую очередь территорий вдоль путей сообщения.

В истории переселенческой политики в Северном Прикаспии выделяются 4 периода: 1) 1708–1762 гг.; 2) 1763–1799 гг.; 3) 1800–1875 гг.; 4) 1876 – октябрь 1917 гг.

В 1708 г. в России была проведена административно-территориальная реформа, в результате которой была создана на юго-востоке России Казанская губерния, включившая в свой состав территорию Северного Прикаспия. В 1717 г. из неё выделили Астраханскую губернию. Обширная территория была населена преимущественно кочевниками и имела крайне редкое оседлое население, поэтому в интересах развития губернии необходим был приток населения извне. В первой половине XVIII в. государство не предпринимало действий по организации массовых переселений и среди переселенцев преобладали военно-служилые люди. Эти миграции были немногочисленными и направлены в основном на укрепление военного присутствия в регионе с целью обеспечения безопасности его населения. Военно-сторожевые функции Астрахани и городков-крепостей предопределили надолго превалирование в них военно-служилого населения. Большинство служивших и проживавших в городах Северного Прикаспия стрельцов были неместными уроженцами. В отличие от Центральной России, где в стрельцы нанимались местные жители, а служба носила характер потомственной, в Северном Прикаспии набрать достаточное количество желающих служить в стрелецких полках было невозможно из-за крайней малочисленности оседлого населения. Чтобы не допустить ослабления стрелецкого войска, властям приходилось постоянно направлять в край пополнения из других мест России.

Немногочисленные городки-крепости не решали полностью проблемы безопасности населения, гораздо эффективнее в этом отношении были укрепленные линии. Активное переселение и освоение земель начиналось, как правило, после того, как завершалось строительство какой-либо из укрепленных линий. Для Северного Прикаспия большое значение в плане развертывания массовых переселений имело создание в XVIII в. Царицынской, Азово-Моздокской и Нижнеяицкой укрепленных линий.

В 1760–1790-е гг. власти перешли к организации массовых переселений, сделав ставку на государственных крестьян, однако представительство в переселенческом потоке военно-служилых групп населения – отставных солдат, войсковых обывателей и однодворцев – продолжало оставаться достаточно

высоким и в первой половине XIX в. Власти усилили организационную составляющую переселений и их материальную поддержку, расширили их сословную базу. Благодаря широкому вовлечению в переселенческий процесс крестьян они стали в нем доминирующим элементом и придали ему массовость.

В XVIII в. были заложены основы государственной переселенческой политики в регионе.

В первое десятилетие XIX в. российским руководством были приняты важные решения, повлиявшие на дальнейшую государственную переселенческую политику в Северном Прикаспии. К ним относятся: определение границ земельных владений кочевников и закрепление их за ними в пользование юридическими актами, введение в рыболовецкой отрасли принципа вольного лова на Каспийском море, отказ государства от политики привлечения помещиков к заселению края.

Отвод и закрепление за кочевниками обширной территории заставили власти пойти на ограничение переселений. По площади Астраханская губерния занимала четвертую позицию среди многоземельных губерний Европейской России, но по имеющимся запасам незанятой казённой земли она стояла на последнем месте. Губерния обладала огромным земельным фондом, но возможности использования его в переселенческих целях были сильно ограничены, как по причинам природного характера, так и юридического, поскольку подавляющее большинство земель было закреплено за кочевниками. В 1837 г. из 17 млн десятин земель Астраханской губернии, более половины находились в пользовании калмыков и более 1/3 – казахов. По сведениям местной администрации во владении, государственных крестьян, в аренде, под лесами состояло более 1,1 млн десятин или 6,8 % от общей площади Астраханской губернии.

В период 1800–1875 гг. массовые государственные переселения в Северный Прикаспий завершились. Из переселенческих мероприятий данного времени самым крупным было заселение дорог на калмыцких землях, позволившее создать сеть населенных пунктов на Царицынско-Ставропольском, Астраханско-Кизлярском и Крымском трактах. К середине 1870-х гг. колонизационный фонд

казенных земель, по мнению властей, был уже практически исчерпан, поэтому было принято решение отказаться от организации крупных переселений.

Во второй четверти XIX в. – начале XX в. государство не предпринимало масштабных переселений, за исключением эвакуации в Астраханскую губернию в годы Первой мировой войны вынужденных переселенцев из западных районов Российской империи. Что касается железнодорожных миграций, то они не носили групповой характер, а массовое переселение вынужденных мигрантов в период Первой мировой войны было вызвано чрезвычайными обстоятельствами военного времени.

Государственная переселенческая политика имела особенности на землях кочевников. Установление в начале XIX в. границ землепользования кочевников и юридическое их подтверждение сильно сузило возможности для их освоения переселенцами. Единственным переселенческим мероприятием государства на землях кочевников стала реализация в 1847–1876 гг. указа императора Николая I от 30 декабря 1846 г. «О заселении дорог на калмыцких землях Астраханской губернии». В первой половине 1840-х гг. Министерство государственных имуществ разработало проект заселения дорог на калмыцких землях. Он по существу являлся программой модернизации калмыцкого общества и Калмыкии. Программа предусматривала создание в калмыцких степях стационарных поселений, добровольный перевод части калмыков на оседлый образ жизни, заселение важных для государства и региона путей сообщения, преодоление однобокости экономики (кочевое скотоводство) путём формирования очагов земледелия и др. В проведении модернизации правительство особые надежды возлагало на государственных крестьян-переселенцев, более того, оно считало их главной движущей силой в преобразованиях в Калмыкии. В каждое поселение назначались по 50 калмыцких и 50 крестьянских семей. Крестьяне-переселенцы, по замыслу властей, должны были обучить калмыков земледельческим занятиям и помочь им усвоить азы оседлой жизни.

Разрабатывая программу, высшее руководство России просчитывало возможные её издержки для калмыков, что проявилось в назначении к переселению

ограниченного числа крестьян-переселенцев, создании стационарных поселений исключительно вдоль проходящих по окраинам степи трактов. Чтобы доставлять калмыкам меньше стеснений от землеустроительных работ, было принято решение о строгой их регламентации со стороны властей.

Высшая государственная власть России не пошла по пути изъятия большинства земель калмыков, как это предлагало сделать руководство Кавказской области, в пользу переселенцев, и тем самым сохранила за калмыками достаточное количество пастбищных территорий, позволяющих вести кочевое скотоводство. Высшее российское руководство осталось приверженным прежнему курсу на постепенное и осторожное реформирование жизни в Калмыцкой степи и одновременно проявило умение находить оптимальный баланс между государственными и местными интересами. Реализация программы продолжалась в течение 30 лет, с 1846 по 1876 гг., и, хотя не все её пункты были выполнены, главная цель – создание оседлых поселений вдоль дорог – была достигнута.

Что касается земель казахов Внутренней орды, то они в рассматриваемый период переселенцами не осваивались слабо. Логично предположить, что это было связано с тем, что численность казахов за счёт прибытия новых групп сородичей и высокого естественного прироста росла быстрее, чем калмыков, а земель им было отведено в два раза меньше, по сравнению с калмыками. В то же время количество скота у них было вдвое больше, чем у калмыков. Казахи Внутренней орды испытывали недостаток в пастбищных землях и, в отличие от калмыков, сами ставили перед российским руководством вопрос о наделении их новыми землями. Иными словами, у казахов была наступательная земельная политика, а у калмыков – оборонительная.

Государственная власть не только организовывала миграции, но и активно влияла на переселения ею не инициированные, а также самовольные. Так было, например, в отношении миграций на земли казахов и калмыков Астраханской губернии торгово-ремесленного населения.

Высшее руководство России не препятствовало кочевникам заниматься торговлей, но вместе с тем не поощряло этот род деятельности, поскольку не

связывало их будущее с широким распространением в его среде торговых отношений, видя в них источник плохого влияния на нравственность казахов и калмыков. Кочевники имели право свободно торговать на своих землях, развивать ремесленное и промышленное производство, но эти занятия не получили у них распространения, в силу этого очень медленно у них шёл процесс формирования слоя торговцев и предпринимателей. Образовавшийся вакуум торговцев заполнили представители других народов: русских, татар, армян и др., взявшие в свои руки торговлю с кочевниками. Поселение торговцев на землях кочевников было обусловлено не целенаправленной политикой государства, а отсутствием у кочевников своего профессионального слоя торговцев. Государство и кочевники относились терпимо к миграциям торговцев и ремесленников, поскольку они, во-первых, не носили массового характера, во-вторых, не приводили к сколь-нибудь значительному изъятию земель, и в-третьих, деятельность переселенцев была востребована обществами кочевников и не подрывала их жизненные интересы.

Разрешая поселение на территории кочевников некоторого количества торговцев и ремесленников, государство в то же регулировало их пребывание и деятельность и осуществляло за ними надзор. Главными инструментами, регулирующими пребывание постороннего торгово-ремесленного элемента, выступали аренда и выдача торговых свидетельств для осуществления торговой деятельности.

Пришлое торгово-ремесленное население, несмотря на свою малочисленность, внесло заметный вклад в создании стационарных поселений, развитие торговли и ремёсел, установление межнациональных коммуникаций на территории Внутренней киргизской орды и Калмыцкой степи. Его деятельность способствовала приобщению кочевников к оседлому образу жизни, занятию торговлей, расширению кругозора местного населения и вообще интеграции кочевников в российское социокультурное пространство.

Торговцы знали язык, обычаи и менталитет кочевников, и потому были для властей источником ценной информации о жизни кочевников, одновременно русские торговцы являлись и одним из каналов ознакомления кочевых народов с

русской цивилизацией и влияния её на них. В то же время необходимо отметить, что татарские торговцы-переселенцы активно пропагандировали ислам, что привело к укреплению его позиций у казахов.

В заселении Северного Прикаспия принимали участие крепостные крестьяне. Их появление в регионе было непосредственно связано с переселенческой политикой государства, которое в 1765 г. стало предоставлять помещикам земли в собственность на условии их обязательного заселения крестьянами. Однако результаты помещичьих переселений не оправдали надежд властей. Свои основные усилия помещики направляли не в создание поселенческой инфраструктуры и в распространение земледелия и скотоводства, а в развитие рыболовства, которое в местных условиях Прикаспия оказалось более выгодным делом. Переводимые из других губерний крепостные крестьяне в большинстве своем привлекались к рыболовству, пожалованные и купленные земли помещики не заселяли, а предпочитали сдавать в аренду частным лицам, не заинтересованным в создании постоянных стационарных поселений. В итоге в начале XIX в. власти отказались от политики привлечения помещиков к заселению Северного Прикаспия.

Помещичьи поселения располагались исключительно в прибрежных районах Каспийского моря и в бассейне р. Волги. Помещичьего землевладения и поселений не было на территории казахов и калмыков, чьи земельные права защищались российским законодательством. В помещичьих поселениях, в отличие от селений государственных крестьян, где преобладали уроженцы Воронежской, Тамбовской, Харьковской и Екатеринославской губерний, основную массу переселенцев составляли выходцы из губерний Средней Волги – Нижегородской, Самарской и Симбирской, а также из Пензенской губернии.

Организованные помещиками переселения крепостных крестьян носили принудительный характер, однако к принуждению прибегала и государственная власть, особенно в первой половине XVIII в., когда требовалось закрыть дефицит работников в казенных рыбных учугах. Власти не раз направляли в принудительном порядке на поселение и на работу в казенные учуги партии

ссылных преступников и бродяг. Этот контингент использовался также на этапе создания шелковых и селитренных предприятий.

В дельте р. Волги и на побережье Каспийского моря в имперский период истории государство не организовывало переселений в рыбацкие районы и занималось в основном урегулированием проблемы самовольных переселенцев. У государства не было особой необходимости тратить средства на переселения и создание поселений, ибо рыбный промысел в полной мере обеспечивался работниками за счет отходников из других губерний и местного населения. Для миграций в рыбацкие районы большое значение имело введение в начале XIX в. свободного лова в Каспийском море и отвод в 1865 г. для нужд рыбаков одноверстной полосы вдоль морского берега. Многие из прибывавших для занятий рыболовством людей постепенно оседали на постоянное жительство, образуя без ведома властей поселки. Когда их количество и число их жителей сильно выросло, власти пошли на их легализацию и затем занялись их административным и поземельным устройством.

В своих действиях по отношению к самовольным поселениям центральные и губернские власти вынуждены были балансировать между законностью и целесообразностью, интересами пополнения казны. Власти были заинтересованы в появлении новых поселений, поскольку они способствовали росту численности населения, освоению территории и расширяли контингент налогоплательщиков. Поэтому губернские власти не были заинтересованы в жестком контроле за водворением части переселенцев и не проявляли должной активности по их удалению.

Начало государственной политики административно-территориального и земельного устройства ловецкого населения было положено в 1865 г. с выделения на нужды рыбацкого населения одноверстной полосы. Власти не были заинтересованы в ликвидации самовольных рыбацких поселений, так в случае сноса поселков и удаления их жителей сильно могли пострадать интересы рыбной отрасли. В 1878 г. жители самовольных рыбацких поселков были легализованы, но административно-территориальное и поземельное устройство затянулось на годы.

В 1880–1900-е гг. на переселенческую политику в Северном Прикаспии оказало влияние строительство железных дорог. Появление нового вида транспорта (железнодорожного) внесло новые черты в процесс заселения Астраханской губернии, (торгово-промышленный характер новых поселений, усиление среди переселенцев представительства групп населения, не связанных с сельским хозяйством, крестьянской культурой и менталитетом), вместе с тем, формирование поселенческой сети вдоль железных дорог являлось продолжением традиционной для властей политики приоритетного освоения путей сообщения.

В досоветский период Астраханская губерния не входила в число регионов России, занимавших ведущие позиции по темпам создания железнодорожной сети. Первая железная дорога по её территории была проложена в первой половине 1880-х гг. и предназначалась для увеличения объёмов и скорости вывоза соли с промысла на озере Баскунчак к волжским пристаням, т. е. власти придавали ей сугубо экономическое значение. Во второй половине 1890-х гг. часть территории Астраханской губернии пересекла железная дорога Тихорецк – Царицын, а в 1903–1907 гг. была построена железная дорога Саратов–Астрахань. Из трёх железных дорог, проложенных по территории Астраханской губернии, наибольшее влияние на поселенческую сеть оказали Баскунчакская и Астраханская. Вдоль первой было построено 6 станций, второй (астраханской части) – 16, на астраханском отрезке железной дороги Тихорецк – Царицын – 4.

Необходимо отметить, что, приступая к строительству железных дорог по территории Астраханской губернии, власти руководствовались прежде всего экономическими и административными соображениями, задача создания поселений вдоль дорог непосредственно в целях расширения сети поселений и увеличения численности населения, как это, например, имело место в планах при прокладке Транссибирской железнодорожной магистрали, не ставилась.

К моменту начала строительства железных дорог свободный колонизационный фонд казенных земель в Астраханской губернии был практически исчерпан, а огромный массив земель кочевников, с одной стороны, был в силу природных условий малопригоден для создания поселений, с другой

стороны, он охранялся от использования его посторонними лицами специальными законами. Единственное исключение было сделано для Киргизской внутренней орды, прокладка железной дороги по землям которой и создание при станциях поселков должна была привести к расширению стационарной поселенческой сети и привлечь русское население на казахские земли. Железной дороге отводилась цивилизационная и одновременно интеграционная роль в отношении казахского населения.

Влияние, которое оказали железные дороги на поселенческую сеть губернии, в разных её частях было неодинаковым. В Киргизской внутренней орде благодаря железной дороге поселенческая сеть расширилась и появились новые торгово-промышленные очаги, то же самое наблюдалось в районе соляных промыслов на озерах Баскунчак и Эльтон, в других районах прохождения дороги её влияние было не столь значительным, а то и вообще почти незаметным. Многие зависело от природных условий, социально-экономического уровня развития конкретной местности и плотности её заселения. Из 26 построенных в Астраханской губернии железнодорожных станций только 9 превратились в крупные и средние населенные пункты, все остальные так и остались мелкими придорожными поселениями.

Население железнодорожных станций формировалось как за счёт переселенцев из других губерний, так и местных жителей. В числе переселенцев было немало сектантов, которые развернули пропаганду своих учений и сумели вовлечь в свои общества часть православного населения, что в некоторых населенных пунктах привело к их численному доминированию.

Строительство железных дорог сыграло положительную роль не только в социально-экономическом и административном развитии Астраханской губернии, но и в развитии поселенческой структуры. Оно способствовало как расширению поселенческой сети (создание новых поселений), так и притоку населения в старожильческие населенные пункты, через которые или вблизи которых прошли железные линии. Всё это привело к увеличению численности населения губернии и улучшению её демографических показателей.

Последним переселенческим мероприятием имперской власти в Северном Прикаспии стало переселение и обустройство в годы Первой мировой войны вынужденных переселенцев из западных районов Российской империи. Государственной власти, несмотря на то, что прием и размещение переселенцев осуществлялась в сложных условиях, вызванных прежде всего трудностями объективного характера, удалось сохранить контроль над ситуацией и не допустить массового голода и сильного осложнения эпидемиологической ситуации, что предотвратило массовую смертность среди беженцев. Это стало возможным благодаря разносторонней поддержке беженцев со стороны государства и привлечению к обустройству вынужденных переселенцев общественных, национальных и религиозных организаций. В то же время администрации не удалось решить задачу адаптации вынужденных переселенцев к экономическим и социокультурным реалиям Северного Прикаспия.

Основными районами выселения переселенцев в Северный Прикаспий являлись губернии черноземной полосы центральной России (Воронежская и Тамбовская губернии), историко-географического района Слобожанщины (Харьковская губерния и частично Воронежская, Курская губернии) и Поволжья (Саратовская, Симбирская, Самарская, Казанская, Пензенская губернии). Внутри Северного Прикаспия переселенцы имели свои предпочтения в выборе районов вселения. Так, выходцы из Воронежской, Курской, Тамбовской и Харьковской губерний чаще всего селились в приволжских районах р. Волги, уроженцы Поволжских губерний предпочитали дельту Волги и побережье Каспийского моря. Во Внутренней Киргизской орде среди пришлого населения доминировали жители Самарской и Казанской губерний, калмыцкие земли вдоль Царицынско-Ставропольского и Астраханско-Кизлярского трактов заселялись преимущественно государственными крестьянами из Воронежской, Харьковской и Екатеринославской губерний, Области войска Донского.

Среди переселенцев, особенно в XVIII – первой половине XX в., большую долю составляли представители военно-служилых сословий и групп: войсковые обыватели, однодворцы, вышедшие в отставку солдаты. Астраханское казачество

формировалось большей частью не за счёт переселенцев из других казачьих войск, а из числа местных жителей, имеющих или имевших в той или иной степени отношение к военной службе (стрельцы, казаки, пушкари, однодворцы, калмыки, татары). Большая доля военного элемента среди пришлого населения объясняется тем, что в XVIII в. и на протяжении большей части XIX в. Северных Прикаспий являлся приграничной территорией, которая соприкасалась с беспокойными государствами и регионами России. Такое соседство делало военно-служилых людей желательным для государства поселенческим контингентом.

Свои особенные черты процесс заселения имел на землях уральских казаков, что было связано с особенностями их правового статуса и землепользования. Земли уральских казаков находились в пользовании всего войска и право их заселения имели исключительно лица, к нему принадлежавшие. В силу этого казачьи земли заселялись казаками, но своих сил у них было недостаточно, поэтому данный процесс шел медленными темпами.

Переселенческая политика государства в имперский период сыграла определяющую роль в заселении Северного Прикаспия и коренным образом изменила этнический, конфессиональный и социальный состав его населения. На 1 января 1915 г. в Астраханской губернии проживало 1 430 827 чел., из них 56,3 % принадлежали к русской национальности, к которым тогда относили великороссов, малороссов и белорусов, 24,7 % – к казахской, 10,2 % – к калмыцкой, 7,1 % – к татарской [Статистический, 1915: 4]. Несмотря на большие успехи, достигнутые в переселенческой политике, процесс заселения губернии полностью не был завершён. Большие территории остались вне процесса заселения оседлым населением. В Калмыцкой степи не была полностью выполнена программа заселения путей сообщения: запланированная цифра из 44 поселений оказалась почти вдвое ниже, благодаря действию запретительных мер на переселения посторонних лиц на калмыцкие и казахские земли, они сохранили большой земельный запас, который советская власть использовала впоследствии во время перевода кочевых народов на оседлый образ жизни и создание сети оседлых поселений. Значительный земельный резерв остался в Волго-Ахтубинской пойме,

на которую власти обратили внимание в 1945 г., разработав программу её заселения и освоения. Осталась нереализованной задача постройки железной дороги Астрахань – Тихорецкая и создания в её районе стационарной сети.

До революции Астраханская губерния входила в группу губерний европейской части России с низкими показателями плотности населения на одну квадратную версту. Внутри самой губернии население распределялось неравномерно: наивысшая плотность населения наблюдалась в г. Астрахани и в 5 уездах (поволжская полоса и приморье), а вот Внутренняя Киргизская орда и Калмыцкая степь были заселены очень слабо. Положительная динамика естественного и механического прироста позволяли надеяться в обозримом будущем полностью решить проблему заселения и освоения губернии, тем более что желающих обосноваться на постоянное жительство в Астраханской губернии, даже на калмыцких и казахских землях было предостаточно.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архивные источники

Российский государственный архив древних актов (РГАДА)

Фонд 16. Разряд XVI. Внутреннее управление.

Фонд 23. Разряд XXIII. Кавказские дела.

Фонд 1298. Материалы генерального и специального межевания по Астраханской губернии.

Российский государственный исторический архив (РГИА)

Ф. 169. Комитет для начертания общего плана водных и сухопутных сообщений.

Ф. 380. Плановый архив.

Фонд 381. Канцелярия министра земледелия.

Фонд 383. Первый департамент Министерства государственных имуществ.

Фонд 398. Департамент земледелия.

Фонд 1291. Земский отдел

Государственный архив Астраханской области (ГА АО)

Фонд 1. Канцелярия Астраханского гражданского губернатора.

Фонд 2. Канцелярия Астраханского военного губернатора.

Фонд 32. Астраханский губернский статистический комитет.

Фонд 194. Объединенный архивный фонд «Управление Каспийско-Волжскими рыбными и тюленьими промыслами.

Фонд 442. Астраханское губернское по крестьянским делам присутствие.

Фонд 597. Астраханский епархиальный комитет миссионерского православного общества.

Фонд 687. Астраханская казенная палата.

Фонд 794. Астраханское Управление земледелия и государственных имуществ.

Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК)

Фонд И-1. Главный пристав калмыцкого народа при Астраханском военном губернаторе.

Фонд И-2. Астраханская комиссия калмыцких дел.

Фонд И-3. Совет Астраханского калмыцкого управления.

Фонд И-6. Ордынское отделение Астраханской палаты государственных имуществ.

Фонд. И-7. Канцелярия Главного попечителя калмыцкого народа по заселению дорог на калмыцких землях.

Фонд. И-9. Управление калмыцким народом.

Фонд И-26. Яндыко-Мочажное улусное управление.

Фонд Р-145. Фонд профессора Н. Н. Пальмова.

2. Опубликованные источники

Сборники документов, материалов, справочные издания

1. Астраханский сборник, издаваемый Петровским обществом исследователей Астраханского края. – Астрахань: Тип. Н. С. Рослякова, 1896. – Вып. 1. – 335 с.

2. Василий Никитич Татищев (1686–1750). Записки. Письма. 1717–1750 гг. / отв. ред. А. И. Юхт. – М.: Наука, 1990. – 440 с.

3. Вся Астрахань и весь Астраханский край. Памятная книжка Астраханской губернии на 1897 г. – Астрахань: Издание Астраханского губернского статистического комитета, 1897. – 372 с.

4. Вся Астрахань и весь Астраханский край. Памятная книжка Астраханской губернии на 1909 г. – Астрахань: Издание Астраханского губернского статистического комитета, 1909. – 610 с.

5. Вся Астрахань и весь Астраханский край. Памятная книжка Астраханской губернии на 1910 г. – Астрахань: Издание Астраханского губернского статистического комитета, 1910. – 672 с.

6. Вся Астрахань и весь Астраханский край. Памятная книжка Астраханской губернии на 1916–1917 гг. – Астрахань: Издание Астраханского губернского статистического комитета, 1916. – 471 с.

7. Законы и инструкции, действующие в Каспийско-Волжском рыболовном районе. Издание второе. – Астрахань: Тип. Астраханского листка, 1913. – 132 с.

8. Зеленин, Д. К. Описание рукописей учёного архива Императорского русского географического общества / Д. К. Зеленин. – Пг.: Издание Русского географического общества, 1914. – Вып. 1. – 483 с.

9. Извлечение из описаний помещичьих имений в 100 душ и свыше. Астраханская губерния // Приложения к трудам Редакционных комиссий для составления положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. Сведения о помещичьих имениях. – СПб.: Тип. В. Безобразова и компании, 1860. – С. 1–3.

10. История Букеевского ханства. 1801–1852 гг.: сб. документов и материалов / сост. Б. Т. Жанаев, В. А. Иночкин, С. Х. Сагнаева. – Алматы: Дайк – Пресс, 2002. – 1120 с.

11. Обзор Уральской области за 1876 год. – Уральск: Уральский статистический комитет, 1876. – 89 с.

12. Обзор Уральской области за 1914 год. – Уральск: Уральский статистический комитет, 1915. – 152 с.

13. Отчет Астраханского епархиального православного Кирилло-Мефодиевского Братства за 1911 г. – Астрахань, 1912. – 92 с.
14. Отчёт Астраханского православного епархиального миссионерского общества за 1883 год // Астраханские епархиальные ведомости. – 1884. – № 7. – С. 106–119.
15. Отчёт Астраханского православного епархиального миссионерского общества за 1884 год // Астраханские епархиальные ведомости. – 1885. – № 7. – С. 111–126.
16. Отчёт Астраханского православного епархиального миссионерского общества за 1885 год // Астраханские епархиальные ведомости. – 1886. – № 9. Приложение. – 38 с.
17. Отчет о деятельности Астраханского епархиального комитета Православного миссионерского комитета за 1914 год. – Астрахань, 1915. – 40 с.
18. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. – СПб.: Изд-е Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1904. – Тетр. 2. Астраханская губерния. – 167 с.
19. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. – СПб.: Изд-е Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1904. – Т. LXXXVIII. Уральская область. – 125 с.
20. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. – СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1830. – Т. 4. – 881 с.
21. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. – СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1830. – Т. 6. – 815 с.
22. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. – СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1830. – Т. 10. – 995 с.
23. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. – СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1830. – Т. 12. – 960 с.
24. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. – СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1830. – Т.13. – 957 с.

25. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. – СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1830. – Т.14. – 863 с.
26. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. – СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1830. – Т. 15. – 1048 с.
27. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. – СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1830. – Т. 16. – 1016 с.
28. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. – СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1830. – Т. 19. – 1081 с.
29. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. – СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1830. – Т. 20. 1034 с.
30. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1830. – Т. 21. – 1083 с.
31. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. – СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1830. – Т. 22. – 1158 с.
32. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. – СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1830. – Т. 26. – 873 с.
33. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. – СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1830. – Т. 27. – 1120 с.
34. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. – СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1830. – Т. 29. – 1370 с.
35. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. – СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1830. – Т. 35. – 672 с.
36. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. – СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1831. – Т. 5. – Ч. 1. – 822 с.
37. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. – СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1848. – Т. 22. – Ч. 1. – 950 с.
38. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. – СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1867. – Т. 40. – Ч. 1. – 991 с.
39. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. – СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1880. – Т. 53. – Ч. 2. – 346 с.

40. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Третье. – СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1891. – Т. 9. – 728 с.
41. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Третье. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1907. – Т. 24. – Ч. 1. – 1257 с.
42. Руководящие положения по устройству беженцев. – Пг.: Тип. Министерства внутренних дел, 1916. – 16 с.
43. Саратовский исторический сборник, издаваемый Саратовской ученой архивной комиссией в память трехсотлетия г. Саратова. – Саратов: Тип. губернского земства, 1891. – Т. 1. – 592 с.
44. Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Астраханская губерния. – СПб.: Типография Карла Вульфа, 1861. – Вып. 2. – 87 с.
45. Статистический обзор Астраханской губернии за 1914 год. – Астрахань: Тип. губернского правления, 1915. – 117 с.
46. Труды Астраханского губернского статистического комитета. 2-е доп. изд. – Астрахань: Тип. Явленского, 1879. – Вып. 2. – [128] с.
47. Труды Астраханского губернского статистического комитета. – Астрахань: губернская типография, 1877. – Вып. 5. – 46; 4; [86]; 12; [75] с.

3. Нарративные источники

1. Гмелин, С. Г. Путешествие по России для исследования трёх царств природы / С. Г. Гмелин. – СПб.: Имп. академия наук, 1777. – Ч. 2. – 361 с.
2. Донесение в Сенат в 1719 г. в 1719 г. А. П. Волынского // Астраханский сборник, издаваемый Петровским обществом исследователей Астраханского края. – Астрахань: Тип. Астраханского губернского правления, 1896. – Вып. 1. – С. 237–240.
3. Извлечение из путевого журнала миссионера, иеромонаха Гавриила // Астраханские епархиальные ведомости. – 1877. – № 32. – С. 11–14.

4. Каспийская экспедиция К. М. Бэра 1853–1857 гг.: дневники и материалы / сост. Т. А. Лукина. – Л.: Наука, 1984. – Т. 9. – 557 с.
5. Лепехин, И. Дневные записки путешествия доктора и академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства, 1768 и 1769 году / И. Лепехин. – СПб.: Имп. академия наук, 1795. – 556 с.
6. Паллас, П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи / П. С. Паллас – СПб.: Имп. академия наук, 1773. – Ч. 1. – 657 с.
7. Потоцкий, Я. Путешествие в Астрахань и окрестные страны / Я. Потоцкий // Астраханский сборник, издаваемый Петровским обществом исследователей Астраханского края. – Астрахань: Тип. Астраханского губернского правления, 1896. – Вып. 1. – С. 303–328.
8. Путешествие в полуденную Россию в 1799 году Владимира Измайлова // Астраханский сборник, издаваемый Петровским обществом исследователей Астраханского края. – Астрахань: Тип. Астраханского губернского правления, 1896. – Вып. 1. – С. 329–335.

4. Литература

1. Акимова, Т. М. Поволжские чумаки. Исторический очерк о поволжских украинцах / Т. М. Акимова. – Саратов: Саратовское краевое изд-во, 1936. – 34 с.
2. Александрова, М. Село Пришиб [электронный ресурс] / М. Александрова // Летопись краеведа. – 2017. – 10 августа. – Режим доступа: // https://vk.com/letopis_kraeved (дата обращения: 13.05.2019).
3. Алиева, А. Н. Деятельность Астраханского городского комитета по устройству беженцев в годы Первой мировой войны (по материалам собрания Астраханского музея-заповедника) / А. Н. Алиева // Всероссийская научная конференция, посвященная 175-летию Астраханского музея-заповедника: сб. ст. – Астрахань: Издатель Сорокин Роман Васильевич, 2012. – С. 130–132.
4. Алиева, А. Н. Деятельность Селитренского местного комитета по оказанию помощи беженцам (1915–1917) / А. Н. Алиева // Астраханские

краеведческие чтения: сборник статей. – Астрахань: Издатель Сорокин Роман Васильевич, 2015. – Вып. VII. – С. 193–198.

5. Алиева, А. Н. Участие Астраханского земства в оказании помощи беженцам в 1915–1918 гг. / А. Н. Алиева // Астраханские краеведческие чтения: сборник статей. – Астрахань: Издатель Сорокин Роман Васильевич, 2011. – Вып. III. – С. 228 – 238.

6. Альбрандт, Я. Букеевская Киргизская орда / Я. Альбрандт // Букеевской Орде 200 лет / науч. ред. М. Кулькенов. – Алматы: Өлке, 2001. – Кн. 4. – С. 17–45.

7. Арсланов, Л. Ш., Викторин, В. М. «Переселенческие острова» ... Из истории татарских сел Нижнего Поволжья и Ставрополья / Л. Ш. Арсланов, В. М. Викторин // Идель. – 1992. – Вып. 1–2. – С. 84–88.

8. Аспандияров, Б. А. Образование Букеевской Орды и её ликвидация / Б. А. Аспандияров – Алматы: Казак энциклопедиясы, 2007. – 395 с.

9. Ахмедова, Д. У. Миграционные процессы в Дагестане в XIX– начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Ахмедова Джасмина Умрудиновна. – Владикавказ. 2012. – 22 с.

10. Багaley, Д. И. Материалы для истории колонизации и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губерний / Д. И. Багaley. – Харьков: тип. К. Л. Счасни, 1890. – 456 с.

11. Багaley, Д. И. Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства / Д. И. Багaley – М.: Изд. Импер. об-ва истории древностей России при Московском университете, 1887. – Т. I. История колонизации. – 614 с.

12. Бакшеев, А. И. Теория фронта и переселение крестьян в Сибирь: трактовка государственной политики XIX–XX вв. / А. И. Бакшеев // Известия лаборатории древних технологий. – 2020. – Т. 16. – № 2 (35). – С. 84 –94.

13. Батмаев, М. М. Калмыки в XVII–XVIII веках: события, люди, быт / М. М. Батмаев. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. – 381 с.

14. Башлыкова, Т. А. Были заволжского края: исторические очерки / Т. А. Башлыкова. – Волгоград: Комитет по печати и информации, 1999. – 260 с.

15. Бекмаханова, Н. Е. Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма (60-е годы XIX в. – 1917 г.) / Н. Е. Бекмаханова. – М.: Наука, 1986. – 242 с.
16. Бекмаханова, Н. Е. Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии. Последняя четверть XVIII – 60-е годы XIX в. / Н. Е. Бекмаханова. – М.: Наука, 1980. – 280 с.
17. Белоусов, С. С. В Калмыцкой степи на границе Европы и Азии: история возникновения и становления с. Приютного. 1850–1917 гг. / С. С. Белоусов. – Ставрополь: Сервис-школа, 2014. – 172 с.
18. Белоусов, С. С. Влияние железных дорог на развитие поселенческой сети в Астраханской губернии (последняя четверть XIX – начало XX вв.) / С. С. Белоусов // Былые годы. – 2020. – Т. 57. – № 3. – С. 1264–1271.
19. Белоусов, С. С. Влияние природного фактора на государственную переселенческую политику на калмыцких землях (1840-е – 1870-е гг.) / С. С. Белоусов // Былые годы. – 2019. – Т. 54. – № 4. – С. 1576–1583.
20. Белоусов, С. С. Государственная власть и рыбацкие поселки на землях кочевников в Северо-Западном Прикаспии (вторая половина XVIII – XIX вв.) / С. С. Белоусов // Былые годы. – 2021. – № 16 (2). – С. 535–542.
21. Белоусов, С. С. Государственная переселенческая политика в Северо-Западном Прикаспии в XVIII – первой половине XIX вв. / С. С. Белоусов // Ежегодные научные чтения Калмыцкого научного центра РАН – VIII. – Элиста: КалмНЦ РАН, 2019. – С. 11–15.
22. Белоусов, С. С. Государственная политика заселения Астраханско-Кизлярского и Царицынско-Ставропольского трактов во второй половине XIX века / С. С. Белоусов // Вопросы истории. – 2011. – № 3. – С. 153–158.
23. Белоусов, С. С. Государственная политика по формированию сети стационарных поселений на калмыцких землях Нижнего Поволжья и Степного Предкавказья (вторая половина XVIII–XIX вв.) / С. С. Белоусов // History and Historians in the Context of the Time. – 2014. – Вып. 13. – № 2. – С. 68–75.

24. Белоусов, С. С. Документы по государственной переселенческой политики в Астраханской губернии (вторая половина 1830-х гг.) / С. С. Белоусов // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. Серия история. – 2018. – Вып 1. – С. 6–17.
25. Белоусов, С. С. Из ранней истории заселения Кизлярского и Ставропольско-Царицынского трактов в 1763–1806 гг. / С. С. Белоусов // Труды VI науч.-практ. конф. молодых учёных и специалистов. Тезисы докладов и сообщений. – Элиста, 1990. – С. 25.
26. Белоусов, С. С. Из ранней истории села Абганерова Волгоградской области. 1848–1917 гг. (К 150-ти летнему юбилею села) / С. С. Белоусов // Сарепта и народы Поволжья в истории России (проблемы взаимодействия национальных культур. – Волгоград: Старая Сарепта, 1998. – С. 62–66.
27. Белоусов, С. С. К вопросу о возникновении переселенческих сел на калмыцких землях Астраханской губернии по топонимическим преданиям / С. С. Белоусов // Былые годы. – 2020. – Т. 58. – № 4. – С. 2522–2530.
28. Белоусов, С. С. К вопросу о времени основании г. Элисты / С. С. Белоусов // Кирилло-Мефодиевские чтения – 2018: лингвокультурный, исторический и межконфессиональный диалог: мат-лы межрегион. науч. конф. (г. Элиста, 23 мая 2018 г.). – Элиста: Изд-во Калмыцкого госуниверситета. – 2018б. – С. 39–41.
29. Белоусов, С. С. К вопросу о переселении крестьян в Калмыкию в XIX в. / С. С. Белоусов // Вклад молодых учёных и специалистов в социально-экономическое развитие Калмыцкой АССР. – Элиста, 1989. – Ч. 1. – С. 26–28.
30. Белоусов, С. С. К истории основания селений Удачное, Хошеутово, Вольное (Княжее) Астраханской области / С. С. Белоусов // Астраханские краеведческие чтения. Материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. (г. Астрахань, 23 мая 2014 г.). – Астрахань: Издатель Сорокин Роман Васильевич, 2014. – Вып. VI. – С. 153–160.
31. Белоусов, С. С. К истории разработки программы заселения дорог на калмыцких землях – первой государственной программы социально-

экономических преобразований в Калмыкии / С. С. Белоусов // Вестник КИГИ РАН. – Элиста: Джангар, 2002. – С. 120–133.

32. Белоусов, С. С. Конфессиональный аспект в переселенческой политике на калмыцких землях (вторая половина XIX в.) / С. С. Белоусов // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. – 2021. – № 99. – С. 50–62.

33. Белоусов, С. С. Названо в честь министра государственных имуществ... Село Киселевка Заветнинского района Ростовской области в первые годы своей истории / С. С. Белоусов // Астраханские краеведческие чтения: сб. ст. / под ред. А. А. Курапова, А. Н. Алиевой. – Астрахань: Издатель Сорокин Роман Васильевич, 2021. – Вып. XIII. – С. 139–147.

34. Белоусов, С. С. Назван по имени калмыцкого рода (из истории возникновения поселка Капкинка Волгоградской области. 1887–1917 гг., к 110-летнему юбилею его основания) / С. С. Белоусов // Старая Сарепта и народы Поволжья в истории России: мат-лы конф. II Сарептских встреч. – Волгоград: Старая Сарепта, 1997. – С. 66–69.

35. Белоусов, С.С. Новая интерпретация истории образования на территории Российской империи казахской административно-территориальной единицы – Внутренней (Букеевской) Орды / С. С. Белоусов // Проблемы полиэтничного макрорегиона в условиях дестабилизации Каспийско-Черноморского зарубежья: мат-лы Всеросс. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 29–30 сентября 2015 г.) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2015. – С. 27– 32.

36. Белоусов, С. С. О времени и обстоятельствах возникновения с. Яндыки, Промысловки, Караванного Лиманского района Астраханской области / С. С. Белоусов // Астраханские краеведческие чтения: сб. ст. / под ред. А.А. Курапова, Е.А. Герасимиди, Р.А. Тарковой. – Астрахань: Издатель Сорокин Роман Васильевич, 2015. – Вып. VII. – С. 161– 167.

37. Белоусов, С. С. Основано «свободными хлебопашцами». Из истории с. Аксай Октябрьского района / С. С. Белоусов // Отчий край. – 2003. – № 1 (37). – С. 236–237.
38. Белоусов, С. С. Основано таврическими переселенцами (с. Садовое, 1848–1917 гг.). / С. С. Белоусов. – Волгоград: Станица-2, 1999. – 88 с.
39. Белоусов, С. С. Первые поселенцы нашего города // Первопоселенцы Элисты / С. С. Белоусов. – Элиста: Изд-во Калмыцкого госуниверситета, 2015. – С. 43–47.
40. Белоусов, С. С. Переселения крестьян на калмыцкие земли из Таврической губернии (вторая половина 1840-х – 1850-е гг.) / С. С. Белоусов // Матеріали Третьої всеукраїнської наукової конференції з міжнародною участю «Достягнення соціально-гуманітарних наук в сучасній Україні». м. Сімферополь-Дніпропетровськ, 26 квітня 2013 р. – Сімферополь-Дніпропетровськ, 2013. – Ч. 2. – С. 180–183.
41. Белоусов, С. С. Переселения торгово-ремесленного населения на калмыцкие земли Астраханской губернии в контексте государственной торговой политики (XIX – начало XX вв.) / С. С. Белоусов // Былые годы. – 2019. – Т. 53. – № 3. – С. 1059–1066.
42. Белоусов, С. С. Переселенческая деятельность астраханских губернаторов В.Н. Татищева и Н. А. Бекетова / С. С. Белоусов // Монголоведение. – 2018. – Т. 10. – № 1. – С. 4–19.
43. Белоусов, С. С. Переселенцы в политике властей по христианизации калмыков (последняя треть XIX – начало XX вв.) / С. С. Белоусов // Новый исторический вестник. – 2019. – Т. 62. – С. 6–22.
44. Белоусов, С. С. Политика властей по привлечению казачества к поселению на трактах в XVIII в. (Астраханская губерния) / С. С. Белоусов // Oriental Studies. – 2018. – № 1. – С. 47–54.
45. Белоусов, С.С. Поселение начиналось с церкви. Село Воробьёвка (Бислюрта). 1877–1917 гг. / С. С. Белоусов. – М., 1998. – 80 с.

46. Белоусов, С. С. Православные приходы в Калмыкии в XIX – начале XX вв. (1806–1917 гг.) / С. С. Белоусов. – Элиста: Джангар, 2003. – 160 с.
47. Белоусов, С.С. Проблема седентаризации калмыцкого народа в контексте правительственных планов по модернизации его управления и социально-экономического уклада жизни (середина XIX – первая треть XX в. / С. С. Белоусов // *Journal of International Network Center for Fundamental and Applied Research*. – 2016. – Vol. (9). – Is. 3. – Pp. 115–122.
48. Белоусов, С. С. Разработка программы заселения территорий вдоль дорог на калмыцких землях / С. С. Белоусов // *Россия сельская. XIX – начало XX века* / отв. ред. А. П. Корелин. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 68–82.
49. Белоусов, С. С. Роль торгово-ремесленного населения в создании стационарных поселений на землях казахов Внутренней киргизской орды Астраханской губернии. XIX в. // *Oriental Studies*. – 2019. – № 44 (4). – С 634–644.
50. Белоусов, С. С. Самовольные поселения на калмыцких землях Астраханской и Ставропольской губерний: Переселенцы и губернские власти (XIX – начало XX веков) / С. С. Белоусов // *Новый исторический вестник*. – 2018. – № 1 (55). – С. 6–20.
51. Белоусов, С. С. Село Михайловка Харабалинского района Астраханской области в начале своего исторического пути / С. С. Белоусов // *Астраханские краеведческие чтения: сб. ст. / под ред. А. А. Курапова, А. Н. Алиевой*. – Астрахань: Издатель Сорокин Роман Васильевич, 2020. – Вып. XII. – С. 124–131.
52. Белоусов, С. С. Село Обильное в начале своей истории / С. С. Белоусов // *Наука и высшая школа Калмыкии*. – 2000. – № 2 (3). – С. 80–83.
53. Белоусов, С. С. Славянские вынужденные переселенцы в Астраханской губернии в годы Первой мировой войны: проблема жизнеобеспечения и адаптации / С. С. Белоусов // *Славяноведение*. – 2021. – № 1. – С. 94–104.
54. Белоусов, С. С. Стационарные миссионерские пункты как один из важных компонентов политики Русской православной церкви по христианизации

калмыков (на материалах Князе-Михайловского стана) / С. С. Белоусов // Вестник института. – Элиста, 2001. – Вып. 16. – С. 156–173.

55. Белоусов, С. С. Стихийные крестьянские переселения в Калмыкию в первой половине XIX в. / С. С. Белоусов // Социально-экономическое и политическое положение крестьянства Калмыкии в дооктябрьский период: сб. ст. / отв. ред. И. В. Борисенко. – Элиста: КНИИИФЭ, 1989. – С. 51–62.

56. Белоусов, С. С. Торговый поселок Яшкуль (1879–1917 гг.) / С. С. Белоусов // Наука и высшая школа Калмыкии. – 2000. – № 1 (2). – С. 107–120.

57. Белоусов, С. С. Умётная система заселения трактов в Астраханской губернии / С. С. Белоусов // Монголоведение – 2019. – № 18. – С. 394–406.

58. Белоусов, С. С. Формирование органов управления и административно-территориального устройства переселенческой деревни на калмыцких землях Астраханской губернии (Вторая половина XIX века) / С. С. Белоусов // Былые годы. 2020. – Т. 56. – № 2. – С. 632–639.

59. Белоусов, С. С. Эволюция переселенческой политики российского правительства на калмыцких землях (XIX – начало XX вв.) / С. С. Белоусов // Юг России: реформы, революции, поиски гражданского мира (памяти П. А. Столыпина): мат-лы науч. регион. конф. (г. Ростов-на-Дону, 1–2 июня 2011 г.). – Ростов н/Д: Южный научный центр РАН, 2011. – С. 100–103.

60. Белоусов, С. С. Этнокультурная ситуация в с. Басы Астраханской губернии в XVIII–XIX вв. / С. С. Белоусов // Монголоведение. – 2007. – № 4. – С. 215–220.

61. Бентковский, И. В. Первоначальное устройство административных учреждений на Кавказской линии / И. В. Бентковский // Ставропольские губернские ведомости. – 1886. – № 41.

62. Бирюков, И. А. Астраханские казаки: Исторические очерки и рассказы. Географические, экономические и служебные сведения о войске / И. А. Бирюков. – Астрахань, 1904. – 228 с.

63. Бирюков, И. А. История Астраханского казачьего войска / И. А. Бирюков. – Саратов: Тип. П. С. Феокритова, 1911. – Ч. 1. – 745 с.

64. Бларамберг, И. Ф. Военно-статистическое обозрение земель киргизкайсаков Внутренней (Букеевской) и Зауральской (Малой) орды Оренбургского ведомства / И. Ф. Бларамберг. – СПб., 1848. – Т. 14. – Ч. 3. – 194 с.
65. Бобров, П. Приходская летопись села Пришиба, Царевского уезда, составленная в 1874 году / П. Бобров // Труды Астраханского губернского статистического комитета. – Астрахань: Губернская типография, 1875. – Вып. 4. – С. 1–25.
66. Болдырев, И. Поселок Ракуша, Гурьевского уезда, Уральской области / И. Болдырев // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1901. – № 28. – С. 741–743.
67. Болховитинов, Е. А. Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии / Е. А. Болховитинов. – Воронеж: Тип. Губернского правления, 1800. – 229 с.
68. Борисенко, И. В. Очерки исторической географии Калмыкии. Дооктябрьский период / И. В. Борисенко. – Элиста: КИОН АН СССР, 1991. – 229 с.
69. Борисенко, И. В. Русско-украинская переселенческая деревня Калмыцкой степи: пути возникновения и развития (середина XIX в. – 1917 г.) / И. В. Борисенко // Социально-экономическое и политическое положение крестьянства Калмыкии в дореволюционный период: сб. ст. / отв. ред. И. В. Борисенко. – Элиста, 1989. – С. 63–89.
70. Бородин, А. В. Россия. Астраханский край. Человек с историко-колониционной точки зрения / А. В. Бородин. – Пг., 1923. – Т. 12. – 11 с.
71. Бородин, Н. А. Уральское казачье войско: Статистическое описание в 2 т. / Н. А. Бородин. – Уральск: Уральское войсковое хозяйственное правление, 1891. – Т. 1. – 947 с.
72. Будков, И. Село Средне-Ахутбинское [Электронный ресурс] / И. Будков // Летопись краеведа. – 2017. – 27 июля. – Режим доступа: https://vk.com/letopis_kraeved (дата обращения: 07.08.2019).

73. Бурдуков, Н. Ф. О захватах калмыцкой земли: по поводу изъятия из пользования калмыцкого народа 10-ти верстной полосы / Н. Ф. Бурдуков. – СПб.: Тип. В. П. Мещерского, 1900. – 26 с.
74. Бурчинова, Л. С. К вопросу о земельной политике царизма в Калмыкии в XIX веке / Л. С. Бурчинова // Вестник Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Сер. историческая. – Элиста, 1976. – Вып. 15. – С. 70–89.
75. Бурчинова, Л. С. Колониальная политика царизма в Калмыкии в русской историографии / Л. С. Бурчинова // Вестник Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории. – Элиста, 1968. – Вып. 3. – С. 5–25.
76. Бурчинова, Л. С. Команджаев, А. Н. От феодализма к капитализму / Л. С. Бурчинова, А. Н. Команджаев. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1989. – 136 с.
77. Васькин, Н. М. Заселение Астраханского края / Н. М. Васькин. – Волгоград: Нижне-Волжское кн. изд-во, 1973. – 47 с.
78. Васькин, Н. М. Помещичье землевладение в Астраханском крае во второй половине XVIII в. / Н. М. Васькин // Проблемы истории СССР. – М., 1976. – С. 180–195.
79. Великая Отечественная война и Астраханская церковная жизнь в 1914–1915 гг. // Астраханские епархиальные ведомости. – 1916. – № 21. – С. 399–405.
80. Витевский, В. Н. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. / В. Н. Витевский. – Казань: Типо-Лит. В. М. Ключникова, 1890. – Вып. 2. – С. 177–368.
81. Водарский, Я. Е. Население России за 400 лет (XVI – начало XX в.) / Я. Е. Водарский. – М.: Просвещение, 1973. – 158 с.
82. Воскресенский, А. Петропавловская церковь с. Цветного Астраханского уезда / А. Воскресенский // Астраханские епархиальные ведомости. – 1905. – № 3. – С. 149–154.
83. Гаврилов, Д. Елтонский соляной промысел. Из путевых заметок / Д. Гаврилов // Русский вестник. – 1869. – Т. 83. – № 9. – С. 265–289.

84. Гераклитов, А. А. История Саратовского края в XV–XVIII вв. / А. А. Гераклитов. – Саратов: Друкаръ, 1923. – 376 с.
85. Германов, М. А. Постепенное распространение однодворческого населения в Воронежской губернии / М. А. Германов // Записки Императорского Русского географического общества. – СПб.: Тип. Имп. академии наук, 1857. – Кн. XII. – 142 с.
86. Гинс, Г. К. Переселение и колонизация / Г. К. Гинс. – СПб.: Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1913. – Вып. 2. – 65 с.
87. Голикова, Н. Б. Очерки по истории городов России конца XVII – начала XVIII в. / Н. Б. Голикова. – М.: Изд-во Московского университета, 1982. – 216 с.
88. Головащенко, А. Соляные промыслы Астраханской губернии / А. Головащенко // Труды Астраханского губернского статистического комитета. – Астрахань: Тип. Астраханского губернского статистического комитета, 1877. – Вып. 5. – С. 1–46.
89. Город Степной // Сельское хозяйство Астраханского края. – 1917. – № 7. – С. 246–247.
90. Граников, А. Слобода Рахинка, Царевского уезда, Астраханской епархии / А. Граников // Астраханские епархиальные ведомости. – 1901. – № 3. – С. 123–126.
91. Гримм, О. А. Каспийско-Волжское рыболовство / О. А. Гримм. – СПб.: Тип. В. Демакова, 1896. – 154 с.
92. Гурвич, И. А. Переселения крестьян в Сибирь / И. А. Гурвич. – М.: Тип. А. Левенсон и К., 1888. – 144 с.
93. Гурий (Степанов А. И.) Очерки по истории распространения христианства среди монгольских племен / Гурий. – Казань, 1915. – Т. 1. – Ч. 2. – 700 с.
94. Дзагов, Р. Н. Миграционная политика российского правительства в Кабарде во второй половине XIX–XX вв. / Р. Н. Дзагов // История науки и техники. – 2008. – № 4. – С. 57–62.

95. Дорджиева, Г. Ш. Буддизм и христианство в Калмыкии: Опыт анализа религиозной политики правительства Российской империи (середина XVII – начало XX в.) / Г. Ш. Дорджиева. – Элиста: Джангар, 1995. – 126 с.
96. Дорджиева, Е. В. Исход калмыков в Китай в 1771 г. / Е. В. Дорджиева. – Ростов н/Д: Изд-во Северо-Кавказского научного центра высшей школы, 2002. – 212 с.
97. Дремков, В. Джамбай (статистико-географический очерк Никольской волости, Красноярского уезда, Астраханской губернии) / В. Дремков // Отчет Петровского общества исследователей Астраханского края за 1895 год. – Астрахань, 1897. – С. 81–102.
98. Дюсюпова, А. Д. Правовое регулирование переселенческой политики в России во второй половине XIX– начале XX в.: К истории вопроса / А. Д. Дюсюпова // Право и государство: Теория и практика. – 2020. – № 5 (185). – С. 49–53.
99. Ермаков, Н. А. Астрахань и Астраханская губерния. Описание края и общественной и частной жизни его / Н. А. Ермаков. – М.: Тип. В. Готье, 1852. – 176 с.
100. Житецкий, И. А. Астраханские калмыки (Наблюдения и заметки) / И. А. Житецкий // Сборник трудов членов Петровского общества исследователей Астраханского края. – Астрахань: Тип. Астраханского листка, 1892. – 185 с.
101. Зайончковская, Ж. А. Россия: миграция в разном масштабе времени / Ж. А. Зайончковская. – М.: Центр изучения проблем вынужденной миграции в СНГ, 1999. – 66 с.
102. Заселение дорог в калмыцких степях // Журнал Министерства государственных имуществ. – 1856. – Ч. 60. – Отд. 1. – С. 28–42.
103. Зиманов, С. З. Россия и Букеевское ханство / С. З. Зиманов. – Алма-Ата: Наука, 1982. – 171 с.
104. Зыков, Ф. П. Астраханские морские ловцы в прошлом и современном их положении / Ф. П. Зыков // Астрахань и Астраханский край. – Астрахань, 1924. – С. 119–150.

105. Зубков, К. И. Колонизационный тренд в истории имперской России: динамика «вызовов и ответов» / К. И. Зубков // История и современное мировоззрение. – 2019. – № 4. – С. 32–40.
106. Зубович, П. О. О самовольных поселках в Астраханском и Красноярском уезде / П. О. Зубович // Отчет Петровского общества исследователей Астраханского края за 1894 год. – Астрахань: Паровая новая русская типография, 1896. – С. 35–45.
107. Евреинов, А. Внутренняя или Киргиз-Казачья орда / А. Евреинов // Букеевской Орде 200 лет / науч. ред. М. Кулькенов. – Алматы: Ёлке, 2001. – Кн. 4. – С. 30–86.
108. Ершов, Л. Исторические и статистические сведения об Астраханском казачьем войске / Л. Ершов // Труды Астраханского губернского статистического комитета. – Астрахань: Астраханская губернская типография, 1869. – Вып. 1. – С. 57–100.
109. Иванов, И. С. Внутренняя Киргизская Орда / И. С. Иванов // Букеевской Орде 200 лет / науч. ред. М. Кулькенов. – Алматы: Ёлке, 2001. – Кн. 2. – С. 140–231.
110. Игнатов, В. И. История и народная поэзия села Плодовитого Малодербетовского района Калмыцкой АССР / В. И. Игнатов. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1981. – 302 с.
111. Имашева, М. М. Торгово-предпринимательская и общественная деятельность татар во Внутренней киргизской орде Астраханской губернии (конец XIX – XX вв.) / М. М. Имашева // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. – 2014. – № 4 (30). – С. 126–130.
112. Имперская политика аккультуризма и проблема колониализма (на примере кочевых и полукочевых народов Российской империи) / науч. ред. С. В. Любичанковский. – Оренбург: Изд-во Центрального ОГАУ, 2019. – 480 с.
113. Иринарх. Несколько слов о рациональной постановке инородческой миссии среди калмыков-ламаитов Астраханской губернии / Иринарх // Астраханские епархиальные ведомости. – 1915. – № 35–36. – С. 807–814.

114. Исаев, А. А. Переселения в русском народном хозяйстве / А. А. Исаев. – СПб.: А. Ф. Цинзерлинг, 1907. – 192 с.
115. Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности Министерства государственных имуществ (1837–1887 гг.). – СПб: Паровая скоропечатня Яблонский и Перрон, 1888. – Т. 2. – 559 с.
116. История Астраханского края: монография / под. общ. ред. И. М. Ушакова. – Астрахань: Изд-во Астраханского государственного педагогического университета, 2000. – 1122 с.
117. История заселения и хозяйственного освоения Воронежского края в эпоху феодализма: сб. ст. / отв. ред. В. П. Загоровский. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1987. – 142 с.
118. История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. – Элиста: Герел, 2009. – Т. 1. – 848 с.
119. Кабузан, В. М. Народы России в XVIII веке: численность и этнический состав / В. М. Кабузан. – М.: Наука, 1990. – 256 с.
120. Кабузан, В. М. Народы России в первой половине XIX века: численность и этнический состав / В. М. Кабузан. – М.: Наука, 1992. – 214 с.
121. Калмыцкая степь Астраханской губернии по исследованиям Кумо-Манычской экспедиции. – СПб.: Мин-во гос. имущ., 1868. – 300 с.
122. Карагодин, А. И. Калмыцкий Базар (из истории торговых отношений в Калмыкии во второй половине XVIII – первой половине XIX вв.) / А. И. Карагодин // Исследования по исторической географии Калмыцкой АССР: сб. ст. / отв. ред. А. И. Наберухин. – Элиста: КНИИИФЭ, 1981. – С. 31–48.
123. Карагодин, А. И. Крестьянское освоение Астраханского края в первой половине XIX века / А. И. Карагодин // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. – М.: Наука, 1980. – Сб. IX. – С. 131–148.
124. Карагодин, А. И. Торговая политика русского царизма в Калмыкии / А. И. Карагодин // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Сер. Общественные науки. – 1983. – № 2. – С. 59–62.

125. Карагодин, А. И. Хозяйство и общественно-политический строй приволжских калмыков в последней трети XVIII – первой половине XIX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Карагодин Анатолий Иванович. – Запорожье, 1988. – 47 с.
126. Кауфман, А. А. Переселение и колонизация / А. А. Кауфман. – СПб.: Общественная польза, 1905 – 349 с.
127. К вопросу о предположенном выселении жителей поселков, расположенных на береговой полосе Каспийского моря // Астраханский вестник. – 1889. – № 69.
128. Киттара, М. Я. Ставка хана Внутренней Киргизской орды. / М. Я. Киттара // Букеевской Орде 200 лет / науч. ред. М. Кулькенов. – Алматы: Ёлке, 2001. – Кн. 3. – С. 5–38.
129. Клушин, А. Неизвестная история села Безродное [Электронный ресурс] / А. Клушин // Летопись краеведа. – 2019. – 2 июня. – Режим доступа: https://vk.com/letopis_kraeveda (дата обращения: 10.06.2020).
130. Клушин, А. Село Александровка [Электронный ресурс] / А. Клушин // Летопись краеведа. – 2018. – Режим доступа: https://vk.com/letopis_kraeveda (дата обращения: 23.04.2020).
131. Колесник, В. И. Последнее великое кочевье: Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII–XVIII веках / В. И. Колесник. – М.: Вост. лит., 2003. – 286 с.
132. Колпиков, Ф. Краткая летопись Николаевской церкви села Разночинского Красноярского уезда / Ф. Колпиков // Астраханские епархиальные ведомости. – 1886. – № 11–12. – С. 402–380.
133. Колпиков, Ф. Краткая летопись Хошеутовского прихода, Енотаевского уезда / Ф. Колпиков // Астраханские епархиальные ведомости. – 1881. – № 41. – С. 652–656.
134. Команджаев, А. Н. О месте переселенческого населения в аграрной эволюции Калмыкии / А. Н. Команджаев / Проблемы аграрной истории дореволюционной Калмыкии: сб. ст. / отв. ред. К. П. Шовунов. – Элиста:

Республиканская типография Государственного комитета Калмыцкой АССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 1982. – С. 91–102.

135. Команджаев, А. Н. Хозяйство и социальные отношения в Калмыкии в конце XIX–XX вв: исторический опыт и современность / А. Н. Команджаев. – Элиста: Джангар, 1999. – 262 с.

136. Костенков, К. И. Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии / К. И. Костенков. – СПб.: Министерство государственных имуществ, 1870. – 170 с.

137. Костенков, К. И. Статистико-хозяйственное описание Калмыцкой степи Астраханской губернии / К. И. Костенков. – СПб.: Тип. В. Безобразова и комп., 1868. – 173 с.

138. Кряжимский, В. И. Село Кресты Астраханской губернии / В. И. Кряжимский // Астраханские епархиальные ведомости. – 1906 – № 2. – С. 79–85.

139. Куваева, А. А. Миграционная политика России в Северо-Западном Кавказе во второй половине XIX–начале XX вв. / А. А. Куваева // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – 2011. – № 3. – С. 86–92.

140. Кузнецов, В. А. Пограничная служба яицких казаков в XVIII в. / В. А. Кузнецов // Армия и общество. – 2008. – Вып. 4. – С. 127–132.

141. Кундакбаева, Ж. Б. «Знаком милости Е. И. В...». Россия и народы Северного Прикаспия в XVIII веке / Ж. Б. Кундакбаева. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. – 303 с.

142. Курышев, А. В. Волжское казачье войско (1730–1804): создание, развитие и преобразование в линейные казачьи полки / А. В. Курышев. – Волгоград: Издатель, 2011. – 352 с.

143. Курышев, А. В. Образование Волжского казачьего войска // Казачество России: прошлое и настоящее: сб. науч. ст. / А. В. Курышев. – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2006. – Вып. 1. – С. 188–235.

144. Курышев, А. В. Царицынская укрепленная линия в истории Донского и Волжского казачества (1720–1777 гг.) / А. В. Курышев // Полиэтнический макрорегион: язык, культура, политика, экономика. Тезисы докладов Всеросс. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 9–10 октября 2008 г.). – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008. – С. 173–177.
145. Лебедев, К. Н. О Каспийском рыболовстве / К. Н. Лебедев. – СПб.: Тип. Штаба Отдельного корпуса внутр. стражи, 1863. – 136 с.
146. Левшин, А. И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей / А. И. Левшин. – СПб.: Тип. К. Крайя, 1832. – Ч. 1. – [2], XII, [2], 264 с., [1] л. ил.; Ч. 2. – X, 333, [1] с., [3] л. табл.; Ч. 3. – [6], 304 с., [6] л. ил.
147. Летницкий, А. Село Солодушино (Царевского уезда Астраханской губернии) / А. Летницкий // Астраханские епархиальные ведомости. – 1890. – № 5. – С. 165–170.
148. Любавский, М. К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времён и до XX века / М. К. Любавский. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. – 688 с.
149. Любомиров, П. Г. О заселении Астраханской губернии в XVIII веке / П. Г. Любомиров. – Астрахань: Изд. Астраханского Губплана, 1926. – 24 с.
150. Любомиров, П. Г. Очерки по истории русской промышленности / П. Г. Любомиров. – М.: Госполитиздат, 1947. – 763 с.
151. Максимов, К. Н. Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII–XX вв.) / К. Н. Максимов. – М.: Наука, 2002. – 524 с.
152. Малинин, В. Освещение нового здания для школы грамоты в поселке Бертюль Астраханского уезда / В. Малинин // Астраханские епархиальные ведомости. – 1905. – № 15. – С. 660–662.
153. Мальцева, И. Ф. Заселение Нижнего Поволжья во второй половине XVIII – первой половине XIX в.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Мальцева Ирина Филипповна. – М., 1981. – 225 с.
154. Марков, А. С. Петр I и Астрахань / А. С. Марков. – Астрахань: Форзац, 1994. – 192 с.

155. Меркулов, Б. Г. Село Началово. Черепаха тож / Б. Г. Меркулов. – Астрахань: Новая Линия, 2016. – 376 с.
156. Минкин, Г. З. Об общественном строе Калмыкии и колониальной политике царизма / Г. З. Минкин. – Элиста: КНИИЯЛИ, 1968. – 58 с.
157. Миретин, А. В. Анализ источников по истории молокан двух Пришибов в XIX столетии [Электронный ресурс] / А. В. Миретин // Молокане: материалы к истории. – 2017. – 23 ноября. – Режим доступа: <http://molokans.ru>23 (дата обращения: 18.07.2019).
158. Митиров, А. Г. Оседлые поселения в калмыцких улусах / А. Г. Митиров // Материальная и духовная культура калмыков: сб. ст. / отв. ред. К. П. Катушов. – Элиста, 1983. – С. 3–27.
159. Миссионерский сборник статей и заметок о калмыках и киргизах, кочующих в Астраханском крае. – Астрахань: Издание Астраханского комитета Православного миссионерского общества, 1910. – 516 с.
160. Михайлов, И. И. Астраханские ловцы / И. И. Михайлов // Библиотека для чтения. – 1856. – Отд. 1. – Т. 137. – С. 135 – 192; Отд. 1. – Т. 138. – С. 113–136.
161. Михайлов, И. И. Хозяйственно-статистические очерки Астраханской губернии / И. И. Михайлов. – СПб.: Тип. Мин-ва гос. имуществ, 1851. – 176 с.
162. Небольсин, П. Очерки Волжского Низовья / П. Небольсин. – СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1852. – 199 с.
163. Никанор (Каменский Н. Т.) Краткая история Астраханской епархии / Никанор. – Астрахань: Тип. Перова, 1886. – 140 с.
164. Никольский, А. М. Астраханские морские ловцы. Статистико-экономическое описание / А. М. Никольский. – СПб.: Тип. Морского министерства, 1898. – 174 с.
165. Обзор деятельности Министерства государственных имуществ по заведыванию государственными крестьянами и южными поселянами с 1838 по 1866 гг. – СПб.: Тип. В. Безобразова и К, 1867. – 128 с.
166. Объединение поселков Киргизской степи // Сельское хозяйство Астраханского края. – 1917. – № 7. – С. 253.

167. Общий обзор XIX морского рыболовного участка Управления Каспийско-Волжских рыбных и тюленьих промыслов. – Уральск: Изд-во Уральского областного статистического комитета, 1912. – 34 с.

168. О деятельности Астраханского епархиального комитета по устройству быта беженцев // Астраханские епархиальные ведомости. – 1915. – № 28. – С. 648–650.

169. Озерецковский, Н. Я. Описание Колы и Астрахани / Н. Я. Озерецковский. – СПб.: Изд. Императорской академии наук, 1804 г. – 131 с.

170. Оконова, Л. В. Вопросы миграции в Калмыцкой степи Астраханской губернии: опыт источниковедческого анализа (по материалам переписи 1897 г.) / Л. В. Оконова // Oriental Studies. – 2012. – Т. 5. – № 3. – С. 19–24.

171. Опалев, М. Н. Особенности работы Астраханской железной дороги в условиях заволжских степей и пустынь (начало XX в.) / М. Н. Опалев // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 10 (36). – Ч. 2. – С. 142–147.

172. Описание населенных мест Астраханского уезда, находящихся в ведении общей полиции // Труды Астраханского губернского статистического комитета. – Астрахань: Губернская типография, 1877. – Вып. 5. – 184 с.

173. Орлова, К. В. История христианизации калмыков: середина XVII – начало XX в. / К. В. Орлова. – М.: Вост. лит., 2006. – 205 с.

174. Островский, М. Н. Всеподданнейший доклад министра государственных имуществ по поездке в Калмыцкую степь Астраханской губернии в 1891 г. / М. Н. Островский. – СПб.: Тип. Я. И. Либермана, 1892. – 73 с.

175. Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период / гл. ред.: Н. В. Устюгов, И. Я. Златкин, Е. Н. Кушева. – М.: Наука, 1967. – 479 с.

176. Очиров, У. Б. Тюркоязычные этнические группы в составе Калмыцкого ханства (XVII–XVIII вв.) / У. Б. Очиров // Вестник института комплексных исследований аридных территорий. – 2008. – № 2 (17). – С. 98–102.

177. Пальмов, Н. Н. К истории рыбной промышленности в Астраханском крае в первой половине XVIII в. / Н. Н. Пальмов // Наш край. – 1924. – № 4. – С. 113–135.
178. Пальмов, Н. Н. Обоседление калмыков и русская иммиграция в Калмыцкую степь / Н. Н. Пальмов // Калмыцкая область. – 1925. – № 2. – С. 125–145. – № 3. – С. 70–108.
179. Пальмов, Н. Н. Этюды по истории приволжских калмыков. / Н. Н. Пальмов. – Астрахань: Калмыцкий областной исполнительный комитет, 1932. – Ч. 5. Дела земельные. – 185 с.
180. Паньков, И. П. Из истории ставропольских туркмен и калмыков в 17–18 веках / И. П. Паньков. – Чарджоу, 1960. – 16 с.
181. Переведенцев, В. И. Методы изучения миграции населения / В. И. Переведенцев. – М.: Наука, 1975. – 231 с.
182. Перетяткович, Г. И. Поволжье в XVII и в начале XVIII в. / Г. И. Перетяткович. – Одесса: Тип. В. А. Зеленого (Г. Ульриха), 1882 – 400 с.
183. Плевел, И. Р. Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII в. / И. Р. Плевел. – Изд. 3-е. – М.: Международный союз немецкой культуры, 2008. – 400 с.
184. Плюцинский, С. С. Переселенные немцы на территории Астраханской губернии в годы Первой мировой войны (1914–1918) / С. С. Плюцинский // История и современная регионалистика Верхнего Дона и Нижнего Поволжья: сб. науч. ст. по материалам науч. конф. «Историческое и этнокультурное развитие Нижнего Поволжья» (г. Волгоград, 10–11 сентября 2004 г.). – Волгоград: Волгоградское научное изд-во, 2005 – С. 218–231.
185. Подгорный, И. «Щепки Великой войны» (среди беженцев) / И. Подгорный // Астраханский листок. – 1915. – 6 сентября. – 8 сентября.
186. Поездка астраханского губернатора генерал-майора Б. Л. Гронбчевского во Внутреннюю Киргизскую Орду // Астраханский вестник. – 1904. – 21 мая.

187. Покасов, И. Бирючья Коса Астраханского уезда (историко-статистический очерк села) / И. Покасов // Астраханские епархиальные ведомости. – 1911. – № 17. – С. 652–661.

188. Покасов, И. Поселок Оля (прихода с. Бирючьей Косы Астраханского уезда) / И. Покасов // Астраханские епархиальные ведомости. – 1909. – № 18. – С. 586–591.

189. Покасов, И. Село Аксай (Астраханской губернии, Черноярского уезда) / И. Покасов // Астраханские епархиальные ведомости. – 1903. – № 18. – С. 931–936.

190. Покасов, М. Село Плодовитое Черноярского уезда Астраханской епархии. Историко-статистический очерк / М. Покасов // Астраханские епархиальные ведомости. – 1904. – № 18. – С. 770–775.

191. Поленов, А. Пути торгово-промыслового движения в Букеевской орде и в пограничных с нею местностях / А. Поленов // Букеевской Орде 200 лет / науч. ред. М. Кулькенов. – Алматы: Ёлке, 2001. – Кн. 6. – С. 46–242.

192. Пономарёв, А. М. Проекты поселения казаков по границе Астраханской губернии в середине XVIII века (основание крепостей, форпостов, поселений). / А. М. Пономарёв // Астраханские краеведческие чтения: сб. ст. – Астрахань: Сорокин Роман Васильевич, 2017. – Вып. IX. – С. 105–113.

193. Попов, Е. В. Характеристика переселенческой политики в Российской империи в 60–80-е гг. XIX в. в контексте дискурса имперских экспертов / Е. В. Попов // *Via in tempore. История. Политология.* 2021. – Т. 48. – № 2. – С. 394–404.

194. Попов, Н. В. Татищев и его время / Н. В. Попов. – М.: Изд. К. Солдатенкова и Н. Щепкина, 1861. – 804 с.

195. Попов, П. П. Слово о «Старой Сарепте» / П. П. Попов. – Волгоград: Комитет по печати, 1994. – 160 с.

196. Прозрителев, Г. Н. Первые русские поселения на Северном Кавказе и в нынешней Ставропольской губернии / Г. Н. Прозрителев. – Ставрополь: Тип. губернского правления, 1912. – 24 с.

197. Реверсов, П. И. Материалы для церковно-приходской летописи Астраханского уезда Четырехбугоринского селения Николаевской церкви / П. И. Реверсов // Астраханские епархиальные ведомости. – 1879. – № 3. – С. 40–44.

198. Редькина, О. Ю. Старое русское сектантство на Нижней Волге и Дону в XVIII – XX вв. / О. Ю. Редькина // Геоэкономические и культурные особенности хозяйственного развития Прикаспия и Приазовья в XVIII–XX вв.: сб. науч. ст. – Волгоград: Изд-во Волгоградского ун-та, 1999. – С. 117–131.

199. Ровинский, И. В. Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний по гражданскому и естественному их состоянию; в отношении к земледелию, промышленности и домоводству / И. В. Ровинский. – СПб.: Императорская типография, 1809. – 551 с.

200. Россия: Полное географическое описание нашего отечества: Настольная книга для русских людей / сост.: П. А. Ососков, Н. А. Коростелев, Н. Г. Гаврилов и др. – СПб.: А. Ф. Девриен, 1901. – Т. 6. Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье [Казанская, Симбирская, Самарская, Саратовская и Астраханская губернии]. – 599 с.

201. Русанов, М. Михайловские субботники / М. Русанов. – Астраханские епархиальные ведомости. – 1903. – № 13. – С. 653–663.

202. Рыбаковский, Л. Л. Миграция населения (Вопросы теории) / Л. Л. Рыбаковский. – М.: ИСПИ, 2003. – 239 с.

203. Рыбаковский, Л. Л. Миграция населения / Л. Л. Рыбаковский. – М.: Юрайт, 2019. – 480 с.

204. Рыбушкин, М. Записки об Астрахани / М. Рыбушкин. – М.: Тип. Селивановского, 1841. – 220 с.

205. Рычков, П. И. Топография оренбургская / П. И. Рычков. – СПб: Тип. Имп. академии наук, 1762. – Ч. 2. – 262 с.

206. Рязано-Уральская железная дорога и ея район. – СПб.: Изд. Правления Общества Рязано-Уральской железной дороги, Типо-лит. Н. И. Евстифеева, 1913. – 395 с.

207. Саввинский, В. Освящение храма в поселке Раздор прихода с. Каралата Астраханского уезда / В. Саввинский // Астраханские епархиальные ведомости. – 1905. – № 22. – С. 947–949.

208. Саввинский, И. И. Историческая записка об Астраханской епархии за 300 лет ее существования (с 1602 по 1902 год) / И. И. Саввинский // Очерки истории Астраханской епархии за 400 лет ее существования: В 2 т. – Ростов н/Д: Фолиант, 2002. – Т. 2. – 632 с.

209. Саввинский, И. И. О деятельности Астраханского епархиального комитета по распространению христианства среди калмыков и киргизов за все время его существования (1871–1909 гг.) / И. И. Саввинский // Астраханские епархиальные ведомости. – 1910. – № 16. – С. 563–578; № 17.–С. 595–613; № 18. – С. 641–653; № 19.–С. 681–700; № 20.– С. 717–724; № 22. – С. 783 –798; № 23. – С. 831–838; № 24. – С. 898–906; 1911 – № 2. – С. 59–71; № 5. – С. 197–204; № 19. – С. 682–700.

210. Саввинский, И. И. О деятельности Астраханского епархиального комитета по распространению христианства среди калмыков и киргизов за все время его существования (1871–1909 гг.) / И. И. Саввинский // Астраханские епархиальные ведомости. – 1910. – № 20. – С. 717–724.

211. Сазонова, С. Е. Государственная переселенческая политика и движение украинского населения в районы Кубани в конце XVIII – первой половине XIX в. / С. Е. Сазонова // Власть. – 2008. – № 9.– С. 122–125.

212. Сангаджиев, П. Д., Монраев, М. У. О возникновении поселка Лагань и происхождении его названия / П. Д. Сангаджиев. М. У. Монраев // Исследования по исторической географии КАССР: сб. ст. / отв. ред. А. И. Наберухин. – Элиста: КНИИИФЭ, 1981. – С. 72–78.

213. Сборник материалов по вопросу об Астраханской железной дороге. – Астрахань: Петровское общество исследователей Астраханского края, 1899. – 814 с.

214. Севастьянов, В. Поселок Башмаковка Астраханского уезда / В. Севастьянов // Астраханские епархиальные ведомости. – 1913. – № 17. – С. 481–485.
215. Семевский, В. И. Крестьянский вопрос в России в XVII и первой половине XIX в.: в 2 т. / В. И. Семевский. – СПб.: Общественная польза, 1888. – Т. 1. – 517 с.; Т. 2. – 625 с.
216. Сиротов, И. О 5-м благочинническом округе Царевского уезда Астраханской епархии / И. Сиротов // Астраханские епархиальные ведомости. – 1914. – № 19. – С. 459–465.
217. Сиротов, И. Мусульманская пропаганда среди киргизов Букеевской Орды / И. Сиротов // Астраханские епархиальные ведомости. – 1904. – № 5. – С. 208–211.
218. Скворцов, В. В. Историко-статистический очерк Астраханского казачьего войска / В. В. Скворцов. – Саратов: Тип. П. С. Феокритова, 1890. – 415 с.
219. Скиада, М. Войсковые обыватели Воронежской губернии (историко-статистический очерк) / М. Скиада // Памятная книжка Воронежской губернии на 1865–1866. – Воронеж: Тип. Воронежского губернского правления, 1867. – С. 97–143.
220. Скромное торжество в посёлке Джаныбек // Астраханские епархиальные ведомости. – 1914. – № 7. – С. 170–172.
221. Смирнов, Ю. Н. Экспансия и колонизация в Российской империи: От традиции к модерну / Ю. Н. Смирнов // Внешнеполитические интересы России: история и современность: сб. мат-лов IV Поволжского научного конгресса (г. Самара, 28 апреля 2017 г.). – Самара: Самарская гуманитарная академия, 2017. – С. 223–231.
222. Соколов, И. Село Батаевка / И. Соколов // Астраханские епархиальные ведомости. – 1908. – № 17. – С. 646 – 652.
223. Статистические труды Ивана Федоровича Штукенберга, издаваемые сыном автора, Антоном Штукенбергом, корпуса путей сообщения

подполковником. Статья IV. Описание Астраханской губернии. – СПб.: Тип. И. И. Глазунова и ком., 1857. – 50 с.

224. Суздальцева, И. А. Русское переселенческое движение на Северо-Восточный Кавказ в конце XIX – начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Суздальцева Ирина Анатольевна. – Махачкала, 2019. – 19 с.

225. Суский, В. Исторические данные о 10-верстной полосе Калмыцкой степи, отданной в пользование оседлого населения Астраханского края / В. Суский // Астраханский справочный листок. – 1901. – № 160–161; № 163–166.

226. Тимофеева, Е. Г., Лебедев, С. В. Беженцы Великой войны в Астраханской губернии. 1915–1917 гг. / Е. Г. Тимофеева, С. В. Лебедев // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2014. – № 4. – С. 288–295.

227. Тихонов, Б. В. Переселения в России во второй половине XIX в. (по материалам переписи населения 1897 г. и паспортной статистики) / Б. В. Тихонов. – М.: Наука, 1978. – 216 с.

228. Торопицын, И. В. Роль В. Н. Татищева в колонизации юго-восточных окраин России / И. В. Торопицын // Исторические судьбы России в научном наследии В. Н. Татищева: мат-лы Междунар. конф. (г. Астрахань, 14–16 октября 2004 г.). – Астрахань: Астраханский университет, 2004. – С. 37–45.

229. Трепавлов, В. В. История Ногайской Орды / В. В. Трепавлов. – М.: Вост. лит., 2002. – 752 с.

230. Трехсвятительская церковь поселка Большого Могоя, Красноярского уезда и освящение ея его преосвященством Георгием, епископом Астраханским // Астраханские епархиальные ведомости. – 1905. – № 16. – С. 698–703.

231. Тройницкий, А. Г. Крепостное население России, по 10-й народной переписи / А. Г. Тройницкий. – СПб.: Изд. статистического отдела Центрального статистического комитета, 1861. – 93 с.

232. Фаворский, Д. Освещение Николаевской церкви и здания церковно-приходской школы 8 мая 1902 г. на «Трёхбратинской косе» в Красноярском уезде Астраханской губернии / Д. Фаворский // Астраханские епархиальные ведомости. – 1902. – № 12. – С. 490–498.

233. Фосс, В. Е. Очерки Гурьева городка / В. Е. Фосс // Сборник статистических, исторических и археологических сведений по бывшей Оренбургской и нынешней Уфимской губерниям, собранных и разработанных в течение 1867 и 1868 гг. – Уфа: Уфимский губернский статистический комитет, 1868. – С. 89–110.
234. Харузин, А. Н. Степные очерки (Киргизская Букеевская орда. Странички из записной книжки) / А. Н. Харузин. – М.: Тип. А. А. Левенсон, 1888. – 182 с.
235. Хачатурян, В. А. Армянская колония Астрахани (середина XVI начало XX вв.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.01 / Хачатурян Варган Аршавирович. – Ереван, 1995. – 40 с.
236. Цюрюмов, А. В. Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений / А. В. Цюрюмов. – Элиста: Джангар, 2007. – 464 с.
237. Чижикова, Л. Н. Русско-украинское пограничье. История и судьбы традиционно-бытовой культуры / Л. Н. Чижикова. – М.: Наука, 1988. – 256 с.
238. Чиркин, Г. Ф. Очерк колонизации Сибири второй половины XIX века и начала XX века / Г. Ф. Чиркин // Очерк по истории колонизации Севера и Сибири. – Пг.: Редакционно-издательский комитет Народного комиссариата земледелия, 1922. – С. 83–137.
239. Чужгинов, А. А. К вопросу о превращении Калмыкии во внутреннюю провинцию Российской империи (первая половина XIX в) / А. А. Чужгинов // Из истории докапиталистических и капиталистических отношений в Калмыкии: сб. ст. / отв. ред. Л. С. Бурчинова. – Элиста: КНИИЯЛИ, 1977. – С. 54–59.
240. Чужгинов, А. А. Проблема истории Калмыкии в трудах Н. Н. Пальмова / А. А. Чужгинов // Вестник института. – Элиста, 1968. – Вып. 3. – С. 27–42.
241. Чуркин, М. К. Колонизационный процесс в России: Сценарии модернизации империи в условиях освоения окраин / М. К. Чуркин // Государство и общество в условиях модернизации. – Омск: Полиграфический центр КАН, 2015. – С. 7–25.

242. Штукенберг А. И. Статистические труды Ивана Федоровича Штукенберга, издаваемые сыном автора, Антоном Штукенбергом, корпуса путей сообщения подполковником. Статья IV. Описание Астраханской губернии. – СПб.: Тип. им. И. И Глазунова и комп., 1857. – 50 с.

243. Штылько, А. Н. Астраханская летопись: история, известия, события, постановления правительств и других учреждений и факты из обществ. жизни г. Астрахани с 1554 г. по 1896 г. включ. / А. Н. Штылько. – Астрахань: Тип. Н. Л. Рослякова, 1897. – 126 с.

244. Шульга, И. И. Поволжские солевозчики / И. И. Шульга // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2008. – № 5. – С. 156–159.

245. Шульгин, М. М. Землеустройство и переселения в России в XVIII и первой половины XIX в. / М. М. Шульгин // Труды Московского межевого института. – М., 1928. – Т. 2. – Вып. 1. – 210 с.

246. Эрдниев, У. Э. Калмыки. Историко-этнографические очерки / У. Э. Эрдниев. – Изд. 3-е, испр. и доп. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1985. – 282 с.

247. Эрдниев, У. Э. История землепользования в Калмыкии / У. Э. Эрдниев // Вестник института. – Элиста, 1976. – Вып. 15. – С. 27–39.

248. Эткинд, А. М. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / А. М. Эткинд. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 448 с.

249. Юхт, А. И. Правовое положение астраханских армян в первой половине XVIII в. / А. И. Юхт // Известия АН Армянской ССР. Общественные науки. – 1960. – № 12. – С. 47–60.

250. Юхт, А. И. Торговые компании в России в середине XVIII века / А. И. Юхт. – М., 1979. – 57 с.

251. Ямзин, И. Л. Переселенческое движение в России с момента освобождения крестьян / И. Л. Ямзин. – Киев: тип. университета Святого Владимира, 1912. – 198 с.

252. Ямзин И. Л., Вощинин В. П. Учение о колонизации и переселениях / И. Л. Ямзин, В. П. Вощинин. – М.; Л.: Гос. изд-во, 1926. – 328 с.

253. Яшкулец. Яшкульский торговый базар / Яшкулец // Астраханский листок. – 1901. – 15 февраля. – С. 1.
254. Castles, S., Kosack G. Immigrant workers and class structure in Western Europe. – Oxford: Oxford University Press, 1973. 503 p.
255. Courant, M. L. Asie Centrale aux XVII-e et XVIII-e siècles: Empire Kalmoukou Empire Mantchou? / M. Courant. – Lion-Paris: A. Picard, 1912. – 152 p.
256. Ravenstein, E. G. The Laws of Migration, 1885, by John Corbett / E. G. Ravenstein // Journal of the Royal Statistical Society. – 2003. – Vol. 48. – Pp. 167–227.
257. Khodarkovsky, M. Where Two Worlds Met: The Russian State and Kalmyk Nomad 1600–1771 / M. Khodarkovsky. – Ithaca; N.Y.: Cornell University Press, 1992. – 278 p.